

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Январь — Февраль

1986

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей (Москва). Этнография и взаимопонимание народов	3
Л. А. Тульцева (Москва). Из истории борьбы за социальное и духовное раскрепощение женщин Средней Азии (Празднование 8 Марта, 1920—1927 гг.)	12
М. Н. Губогло (Москва). Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения	22
О. Ю. Артемова (Москва), Ф. Роуз (Берлин). Аборигены Австралии: новый этап борьбы за земельные права	32
И. Ж. Кожановская (Москва). К вопросу о ранге в традиционных обществах Полинезии (на примере Тонга)	46

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение проблем полевых исследований (Окончание дискуссии)	
М. Н. Шмелева (Москва). Некоторые вопросы полевого этнографического исследования современности (Ответ участникам дискуссии)	57
С. И. Вайнштейн (Москва). Еще раз о полевом исследовании традиционной культуры (Ответ участникам дискуссии)	61
От редакции	68

Из истории науки

Б. П. Полевой (Ленинград). Находка полного текста записки П. Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае	71
---	----

Сообщения

А. Н. Жилина (Москва). Традиции народного зодчества в современном сельском строительстве Узбекистана	82
А. А. Турилов, А. В. Чернецов (Москва). О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов	95
А. В. Гринев (Барнаул). Об этнониме <i>клоши</i>	104
В. С. Агаджанян (Москва). Этносоциальные процессы в одном ангольском городе	109

Поиски, факты, гипотезы

М. Г. Рабинович (Москва). Средневековый русский город в былинах	116
---	-----

Наши юбиляры

Список основных работ кандидата биологических наук Николая Сергеевича Розова (К 90-летию со дня рождения)	125
---	-----

Научная жизнь

В. С. Зеленчук (Кишинев). Этнография и фольклористика на V Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы	127
Н. Н. Кулакова (Москва). Заседание Комиссии по изучению проблем мира при Международном союзе антропологических и этнологических наук	128
К. В. Чистов (Ленинград). Конференция «Фольклор и народная культура Прибалтики»	130
В. Фролец (Брно). IX Стражницкий симпозиум	131
Коротко об экспедициях	132

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. Л. Топорков (Ленинград). Этнолингвистические исследования в области славистики в последнее десятилетие	137
---	-----

Общая этнография

И. А. Крывелев (Москва). <i>И. Р. Григулевич</i> . Пророки «новой истины»	140
---	-----

Народы СССР

Л. Б. Заседателяева (Москва). <i>Е. Н. Данилова</i> . Абазины (Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX в.)	142
Э. Х. Петросян, Ж. К. Хачатрян (Ереван). <i>М. Я. Жорницкая</i> . Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири	144
М. Ю. Рошин (Москва). <i>И. Б. Молдобаев</i> . Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник	146
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1981—1985 гг.	148

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав редакцией Е. А. Эшлиман

Ю. В. Бромлей

ЭТНОГРАФИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ НАРОДОВ *

На нынешнем опасном витке истории как никогда жизненно важно обуздать силы милитаризма, обеспечить мир, предотвратить войну. Придавая первостепенное значение развитию дружественных связей с народами социалистических стран, КПСС проводит последовательную политику мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества с капиталистическими странами.

В проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция) говорится: «КПСС и впредь будет делать все от нее зависящее для сохранения мирных условий созидательного труда советских людей, для оздоровления международных отношений, для прекращения захлестнувшей мир гонки вооружений, для того, чтобы отвратить нависшую над народами угрозу ядерной войны»¹.

В сохранение мира вносят свою лепту прогрессивные силы во всем мире. И долг ученых активно содействовать всем антивоенным акциям. Ученые разных научных дисциплин естественно находят свой ракурс действий, направленных на поддержание мира. Важной инициативой было создание в 1983 г. Международной комиссии по изучению проблем мира при Международном Союзе антропологических и этнологических наук. В 1985 г. (19—25 августа) в Москве состоялось заседание этой Международной комиссии. Специалисты, изучающие народы, ищут свои пути, чтобы внести посильный вклад в поддержание мира и развитие сотрудничества между народами.

Как известно, одним из неперемennых условий взаимопонимания народов-этносов является знакомство их с характерными чертами культуры друг друга. Незнание таковых неизбежно влечет за собой предубеждения, затрудняющие взаимопонимание. Поскольку основной предмет этнографии (как и ее приблизительного аналога в англоязычных странах — культурной/социальной антропологии) — изучение культурного своеобразия и в то же время единства народов, составляющих человечество, главный вклад, который может внести этнография во взаимопонимание народов — это получение и распространение объективной и полной информации о культуре, традициях и образе жизни этнических общностей (не только малых, но и крупных, т. е. современных наций).

Всем этим, по моему глубокому убеждению, в первую очередь и определяется значимость этнографии для решения такой актуальнейшей проблемы современности, как борьба за мир. Разумеется, проблемы войны и мира имеют прежде всего социальную природу. Однако контактам народов, как мирным, так и конфликтным, включая войны, присущ свой этнокультурный аспект, и форма взаимоотношений между народами обычно обладает этноспецифическими чертами. Не случайно ныне почти все горячие точки планеты — будь то на Ближнем Востоке, на юге Африки, на Американском континенте, в Северной Ирландии имеют в той или иной степени этническую или этнорасовую окраску.

* Статья написана на основании доклада, сделанного на заседании Международной комиссии по изучению проблем мира при Международном Союзе антропологических и этнологических наук (19—25 августа 1985 г. Москва).

¹ Правда, 26 октября 1985 г., с. 5.

История нашей науки свидетельствует о том, что чуть ли не с момента ее возникновения идеи этнографов оказывали определенное влияние на взаимоотношения народов. Правда, гуманистическая миссия этнографии возобладали далеко не сразу. На протяжении многих десятилетий в науке об этносах и их культурах велась борьба и шло размежевание реакционных и прогрессивных идей, принципов, направлений. В этнографии, как и в общественно-политической жизни, сталкивались, с одной стороны, шовинистско-расистские и великодержавно-колониалистские тенденции, с другой — передовые взгляды борцов против этнической и культурной дискриминации, ассимиляторства и «культурного империализма». Это и понятно. Развиваясь не в безвоздушном пространстве, этнографическая мысль не могла не отражать характера отношений (разумеется, в их определенном социальном преломлении) между народами мира, народами метрополий и колоний, разными группами населения многонациональных государств, между аборигенным и пришлым населением и т. п.

В теоретическом плане огромную роль сыграла (и продолжает играть) борьба передовых этнографов за признание равных прав всех этносов и в тесной связи с этим — всех человеческих рас.

Гуманистическая роль этнографии в данной области стала ощущаться уже в XVIII в., когда выдающийся немецкий ученый и просветитель И. Г. Гердер четко сформулировал мысль о единстве человечества и равных правах на историческое развитие всех его этнических подразделений. «Каннибал на Новой Зеландии и Фенелон, презираемый патаговец и Ньютон — создания одного и того же вида», — писал он в своих «Идеях к философии истории человечества»². Полувеком позже выдающийся американский этнограф и юрист Л. Г. Морган не только выдвинул фундаментальную идею единства человеческого рода, но и на деле стал защитником прав индейцев-ирокезов, которых хищнически обирали земельные компании. Крупнейший английский эволюционист Э. Тайлор решительно отрицал всякую связь между культурными различиями и расовым делением «однородного по природе» человечества³. В России второй половины XIX в. революционный демократ Н. Г. Чернышевский в своих историко-этнографических работах еще более резко выступил против ходячих представлений о неравенстве рас, неравноценности языков и т. п., а этнограф и антрополог Н. Н. Миклухо-Маклай, видевший в научной деятельности форму борьбы за переустройство общества на справедливых началах, стал как бы символом ученого — защитника аборигенов от колониальной экспансии⁴.

Следует несколько подробнее остановиться на гуманистической деятельности этого выдающегося представителя этнографической науки с тем, чтобы на его примере лишний раз подчеркнуть, что она уже на ранних своих этапах обладала немалыми возможностями для того, чтобы внести существенный вклад во взаимопонимание народов.

Как известно, более ста лет назад, в 1871 г. Миклухо-Маклай высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, где до того еще не ступала нога европейца. Пятнадцать месяцев провел ученый на этом берегу, названном его именем, и затем еще дважды посетил эти места, пробыв здесь в общей сложности около трех лет. Своим мужеством, терпением, справедливостью и гуманностью Миклухо-Маклай сумел преодолеть настороженность папуасов и завоевал их любовь и доверие.

«Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества», — писал исследователю великий русский писатель Лев Толстой⁵.

² Herder J. G. *Sämtliche Werke*. Tübingen, 1827, Bd. 1, S. 174.

³ Tylor E. B. *The Origins in Culture*. N. Y., 1958, p. 7.

⁴ См.: *Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries, Letters, Documents*. Moscow: Progress Publishers, 1982, p. 5—56.

⁵ Цит. по: *Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.*, т. 4. М.—Л., 1953, с. 465.

Миклухо-Маклай понимал, что нельзя глубоко изучить людей, не сочувствуя их страданиям и радостям, не испытывая желания облегчить их судьбу. Он лечил больных, учил островитян выращивать новые для них культурные растения, познакомил их со спичками, железными топорами и ножами. Используя свой огромный личный авторитет, он успешно предотвращал местные войны.

Сблизившись и подружившись с обитателями Берега Маклая, русский ученый смог собрать ценнейший этнографический и антропологический материал. Огромное значение, в частности, имели его антропологические исследования. Опровергнув бытовавшее у некоторых антропологов мнение о наличии «обезьяноподобных» черт у папуасской расы, ученый доказал, что обитатели Берега Маклая по своей физической организации существенно не отличаются от европейцев. Но, пожалуй, еще важнее было то, что он обнаружил большое сходство между папуасами и европейцами во всем, что касается их психических свойств. Эти наблюдения Миклухо-Маклая имели и сохраняют в наши дни очень важное значение: на примере папуасов он доказал беспочвенность расистских утверждений, будто «отсталые» народы в силу неких физических особенностей и психического склада не способны к прогрессу. Всем ходом своих рассуждений ученый подвел читателей к выводу о том, что папуасы, как и другие темнокожие люди, вполне способны догнать в своем развитии цивилизованных жителей Европы и Америки.

Путешествуя по Меланезии и Микронезии, Миклухо-Маклай столкнулся с мрачной действительностью — похищением в рабство, спайванием, ограблением и убийствами островитян западноевропейскими и американскими моряками и торговцами. «Истребление темных рас есть не что иное, как применение грубой силы, — писал он в 1877 г. — ... Всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений ею»⁶.

На протяжении многих лет Миклухо-Маклай посылал письма и телеграммы европейским государственным деятелям, выступал с публичными лекциями, помещал статьи в газетах и журналах, страстно протестуя против совершающихся злодеяний и требуя уважения человеческих прав островитян Океании. Он представил британским властям тщательно документированную «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана», в которой ополчился против всей системы работорговли и подневольного труда, процветавшей тогда на островах Океании и сахарных плантациях Квинсленда⁷.

Как с горечью писал сам исследователь, ему не раз приходила мысль, что его призывы пощадить островитян во имя справедливости и гуманности «походят на просьбу, обращенную к акулам, не быть такими прожорливыми»⁸. И все же деятельность русского ученого не была напрасной. Под давлением его разоблачений английские и французские власти вынуждены были ограничить работорговлю на островах Океании. Еще важнее было то, что ученый оставил после себя огромный фактический материал для опровержения теорий о «высших» и «низших» расах.

Активность передовой научной мысли в разоблачении антинаучных идей об имманентном неравенстве человеческих культур особенно возросла в XX в. с его небывалыми по размаху революционным движением и национально-освободительной борьбой народов колоний и этнических меньшинств многонациональных государств за свои права. Огромную роль в этом отношении сыграли труды Ф. Боаса и А. Хрдлички в США, А. Валлуа и К. Леви-Стросса во Франции, Ф. фон Лушана в Германии, Л. Нидерле в Чехословакии, Д. Н. Анучина в России и многих других выдающихся этнографов, антропологов и историков в ряде стран Евро-

⁶ Там же, т. 2, 1950, с. 424.

⁷ Неизвестный документ о борьбе Н. Н. Миклухо-Маклая с рабством и подневольным трудом в Австралии и Океании/Перевод с англ., вступ. статья и комментарии Д. Д. Тумаркина. Расы и народы, II. М., 1981, с. 228—247.

⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. 2, с. 443.

пы и Америки. Заметное место среди них принадлежит также ученым СССР. В этом отношении, в частности, показательны общие гуманистические установки одного из основоположников советской этнографии Л. Я. Штернберга. Читая в 20-х годах лекции в Ленинградском университете, он постоянно подчеркивал, что этнография должна способствовать осознанию людьми всех национальностей идеи культурного единства человечества, вносить свой вклад в развитие отношений равноправия, дружбы и братства между народами.

«Многие совершенно не представляют себе, — говорил он, — что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений нет и не может быть науки о человечестве и его культуре в пространстве и времени. Проще говоря, невозможно ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология... Величайшая заслуга этнографии в том именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала переключку всех народов планеты...»⁹.

Чтобы строить новый мир, подчеркивал Штернберг, надо знать прошлое, изучить огромные материалы, доказывающие единство человеческой культуры, развивающейся в многообразии явлений, в зависимости от географических и социальных условий, но идущей вперед, к единому, справедливому и счастливому человечеству¹⁰.

«Какая идея, во все времена и в настоящий момент в особенности, — говорил он, — более важна для общего сознания, чем идея единого человечества, равноправия и братства народов?»¹¹

Представления Штернберга о высоком предназначении этнографа, о роли и задачах этнографической науки в образной, афористической форме сформулированы в его «Десяти заповедях этнографа». Вот одна из «заповедей»: «Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной»¹².

Одна из важных задач, вставших перед советскими этнографами сразу же после Октябрьской революции, была связана с обеспечением этнокультурных прав народов страны. Призывы помочь бывшим угнетенным народам России в борьбе за их культурные права раздавались в русской этнографии и до революции, в особенности со стороны ссыльных революционеров в Сибири. Но тогда это были призывы одиночек. Положение в корне изменилось в советское время, когда помощь этнографов отставшим народам страны в их этнокультурном развитии стала одной из первоочередных задач государственной политики. При этом работа велась в самых различных направлениях — в создании письменности и развитии народного образования, в поддержке прогрессивных традиционно-бытовых черт и в формировании профессионального духовного творчества, в совершенствовании правовой культуры и т. д. Необходимость такой работы была очевидна: без нее в условиях отсталости, доставшейся им от прошлого, многие народы страны не смогли бы осуществить на деле предоставленные им новым законодательством культурные, а тем самым и связанные с ними экономические, общественно-политические и другие человеческие права. В 1930-х годах советские этнографы активно включились в борьбу с человеконенавистнической идеологией гитлеризма в ее обеих — шовинистской и расистской — ипостасях¹³.

⁹ Цит. по: Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — Сов. этнография, 1971, № 2, с. 134. (Эта и последующие цитаты взяты из неопубликованных трудов Штернберга, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР).

¹⁰ Там же, с. 135.

¹¹ Там же, с. 142.

¹² Там же.

¹³ См., например: Наука о расах и расизм. М.—Л., 1938.

Значительную работу, связанную с тем, чтобы расширить сведения народов друг о друге, ведут советские этнографы и в наши дни. Естественно, что в первую очередь это относится к народам нашей многонациональной страны. Их взаимной информированности о характерных чертах культуры, в частности, призваны содействовать многочисленные труды советских этнографов (о населяющих нашу страну этносах, тех или иных компонентах их традиционной культуры, об их этнической истории и современных этнических процессах, протекающих как в различных частях Советского Союза, так и в стране в целом). Ежегодно выходит в свет не менее сотни книг по этой тематике.

Вместе с тем немало делается для распространения знаний об этнической культуре народов зарубежных стран. Это и целые этнокультурные портреты ряда народов (например, многих народов Индии); это и сравнительно-типологические характеристики отдельных компонентов культуры у народов целых континентов (например, четырехтомная монография, посвященная календарным обрядам и праздникам у народов зарубежной Европы или обобщающие труды о жилище и пище у народов зарубежной Азии); это и работы о современных этнических процессах в Африке, Азии, Латинской Америке, США, Канаде и т. д. Это и законченная еще в конце 60-х годов тринадцатитомная серия «Народы мира», большая часть томов которой посвящена народам зарубежных стран, а также завершенная в прошлом году этногеографическая 20-томная серия «Страны и народы», пятнадцать томов которой содержат региональную характеристику народов зарубежных стран, а в двух томах рассматриваются современные глобальные проблемы. Без преувеличения можно сказать, что эти труды пользуются огромной популярностью: «Страны и народы» изданы тиражом 180 тыс. экз., причем все они разошлись по предварительной подписке.

Следует упомянуть и об издании у нас переводов на русский язык трудов крупнейших этнологов Запада. Так, за последние годы были изданы такие капитальные труды, как «Лига ирокезов» Л. Моргана, «Золотая ветвь» Д. Фрезера, «Структурная антропология» и «Печальные тропики» К. Леви-Стросса, готовится к печати сборник избранных трудов М. Мид и т. д.

Немалая роль в международном распространении этнокультурной информации принадлежит, как известно, самому сотрудничеству этнологов. В частности, важной вехой в развитии контактов между советскими и зарубежными этнологами явился VII МКАЭН, состоявшийся в 1964 г. в Москве; в его работе приняло участие более тысячи зарубежных ученых. Следует упомянуть и II конгресс Общества этнологов и фольклористов Европы, проходивший в Суздале в 1982 г. В октябре 1985 г. в Москве состоялось заседание Исполкома этого общества, а также редколлегии журнала «Ethnologia Europaea».

Активное участие наши этнографы принимают и в работе ряда региональных международных организаций. Таковы, например, Международная комиссия по изучению народной культуры стран карпато-балканского региона, отметившая в 1984 году свой 25-летний юбилей, Международный комитет по этнографическому изучению современности. В том же ряду стоят комиссии по изучению этнокультурной истории и современных этнических процессов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. В 1976 г. в Бургвартенштайне (под эгидой фонда Венер-Грен) была проведена встреча советских и западных (преимущественно английских) этнографов, посвященная проблеме места этнологии в системе наук; как известно, по материалам этого симпозиума Э. Гелнер опубликовал книгу «Советская и западная этнология». Особо следует отметить также создание коллективного труда «Семья и культура», подготовленного в ходе многолетнего сотрудничества этнографов и социологов ряда восточно- и западноевропейских стран (Венгрии, Греции, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции). В этой вышедшей в свет в прошлом году работе (руководители Ю. Арутюнян и Ж. Кюзенье) на основе массовых этносоциологических обследований, проведенных по

единой программе в соответствии с требованиями этих стран, дается характеристика современных этнокультурных процессов, протекающих в рамках семьи.

Важное место в наших международных контактах принадлежит двустороннему сотрудничеству, как с социалистическими странами (например, советскими этнографами совместно с учеными ГДР готовится Словарь основных понятий и терминов этнографии), так и с капиталистическими. Формы этого сотрудничества весьма разнообразны. Это и совместные экспедиции (например, экспедиция советских и индийских антропологов по изучению малых популяций; совместная антропологическая советско-финляндская экспедиция, проводившаяся по очень широкой программе как в СССР, так и в Финляндии), это и этнографические выставки (например, выставка «Кочевые народы Евразии» в Японии и Финляндии).

Одной из важных форм двустороннего сотрудничества являются, как известно, симпозиумы. Некоторые из них приобрели регулярный характер. Пожалуй, наиболее показательные в этом отношении советско-американские симпозиумы по ряду этнографических и антропологических проблем. Такова серия симпозиумов по сравнительному изучению традиционных культур аборигенов Севера СССР и США, по проблемам долгожительства и, наконец, по современным этническим процессам в СССР и США. Так, в июне 1985 г. в Киеве состоялась вторая встреча с американскими коллегами, посвященная изучению проблем этничности. В результате всех этих встреч как в СССР, так и в США опубликован ряд книг. Все это в той или иной мере содействует ознакомлению наших народов с культурой друг друга, преодолению предвзятых этнических стереотипов.

И все же этого явно недостаточно. В данной связи прежде всего возникает вопрос: насколько хорошо крупные народы информированы друг о друге? В частности, можем ли мы быть уверенными, что американцы достаточно знают о культуре советского народа, если у них практически нет работ о многих крупных народах, живущих в нашей стране, численность которых составляет в ряде случаев миллионы человек, а культура развивалась тысячелетиями? Мы не можем позволить себе «роскошь незнания» друг друга. Это в старые времена можно было иметь скудные знания об отдаленных и различных в культурном отношении народах, но это стало невозможным и даже опасным теперь, когда все в мире так взаимозависимо — в определенном отношении у всех народов общая судьба, если иметь в виду перспективу выживания в мире и предотвращения глобальной катастрофы.

Богатство культур народов, их вклад в мировую цивилизацию, взаимобогащение культур в результате мирных контактов — именно это должно стать приоритетной областью этнографических исследований. Не менее важно показать, как непонимание и незнание других народов создают этнические стереотипы (обычно узкие и негативные), которые существуют в современном мире, насколько эти стереотипы расходятся с реальной действительностью и насколько они порождены тем обществом, где формируются. Важен и вопрос о том, кто и почему заинтересован в культурных и иных барьерах на пути межнациональных контактов, какого рода механизмы (политическая пропаганда, средства массовой информации, сфера образования, религия, литература и кино) используются для распространения вражды и ненависти между народами разных культурных и идеологических ориентаций. До сих пор нет обстоятельных исследований о том, как идеологические противоречия и борьба идеологий двух различных социальных систем соотносятся с представлением о народе противоборствующей страны, с отношением к его представителям и его культуре.

Большой интерес представляет вопрос о степени устойчивости позитивных (или негативных) образов других народов: почему у одних народов существуют длительные и устойчивые благожелательные представления друг о друге, которые не так легко меняются и выдерживают «испытание временем», а другим народам достаточно недельной кам-

пани средств массовой информации и политического давления, чтобы не только повлиять, но и даже серьезно изменить на массовом уровне представление о каком-либо народе и отношение к нему?

В зарубежной науке часто употребляются понятия «прикладная» или «неотложная» антропология (этнография), когда речь идет об участии ученых в спасении культурного наследия тех или иных малых народов или даже самих этих народов от исчезновения с лица земли. В качестве «неотложного» и «прикладного» направления можно назвать и общественно-практическую деятельность этнографов по созданию стойких позитивных образов и отношений одного народа к другому. Здесь, кстати, может быть использован богатый опыт прежде всего нашего государства, в том числе его различных политических институтов по созданию среди населения такого рода позитивного отношения к тем или иным реалиям. В идеале можно представить себе своего рода международную неотложную антропологическую (этнографическую) службу (за это могла бы взяться комиссия по неотложной антропологии при Международном союзе антропологических и этнологических наук), которая стояла бы на страже здорового климата в отношениях между народами, имея, конечно, в виду не сферу межгосударственных отношений, а прежде всего характер образов-представлений друг о друге, отношений друг к другу на этнокультурном массовом уровне.

Заслуживает самой широкой поддержки и пропаганды со стороны ученых идея о том, что каждый народ, большой и малый, достоин уважения; можно не принимать его обычаев, образа жизни, можно не соглашаться с тем, какие этот народ имеет политические и идеологические системы, но должно быть аксиомой, которая основывается на всем опыте мировой истории, что каждый народ по-своему талантлив, уникален и бесценен для мировой цивилизации. Как писал знаменитый чешский писатель К. Чапек, «Каждое различие в вещах и людях делает богаче жизнь... Но послушайте, ведь эту многогранность творят народы — ну, конечно, еще и природа, история... но ведь и то и другое слито в народе... Всякую несхожесть стоит полюбить по одному тому, что она делает богаче жизнь. Пускай же нас объединит все, что нас разделяет»¹⁴. Не было, нет и не может быть народа, обладающего одними отрицательными чертами. Подобное допущение означало бы, что такому народу нет места в мировом сообществе. Нет ничего опаснее для дела мира, чем логика подобных рассуждений.

Отсюда же вытекает еще одна проблема, имеющая самое прямое отношение к войне и миру. Это природа этноцентризма некоторых народов. Почему или каким образом рождаются у тех или иных народов (или, может быть, только среди их элиты?) концепции о «предначертании судьбы», о «мировом лидерстве», о сферах «жизненных интересов» и т. п., которые в прошлом уже неоднократно прокладывали путь для войн и агрессий? Этот вопрос актуален не только для политологов, но и для этнографов в той его части, где речь идет о массовом народном сознании, об устойчивой культурной традиции.

У проблемы взаимопонимания народов есть, разумеется, и историко-этнографический аспект.

Обращаясь в 1744 г. к законодательному собранию колониальной Виргинии, ирокезский военный вождь (сахем) Канассатего высказался следующим образом: «Вы, которые столь мудры, должны знать, что разные народы имеют и разные представления о происходящем, и Вы поэтому не должны испытывать чувства обиды и недовольства, если наши представления... окажутся отличными от Ваших». В этих словах находит отражение одно из важных духовных достижений развития человечества еще на его начальных стадиях — осознание необходимости для народов строить мирные отношения, несмотря на культурные различия. Этнографы при изучении ранних цивилизаций и культур, в том

¹⁴ Чапек К. Собр. соч., т. 5, М.: Худ. лит., 1976, с. 213—214.

числе, например, истории ирокезов, до сих пор больше внимания обращали на проявление так называемой «воинственности» народов в прошлом, на выявление причин и характера вражды и военных столкновений между ними. И крайне недостаточно изучался опыт и механизм мирных контактов, а между тем, помимо хорошо известных ирокезских войн, существовал и Великий Закон о мире — конституция Лиги ирокезов, регулировавшая взаимоотношения индейских народов.

Проблема войны и мира давно уже находится в поле зрения этнографии (культурной/социальной антропологии).

Суть этой проблемы формулируется очень коротко: имманентна ли война природе человека, как считал это, скажем, Г. Спенсер? Существует несколько концепций, пытающихся ответить на этот вопрос.

Одна из наиболее известных — концепция врожденной агрессивности человека, в последние десятилетия связываемая с именами известного этнолога Конрада Лоренца, не менее известного анатома Р. Дарта и популяризатора их идей писателя Р. Ардрея. Согласно данной концепции, всему живому присущ инстинкт агрессивности, и люди автоматически наследуют этот инстинкт. Немалый авторитет Лоренца оживил идеи социального дарвинизма, и потребовалась острая критика со стороны многих современных этнологов — Р. Холлуэя, М. Салина, Э. Лича, А. Монтегю и др. — чтобы показать их несостоятельность. Из психологии через работы Дж. Долларда пришла близкая концепция агрессии как реакции на какие бы то ни было помехи, и ее критикам-этнологам пришлось указать, что по крайней мере по отношению к человеку такой мотив не применим. Наконец, известное распространение получила экологическая концепция агрессии, связывающая ее природу с недостатком жизненных ресурсов. Развитая преимущественно американскими эколого-антропологами, она встретила аргументированную критику со стороны их же коллег (М. Фрид, М. Харрис, Р. Мэрфи и др.), обративших внимание на крайнюю узость взятого здесь набора мотивов агрессии.

Таким образом, прогрессивные этнографы, антропологи неизменно выступали против концепций извечности войны, развивавшихся представителями смежных наук. Что касается собственно этнографических построений, то к чести их авторов надо сказать, что даже в наиболее курьезных теориях война никогда не выступала как изначальное состояние человечества. Так, например, сторонники взгляда на войну как на один из элементов культурной диффузии (в частности, Маргарет Мид в одной из своих ранних работ) писали, что война была изобретена сравнительно поздно и стала известна лишь определенной части человечества.

Еще важнее другое. Именно этнография показала историческую ограниченность войны, лишь зарождающейся в виде эпизодических вооруженных столкновений на ранних ступенях общественного развития и получающей распространение не ранее эпохи становления классов и государства. Такое понимание генезиса военной активности имплицитно присутствует уже в «Древнем обществе» Моргана и развито Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» в связи с его концепцией военной демократии. Именно такое понимание собственно войны как формы, возникающей только в ходе распада первобытного общества, и присуще марксистской науке.

Существенно отметить, что близкое к этому понимание генезиса военной активности постепенно пробивает себе дорогу и в немарксистской, но исторически ориентированной социальной антропологии Запада. По мнению Лесли Уайта, во многих первобытных племенах фактически не было войны. Ряд современных неозволюционистов формулирует вопрос полнее и точнее, но в принципе с тех же позиций. Так, в частности, У. Ньюкомб выделяет четыре типа военной активности: короткие стычки между локальными группами охотников, собирателей и рыболовов; «примитивные войны» в обществах ранних земледельцев и скотоводов; «настоящие (экономически обусловленные) войны» в стратифицированных и классовых докапиталистических обществах; современные войны

в обществах, переживших индустриальную революцию. А. Вайда показал, что в более развитом обществе таитян войны велись активнее, чем в менее развитых обществах маори и полинезийцев Маркизских островов. Э. Сервис выделил пять типов военной активности: в локальной группе, в племени, в вождестве, в государстве и в империи; наиболее существенная черта его классификации состоит в том, что военные столкновения на разных уровнях социокультурной интеграции различаются не частотой, а задачами и целями. Еще дальше пошел М. Фрид, различающий доклассовые и классовые войны по двум параметрам — по частоте и по целям.

К проблеме изначальности войн и характера ранних форм военной активности примыкают другие общие вопросы, еще не получившие надлежащей разработки в нашей науке. Назову один из них. А именно: как хорошо известно, этнография больше, чем какая-либо другая научная дисциплина, изучала аборигенные народы, отставшие в своем культурно-стадиальном развитии и ныне стремящиеся преодолеть эту отсталость, обеспечить себе достойные условия существования. Большинство этих народов проживает в странах Азии, Латинской Америки, Африки, которые сами по себе представляют зону бурных социальных трансформаций, где еще далеко не закончился процесс социального и политического освобождения от наследия колониализма и от неоколониальной зависимости. Ясно, что это зона, где сегодня чаще, чем в других районах, состояние общественных отношений характеризуется понятием «война». Ясно, также, что войны в этом районе носят опасный для дела всеобщего мира характер и могут послужить источником глобального конфликта. В этой связи встает один из наиболее сложных вопросов, найти ответ на который отчасти могут этнографы. Как совместить исторически объективное, вполне законное стремление людей и целых народов изменить, улучшить условия своего социального существования, осуществить революционные преобразования с задачей сохранения мирных отношений между народами и государствами, с задачей предотвращения мировой войны?

Большинство ученых сегодня согласны, что сохранение социокультурного status quo для этих народов едва ли приемлемо. Идея сохранения «культурных резерватов», «счастливой первобытности» себя скомпрометировала прежде всего в глазах самих аборигенных групп населения, желающих преодолеть свою отсталость и улучшить жизнь. В этой связи, в частности, представляется важным на основе научного анализа и сравнительно-исторического метода предпринять попытку определить оптимальные пути развития отсталых народов в современном мире. В Азии, например, можно было бы в этом аспекте рассмотреть опыт развития за последние 50 лет в прошлом схожих в культурном отношении кочевых и полукочевых народов советской Средней Азии и стран Среднего Востока. В Латинской Америке революционные преобразования в Никарагуа, видимо, в скором будущем дадут возможность сравнить путь развития индейцев мискито с положением других индейских групп в регионе Центральной Америки. Поиск оптимальных вариантов социокультурного развития, отвечающих прежде всего интересам самих народов, — это не абстрактная социоэтнографическая проблема. Это вопрос устранения напряженности и конфликтов, установления мирных отношений между народами. И этнографы не могут стоять в стороне от этой проблемы.

Исторический опыт мирных отношений заслуживает в наше время самого энергичного изучения и широкой пропаганды среди общественности. Люди должны проникнуться мыслью, что не в дни войны, а в дни мира создавалась человеческая цивилизация: строились жилища и мосты, дворцы и храмы, обрабатывались поля и печатались книги, процветали ремесла, науки и искусства. Изучая под этим углом зрения опыт истории и современные процессы в жизни народов, ученые могут оказать большую помощь в создании своего рода «кодекса мира» — норм и правил мирной жизни между народами.

Общепризнанной точки зрения человечество сейчас, видимо, переживает крайне своеобразный, неповторимый этап в своем развитии. С одной стороны, оно достигло такой стадии и находится в такой ситуации, которую можно охарактеризовать как исторический предел войн. Мир как состояние общества стал объективным императивом или исторической закономерностью человеческой эволюции. С другой стороны, в современной ситуации при всей детерминированности исторического процесса объективными социально-экономическими факторами такие важнейшие новые закономерности истории, как обеспечение мира в качестве обязательного условия существования человеческого общества, могут быть реализованы только как результат действия субъективного, т. е. человеческого фактора (имеются в виду целенаправленные антивоенные, миролюбивые действия народов, классов, партий и отдельных личностей). Это — новая ситуация, которую необходимо осознать людям и как можно скорее. И в ней этнографы всего мира призваны внести свой весомый вклад во взаимопонимание народов, в сохранение мира во всем мире.

В этой работе советские этнографы будут руководствоваться положением Проекта Программы КПСС о том, что необходимо «целесообразно содействовать повсеместному утверждению в международных отношениях принципа мирного сосуществования как общепризнанной и всеми соблюдаемой нормы межгосударственных отношений»¹⁵.

¹⁵ Правда, 26 октября 1985 г., с. 6.

Л. А. Тульцева

**ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛЬНОЕ
И ДУХОВНОЕ РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН
СРЕДНЕЙ АЗИИ (Празднование 8 Марта, 1920—1927 гг.) ***

Становление и развитие современных праздников и обрядов — одна из увлекательных и, по существу, не исследованных проблем в истории социалистической культуры народов СССР. Между тем первые советские праздники, по отзывам современников¹, были столь яркими, захватывающими и впечатляющими, что опыт их проведения не утратил своего значения и в наши дни. Современная историография вопроса в основном ограничивается работами, посвященными ранним советским праздникам с точки зрения режиссуры и художественного оформления². В то же время обществоведов, и особенно этнографов, не может не привлечь вопрос о роли новых советских праздников в духовном возрождении ранее отсталых народов России, их значении для закрепления новых отношений между людьми, формировании нового типа личности и соответственно иных культурных ценностей и ориентаций. Огромную

* Борьбе женщин народов Средней Азии и Казахстана за социальное и духовное раскрепощение посвящено немало работ, но ни в одной из них специально не рассматривалась такая важная для теории и практики коммунистического воспитания проблема, как социально-культурная роль Международного женского дня 8 Марта в раскрепощении женщин народов Востока. Вне поля зрения исследователей остались и публикации журнала «Коммунистка», издававшегося в 1920—1930-х гг.

¹ См., например, материалы о революционных праздниках в прессе тех лет.

² Подробнее см.: Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975; Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М.: Искусство, 1971; Аксенов В. С. Организация массовых праздников трудящихся (1918—1920). Л., 1974; Чететин А. И. Основы драматургии и театрализованных представлений. М.: Просвещение, 1981. См. также интереснейшую работу А. И. Мазаева «Праздник как социально-художественное явление» (М.: Наука, 1978).

роль сыграл и Международный женский день 8 Марта в формировании нового поколения женщин в Средней Азии.

Прежнее отношение к женщине строилось на феодально-байском принципе купли-продажи ее в качестве товара, рабыни. С первых лет Советской власти Международный женский день 8 Марта фактически стал для мусульманок днем борьбы за свои права. Массовые общественно-политические кампании, организовывавшиеся в связи с празднованием 8 Марта, способствовали ломке патриархально-байских внутрисемейных отношений, развитию социалистической культуры и быта, становлению новой советской семьи.

Декретами Советской власти «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» (от 18 декабря 1917 г.) и «О расторжении брака» (от 19 декабря 1917 г.) юридически было полностью уничтожено всякое неравенство в отношении к женщине, произведен решительный переворот в законодательстве о семейно-брачных отношениях.

14 июня 1921 г. правительство Туркестанской Советской социалистической республики издало Декрет об отмене калыма, которым одновременно были установлены минимальные брачные возрасты жениха (18 лет) и невесты (16 лет в противовес 9-летнему брачному возрасту по шариату) в соответствии с нормами советского семейного права³.

В Казахстане с января 1924 г. день отмены калыма праздновался как народный праздник: устраивались торжественные собрания женщин, проводились показательные суды над злостными нарушителями советских законов, ставились спектакли, организовывались концерты, инсценировки, «живые газеты», бичующие проявления феодально-байского отношения к женщине. Факты брались из местной жизни, поэтому вызывали острый интерес зрителей⁴.

Декрет об отмене калыма был повторно подтвержден к Международному дню работниц 8 Марта 1924 г.⁵

Женотделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) были приняты циркуляры о порядке применения этих декретов на местах. В целях большей популяризации советского законодательства вопросы семейного права ставились на повестку дня всех конференций дехкан, проходивших по Туркестану в весенние месяцы 1924 г.⁶

Советское законодательство о браке и семье в Средней Азии утверждалось в сложной обстановке острой борьбы. Положение осложнялось и тем, что большая часть населения находилась под влиянием мусульманского духовенства, в общей своей массе препятствовавшего раскрепощению женщин. Искключительная трудность осуществления фактического равноправия для женщин Средней Азии была связана и с тем, что в повседневной жизни продолжало действовать множество патриархально-религиозных установлений, нормировавших семейный уклад. По этой причине работа среди женщин вызывала противодействие мусульманского духовенства и послушной ему наиболее отсталой и религиозно настроенной части населения. Эта часть населения в большинстве случаев воспринимала как «греховные» советские законы в

³ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936). Сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1971, с. 46—47.

⁴ Бочкарева Е., Любимова С. Светлый путь. М.: Политиздат, 1967, с. 124.

⁵ Подробнее см.: Тюрин К. Д. Правовые проблемы формирования советской семьи в Узбекистане. Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра юрид. наук. Ташкент, 1965, с. 38—42; Саидбаев Т. С. Ислам и общество. М.: Наука, 1978, с. 141—143.

⁶ К участию в практическом проведении этих декретов были привлечены коммунисты, комсомольцы, члены «Кошчи» («Кошчи» — массовая организация трудящегося дехканства, созданная по решению V съезда Компартии Туркестана в 1920 г.). Для непосредственной работы в судебных органах женщины коренных национальностей привлекались в качестве оплачиваемых «практиканток». В областных судах и загсах их было несколько десятков человек. Помимо этого, в судах выделялись так называемые «правозащитницы», женщины привлекались к работе и в качестве народных заседательниц. В квартальные комиссии выделялись представительницы, задачей которых было препятствовать насильственной выдаче замуж малолетних. Подробнее см.: Каспарова В. Женщины Востока (Обзор женского коммунистического движения на Востоке). Л., 1925. с. 29.

области семьи брачных отношений и борьбу с бытовыми преступлениями и предрассудками. Но тем не менее, как писала находившаяся в водовороте работы среди женщин Средней Азии С. Т. Любимова, «плотину, веками поддерживаемую, прорвало тысячами недовольств, жалоб, протестов, священной ненависти к старому. Еще так недавно как будто надежно скованная рамками берегов, активность женской массы разлилась безбрежным морем»⁷.

Женщины боролись за расторжение насильно заключенных браков, делали попытки выступить против обычая затворничества. Они стремились к свету, знаниям, общественной жизни. Массовые кампании по проведению Международного дня работниц 8 Марта, революционных праздников, съезды, конференции, перевыборы Советов — все эти мероприятия захватили огромные массы женщин коренных национальностей.

Результаты борьбы за раскрепощение женщин Советского Востока особенно ощущались во время проведения кампаний, связанных с празднованием Международного женского дня. 8 Марта 1923 г. впервые в истории Ташкента до 700 узбечек приняли участие в общем шествии, тогда как в 1920 г. лишь единицы их с большим трудом удалось привлечь на общее собрание⁸. Однако многие из женщин еще были закутаны в паранджу. 1923 год знаменателен и первым выпуском Женского педагогического института в Ташкенте. Его окончили только 7 узбечек из 23 поступивших. Остальные по разным причинам оставили обучение. Появление первых узбекских женщин-педагогов было большим событием в культурной жизни народов Туркестана, открывшим новые, до того времени, казалось бы, утопические горизонты в жизни периферийных регионов России.

Следующий, 1924 г., также прошел под знаком борьбы с патриархально-байскими обычаями, делавшими из женщины «трижды-рабыню». Журнал «Коммунистка» в тот год писал: «8 Марта, как и всю нашу работу, мы проводим в условиях, совершенно не похожих на обычные российские. Сохраняющийся патриархально-родовой быт, мусульманская религия определяют своеобразие наших условий. Быт — вот основное, что определяет направление всей нашей работы в Туркестане. Быт занял основное место и в наших лозунгах к предстоящему 8 Марта»⁹.

Примечательно в этой связи принятие Советским правительством специального декрета об ознаменовании Дня 8 Марта 1924 года мероприятиями в отношении работниц и крестьянок¹⁰. Президиум ЦИК Союза ССР предлагал ознаменовать День 8 Марта 1924 г. широкими мероприятиями по проведению в жизнь лозунга В. И. Ленина: «Начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин»¹¹. В декрете указывалось: «Для осуществления этого лозунга необходимо провести в жизнь ряд практических мероприятий по улучшению быта работниц и крестьянок, по поднятию их культурного уровня, по улучшению женского труда в производстве, по вовлечению их в практическую советскую работу и по помощи крестьянкам-беднячкам.

В целях борьбы за улучшение быта работниц и крестьянок необходимо, по возможности, приурочить к 8 Марта открытие или закладку новых учреждений по охране материнства и младенчества, консультаций, общежитий для матерей, летних яслей и т. п. учреждений, улучшающих положение работниц и крестьянок. В частности, необходимо провести более решительную и неуклонную борьбу по изживанию на деле бытовых предрассудков, державших в кабале восточную женщину»¹².

⁷ Любимова С. Сдвиги. Ташкент, 1925, с. 9.

⁸ Любимова С. Еще шаг на пути к раскрепощению. — Коммунистка, 1923, № 6, с. 33.

⁹ Коммунистка, 1924, № 3, с. 13.

¹⁰ Декрет утвержден 29 февраля 1924 г.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 204—205.

¹² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции, 1924, № 42, с. 534.

Осуществление на практике упомянутого Декрета об ознаменовании дня 8 Марта 1924 года в Средней Азии проходило в двух направлениях: 1) «борьба с бытовыми предрассудками»; 2) «улучшение быта работниц и женщин коренного населения»¹³.

Характер мероприятий, намеченных для решения этих задач, раскрывался в таких лозунгах, как «Долой позорный калым!», «Не бей жены, — ее будут уважать твои дети!», «Не будь палачом своей дочери, — не выдавай замуж малолетних!». Эти лозунги, по отзывам постоянной корреспондентки журнала «Коммунистка» Тиневой, «находят живой отклик в измученных сердцах тысяч женщин... Там они плоть и кровь живой действительности и написанные на красных знаменах и плакатах, объединяют и сплывают в одно идейное неразрывное целое тысячи рабынь»¹⁴. Перед 8 Марта 1924 г. в Фергане, Намангане и Маргелане были проведены уездные конференции; от каждого уезда по четыре делегатки поехали на съезд дехканок в Ташкент. Симптоматично в связи с этим и следующее наблюдение: «Многие факты уже говорят о том, что 8 Марта стало для женщин Востока настоящим факелом, освещающим путь к будущему»¹⁵.

Вторая задача, стоявшая в работе с женщинами перед 8 Марта 1924 г., — «улучшение быта работниц и женщин коренного населения» — подразумевала в первую очередь борьбу с женской безработицей. Решить эту задачу было особенно трудно, так как в Туркестане женщины могли работать только на хлопкоочистительных предприятиях. К 8 Марта, писала С. Т. Любимова, «хорошо, если удастся изжить безработицу среди женщин коренного населения, а нужно сказать, что узбечка, зарегистрированная на бирже труда, — это явление до самого последнего времени небывалое»¹⁶. «Небывалое» потому, что по установлениям шариата, на женщин, даже вышедших на базар торговать лепешками и тубетейками, было принято смотреть как на «пропавших». В то же время старые законы давали возможность жестоко эксплуатировать тех работниц, которые, не нанимаясь самостоятельно, шли отрабатывать издольщину вместе со своим мужем-батраком.

В связи с распадом насильно заключенных браков и обретением женщинами экономической самостоятельности ряд узбечек оказались безработными. Дать заработок женщинам, порвавшим со своими семьями, была одна из задач, которую ставила партия в качестве первоочередной к 8 Марта 1924 г. Женотделом в Туркестане этот вопрос решался путем организации женских артелей. К ним не могли быть предъявлены требования работать на основах хозрасчета, поэтому их субсидирование Туркестанское правительство взяло на себя. Это решение было поддержано проходившим в мае 1924 г. XIII съездом РКП(б). В его решениях записано: считать «нужным ассигнование определенного фонда из средств центра и из местных средств на работу среди женщин (организация артелей, женских клубов и пр.) в восточных областях и республиках»¹⁷.

Объединение женщин, занимавшихся ковроткачеством, в артели было предметом обсуждения I Республиканского съезда туркменок, открывшегося 8 Марта 1925 г. в Полторацке (Ашхабад). На нем присутствовало около 170 женщин. На повестке дня стояли вопросы: 1. История женского движения; 2. положение женщины и пути ее раскрепощения; 3. почему нужно лечиться у врача, а не у знахарки и табибов; 4. комсомол и пионеры.

В то время как в Полторацке работал съезд, в районах и селах проводились конференции и торжественные собрания женщин, посвященные Международному дню 8 Марта. В дни празднования 8 Марта толь-

¹³ Коммунистка, 1924, № 3, с. 13.

¹⁴ Тинева. Восток и 8-е Марта. — Коммунистка, 1924, № 5—6, с. 48.

¹⁵ Там же, с. 49.

¹⁶ Любимова С. Т. На Востоке. — Коммунистка, 1924, № 3, с. 13.

¹⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970, т. 3, с. 124.

по по бышему Польшаковом округу около 25 туркменок были приняты в ряды партии большевиков¹⁸.

Днем политических мероприятий стало 8 Марта 1925 г. в Киргизии. К этому дню было приурочено открытие I Областного съезда батрачек, деханок и крестьянок. Тогда около 70 женщин вступили в партию. Специальным постановлением Киргизского обкомзема 8 Марта были открыты четыре женские школы для ликвидации неграмотности, женский клуб и красная юрта. Десятки женщин в Ошском и Джалал-Абадском округах сбросили паранджу. Лучшим производственницам-активисткам в День 8 Марта дарили в качестве награды платья, платки, обувь, красные косынки. Организовывались и женские демонстрации. Так, 8 Марта 1926 г. состоялась демонстрация в Пишпеке (Фрунзе). Все участницы демонстрации были в красных косынках¹⁹.

«Самое яркое представление о тех достижениях, которые наша работа среди женщин имеет в Средней Азии,— писала на страницах „Коммунистки“ в 1925 г. активистка женского движения тех лет Фаина Нюрина,— дала кампания 8-го Марта. Сотни и тысячи открытых и закрытых женщин приходили на митинги, уже этим одним фактом бросая неслыханно дерзкий вызов установившимся обычаям. Они шествовали в демонстрациях, они стояли под красными знаменами и жадно слушали призывы к новой жизни. На беспартийные съезды, организованные в эти дни недели, съехались десятки и сотни женщин из далеких аулов и кишлаков. Это говорит о том, что наша работа среди женщин уже дает плоды, что расчищена почва для коммунистического посева»²⁰.

«Через кооперацию к экономическому раскрепощению!» — этот лозунг был выдвинут в качестве первоочередного к 8 Марта 1926 г. Тогда же появились призывы: «Долой неграмотность, темноту и невежество!», «Земельно-водная реформа — путь к освобождению женщин!», «Партпросвещение и ленинская учеба — боевое оружие в борьбе за социализм — коммунизм!», «Улучшение быта работниц — очередная задача профессиональных организаций и хозяйственников!»²¹.

Эти лозунги нашли конкретное воплощение в жизни. Так, в 1926 г. к празднику 8 Марта Туркменским госторгом было ассигновано 6700 рублей на организацию артелей ковровщиц²². Это была своевременная мера, поскольку годы гражданской войны и разрухи привели в упадок знаменитое туркменское ковроделие. Самыми ценными считались ковры Пендинского р-на Мервского округа с орнаментом «салор-гюль». Имелось множество вариантов этого орнамента, и чем больше их знала женщина, тем больший калым за нее платили в прежние времена. Для восстановления ценнейших орнаментов, постепенно исчезающих и забывавшихся из-за упадка ремесла, в Мерве к 8 Марта были организованы 6-месячные курсы, на 30 человек, на базе которых затем была организована артель. Первый опыт кооперирования ковровщиц получил широкий отклик: по одному Мервскому р-ну поступили заявки от 2830, по Байрамалинскому р-ну — от 1200 ковровщиц с просьбой организовать артели и кредитовать их²³.

Кооперирование ковровщиц рассматривалось партией как важное средство вовлечения туркменок в общепользовательный организованный труд, который должен был помочь женщине обрести самостоятельность и сбросить кабалу семейного гнета. Кроме того, кооперирование рассматривалось как одно из звеньев коммунистической пропаганды. К 1927 г.

¹⁸ Алиева К. Г. Женщины Советского Туркменистана. Ашхабад: Туркменгосиздат 1950, с. 23.

¹⁹ Татыбекова Ж. С. Великий Октябрь и женщины Киргизстана. Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 29; *ее же*. Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской социальной революцией (1917—1936 гг.). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963, с. 63.

²⁰ Нюрина Ф. В Средней Азии.— Коммунистка, 1925, № 4, с. 83.

²¹ Алиева К. Г. Указ. раб., с. 23.

²² Заварьян Н. Некоторые моменты из работы среди женщин Средней Азии.— Коммунистка, 1926, № 6, с. 70.

²³ Росс Е. Туркменки в ковровом производстве.— Коммунистка, 1926, № 3, с. 75.

в Туркменинии работали уже 27 артелей, объединявших 927 ковровщиц. В Узбекистане в 16 артелях, действовавших при женских клубах, работали 826 мастериц²⁴.

Неуклонно повышалось и число женщин, занятых в местной фабрично-заводской промышленности. В Узбекистане в 1925 г. их было 18,2%, в 1926 — 20, в 1927 — 21, в 1928 — 22,8%. Причем женщины-узбечки составляли почти половину из числа всех занятых в промышленности женщин²⁵.

Заметную роль в раскрепощении женщин Востока, в приобщении их к культурно-бытовым и санитарно-гигиеническим навыкам сыграли «женские лавки» потребкооперации. Первая такая лавка открылась в старом Ташкенте. К 8 Марта 1926 г. в Узбекистане было уже 8 женских лавок, в 1927 г. — 20. При 10 лавках были организованы уголки «Мать и дитя», где можно было получить медицинскую консультацию и лекарства для оказания первой помощи²⁶. В условиях женского затворничества лавки подобного типа превращались в место общественной жизни узбечек, содействовали проникновению новых идей Советской власти в широкие женские массы.

Борьба партии большевиков за раскрепощение женщин встретила упорное сопротивление со стороны феодально-байских элементов и духовенства. Борьба за раскрепощение женщины была тогда составной частью классовой борьбы. Однако несмотря на происки религиозных фанатиков и байских прислужников, женщины все смелее приобщались к новой жизни, шли учиться, вступали в члены кооперации, а самые передовые — в ряды ВКП(б).

Коммунистическая партия, широко используя в своей работе на Советском Востоке такие общепринятые для того времени формы организации женщин, как делегатские собрания, конференции, общие собрания, выдвинула и особые методы, учитывающие специфику положения восточной женщины в семье и обществе. Наряду с женскими лавками потребкооперации, женскими кустарными артелями возникали специальные женские клубы, женские избы-читальни, красные кибитки, красные юрты, бесплатные женские чайнаны и др. Создание их было вызвано тем, что женщины восточных народов находились еще в плену феодально-патриархальных отношений, поддерживаемых вековыми патриархальными и религиозными традициями общественного и семейного быта, общинной социальной психологией и сознанием дехкан. Женские клубы в этих обстоятельствах стали самой приемлемой формой организации женщин, размыкавшей рамки векового затворничества. Такие формы работы способствовали появлению у женщин интереса к общественно-полезному труду, общественной жизни, обучению грамоте. Вместе с тем организации типа женских клубов не противопоставляли женщинам сложившемуся укладу и поэтому снискали среди населения заслуженную популярность и авторитет.

У истоков женских клубов стояли Е. Д. Стасова, К. Цеткин, И. Ф. Арманд, А. А. Артюхина, С. Т. Любимова и другие деятельницы женского движения. В Ташкенте первый женский клуб им. Н. К. Крупской был открыт 25 апреля 1924 г. в старой части города, где преобладало узбекское население. 8 Марта 1924 г. открылся женский клуб в Бухаре. При клубе были организованы трудовая артель на 250 человек, детский сад и библиотека. На митинг, посвященный открытию клуба, собралось около тысячи женщин²⁷. 8 Марта 1925 г. был открыт и первый женский сельский клуб в Киргизии в с. Талды-Су Курментинской волости Каракольского округа. При клубе работали женская артель, врачебная консультация, драматический кружок, школа ликбеза.

²⁴ Любимова С. О кооперировании женщин восточных народностей. — Коммунистка, 1927, № 5, с. 51.

²⁵ Давидова. Женский труд в промышленности Узбекистана. — Коммунистка, 1928, № 11, с. 67.

²⁶ Туник М. Работа среди женщин в потребкооперации Узбекистана. — Коммунистка, 1927, № 5, с. 57.

²⁷ Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщин Советского Востока. М.: Наука, 1982, с. 107, 112.

было обычным, что при женских клубах и в «уголках дехканок» нередко действовали женские артели, мастерские, школы грамоты, читальни, пункты медицинской помощи, юридические бюро, детские сады и площадки, самостоятельные кружки (хоровые, драматические, музыкальные). Например, один из клубов Ташкента в 1925 г. имел при себе школу ликбеза, которую ежедневно посещало 30 женщин, детскую консультацию, обслуживавшую до 30 человек в день, артель по пошиву халатов, одеял и тюбетеек, состоявшую из 70 женщин, и швейную мастерскую на 30 человек. При клубе были организованы пионерский отряд из 60 девочек, детская площадка и ряд кружков и секций. Всего в Ташкентском клубе тогда состояло 475 человек, а по Узбекистану в целом женские клубы объединяли 1395 человек²⁸.

В женском клубе кишлака Чиназ Ташкентского уезда в 1927 г. было 62 члена, работали детская консультация, артель по изготовлению одеял, артель по очистке хлопка с действующей хлопкоочистительной машиной. Работа клуба привлекала внимание и остальной части женщин кишлака. В дни проведения земельной реформы члены клуба прошли с красным знаменем по своему и соседним кишлакам, рассказывая узбекам, что они имеют равные с мужчинами права на землю и воду²⁹.

После 8 Марта 1926 г. в кочевых районах Казахстана были организованы женские красные юрты. В их штат входили два постоянных работника: заведующая юртой, проводившая среди женщин организационную работу и обучавшая их грамоте, а также акушерка³⁰. Организатор женских красных юрт Хаирова писала в 1928 г., что авторитет красных юрт «среди населения очень большой, несмотря на агитацию со стороны против них байских элементов и духовенства». И дальше: «Юрта как одна из форм работы среди женского кочевого и полукочевого населения себя вполне оправдала»³¹.

В соответствии с конкретными условиями жизнь выдвигала свои особые методы работы с женщинами. Так, с целью более широкой пропаганды передовых методов ведения животноводческого хозяйства в г. Алма-Ате по инициативе Комиссии по улучшению труда и быта киргизок был организован так называемый «Дом скотоводки». При нем работала молочная ферма, действовали сепаратор и маслобойка. На ферме проводились беседы и показательные занятия. Была также организована швейно-рукодельная артель, работой которой особенно интересовались дунганки и таранчинки, а также детская и женская амбулатории³².

Число женских клубов, уголков, красных юрт, красных женских чайхан росло из года в год. С 8 Марта 1925 г. по 8 Марта 1926 г. число женских клубов увеличилось по Туркестанскому краю с 13 до 26, объединив только по Узбекистану более 3 тыс. женщин³³. В Туркмении широкое распространение получили женские красные уголки, при которых велась кружковая работа. В 1925 г. работало 24 таких кружка, объединявших 622 женщины³⁴.

Роль этих первых женских организаций в пробуждении самосознания женщин была огромна. Они не только расширяли их общественно-политический кругозор, но и способствовали экономическому и правовому раскрепощению. Здесь женщины получали и санитарно-гигиенические навыки. Внедрение в быт элементарных культурных и санитар-

²⁸ *Нюрина Ф.* Указ. раб., с. 81.

²⁹ *Любимова С.* Первое Всесоюзное совещание работников женских клубов.— *Коммунистка*, 1927, № 1, с. 30.

³⁰ *Н-т А. [Нухрат А.]*. Работа среди кочевниц.— *Коммунистка*, 1926, № 9, с. 69—72; *ее же*. Юрты-кочевки (К работе женских «красных юрт»). М., 1929.

³¹ *Хаирова*. Красные юрты. (Опыт Сыр-Дарьинской губ.).— *Коммунистка*, 1928, № 1, с. 70.

³² *Севастьянова Т.* Руководство женработой в ауле-кишлаке (Киргизская республика).— *Коммунистка*, 1928, № 1, с. 67—68.

³³ *Любимова С.* По Средней Азии. (К итогам работы среди женщин).— *Коммунистка*, 1926, № 4, с. 58.

³⁴ *Нюрина Ф.* Указ. раб., с. 81.

но-игиенических норм, как писал на своих страницах журнал «Коммунистка», в значительной степени облегчило бы борьбу с влиянием мулл, вековыми предрассудками и проч. «Известную роль в этом отношении сыграли наши клубы. Вопрос стоит о том, чтобы влияние распространить на более широкие массы»³⁵.

Большое общественно-политическое значение имело и то, что открытие новых женских клубов и уголков, школ ликбеза, женских лавок, специальных курсов и т. д. приурочивалось к Международному дню работниц 8 Марта. В Узбекистане к 8 Марта 1926 г. было открыто пять отдельных женских лавок потребкооперации, при ЦИКах Узбекистана и Туркмении и окружных исполкомах организованы комиссии по улучшению быта женщин. В Туркмении тогда же были открыты акушерские курсы, два клуба и три «уголка декханки»³⁶.

8 Марта 1926 г. в Полторацке при «Доме декханки» начали работать и годичные курсы на 30 человек по подготовке практических работниц среди женщин-туркменок. Перед этим 6-месячные курсы закончили 17 практических работниц³⁷.

Одной из ярких и героических страниц в раскрепощении женщин народов Востока была борьба за снятие затворнического покрывала. Паранджу и чачван из конского волоса (тадж.: чиммат) узбечки и таджички носили начиная с 10 лет. В течение веков этот обычай был олицетворением затворничества, закабаления и рабского унижения женщины. Ношение чачвана и паранджи служило причиной многих заболеваний. Борьба против покрывал стала неотделимой от борьбы за человеческие права для женщин, социальное равенство, право на образование и общественно-полезный труд. Противники социально-революционных преобразований на Востоке не могли мириться с этим. Например, как писала С. Т. Любимова, «мусульманское духовенство вело бешеную кампанию против снятия паранджи, особенно перед 8/III. Духовенство созывало правоверных мусульман в мечети и запугивало карами божьими, тех, кто даст разрешение жене или дочери снять паранджу. Духовенство шло на митинги 8/III и пыталось вести в толпе агитацию против снятия паранджи. Но никакая агитация мулл не остановила массового движения за снятие паранджи, хотя муллы прибегали к угрозам по отношению к открывавшимся женщинам и даже организации избиений их и убийств»³⁸.

К 1927 г. после национального размежевания Средней Азии, проведения земельной реформы, уничтожившей пережитки феодализма в сельском хозяйстве, создалась основа для решительной борьбы с затворничеством женщин в Узбекистане. Предпосылкой для этого послужило и то, что за время проведения земельной реформы значительно вырос и окреп состав членов ВКП(б) в Узбекистане, оформился советский аппарат на местах, повысилась активность женских масс в предвыборной кампании в Советы, стало массовым требование женщин покончить с затворничеством³⁹.

По призыву Коммунистической партии Узбекистана женщины горячо поддержали лозунг «Худжум!» — «Наступление!» — наступление против паранджи, против неравноправия женщины. Идеи «Худжума» были столь популярны, что тогда возникло женское имя Худжума. Им называли своих новорожденных дочерей женщины, вступившие на путь борьбы за социально-бытовые преобразования.

Высшая точка движения «Худжум!» — 8 Марта 1927 г. Тогда по всем старым городам Туркестана, аулам и кишлакам прокатилась волна невиданных по численности митингов, многотысячных демонстраций, праздничных шествий, собраний, во время которых женщины сбрасы-

³⁵ Там же, с. 81—82.

³⁶ *Заварьян Н.* Некоторые моменты из работы среди женщин Средней Азии, с. 70.

³⁷ *Росс Е.* Как работает «Дом декханки». — Коммунистка, 1926, № 8, с. 57.

³⁸ *Любимова С.* Работа партии среди тружениц Востока. М.—Л., 1928, с. 17—18.

³⁹ *П. З. (Прищепчик З.).* Добровольное общество «За новый быт». — Коммунистка, 1928, № 6, с. 84.

вали паранджи и чачваны. Порыв к свету, к освобождению был столь велик, что свыше 90 тыс. узбечек с марта по май 1927 г. перестали носить покрывала. Воспоминания Е. А. Росс, возглавлявшей работу женотделов в Средней Азии в 1921—1930 гг., дают впечатляющую картину этого движения: «Никогда не забыть мне Ташкент 8 Марта 1928 года... Яркий, солнечный день. Город расцвечен флагами, лозунгами, портретами. По улицам движутся колонны нарядных женщин. Густо алеют красные косынки работниц. Песни, музыка.

На площади собралось около десяти тысяч женщин. Начался митинг. Руководители партии и правительства выступали с призывами активно участвовать в социалистическом строительстве, скорее покончить с дикими обычаями прошлого.

Потом на трибуну стали выходить женщины. Они горячо приветствовали партию и Советскую власть, говорили о Ленине. Одна из них подняла черный чачван, закрывающий лицо, сорвала паранджу и сбросила с трибуны. За ней вторая, третья...

Вскоре выросла целая гора из серых халатов. Женщины плакали, смеялись, некоторые смущенно прикрывали лицо рукавом. Русские работницы горячо обнимали своих узбекских сестер, по-новому увидевших свет, солнце, весь мир.

Кто-то бросил спичку в огромный серый ворох. Загорелся костер. Вместе с дымом и огнем, сжигающим эти одежды рабства, навсегда уходило страшное прошлое...»⁴⁰.

Имеется сообщение, что дехкане даже выступали с предложением об устройстве всенародного праздника, чтобы сразу все женщины-узбечки сбросили паранджу⁴¹. Были и требования в законодательном порядке запретить ношение паранджи и чачвана. Н. К. Крупская в речи на Всесоюзном совещании женщин Востока 10 декабря 1928 г. по этому поводу говорила: «Мы провели в революционном порядке закон о равноправии, который в быту до сих пор еще не полностью проводится, но который имеет стимулирующее значение. В наших декретах мы проводим ряд законов, которые помогают всякому виду раскрепощения. И, конечно, закон о парандже тоже может помочь раскрепощению. Но тут надо знать бытовые условия.

Вопрос сложный. Хотелось бы, конечно, скорее с паранджой и с чадрой покончить, но не всегда мы можем декретным порядком проводить то, что нам хочется... Пожалуй, и в этом вопросе — вопросе раскрепощения женщины — надо применить военную тактику: не столько держать курс на атаку, сколько держать курс наряду с атакой на систематическое, последовательное, все расширяющееся нападение на неприятеля, т. е. на старый быт, на экономическое и всякое закрепощение женщины»⁴².

Тогда же стихийно выросла новая форма работы — начали создаваться семейные кружки по махаллям. В них объединялись семьи, в которых женщины сбросили покрывала, для организации в своей махалле агитации за уничтожение затворничества и защиты открывшихся женщин от преследования со стороны мулл, торговцев, баев, всех тех, кто ополчился против движения за снятие паранджи⁴³.

Показателен следующий пример. В июле 1927 г. начала работать Самаркандская шелкомотальная фабрика. На ее открытие пришли сотни женщин из близлежащих кварталов города. Они знакомились с производством, осматривали детский сад и ясли, где малышей ждали чистые кроватки, детские столики и стулья, игрушки. Фабрика получила со-звучное времени имя «Худжум». На митинге по случаю ее открытия

⁴⁰ Росс Е. Завоеванное счастье.— В кн.: Всегда с вами. Сборник, посвященный 50-летию журнала «Работница». М.: Правда, 1964, с. 194—195.

⁴¹ Анисимова С. К итогам раскрепощения женщин Узбекистана.— Коммунистка, 1927, № 8, с. 55.

⁴² Крупская Н. К. Женщина Страны Советов — равноправный гражданин. М., 1938, с. 56.

⁴³ П. З. [Прищепчик З.]. Указ. раб., с. 84.

многие женщины заявили о своем решении сбросить паранджу и поступить работать на фабрику. «Пусть эта фабрика,— говорили они,— будет наступлением на черную паранджу старого города и черную паранджу всего Узбекистана и пусть она будет наступлением на муллу с его адатами и ишанов с их „учениями“»⁴⁴.

Отмечалась «поразительная жадность, тяга открывшихся женщин к знанию, учебе, общественной работе», «колоссальный наплыв женщин в школу, клубы, советское учреждение дал решительный отпор тем, кто говорил, что надо раньше просветить, а потом уж открывать. Раскрепощенная женщина сумеет себя просветить»⁴⁵.

В протоколе собрания киргизок г. Оша, состоявшегося 17 января 1925 г., записано: — «...мы просим, чтобы в нашей области открыли как можно больше школ-ликбезов, дабы просветить отсталых в этом отношении женщин»⁴⁶.

С первых лет Советской власти по всему Среднеазиатско-Казахстанскому региону, как и вообще во всех уголках страны, шла огромная, неустанная работа по ликвидации неграмотности среди женщин. Желание учиться было столь велико, что летом 1927 г. было дополнительно открыто 120 школ для ликвидации неграмотности, в которых обучалось около 5 тыс. узбечек, сбросивших паранджу⁴⁷.

В Туркмении в 1920 г. было лишь 25 грамотных женщин более чем на 400 тыс. женского населения. К 8 Марта 1925 г. в школах уже обучались 184 девушки-туркменки, в 1926 г.— 349. Более 1300 взрослых женщин посещало школы ликбеза. В Узбекистане в начале 1920-х гг. было менее 1% (0,6%) грамотных узбечек. Между тем к 8 Марта 1926 г. только по одной Ферганской обл. в школах обучались около 2200 девочек-узбечек. В 1925—1926 гг. около 800 узбечек были посланы в специальные учебные заведения, где готовились врачи, акушерки, учителя для работы в кишлаках. К 8 Марта 1926 г. были открыты два педагогических техникума для таджиков и узбечек. В 1927 г. уже более 9 тыс. узбечек посещали школы для девочек. В 17 специальных средних учебных заведениях готовили учительниц, дошкольных работниц, акушеров и других женщин-специалистов⁴⁸.

Вот свидетельство очевидца: «В любом городе, в любом кишлаке и ауле, где имеется хотя бы уголок крестьянки, идет учеба. Многие из девушек и женщин посещают школы ликбеза тайком от своих родных, отцов, мужей, братьев, так как в глазах большинства правоверных мусульман женское образование — недопустимое явление, и с ним ведется беспощадная борьба»⁴⁹.

Движение «Худжум» оказало большое влияние на дальнейшее социально-культурное развитие народов Средней Азии по пути строительства социализма. Это проявилось во многом. Было отмечено повышение политической активности женских масс при проведении выборов в Советы в конце 1926 — начале 1927 г.: всего в выборах в кишлачные советы в Узбекистане приняли участие 128 тыс. женщин, в то время как в предыдущих выборах — 50,5 тыс.⁵⁰. «Худжум!» содействовал расширению кругозора женщин, вовлечению их в работу женских клубов, артелей, пробуждал стремление к знаниям, новой жизни.

Пробить брешь в глухой стене религиозного фанатизма, предрассудков, невежества, изуверского отношения к женщине помогали многие конкретные мероприятия Советской власти. Среди них, в пробуж-

⁴⁴ Шукурова Х. С. Социализм и женщины Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1970, с. 205.

⁴⁵ Анисимова С. К итогам раскрепощения женщин Узбекистана, с. 55.

⁴⁶ Татыбекова Ж. С. Великий Октябрь и женщины Киргизстана, с. 29.

⁴⁷ Ар-на А. [Артюхина А.]. От «наступления» к систематической работе. (К обследованию работы в Средней Азии).— Коммунистка, 1928, № 1, с. 59.

⁴⁸ Подробнее см.: Любимова С. По Средней Азии, с. 58; *ее же*. Работа партии среди тружениц Востока. М.— Л., 1928, с. 39; Прищепчик З. Итоги работы партии среди женщин Узбекистана от I до II курултая (съезда).— Коммунистка, 1925, № 12, с. 63.

⁴⁹ Заварьян Н. Некоторые моменты из работы среди женщин Средней Азии, с. 68.

⁵⁰ Шукурова Х. С. Социализм и женщины Узбекистана, с. 193—194.

дении сознания и общественной активности трудящихся женских масс значительную роль сыграли кампании в честь революционных праздников, годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая и особенно Международного женского дня 8 Марта. Уже к началу 1930-х гг. женщины народов Востока — активные труженицы в промышленном производстве и на колхозных полях; они становятся участницами социалистического соревнования по поднятию производительности труда.

Раскрепощение женщины-мусульманки — это одна из героических страниц в летописи народов бывших национальных окраин России, в летописи Коммунистической партии Советского Союза. Особенно хочется отметить роль славных бойцов, русских женщин-коммунисток, в трудные годы классовых сражений возглавивших борьбу за общечеловеческие права женщин народов Востока.

М. Н. Губогло

ДВУЯЗЫЧИЕ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ВЬЕТНАМ: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Четыре десятилетия тому назад — 2 сентября 1945 г. — на площади Бадинь в Ханое на митинге, в котором участвовал почти миллион человек, Хо Ши Мин огласил «Декларацию независимости», возвестившую об образовании Демократической Республики Вьетнам.

1985-й год вообще богат юбилеями в жизни братского вьетнамского народа. 3 февраля 1985 г. трудящиеся СРВ и СССР широко отметили 55-летие со дня принятия решения о создании Коммунистической партии Вьетнама. В марте исполнилось 50 лет со времени работы I-го съезда Коммунистической партии Индокитая. 30 апреля минуло десятилетие с того момента, когда в Сайгоне над резиденцией бывшего президента марионеточного режима взвился флаг революции, символизирующий завершение 30-летней освободительной войны. Победа в этой войне положила конец колониальному господству и открыла путь народам объединенного Вьетнама к социализму.

Состоявшиеся в декабре 1976 г. IV и в марте 1982 г. V съезды КПВ разработали важнейшие задачи строительства материально-технической базы социализма и укрепления обороны СРВ.

Сейчас, накануне VI съезда КПВ, который намечено провести в середине 1986 г., в СРВ уделяется большое внимание конкретизации генерального курса экономической и социальной политики партии в условиях перехода к социализму. Естественно, немалое внимание уделяется и национальной политике. В конечном счете цель компартии и правительства СРВ заключается в обеспечении условий для ускоренного перехода национальных меньшинств страны от вековой отсталости к социализму.

Отношения между национальностями оказывают немаловажное влияние на характер и темпы экономического, политического и духовного развития многонационального вьетнамского общества. В связи с этим партия считает необходимым строго учитывать национальные, в том числе национально-языковые, аспекты при разработке планов прогрессивного развития как страны в целом, так и отдельных ее районов в соответствии с многообразными конкретно-историческими и географическими условиями.

В осуществлении коренных задач национальной политики, в достижении «полного равноправия всех национальностей, в создании необхо-

димых условий для устранения причин различий в уровне развития экономики, культуры малых и больших народов и народностей, чтобы горные районы в своем развитии догоняли равнинные, чтобы все национальности жили в достатке и счастье, всесторонне развивались, спланивались, помогали друг другу идти по пути прогресса, совместно выступая в качестве хозяина социалистической Родины»¹, видное место, как отмечалось на IV съезде КПВ, принадлежит решению национально-языковых проблем. Необходимо прежде всего создать условия для развития родных языков национальных меньшинств и распространения среди них вьетского языка как языка межнационального общения и формирования на этой двуединой основе национально-вьетского двуязычия. Проведение национально-языковой политики требует от КПВ и правительства страны компетентного и умелого учета и использования всей совокупности объективных и субъективных факторов этноязыкового развития народов. Анализу этих факторов и их роли в жизни многоязычного вьетнамского общества, в развитии современных общественных процессов, в ходе которых решаются конкретные вопросы перехода страны к социализму, и посвящена данная статья.

Предпринятый анализ необходим для того, чтобы более полно выявить экономические, политические, идеологические и все остальные внешние и собственно языковые рычаги управления процессами распространения и функционирования национально-вьетского двуязычия. Надо сказать, что в СРВ уже накоплен значительный опыт в осуществлении конкретных мер, связанных с разработкой, совершенствованием и распространением письменностей и расширением общественных функций языков мяо, тхай, тай и нунг². В последние годы наметились серьезные позитивные сдвиги (особенно в северных районах Вьетнама, населенных национальными меньшинствами) в приобщении невьетских народов к вьетскому языку. Предпринимаются исследования с целью создания оптимальных условий взаимодействия родных языков и языка межнационального общения. В законодательных актах специально подчеркивалось, что язык национальных меньшинства и государственный язык (вьетский) в равной степени могут применяться в административной и пропагандистской работе³.

Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом этнографии Комитета общественных наук СРВ в северных провинциях Вьетнама в 1980—1983 гг., показали, что на складывание и развитие различных типов двуязычия одни и те же факторы действуют с неодинаковой силой. Более того, обнаружили существенные различия в степени воздействия объективных и субъективных факторов на развитие этноязыковой жизни национальных меньшинств.

Так, например, представители невьетских народов, отвечая на вопрос: «Если Вы знаете вьетский язык, то укажите, где Вы им овладели?» — назвали в основном семью, работу, межличностное общение, службу в армии, учебу в школе и в других учебных заведениях.

При этом для всех опрошиваемых влияние школы было сильнее, чем какого-либо другого фактора, а для тхай и мяонг — даже сильнее воздействия всех остальных факторов вместе взятых (см. табл. 1).

В целом факторы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств СРВ можно объединить в две группы. Под влиянием факторов первой группы — межличностное общение в семье, на работе, в районе проживания — знание второго языка приобреталось совершен-

¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 14-го декабря 1976 г. М.: Политиздат, с. 121—122.

² См., например: Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Языки малых народов во Вьетнаме и языковая политика. Ханой, 1984 (на вьет. языке).

³ Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и управления Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и Монгольской Народной Республики. (Сборник документов). М.: Госюриздат, 1960, с. 41.

Основные факторы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ	Способ освоения вьетского языка					
	традиционный				современный	
	в семье	на работе	в процессе общения в районе проживания	в армии	в школе	в техникуме, вузе
Тай	40,1	24,2	9,1	2,2	50,5	1,8
Нунг	21,0	26,9	15,1	1,9	52,4	3,1
Тхай	12,4	5,1	31,2	1,4	59,5	—
Мыонг	3,9	5,7	24,5	1,3	73,3	—

но естественно, стихийно. Будем называть условно эти факторы коммуникативными, а способ усвоения вьетского языка под их воздействием — традиционным или коммуникативным. Этот способ обеспечивает знание главным образом народно-разговорной формы инонационального языка. Вторая группа факторов, связанная с системой народного образования (школа, средние и высшие учебные заведения), обеспечивает овладение вторым языком, причем литературной его формой, как правило, в организованном порядке. Этот второй способ можно, также не без доли условности, именовать современным (или школьным, учебным, школьно-учебным), так как до Августовской революции приобщение невьетских национальностей к вьетскому языку через систему школьного образования не имело места по той простой причине, что в горных районах, населенных национальными меньшинствами, не было самих школ.

Соответственно этими двумя способами — традиционным (коммуникативным) и современным (школьным) — происходило освоение инонационального языка в двух разных формах его существования: народно-разговорной и литературной. Конечно, такое разделение тоже не лишено условности. Действительно, даже в общеобразовательной школе параллельно с освоением литературного языка приобретаются навыки устной речи и, напротив, предварительное овладение народно-разговорной формой инонационального языка существенно облегчает освоение его письменности, навыков чтения и письма. Нередко даже в самом процессе семейного общения вместе с приобретением второго языка осваивается и письменность.

Словом, выделенные здесь два канала распространения второго языка и соответствующие им две формы существования языка не следует абсолютизировать, разделять непреодолимой преградой. В жизни они чаще всего взаимосвязаны и дополняют друг друга. Важно подчеркнуть другое. Соотношение между традиционным и современным способами овладения вторым языком было неодинаковым в разные периоды истории.

Народно-разговорная форма инонационального языка приобретается как уже отмечалось, преимущественно естественно, или вероятностно-стохастическим способом, в том смысле, что никто не планирует ни сам процесс, ни программу, ни средства изучения второго языка. Речевые навыки в межнациональных контактах складываются сами по себе. Разумеется, для удовлетворения потребностей в знании литературного языка традиционного способа явно недостаточно.

В конце 1970-х — первой половине 1980-х годов, как уже подчеркивалось, обе группы факторов — традиционных и современных — действовали комплексно, хотя проявление характера самой комплексности также варьировало в зависимости от разных обстоятельств, в том числе от особенностей этноязыковой ситуации.

Так, у тай и нунг традиционные факторы в какой-то степени преобладали над современными или были приблизительно равнозначными, а у тхай и мыонг, напротив, школьный фактор доминировал. Выяснилось

**Национальный состав семей у невьетских народов в северных провинциях
Вьетнама (по данным этносоциологического опроса, в %)**

Народ	Состав семьи	
	однонациональный	национально-смешанный
Тай	86,7	13,2
Нунг	93,6	6,3
Тхай	95,3	4,6
Мыонг	92,0	7,9
Кинь	90,7	9,2

что вьетским языком в процессе семейных и производственных общений овладели 64,3% тай, 47,9 нунг и всего лишь 17,5 тхай и 9,6% мыонг (см. табл. 1).

Как показали этносоциологические исследования, тай-вьетское и нунг-вьетское двуязычие в отличие от тхай-вьетского формировалось не только под воздействием обычных для современных условий внешних (внеязыковых и внеэтнических) факторов, но и в немалой мере вследствие внутренней регенерации, т. е. воспроизводства двуязычия уже на своей собственной основе. Можно полагать, что в 60—70-е годы национально-вьетское двуязычие родителей в семьях у тай и нунг передавалось детям почти так же естественно, как передается язык своей национальности. Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, а заодно и полнее раскрыть роль семьи в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия, достаточно сравнить распространенность такого двуязычия в различных возрастных группах национальных меньшинств. Предварительно отметим, что в начале 80-х годов в распространении вьетского языка у тай значительной разницы между «молодежью» и «стариками» уже не было, в то время как у тхай лиц со знанием вьетского языка среди молодежи было в 1,5 раза больше, чем среди лиц 50-летних и старше.

Таким образом, широкое развитие современных этноязыковых процессов охватило у тай и нунг даже такую относительно устойчивую для проникновения инонационального языка сферу жизни, как семейно-бытовое общение. И семья, выступающая обычно у малых народов цитаделью использования языка своей национальности, сама начала играть определенную роль в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия. Предположение, что национально-вьетское двуязычие воспроизводится в семейно-бытовой сфере из-за большого удельного веса национально-смешанных семей или из-за межпоколенного несовпадения национальностей детей и отцов, не подкрепляется данными этносоциологических исследований. У тхай и мыонг, как выяснилось, вообще не существует межпоколенной разницы в национальной принадлежности членов одной и той же семьи. Что касается остальных невьетских народов, то у 98% нунг и 95% тай национальность «родителей» и «детей» одна и та же. Если к сказанному добавить, что удельный вес национально-смешанных браков весьма невелик среди национальных меньшинств (см. табл. 2) и что, следовательно, гетерогенность семейного состава не служит причиной межпоколенной передачи национально-вьетского двуязычия, остается допустить, что у тай и нунг оно регенерируется в семье. К тому же на рубеже 70—80-х годов масштабы реального двуязычия, т. е. употребление двух языков в речевой деятельности, у тай и нунг были гораздо шире, чем, например, у тхай. Вьетская речь, в частности, звучала в домашнем общении многих семей у тай, в то время как у тхай дома практически не говорили по-вьетски. Не менее разителен был контраст между этими народами и в сфере их производственных коммуникаций. Только по-вьетски, или же чередуя вьетскую речь с речью на языке своего народа, на работе разговаривали более половины всех тай (53,4%), в то время как у тхай аналогичная модель речевого поведения

была распространена в 4,6 раза меньше и охватывала всего 11,6% занятых в производстве.

Приведенные данные свидетельствуют и о том, что существование ального двуязычия как в семейной, так и в производственной сфере создавало дополнительные благоприятные условия для дальнейшего расширения современных этноязыковых процессов. Активизация этих процессов с особой силой проявлялась среди тех национальных меньшинств, у которых, во-первых, согласованно, в одном и том же направлении, позитивно «работали» и традиционные и современные факторы распространения вьетского языка и, во-вторых, когда повышение языковой компетенции стимулировалось повседневной речевой практикой расширения рамок речевого поведения, в свою очередь, повышало уровень языковой компетенции.

Важную роль в становлении национально-вьетского двуязычия играет та конкретная этноязыковая ситуация, в которой формируется потребность в знании и употреблении двух языков. И вполне естественно, что роль коммуникативных факторов в иноэтничной среде возрастает. Закономерно, в частности, что на распространение вьетского языка среди нунг, проживающих в моноэтничной среде, воздействие всех коммуникативных факторов вместе взятых было слабее воздействия школьных учебных факторов, а у тай в аналогичной ситуации первые были в 1,5 раза.

Соотношение между коммуникативными и школьно-учебными факторами в их воздействии на ход этноязыковых процессов в Северном Вьетнаме после Августовской революции и особенно после первой Войны (протравливания) (1945—1954 гг.) изменилось весьма существенно.

Для характеристики этого явления необходимо предварительно отметить, что школа в качестве фактора распространения вьетского языка играла далеко не одинаковую роль в жизни разных поколений вьетских народов. Об этом красноречиво говорят данные о числе грамотных и неграмотных среди национальных меньшинств Северного Вьетнама. К концу 70-х годов удельный вес неграмотных среди лиц пожилого возраста (50 лет и старше) был выше, чем среди молодежи (18—29 лет): у тай в 21 раз, у нунг — в 9, у тхай — в 2,7 раза, у мыонг — в 47 раз.

Значительные межпоколенные различия наблюдались у невьетских народов и по масштабам распространения образования. Так, среди молодежи в возрасте 18—29 лет преобладали в основном лица, окончившие 3—7 классов (от 60,3% у тхай до 84% у мыонг и тай), у представителей среднего поколения в возрасте 30—49 лет значительным был удельный вес окончивших 1—6 классов (от 53% у тхай до 76% у мыонг), и, наконец, среди 50-летних и старше примерно половина была неграмотной (у нунг и тхай даже больше) и 20—31% имели образование 1—4 классов (см. табл. 3).

Приведенные данные позволяют с относительно высокой степенью вероятности определить роль школьно-учебного фактора в сочетании с ролью остальных факторов в распространении вьетского языка среди малых народов Северного Вьетнама на различных этапах как накануне, так и после Августовской революции.

У старших поколений всех без исключения невьетских народов, судя по данным начала 1980-х годов, приобщение к вьетскому языку происходило в свое время преимущественно традиционным (коммуникативным) путем. Число лиц, овладевших вьетским языком традиционным способом, значительно превышало число лиц, усвоивших этот язык современным способом, — у нунг, например, в 9 раз, у тай — в 7,3, у тхай — в 4,6, у мыонг — в 1,3 раза.

У невьетских народов среди лиц 30—49-летнего возраста, во-первых, резко уменьшилось характерное для старшего поколения (50 лет и более) преобладание традиционных факторов над современными, а во-вторых, усилилась дифференциация между самими народами по соотношению каждой группы факторов, детерминирующих распространение вьетского языка и экстенсивное развитие этноязыковых процессов. В резуль-

Таблица 3

**Уровень образования в различных возрастных группах национальных меньшинств
в северных провинциях СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)**

Народ, возраст (лет)	Неграмот- ные	Умеют читать и писать	Имеют образование (классов)					
			1—2	3—4	5—6	7	8—10	Среднее специальное
<i>Тай</i>								
18—29	2,0	0,6	4,2	12,6	24,5	46,7	7,2	3,0
30—49	3,4	8,1	20,3	36,5	10,8	15,5	4,7	0,7
50 и старше	41,3	19,2	15,6	15,6	3,0	3,6	1,8	—
<i>Нунг</i>								
18—29	7,1	2,2	6,0	34,8	17,9	22,3	9,2	0,5
30—49	31,0	7,0	23,4	19,6	12,0	5,0	1,3	0,6
50 и старше	65,1	11,9	6,3	13,5	1,6	1,6	—	—
<i>Тхай</i>								
18—29	25,4	2,1	11,6	36,0	11,6	12,7	0,5	—
30—49	33,1	6,5	18,7	28,8	5,8	5,8	—	1,4
50 и старше	68,4	7,6	13,4	7,6	2,3	0,6	—	—
<i>Мыонг</i>								
18—29	1,1	0,6	8,0	33,9	23,0	27,0	5,7	0,6
30—49	7,9	7,9	27,5	32,6	16,3	7,9	—	—
50 и старше	51,7	13,2	21,2	8,6	4,0	1,3	—	—

Таблица 4

**Факторы овладения вьетским языком в различных возрастных группах
национальных меньшинств северных провинций СРВ (по данным этносоциологического
опроса, в %)**

Народ, возраст (лет)	Овладение вьетским языком					
	в школе	в процессе общения, в том числе				
		в семье	на работе	в местах про- живания	в армии	всего
<i>Тай</i>						
18—29	80,7	28,3	19,9	1,8	1,8	51,8
30—49	56,6	39,2	26,6	5,6	1,4	72,8
50 и старше	14,6	53,5	28,7	20,4	3,8	106,4
<i>Нунг</i>						
18—29	81,9	15,2	16,4	2,8	1,7	36,1
30—49	45,4	25,5	33,3	15,6	2,1	76,5
50 и старше	11,4	24,8	36,2	34,3	7,6	102,9
<i>Тхай</i>						
18—29	80,1	8,6	1,3	15,9	—	25,8
30—49	63,4	12,5	6,2	28,6	2,7	50,0
50 и старше	20,0	18,9	10,0	60,0	2,2	91,1
<i>Мыонг</i>						
18—29	91,8	2,3	1,7	9,4	1,2	14,6
30—49	71,9	3,5	8,2	25,1	1,2	38,0
50 и старше	47,4	7,0	7,9	46,5	1,7	63,1

тате в одних случаях традиционные факторы преобладали над современными (например, у тай в 1,3, а у нунг — в 1,7 раза), а в других, наоборот, воздействие школьно-учебных факторов стало гораздо весомее, чем совокупное влияние всех остальных (коммуникативных) факторов (у тай в 1,3, у мыонг почти в 2 раза).

И, наконец, у молодежи невьетских народов преобладание школьного фактора над остальными стало бесспорным и всеобщим (см. табл. 4).

Можно полагать, что зародившаяся у среднего поколения (30—49 лет), а также у молодежи (18—29 лет) в годы ее социализации тенденция качественной перестройки факторов, предопределяющих судьбу национально-вьетского двуязычия, последовательно усиливалась. И именно в жизни среднего поколения, т. е. в 40—50-е годы, четко обозначился переход к организованному, целенаправленно управляемому

воздействию школьного фактора на распространение вьетского языка среди невьетских народов.

Естественно, возникают вопросы: сколько времени потребовалось для такой перестройки? Какое десятилетие стало решающим в переходе от стихийности и неорганизованности к осознанному руководству современными этноязыковыми процессами в СРВ? Для ответа на эти принципиальные вопросы снова обратимся к «школьной биографии» каждого поколения, с тем, чтобы определить место и значение школьного фактора в развитии двуязычия у невьетских народов.

Даже самые «молодые» из старшего поколения, т. е. те, кому в 1981 г. уже исполнилось 50 лет, теоретически могли начать заниматься в первом классе не раньше 1937 г. и закончить первые три класса к 1940 г. В целом же школьный возраст пожилого поколения наших современников относится к 20—30-м годам. В то время редко кому из них довелось сесть за школьную парту. Самих школ, как известно, в горных районах почти не было. Представителям национальных меньшинств еще в большей мере, чем вьетам, был затруднен доступ в школы.

Незначительная группа лиц пожилого возраста, которым школа 20—30-х годов не дала знания вьетского языка, научилась читать и писать по-вьетски позднее, уже после Августовской революции, в ходе успешного претворения в жизнь предпринятой под руководством Коммунистической партии кампании по ликвидации неграмотности. Так, например, за период между 1945 г., когда правительство ДРВ обнародовало декреты об организации движения по борьбе с неграмотностью, и до начала Первой войны Сопротивления грамотой овладело около 2,5 млн. человек. Важную роль в этом сыграла деятельность Управления всенародного обучения, в частности создание в большинстве деревень однодичных классов для неграмотных, активное обучение широких народных масс грамоте и письменно-литературной форме вьетского языка. Претворялись в жизнь сформулированные Хо Ши Мином вдохновляющие лозунги: «Каждый грамотный обучает неграмотного», «Надо учиться всеми способами в любое время, в любой обстановке»⁴.

Итак, в 20—30-е годы основным был коммуникативный способ «изучения» вьетского языка (см. табл. 4).

В складывании современной этноязыковой ситуации в горных районах Северного Вьетнама, в формировании тенденций этноязыковых процессов среди национальных меньшинств чрезвычайно важную роль сыграли 40—50-е годы.

Несколько округляя, можно полагать, что эти годы были «школьными» годами того среднего поколения, которому в начале 80-х годов было 30—49 лет. Преобладание школьного фактора над всеми остальными факторами, способствующими приобщению невьетов к вьетскому языку, проявилось уже как устойчивая тенденция (см. табл. 4).

Возрастание роли школы в распространении вьетского языка среди национальных меньшинств Северного Вьетнама явилось закономерным следствием коренных преобразований системы школьного обучения, проведенных в 50-е годы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на крайне тяжелое положение, в котором находилась страна, параллельно с вопросом о совершенствовании преподавания вьетского языка решались вопросы развития общественных функций родных языков национальных меньшинств, что создавало благоприятный психологический климат межнациональных отношений, который, в свою очередь, играл позитивную роль в приобщении невьетов к вьетскому языку.

Заметно активизировалась роль школы как фактора распространения вьетского языка среди национальных меньшинств в конце 50-х годов, в частности после завершения в 1958 г. кампании по ликвидации

⁴ Цит. по: Шмелева Г. В. Очерки культурного строительства в Демократической Республике Вьетнам. М.: Наука, 1976, с. 15—16. См. также: Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960. М., 1960, с. 187.

Динамика численности школ, учителей и учащихся в северных провинциях Вьетнама в 1960—1975 гг. *

Год	Школ (тыс.)			Учителей (тыс.)			Учащихся (тыс.)		
	всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах	
		число	%		число	%		число	%
1960	7,0	2,1	30,0	44,4	7,1	16,0	1899,6	206,6	10,9
1965	10,2	3,0	29,4	80,4	14,6	18,2	2934,9	352,7	12,0
1975	11,6	3,3	28,4	168,6	31,3	18,6	5151,5	794,4	15,4

* Таблица составлена по материалам кн. «Новейшая история Вьетнама»/Отв. ред. Мхитарян С. А. М.; Наука, 1984, с. 113. Расчеты произведены автором.

неграмотности основной массы населения страны, и в начале 60-х годов в связи с введением всеобщего подготовительного обучения для детей дошкольного возраста⁵. Но это уже другой этап — этап 60—70-х годов, когда наиболее активно формировались этноязыковые характеристики молодежи, тех, кому в начале 80-х годов было 18—29 лет. Это новое поколение, в составе которого резко сократилась доля неграмотных, умеющих только читать и писать, и доля лиц с начальным образованием. Школьный период для большей части молодежи, имеющей сейчас образование в основном в объеме от 3 до 7 классов, падает на 60-е и первую половину 70-х годов. Как раз в эти годы, можно сказать, завершилась перестройка в соотношении факторов, формирующих экстенсивное развитие этноязыковых процессов. Это произошло благодаря дальнейшему повсеместному распространению вьетского языка среди невьетских народов через систему школьного образования. Школьный фактор стал «весомее» остальных факторов (см. табл. 4). Таким образом, обобщенная картина этноязыковых процессов среди молодежи 80-х годов со всей очевидностью свидетельствует о том, что в 60—70-е годы преобладание школьного фактора в формировании национально-вьетского двуязычия стало практически необратимым.

В целом за 15 лет между 1960—1975 гг. общее число школ в Северном Вьетнаме возросло в 1,7 раза, в том числе в горных районах — в 1,6 раза; численность учителей увеличилась соответственно в 3,8 и 4,4 раза, учащихся — в 2,7 и 3,8 раза (см. табл. 5).

Осуществление курса партии на последовательное сближение уровней образования малых народов и вьетов привело к важным изменениям в распределении школ и учителей между равнинными и горными провинциями (см. табл. 5).

Забота о повышении эффективности школьного обучения в горных районах Северного Вьетнама особенно наглядно проявляется в комплектовании там школ преподавательскими кадрами. Так, например, если на одного учителя в 1960 г. в целом по стране приходилось около 43 учеников, то в горных районах — всего 29, в 1965 г. соответственно 36 и 24, в 1975 г. — 30 и 25 учеников (см. табл. 5).

Общие успехи, достигнутые в результате создания основы социалистической системы образования в стране, в конечном счете обусловили возрастание роли самой школы в распространении вьетского литературного языка среди невьетских народов.

В настоящее время благодаря целенаправленной деятельности КПВ созданы условия для удовлетворения потребностей невьетских народов в овладении вьетским языком — языком межнационального общения. Тенденцию перехода от широко бытовавших в прошлом факторов ком-

⁵ Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М., 1971, с. 237.

Осознание потребности в знании второго (вьетского) языка национальными меньшинствами северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ, возрастные группы (лет)	Для удовлетворения каких потребностей особенно важно знание второго (вьетского) языка									
	коммуникационных	в повышении уровня культуры			читать, слушать радио, смотреть телепередачи	трудовой деятельности и повышения благосостояния			эмоционально-психоло- гических: приобрете- ния новых друзей	
		всего	в том числе			всего	в том числе			
			полноценное знаний	получение образова- ния			найти хоро- шую рабо- ту	повысить материаль- ное благо- состояние		
<i>Тхай</i>	62,2	80,8	40,1	40,7	26,6	29,5	13,3	16,2	12,1	
в том числе:										
18—29	59,7	84,9	38,7	46,2	28,0	31,7	14,5	17,2	14,5	
30—49	60,7	87,6	44,5	43,1	28,5	30,6	10,9	19,7	9,5	
50 и старше	66,2	70,7	37,9	32,5	23,5	25,9	13,9	12,0	11,4	
<i>Мыонг</i>	61,6	74,6	35,8	38,8	28,7	33,3	14,8	18,5	6,9	
в том числе:										
18—29	57,5	82,2	38,5	43,7	31,6	37,9	16,4	21,2	6,3	
30—49	62,1	70,1	33,3	36,8	29,3	35,0	17,2	17,8	7,5	
50 и старше	65,7	71,4	35,7	35,7	24,5	25,2	9,8	15,4	7,0	

муникативного плана к преобладанию учебно-педагогических факторов не следует переоценивать. В сочетании со всей совокупностью объективных условий школа, конечно, в значительной мере ускоряет прогрессивное развитие современных этноязыковых процессов. Однако по мере того, как растет «нагрузка» школы, увеличивается и ее «ответственность» за судьбу национально-вьетского двуязычия, а вместе с тем и за судьбу социально-культурного развития национальных меньшинств и новой межнациональной общности — вьетнамского народа. Но поскольку школьный и коммуникативный факторы действуют не изолированно друг от друга, возникает практическая необходимость целенаправленного стимулирования не только повышения языковой компетенции, но и собственно речевой деятельности. Следовательно, забота должна проявляться как о постоянном совершенствовании школьного фактора, играющего решающую роль в повышении языковой компетенции, так и о коммуникативных факторах, стимулирующих речевую деятельность национальных меньшинств, прежде всего в сфере производственной, общественно-политической и культурной.

Для того чтобы национально-вьетское двуязычие стало в СРВ действительно массовым, общенародным явлением, надо, разумеется, чтобы действовали не только внешние по отношению к самому человеку факторы. Очень важно, чтобы проявлялись и встречные, внутренние мотивы, идущие от самого человека, от его осознания потребности знать и использовать наряду с языком своей национальности и инонациональный язык. Словом, надо, чтобы овладение языком межнационального общения стало внутренней, глубоко осознанной потребностью каждого представителя невьетской национальности.

Формирование осознания такой потребности достигается в том случае, когда второй язык действительно служит полезным и незаменимым средством удовлетворения не только таких жизненно важных запросов человека, как, например, поиск интересной работы, повышение материального благосостояния, но и многих других, в том числе культурных, коммуникационных, эмоционально-психологических.

Одной из ярких черт межнациональных отношений и современных этноязыковых процессов, в том числе добровольного приобщения национальных меньшинств к вьетскому языку, стало убеждение в необходимости знания этого языка. В самом деле, почти каждым двум из трех представителей народа тхай, более чем половине всех мыонг, по их соб-

стственному мнению, вьетский язык нужен для осуществления коммуникаций (см. табл. 6).

Особая ценность владения вьетским языком осознается национальными меньшинствами в связи с тем, что он позволяет им удовлетворять культурные запросы. Не удивительно, что каждые четверо из пятиерых тхай указали, что вьетский язык помогает им повысить образование и продолжать систематическое пополнение своих знаний. Аналогичные ответы были получены и от мыонг (см. табл. 6).

В процессе коренной культурно-идеологической перестройки, являющейся неразрывной частью культурной революции, происходящей во Вьетнаме в переходный к социализму период, широкие народные массы все активнее приобщаются к ценностям художественной культуры вьетского и всех остальных народов СРВ. Этому в значительной мере помогает неуклонное расширение и глубокое укоренение навыков чтения, слушания радио и просмотра телепередач. Чрезвычайно важное значение приобретает установка и деятельность самой личности, формирование ее мировоззрения, ее готовность и способность плодотворно, сознательно и творчески участвовать во всех сферах жизнедеятельности, включая экономику, политику, социальные и межнациональные отношения, культуру. Неотъемлемой составной частью этой «готовности» в свою очередь выступает владение и широкое использование вьетского языка. Закономерно, что 26,6% тхай и 31,6% мыонг ответили, что считают для себя полезным знать вьетский язык для того, чтобы читать разнообразную литературу, воспринимать необходимую информацию из радио- и телепередач; еще 29,5% тхай и 37,6% мыонг заявили, что зная вьетский язык, можно скорее подыскать хорошую работу, а также иметь дополнительную возможность повышать свое материальное благосостояние (см. табл. 6).

Выявление установок на знание вьетского языка у национальных меньшинств СРВ, разумеется, не сводилось к тому, чтобы количественно «взвесить» роль вьетского языка в удовлетворении тех или иных конкретных потребностей. Цель заключалась в том, чтобы определить межнациональные, а еще в большей мере межпоколенные различия в отношении национальных меньшинств к вьетскому языку как языку межнационального общения.

Результаты исследования показали, что потребность знать вьетский язык является глубоко и всесторонне осозанным долгом граждан невьетской национальности СРВ. С точки зрения решения управленческих задач, знание указанной установки, степени ее распространения среди различных групп населения, вне всякого сомнения, представляется фактом первостепенной важности.

Приведенные в табл. 6 данные свидетельствуют о том, что осознание социальной эффективности вьетского языка сходным образом проявляется и у тхай и у мыонг (см. табл. 6). Владение вторым языком осознается национальными меньшинствами СРВ одновременно и как право, и как долг. В этом заключены, во-первых, неразрывная связь и диалектическое единство национального и интернационального (языка своей национальности и вьетского языка), выступающее основой формирования и функционирования национально-вьетского двуязычия, во-вторых, связь и единство между правом всех невьетских народов изучать и пользоваться вьетским языком и долгом овладевать им и хорошо знать его. Напомним, право и одновременно долг всех граждан СРВ изучать и использовать вьетский язык и вьетскую письменность зафиксированы в документе № 53 от 22 февраля 1980 г. Правительственного Совета СРВ⁶. Это постановление, как известно, готовилось и было обнародовано в то время, когда в СРВ завершилось всенародное обсуждение опубликованного 15 августа 1979 г. проекта Новой Конституции, принятой Национальным Собранием СРВ в 1980 г. Названное положение о вьетском

⁶ См.: Хоанг Тье, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Указ. раб., с. 99—104.

языке (по духу, если не по букве), находится в одном ряду с подобными статьями Конституции. В некоторых из них, как уже подчеркивалось в советской литературе⁷, право граждан выступает одновременно и как их обязанность, например, в статьях 58-й («Труд является первоочередным правом и обязанностью, делом чести каждого гражданина»)⁸, 60-й («Учеба является правом и обязанностью граждан»)⁹ и 77-й («Защита Социалистического Отечества есть священный долг и высшее право граждан»)¹⁰.

Итак, знание вьетского языка — языка межнационального общения — сегодня не только социальная потребность, но и глубоко укоренившаяся и всесторонне осознанная внутренняя потребность невьетских народов СРВ. Такое совпадение общественного и личного составляет основу эффективного проявления факторов современных этноязыковых процессов, служит залогом успешного развития и функционирования национально-вьетского двуязычия в массовых масштабах.

⁷ Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984, с. 321.

⁸ Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Принята Национальным Собранием СРВ 18 декабря 1980 г. М.: Юрид. лит., 1982, с. 32.

⁹ Там же, с. 33.

¹⁰ Там же, с. 36.

О. Ю. Артемова, Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ: НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА

В последние годы в советской печати появился ряд работ, посвященных в основном или в значительной мере современному этническому и социально-политическому развитию аборигенов Австралии, в частности развернувшейся с конца 60-х — начала 70-х годов борьбе коренных австралийцев за права на землю¹. Сравнительно недавно в журнале «Сов. этнография» была опубликована работа Ф. Роуза и Б. Шепса «Борьба австралийских аборигенов за земельные права...» (1985, № 1), где изложение и анализ событий доведены до 1981 г. Предлагаемая теперь статья имеет главной целью осветить наиболее существенные изменения, которые произошли в жизни аборигенов Австралии в последние годы. Однако предварительно необходимо суммировать и отчасти дополнить сведения, содержащиеся в предшествующих публикациях.

Во время последней общеавстралийской переписи населения (декабрь 1981 г.) 159 897 человек назвали себя аборигенами Австралии и островов Торресова пролива. Среди них чистокровные аборигены составляют около 40 тыс. человек².

Большая часть чистокровных коренных австралийцев сосредоточена в удаленных от основных культурных центров и малонаселенных районах Северной Территории, Западной и Южной Австралии и в северо-восточном Квинсленде. Большая часть метисов — в густонаселенных и экономически развитых районах юга, юго-востока и юго-запада страны.

¹ Роуз Ф. Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее. М.: Наука, 1981; Мидлтон Х. Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983; Артемова О. Ю. Прошлое и настоящее коренных австралийцев. — Расы и народы, вып. 10. М.: Наука, 1980; Раззакова Э. И. Борьба аборигенов Северной Территории Австралии за земельные права и проблема урана. — Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М.: Наука, 1981; *ее же*. «Децентрализованные общины» австралийских аборигенов (70-е — начало 80-х годов XX в.). — Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1984; Кабо В. Р. Аборигены Австралии. — Вопросы истории, 1984, № 6.

² Aborigines in Australia Today. Canberra, 1982, p. 4.

По сравнению с недавним подсчетом исследователей-лингвистов, из 500 языков и диалектов, на которых говорило в прошлом коренное население континента, ныне только 144 употребляются достаточно многочисленными группами аборигенов, около 74 полностью утрачены, а остальные постепенно забываются. Аборигены, говорящие на племенных языках и расселенные в основном в Северной и Центральной Австралии, пользуются, как правило, еще и местными вариантами так называемого языка пиджин, или «английского языка аборигенов». Он же — в достаточно многочисленных разновидностях — является основным, а часто и единственным языком для значительной части аборигенов, утративших язык своих предков. «Английский» аборигенов столь существенно отличается фонетически, а также, хотя и в меньшей мере, и грамматически от стандартного английского, что для англоавстралийца, не имеющего специальной подготовки, малопонятен. Что же касается «стандартного английского», то очень многие аборигены либо совсем не знают его, либо владеют им плохо³.

Значительное число аборигенов, населяющих пустынные северные и центральные области страны, сохраняет племенные и родственные связи, а также существенные элементы традиционной материальной и духовной культуры, правда, чаще всего в деформированном виде. До сих пор имеются группы, которые живут на своей племенной территории (или в непосредственной близости от нее) и не отказались еще от охотничье-собираательского хозяйства и полукочевого или, вернее, полубродячего образа жизни. Однако в современных условиях вследствие истощения природных ресурсов и частичной утраты аборигенами традиционных производственных навыков охота и собирательство уже не могут служить единственным или даже основным источником средств к существованию. Заметная доля потребления в таких группах обеспечивается за счет государственных дотаций, а также различных нерегулярных заработков.

Многие аборигены, вытесненные с исконных земель или добровольно покинувшие их, концентрируются вокруг скотоводческих станций, земледельческих ферм и других поселений европейцев, нанимаясь на сезонную работу или живя случайными заработками. В последние 20—25 лет значительно увеличилось число аборигенов в городах⁴. Хотя городские аборигены в большинстве своем полностью утратили традиционную культуру — язык, обряды, искусство, они тем не менее во многих случаях сохраняют память о племенной принадлежности и о местах расселения своих предков⁵.

Несмотря на то, что после общеавстралийского референдума 1967 г., давшего аборигенам равные с остальными австралийцами гражданские права, прошло 18 лет, они и теперь — самая обездоленная группа населения страны. По существующим в Австралии стандартам, значительная часть коренных австралийцев живет на грани нищеты. Из-за отсутствия удовлетворительного образования, а также из-за бытующих до сих пор расовых предубеждений большинство работающих аборигенов и в городах и в сельской местности вынуждено довольствоваться самыми неквалифицированными и низкооплачиваемыми видами труда. Уровень безработицы среди аборигенов в шесть раз выше, чем по Австралии в целом⁶. По-прежнему поселения аборигенов в тех поселках и городах, где преобладают белые, располагаются обособленно, как правило, на окраинах, в самых неудобных и неприглядных местах. Антисанитарные бытовые условия, недостаточное и неправильное питание, малоподвижный образ жизни, к которому они совершенно не приспособлены, отсутствие иммунитета ко многим распространенным у европейцев болезням

³ Bostock W. W. Alternatives of Ethnicity. Immigrants and Aborigines in Anglo-Saxon Australia. Melbourne, 1981, p. 70—76.

⁴ Aboriginal and Islander Identity, 1976, vol. 2, № 8, p. 16.

⁵ Young E. Tribal Communities in Rural Areas. Canberra, 1981, p. 19.

⁶ Aborigines in Australia Today, p. 16.

приводят к тому, что около 40% аборигенов страдают серьезными заболеваниями. Детская смертность у аборигенов в три раза выше, чем у белых австралийцев, средняя продолжительность жизни — на 20 лет меньше⁷.

Как это обычно бывает, низкому материальному уровню и «духовному вакууму», наступившему вслед за разрушением старой (традиционной) культуры, и при отсутствии возможностей для сколько-нибудь полноценного восприятия духовных ценностей новой (европейской) культуры, сопутствуют алкоголизм, наркомания, преступность. В некоторых поселениях около половины всех расходов аборигенов приходится на алкоголь. Следствием этого являются многочисленные несчастные случаи, травматизм, драки, пренебрежение к родительским и семейным обязанностям и т. п. По официальной статистике, процент убийств, совершаемых аборигенами, в 10 раз превышает соответствующий показатель по Австралии в целом. Аборигены составляют немногим более 1% населения страны и около 30% ее заключенных⁸.

В последние годы австралийское правительство приняло ряд мер по улучшению бытовых условий аборигенов, их образования, медицинского обслуживания, по борьбе с алкоголизмом. Сами аборигены в значительной своей части заметно активизировали усилия, направленные на преодоление тяжелых последствий колонизации. Но понесенный в прошлом ущерб и действие тормозящих позитивное развитие факторов в настоящем настолько велики, что положительные результаты наступают очень медленно.

Сказанное характеризует положение большей части аборигенов. Однако в настоящее время они уже неоднородны по своему социально-экономическому положению. Среди них есть некоторое число обеспеченных людей, владеющих небольшими фермами, скотоводческими хозяйствами, горнодобывающими предприятиями (часто на кооперативных началах), а также занимающих хорошо оплачиваемые должности на государственной службе и т. п. Существует немногочисленная интеллигенция из числа аборигенов. Своей деятельностью она вносит значительный вклад в развитие современной национальной культуры аборигенов, в развитие их национального самосознания.

Если за прошедшие со времени референдума 1967 г. годы материальное и социальное положение аборигенов в целом все же сравнительно мало изменилось, то в их сознании и самосознании, в направлении протекающих в их среде этнических процессов произошли кардинальные перемены. И теперь аборигены играют совсем иную, чем 20 лет назад, роль в общественной жизни страны.

В конце 50-х — начале 60-х годов многие австралийские этнографы были убеждены, что ассимиляция — единственный возможный вариант этнического развития аборигенов. И действительно, в тот период обнаруживались признаки культурной ассимиляции определенной части аборигенов. Многим из них как в городах, так и в резервациях европейский стиль жизни, материальные блага, удобства и развлечения представлялись тогда чрезвычайно привлекательными и желанными. Но с конца 60-х и особенно в начале 70-х годов в их среде стала происходить переоценка ценностей. В настоящее время многочисленные группы аборигенов, напротив, стремятся к сохранению или же возрождению культуры (в первую очередь духовных идеалов) своих предков. Это стремление нашло выражение в активном политическом движении, которое в 70-е годы чаще всего обозначалось английским словом *identity*, а в последнее время — термином *self-determination*. И то и другое, по-видимому, правильнее всего перевести как «национальное самоопределение». Разные политические организации во многом по-разному формулируют задачи этого движения, и в разных местах расселения аборигенов оно принимает заметно различающиеся формы. Сейчас еще представляется прежде-

⁷ *Aboriginals in Australia Today*, p. 18; *Newsweek*, 23.5.1983, p. 30.

⁸ *Newsweek*, 23.5.1983, p. 29.

временем говорить о складывании у коренных австралийцев какой-либо целостной этнической общности и единого этнического самосознания. Но различные их группы сближает сознание общности интересов и задач: стремление жить самоуправляющимися общинами и заставить окружающее белое большинство признать и по достоинству оценить их традиционную культуру — ее коллективизм, священную тотемическую обрядность, искусство и, что самое главное, сильнейшую привязанность людей к земле предков.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что до европейской колонизации основой всей культуры аборигенов была наряду с прочными личными связями между людьми чрезвычайно тесная связь их коллективов с землей и всем природным окружением в целом. Земля для аборигенов была не просто единственным средством к существованию, потеря земли — не просто потеря экономическая. Не только религия, роль которой в жизни аборигенов, как известно, была огромной, но и весь духовный мир людей, входивших в локальные сообщества, был неразрывно связан с определенной территорией, на которой жили и они, и многочисленные поколения их предков и где должны были жить их потомки. Духовное единство с территорией, находившее наиболее концентрированное выражение в священных тотемических обрядах, было источником эмоциональной уверенности людей, давало им внутренние силы, которые помогали преодолевать бедствия и несчастья, оно давало людям чувство защищенности⁹. И не случайно у современных аборигенов движение за национальное самоопределение теснейшим образом слилось с борьбой за получение юридических прав на их исконные земли, а также — в Северной и Центральной Австралии — с так называемым движением децентрализации.

Если в 40-е, 50-е и в начале 60-х годов многие жившие в резервациях аборигены добровольно шли в европейские поселения, привлеченные европейской пищей, товарами или просто побуждаемые любопытством, то с начала 70-х годов происходит обратное движение: аборигены покидают европейские города и поселки, а также поселения при миссиях, где концентрировались представители разных общин и разных племен, и переселяются небольшими группами, основанными на традиционных родственных отношениях, на те земли, которые считают своим исконным достоянием. Там они стремятся организовать жизнь так, чтобы возможно меньше зависеть от «центров», управляемых белыми. Одни группы пытаются вернуться к традиционной охотничьей и собирательской деятельности, другие — создать скотоводческие или сельскохозяйственные хозяйства, третьи — наладить производство предназначенных для продажи туристам и коллекционерам-любителям предметов традиционной материальной культуры, некоторые группы организуют своеобразные художественные мастерские, где в условиях, приближенных к традиционным, изготавливаются выдержанные в традиционном стиле произведения искусства, пользующиеся в настоящее время большим спросом и в Австралии и за ее пределами. В повседневной жизни члены таких децентрализованных групп, или, как их еще называют, «внешних поселений», придерживаются многих традиционных норм, регулярно исполняют древние религиозные обряды. Для части таких групп характерно сознательное стремление к своего рода аскетизму: например, отказ от стандартных жилищ европейского типа (предпочтение им менее благоустроенных и холодных временных построек), отказ от некоторых предметов фабричного производства, от алкоголя, карточных игр и т. п. В этих группах, как и в традиционных общинах аборигенов, руководящую роль чаще всего играют мужчины старшего возраста.

В первую очередь именно интересы жителей северных и центральных районов страны, где многие аборигены не потеряли исконных связей со своими племенными землями и включились в движение децентрализа-

⁹ Berndt R. M., Berndt C. H. The World of the First Australians. Canberra, 1977, p. 518.

ции, отстаиваются теми политическими организациями аборигенов, также их союзниками из числа англоавстралийцев, которые борются за получение коренными австралийцами юридических прав на землю. Однако и давно утратившие связи с землей предков аборигены юга принимают живейшее участие в этом движении. Для значительной их части так же как и для аборигенов севера, вопрос о том, будут ли аборигены владеть землей, равносителен вопросу о том, будут ли они существовать в качестве самостоятельных этнических общностей.

Выдвигаемые различными политическими организациями аборигенов требования сводятся в основном к следующему: 1) юридические права на те земли, которые в настоящее время фактически заняты аборигенами и которые до колонизации принадлежали их соплеменникам; 2) права на те земли, куда аборигены были вытеснены со своих исконных земель в период колонизации и где они жили долгое время в резервациях; 3) наделение земель живущих в городах аборигенов в соответствии с их нуждами; 4) денежная компенсация за безвозвратно утраченные племенные земли¹⁰.

Когда в 1972 г. после долгого перерыва к власти пришло лейбористское правительство, наряду с другими мерами по улучшению положения коренных австралийцев было запланировано предоставление земельных прав аборигенам Северной Территории, которая в тот период непосредственно управлялась федеральным правительством¹¹. Однако лейбористское правительство пало, не успев принять подготовленный им законопроект о земле аборигенов. Сменившее его коалиционное правительство либеральной и аграрной партий выработало другой, менее благоприятный для аборигенов проект, который стал законом в 1976 г. и носит название Акта о земельных правах аборигенов Северной Территории. В соответствии с ним все земли резерваций Северной Территории, являвшиеся государственной собственностью, перешли в распоряжение аборигенов на правах фригольда. Площадь этих земель составляет 256 680 км², т. е. около 1/5 Северной Территории.

Фригольд — частное земельное владение, наследуемое без каких-либо ограничений. По австралийским законам это самая выгодная форма землевладения. Фригольдер может продать, сдать в аренду, заложить свою землю, лишь он может разрешить на ней строительство дорог или иных коммуникаций, возведение зданий, пребывание посторонних и т. д. Но он не является собственником минеральных богатств, имеющихся на его земле. Все минеральные богатства принадлежат государству, и только оно дает лицензии на их промышленную разработку.

Сложившаяся в условиях капиталистической экономики форма частного землевладения не могла быть без изменений применена для наделения земель аборигенов, которые в традиционных условиях знали лишь коллективное землепользование и стремились к его возобновлению. Попытка же искусственно сочетать юридические нормы и практические интересы современного капиталистического общества с традиционными нормами и традиционалистскими устремлениями аборигенов привела к созданию чрезвычайно сложного в юридическом отношении законодательства, по которому права аборигенов на землю в конечном счете оказались лишенными ряда черт фригольда как формы землевладения и значительно более ограниченными, чем традиционные¹².

В традиционных условиях система землевладения или землепользования у аборигенов имела весьма сложный характер. Этнографически она недостаточно исследована, и до сих пор крупнейшие специалисты придерживаются по этому вопросу различных точек зрения. Однако есть

¹⁰ Contact. Christian Medical Commission. World Council of Churches, 1983, № 72, p. 11—12.

¹¹ В 1978 г. Северная Территория получила статус седьмого штата Австралийского Союза и, следовательно, права самоуправления.

¹² Подробный анализ этого законодательства с юридической и этнографической точки зрения см. Maddok K. Anthropology, Law and the Definition of Australian Aboriginal Rights to Land. Nijmegen, 1980.

обстоятельство, которое можно считать определенно установленным: ни одно из локализованных социальных объединений аборигенов — будь то племя, община, локальная наследственная группа (род), тотемическая группа (культовое объединение) — не являлось единственным владельцем и (или) «пользователем» какого-то определенного участка земли. Так, кормовые угодья, осваивавшиеся одной общиной, время от времени без специального на то разрешения использовались и представителями соседствующих общин. В то же время не все члены общины имели доступ к расположенным на ее территории тотемическим центрам. Из числа членов общины к этим святилищам могли приближаться только мужчины, принадлежащие к локальной наследственной группе, которая во многих случаях (но не всегда) составляла ядро общины. Вместе с тем, кроме них, к этим тотемическим центрам допускались мужчины родственных тотемических групп или родственных локальных наследственных групп, живших на территории иных общин, нередко весьма удаленных. Члены одного племени время от времени беспрепятственно посещали территории других племен и т. п. Некоторые этнографы считают, что в традиционной идеологии аборигенов нет понятия «право собственности на землю», и у аборигенов не было коллективов, которые можно назвать собственниками земли¹³.

Однако стоявшая перед составителями Акта задача предоставить аборигенам права на землю, соответствующие современным австралийским законам, требовала четкого выделения субъектов собственности. Таковые и были созданы искусственно. Акт уполномочивал министра по делам аборигенов сформировать так называемые земельные корпорации аборигенов. Они состояются не менее чем из трех членов и председателя (обязательно аборигенов), назначаемых министром по делам аборигенов из числа кандидатов, которых рекомендует местный земельный совет аборигенов¹⁴. Вся предоставленная аборигенам территория была разделена на восемь владений, держателем (фригольдером) каждого из них объявлялась определенная земельная корпорация. Земельные корпорации обязывались использовать вверенную им землю на благо тех аборигенов, которые по традиционным нормам имели право занимать и использовать эту землю. Таким образом, в Акте было введено разделение между учреждениями, являющимися держателями фригольдов, и теми людьми, в чьих интересах должна использоваться земля. При этом среди последних наибольшие преимущества предоставлялись лицам, называемым в Акте «традиционными собственниками». Под «традиционными собственниками» имеются в виду члены тех локальных наследственных групп (родов), которые в соответствии с существовавшей у аборигенов традиций являлись хранителями тотемических центров (религиозных святилищ), расположенных в пределах каждого из выделенных земельным корпорациям владений. Следовательно, основой для наделения аборигенов юридическими правами на землю послужили не их практические нужды сегодняшнего дня, а их религиозные представления, связанные с землей. Составители Акта исходили из выводов ведущих австралийских этнографов, в первую очередь Р. и К. Берндтов, согласно которым у аборигенов существовало два вида или как бы два уровня землевладения или землепользования: религиозный и хозяйственный, причем религиозный имел первостепенное, а хозяйственный — второстепенное значение¹⁵. Мнение это разделяется далеко не всеми австраловедом и, по всей вероятности, не соответствует действительности¹⁶. Таким образом, в сравнении с традиционными нормами Акт о земельных правах аборигенов недостаточно учитывает хозяйственную основу традиционного землепользования и в своем определении «традиционных собственников» как членов одного только социального объедине-

¹³ Ibid., p. 30—55.

¹⁴ Земельные советы — выборные органы самоуправления аборигенов.

¹⁵ Maddok K. Op. cit., p. 16.

¹⁶ См., например: Кабо В. Р. Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М.: Наука, 1978.

ния (локальной наследственной группы, или рода) сужает круг людей имеющих наиболее благоприятные возможности для практического использования каждого конкретного участка земли, а также круг людей допускающихся к религиозным святыням, расположенным на этой земле. Кроме того, прежде чем быть признанными «традиционными собственниками», аборигены, претендующие на тот или иной участок земли должны доказать генеалогически свою принадлежность к соответствующей локальной наследственной группе. А сделать это после долгих лет детрибализации далеко не всегда легко. В большинстве случаев необходимо специальное расследование с помощью этнографов и свидетелей из среды аборигенов. Результаты таких расследований неизбежно несут печать субъективизма. Нужды всех тех аборигенов, которые были давно вытеснены со своих земель на окраины европейских поселений и не могут доказать традиционные права на те или иные конкретные участки земли, в Акте не учитываются.

Далее, несмотря на то, что земельные корпорации аборигенов формально являются владельцами фригольдов, они не могут, по условиям Акта, распоряжаться вверенной им землей. Все ответственные решения относительно земли аборигенов принимаются иными организациями — земельными советами аборигенов. Этих организаций на Северной Территории всего три: Северный и Центральный советы и Совет племени тиви (острова Мелвилл и Батерст). Членами земельного совета могут быть только аборигены. Обычно они делегируются общинами, проживающими в районе, который находится под управлением совета. Деятельность советов контролируется федеральным министром по делам аборигенов, а в качестве консультантов советы имеют этнографов и юристов.

К числу наиболее ответственных относятся решения, связанные с планируемыми на землях аборигенов разработками минеральных богатств или эксплуатацией других природных ресурсов, со строительством дорог, въездом на территорию аборигенов туристов и иных посторонних лиц, с охраной религиозных святынь. Любое из таких решений, по условиям Акта, может быть принято только при согласии всех «традиционных собственников» того участка земли, к которому это решение относится, причем после того, как соответствующий земельный совет убедится в том, что «традиционные собственники» правильно понимают значение и возможные последствия принимаемого решения.

«Традиционные собственники» через земельный совет могут наложить вето на добычу полезных ископаемых на своей территории. Однако поскольку вопреки требованиям аборигенов эти полезные ископаемые оставлены в собственности государства, постольку генерал-губернатор Австралии имеет право разрешить их разведку и добычу, несмотря на вето «традиционных собственников», если этого требуют, по формулировке Акта, «национальные интересы». Но такое распоряжение должно быть представлено на рассмотрение обоим палатам федерального парламента и в течение 15 дней одобрено или не одобрено ими.

При промышленной разработке природных ресурсов на земле аборигенов «традиционные владельцы» должны получать определенную долю прибыли, размер которой устанавливается в процессе переговоров между «традиционными собственниками», чьи интересы представляет один из земельных советов, и предпринимателями.

Наконец, Акт предусматривает возможности для расширения земельных владений аборигенов за счет удовлетворения претензий на отдельные участки неиспользуемой и принадлежащей короне земли на Северной Территории. Претензии эти могут предъявляться представителям федеральных властей земельными советами от имени аборигенов, являющихся «традиционными собственниками» этих участков. По приблизительным подсчетам, таким путем земельные владения аборигенов могут возрасти до 42% площади Северной Территории¹⁷.

Фригольды аборигенов являются неотчуждаемыми, следовательно полученные ими земли не могут быть проданы.

¹⁷ Steenhoven G. van den. Editorial Introduction in: Maddok K. Op. cit., p. 1.

издавая Акт о земельных правах аборигенов Северной территории, федеральное правительство рекомендовало правительствам штатов подготавливать и принять аналогичные законодательства. В 1982 г. в Южной Австралии был издан Акт о земельных правах крупной этнической группы аборигенов — питьянтятяра, в соответствии с которым они получили право коллективного владения землей, составляющей более 102 тыс. км². Для управления этой территорией был создан земельный совет питьянтятяра. В 1983 г. получили права на землю некоторые группы аборигенов Нового Южного Уэльса. В 1984 г. было принято законодательство о земле для аборигенов в Квинсленде, в 1985 г. — в Западной Австралии. О существовании этих трех законодательств речь пойдет ниже.

На Северной Территории за истекшее с 1977 г. время, благодаря главным образом удовлетворению заявок аборигенов на землю, принадлежавшую короне, владения их возросли с 18 до 28,2% всей площади штата¹⁸.

Кроме того, существует еще один путь для расширения земельных владений аборигенов: в 1974 г. был создан специальный правительственный фонд, чтобы покупать для аборигенов те их традиционные земли, которые оказались в частной собственности.

В целом аборигены, составляющие, как уже отмечалось, 1,2% населения континента, в конце 1984 — начале 1985 г. занимали на правах фриголда, аренды или в виде резерваций 11,71% территории Австралии¹⁹. Однако, чтобы внушительность этой цифры не вводила в заблуждение, следует еще раз напомнить, что значительная часть этих земель — пустыни и полупустыни Центральной и Южной Австралии, а также северный и северо-восточный районы с тяжелым тропическим климатом, мало пригодные для земледелия и скотоводства. В то же время эти земли — в первую очередь северные — чрезвычайно богаты полезными ископаемыми. Но для аборигенов в большинстве случаев это не благо, а несчастье. Промышленная разработка полезных ископаемых (урана, нефти, бокситов и т. п.) влечет за собой пагубные последствия для здоровья людей, живущих вблизи горнодобывающих предприятий, для природной среды, связана с разрушением или осквернением религиозных святынь аборигенов, к чему они теперь в условиях движения за национальное самоопределение относятся очень болезненно. Здесь интересы аборигенов находятся в непримиримом противоречии с интересами капиталистической экономики Австралии, интересами могущественных международных горнодобывающих компаний. И в этом коренится причина и того, что аборигены в сущности не могут полностью реализовать права, формально предоставленные им земельными законодательствами, и того, что эти законодательные акты вызывают резкую критику достаточно значительных по численности и весьма могущественных в экономическом и политическом отношениях слоев австралийского населения. Критика эта создает реальную угрозу тому, что удалось аборигенам достичь в борьбе за землю.

Все громче и громче звучат в Австралии голоса, призывающие лишить аборигенов права вето на добычу полезных ископаемых на их земле или даже совсем лишить их прав на землю. Основные политические противники современного движения аборигенов представлены находящимися сейчас в оппозиции национальной и либеральной партиями, профашистской организацией «Лига правых», а также особой организацией горнодобывающих компаний — «Австралийским советом горнодобывающей промышленности».

Лидеры либеральной и национальной партий официально заявляют, что, придя к власти, они ликвидируют право вето аборигенов на разработку полезных ископаемых в их владениях на Северной Территории, а также запретят им предъявление претензий на земли короны, вклю-

¹⁸ The Weekend Australian, 6—7.4.1985.

¹⁹ Facts. A Publication of Institute of Public Affairs. Summer 1984/1985, vol. 33, № 4, p. 4—5.

чающие национальные парки и территории, используемые для перегона скота владельцами скотоводческих хозяйств. Кроме того, они отменяют общевосточное законодательство о земельных правах аборигенов, которое намерено ввести лейбористское федеральное правительство, и передадут решение вопросов о претензиях аборигенов на дополнительные участки земли из ведения федеральных властей в ведение властей штатов²⁰.

В своих выступлениях в печати, по радио и телевидению представители враждебных аборигенам организаций, порой прибегая к нечестным приемам, утверждают, что федеральный Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории и аналогичные законодательства, введенные или планируемые в других штатах, ставят под угрозу благополучие всех фермеров Австралии, а также всех австралийцев, занятых в горнодобывающей промышленности.

В одном из опубликованных заявлений Австралийского совета горнодобывающей промышленности призыв лишить аборигенов права вето на добычу полезных ископаемых в их владениях сопровождается таким аргументом: Австралия — двенадцатая часть суши, а ее население составляет 0,3% мирового населения. Поэтому страна несет ответственность перед всем миром и обязана экспортировать свои минеральные богатства²¹. Здесь нелишне напомнить, что большая часть минеральных богатств Северной Территории — уран.

О том, насколько действен натиск враждебных аборигенам сил, можно судить по некоторым изменениям в официальных заявлениях лейбористского федерального правительства. Вскоре по приходе к власти (март 1983 г.) оно обещало не позднее осени 1984 г. ввести единое законодательство о земельных правах аборигенов, которое унифицирует соответствующие законодательства в штатах и предоставит аборигенам более благоприятные условия, нежели предусмотрено Актом 1976 г. Однако в 1984 г. издание такого законодательства было отложено до 1985 г., и федеральный министр по делам аборигенов в одном из выступлений заявил, что будущее федеральное законодательство не предоставит аборигенам права собственности на минеральные богатства и что аборигены будут иметь землю не на правах фригольда, а на «надежных правах». При этом он не объяснил термина «надежные права», но подчеркнул, что такое изменение формулировки позволит правительству проявлять большую гибкость при гарантировании аборигенам земельных прав. В марте 1985 г. принятие этого законодательства было еще отсрочено²².

Некоторые политические деятели Австралии, требующие отмены законодательств о земельных правах аборигенов, в своих публичных выступлениях не стесняются подкреплять основные экономические «аргументы» грубыми расистскими вымыслами о якобы бытующем у аборигенов каннибализме, об иных проявлениях их дикости и жестокости.

Как ни грустно это констатировать, подобная пропаганда оказывает воздействие на сознание значительного числа австралийских обывателей, в частности владельцев мелких фермерских хозяйств, а также наемных сельскохозяйственных рабочих. Через 18 лет после изъятия из австралийской конституции статей, дискриминирующих аборигенов, проявления бытовой расовой дискриминации коренных австралийцев со стороны белых австралийцев куда более часты, чем в те годы, когда коренное население континента не было граждански полноправным и не боролось за возвращение своих исконных земель. В одном из своих выступлений член парламента Западной Австралии абориген Э. Бридж сказал: «В 60-е годы, когда я был пастухом и жил в лагере пастухов, черные парни и белые парни, работая вместе, ладили друг с другом гораздо лучше, чем теперь»²³.

²⁰ The Socialist, 1.8.1984; 18.7.1984.

²¹ The Australian, 25.2.1983.

²² The Socialist, 6.6.1984; The Australian, 21.3.1985.

²³ The Weekend Australian, 13—14.8.1983.

Неблагодарность сложившейся ситуации во многом усугубляется тем, что аборигены в последнее время лишились поддержки многих союзников из числа белых австралийцев, в первую очередь поддержки значительной части рабочего класса, ряда профсоюзов, которые в 60-е — начале 70-х годов оказывали аборигенам активную помощь в их борьбе за гражданское равноправие.

Осознавая особую опасность союза аборигенов с рабочим движением белых австралийцев в условиях, когда основным политическим требованием аборигенов стало требование возвратить им их исконные земли, австралийский истеблишмент поставил перед собой цель разрушить этот союз. Ловко манипулируя средствами массовой информации, могучие политические противники сумели дискредитировать в глазах многих австралийских рабочих современные идеи самоопределения аборигенов, сумели убедить определенную часть австралийской общественности в том, что аборигены враждебно настроены по отношению ко всем белым австралийцам, в частности к рабочим. Предоставляя политическим деятелям аборигенов слово в печати, на радио и телевидении, организаторы этой кампании специально подбирали людей, придерживающихся экстремистских установок. Эти люди, весьма немногочисленные и в большинстве своем метисы, а не чистокровные аборигены, выступая якобы от имени всех коренных австралийцев, выдвигали необоснованные претензии к белому австралийскому населению и позволяли себе грубые расистские «антибелые» высказывания, резкие выпады против рабочего класса, профсоюзов. Таким образом постепенно был вбит столь основательный клин между политическими организациями аборигенов и профсоюзами, что последние в значительной мере потеряли интерес к политическому движению коренного населения Австралии.

Разумеется, некоторые группы белых австралийцев по-прежнему оказывают аборигенам поддержку в их борьбе за землю, за национальное самоопределение. Значительную часть союзников аборигенов составляют студенты, придерживающиеся левых убеждений. Верным политическим помощником коренных австралийцев является Социалистическая партия Австралии. Но в целом силы политических противников аборигенов в настоящее время превосходят силы их сторонников. Одно из наиболее ярких свидетельств тому — недавняя кампания, связанная с борьбой аборигенов за земельные права в Новом Южном Уэльсе.

Новый Южный Уэльс — штат, образовавшийся из старейшей австралийской колонии. 40 тыс. человек из его пятимиллионного населения считают себя аборигенами, но подавляющая их часть — метисы. Большинство аборигенов в Новом Южном Уэльсе потеряло всякие связи с традиционной культурой своих предков. Почти все они втянуты в капиталистическую систему товарно-денежных отношений. Примерно половина из них живет в городах. Тем не менее в этом штате сохранились учрежденные во второй половине прошлого века резервации для аборигенов. Их было довольно много, но все они имели небольшие территории площадью в общей сложности около 9 тыс. га. В последние десятилетия 4700 га из этой суммарной площади было нелегально отчуждено для частного предпринимательства, т. е. фактически оставшаяся площадь резерваций — всего 4300 га²⁴. Таким образом, в Новом Южном Уэльсе сложилась совершенно иная ситуация, чем на Северной Территории, где резервации занимали около четверти миллиона квадратных километров и где аборигены — в большинстве своем чистокровные, сохраняющие многие черты традиционной культуры, — составляют примерно 1/4 населения.

Лейбористское правительство Нового Южного Уэльса во время своей предвыборной кампании, следуя общей установке федерального правительства и идя навстречу требованиям аборигенов, а также определенной части белых жителей штата, обещало наделить аборигенов земель-

²⁴ The Australian, 17.3.1983.

ными правами. Придя к власти (1977 г.), оно создало особую комиссию, которая должна была подготовить рекомендации для соответствующего законодательства. Эта комиссия опубликовала доклад, содержащий предложения, в основном соответствовавшие требованиям аборигенов. В отличие от Акта 1976 г. в этом докладе предлагалось наделить аборигенов землей исходя из их практической потребности в ней. Рекомендовалось передать аборигенам в собственность земли резерваций в первоначальном размере или же выплатить им компенсацию за незаконно отчужденные земли. Кроме того, предполагалось, что в собственности аборигенам будут отданы некоторые неиспользуемые земли короны, что фиксированный процент получаемого правительством поземельного налога будет предоставлен аборигенам, чтобы они могли покупать для себя землю²⁵.

Этот доклад поставил правительство в трудное положение. Решившись вернуть аборигенам незаконно отчужденные и используемые частными предпринимателями земли резерваций, оно несомненно потеряло бы значительное число голосов на очередных выборах. Резкую критику многих избирателей вызвало бы и решение о выплате аборигенам компенсации за эти наиболее ценные земли резерваций. Потерей определенной части голосов грозило также предоставление аборигенам незанятых земель, находящихся в собственности короны. Новый Южный Уэльс — штат густонаселенный, неиспользуемой земли в нем мало, и основная часть ее находится в западных районах, где особенно велико число жителей, протестующих против удовлетворения земельных притязаний аборигенов.

В течение двух лет в правительстве штата продолжались дебаты по этому вопросу. Комитет по делам аборигенов твердо отстаивал содержащиеся в докладе комиссии рекомендации. Но в конце концов верх одержали представители правого крыла лейбористской партии, настоявшие на том, чтобы голосам избирателей было отдано предпочтение перед интересами аборигенов. В декабре 1982 г. была опубликована так называемая «Зеленая брошюра» с проектом законодательства, в котором планировалось предоставить аборигенам на правах фригольда только земли, фактически входившие в состав резерваций. Компенсации за незаконно отчужденные земли не предусматривалось. В проекте планировалось, что аборигены не будут иметь права вето на разработку на более ценных полезных ископаемых — золота, серебра, нефти, угля. Кроме того, предусматривалась возможность расширения земельных владений аборигенов за счет удовлетворения их претензий на незанятые земли короны. Но согласно проекту, такие претензии могут быть удовлетворены только в том случае, если ни власти штатов, ни местные административные органы — советы графств — не планируют использовать соответствующие участки земли в будущем. В общей сложности около 100 инстанций должны дать свое согласие на удовлетворение любой такой претензии аборигенов. В этих условиях предъявление претензий на незанятые земли короны почти наверняка обречено на неудачу²⁶. Наконец, в проекте была учтена рекомендация выделить фиксированный процент поземельного налога на покупку земли для аборигенов.

Сразу же после опубликования «Зеленой брошюры» аборигены штата выступили с резкими протестами против основных пунктов проекта. Проводились бурные митинги. В Сиднее перед зданием парламента штата, как в 1972 г. в Канберре перед зданием федерального парламента, аборигены в знак протеста раскинули палаточный лагерь. Как и в 1972 г., лагерь был ликвидирован полицией. Организации аборигенов направляли также петиции федеральному правительству, в которых содержалась просьба вмешаться и, используя полученные после референдума 1967 г. полномочия, настоять на пересмотре проекта. Некоторые служащие департамента по делам аборигенов в Новом Южном Уэльсе

²⁵ Sydney Morning Herald, 5.6.1983.

²⁶ Tribune, 26.1.1983.

устроили забастовки протеста. Тем не менее проект прошел через парламент и в марте 1983 г. приобрел силу закона. Было также задним числом узаконено отчуждение земель резерваций²⁷.

Симптоматично, что последовавшую со стороны аборигенов и определенных кругов сочувствующих им белых австралийцев критику этого законодательства не поддерживали организации рабочих. Ни один профсоюз не принял резолюции о поддержке аборигенов в этом вопросе, ни один не выразил солидарности со служащими департамента по делам аборигенов, проводившими недельную забастовку протеста. А ведь в конце 60-х — начале 70-х годов, когда аборигены из племени гуриидьи в Западной Австралии впервые выдвинули требования возвратить им племенные земли, именно профсоюзы высказали горячее сочувствие.

Еще более ограниченные земельные права получили аборигены в Западной Австралии. Им вообще не даны права вето на разведку и промышленную разработку полезных ископаемых на их территории, а также права на долю прибыли от их добычи.

Но наиболее неблагоприятная для аборигенов ситуация сложилась в Квинсленде, где у власти находится самое реакционное в Австралии правительство и где крайне консервативно настроенные фермеры составляют значительную часть населения. Очевидно, опасаясь, что федеральное правительство данной ему в результате референдума властью введет в Квинсленде законы о земле, аналогичные Акту о земельных правах аборигенов Северной Территории, и стремясь не допустить этого, квинслендское правительство опубликовало 31 мая 1984 г. собственное законодательство. Оно не гарантирует аборигенам неотчуждаемой собственности на землю резерваций, а предоставляет эту землю им в пользование на условиях аренды без права распоряжаться полезными ископаемыми. Законодательство учредило в общинах аборигенов выборные советы с ограниченными полномочиями и в то же время лишило аборигенов права участвовать в выборах в местные органы власти²⁸. Л. Мунро, являвшаяся в то время президентом Национальной конференции аборигенов (совещательного органа при федеральном правительстве) охарактеризовала это квинслендское законодательство как «образец самого расистского закона за всю историю Австралии»²⁹. В самом Квинсленде те немногие аборигены, которые отважились, несмотря на сугубо антидемократическую обстановку, открыто выступить с протестами против такого законодательства, подверглись суровым репрессиям. 35 человек было арестовано в Брисбене³⁰.

Квинсленд, как и Северная Территория, — штат, в котором живет большое число чистокровных аборигенов, сохранивших в массе своей, несмотря на долгие годы детрибализации, многое из древней культуры предков. В настоящее время они, включившись в общее движение аборигенов Австралии за национальное самоопределение, стремятся упрочить или возродить обычаи своих племен. И поскольку главным в своей традиционной духовной культуре аборигены считают тотемические верования и культы, концентрирующиеся вокруг древних религиозных святынь на их племенных землях, постольку сохранение или возобновление этих верований и культов сделалось для них теперь не только символом национального возрождения, но и реальным средством консолидации и коллективного самоутверждения³¹. Однако в отличие от федеральных властей, которые включили в Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории особый пункт об охране тотемических святынь на земле аборигенов и которые в 1984 г. приняли закон, гарантирующий аборигенам охрану тотемических центров на земле короны, квинслендское правительство не только не оказывает аборигенам никакой поддержки в деле охраны их древних религиозных святынь от раз-

²⁷ The Australian, 31.3.1983.

²⁸ The Socialist, 6.6.1984.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Артемова О. Ю. Указ. раб.

рушения или оксвернения посторонними, но, напротив, стремится подавить движение аборигенов за возрождение традиционных культур. И. Бьелке-Питерсон, квинслендский премьер-министр, в одном из своих публичных выступлений, зло высмеивая тотемические религиозные представления аборигенов, заявил: «Я положу конец всем этим священным игуанам и всей этой галиматье о Времени Сновидений»³².

За этими словами не только пренебрежение к психологическому состоянию людей, которые долгие годы были на грани вымирания и жили в обстановке «культурного вакуума», не только стремление подавить начавшееся было у них оживление духовной жизни — за этими словами пренебрежение и к материальным условиям их существования. Свидетельство тому — крайняя бедность и угрожающее состояние здоровья квинслендских аборигенов, алкоголизм и преступность, более высокие, чем среди аборигенов других районов страны.

По-видимому, квинслендские аборигены в массе своей — самая обездоленная и неполноправная часть коренных австралийцев; но и в других штатах есть группы аборигенов, живущие в исключительно тяжелых условиях. Это, в частности, относится к некоторым «децентрализованным» общинам Северной Территории и Западной Австралии.

Когда среди аборигенов началось движение за создание «внешних поселений», федеральное правительство, следуя, в числе прочих соображений, рекомендациям ведущих австралийских этнографов, расценило это движение как способствующее оздоровлению психологического климата в среде аборигенов и взяло курс на то, чтобы оказывать «внешним поселениям» поддержку в юридическом отношении, а также материальную помощь — деньгами, продовольствием, медикаментами и т. п. Это касалось главным образом «внешних поселений» на территориях резерваций, а позднее на землях, перешедших в собственность земельных корпораций аборигенов. Но в движении «децентрализации» приняли участие и те аборигены, чьи исконные земли находились в частной собственности белых австралийцев. «Незаконно» переселившиеся в частные владения, эти аборигены, не получая никакой или почти никакой правительственной помощи, не имея возможности заниматься охотой и собирательством или организовать земледельческие либо скотоводческие хозяйства, как это делалось во «внешних поселениях» на территории бывших резерваций, оказались лишенными средств к существованию. Они голодают, зачастую не имеют жилья, не получают медицинской помощи. Однако у многих из них решимость не расставаться с землей предков столь сильна, что они не поддаются ни на какие требования или угрозы покинуть ее и живут в поистине катастрофическом положении. Как уже упоминалось, существует специальный денежный фонд, позволяющий выкупать у частных собственников участки земли, занятые такими группами. Однако землевладельцы в большинстве своем не хотят продавать эти участки (обычно весьма небольшие) и, несмотря на неоднократные предписания федеральных властей, отказываются даже вести переговоры на этот счет.

Годами не удается узаконить свои права на землю, а следовательно, создать сколько-нибудь стабильное материальное положение и многим «децентрализованным» группам аборигенов, чьи земли находятся в собственности короны на Северной Территории. Недавно в этом штате появилась особая организация — Заинтересованные граждане Северной Территории. Ее основной целью является противодействие удовлетворению претензий аборигенов на участки земли, принадлежащие короне. Организация эта имеет влияние на правительство штата, которое уже не раз заявляло о стремлении пересмотреть статьи Акта 1976 г., касающиеся претензий аборигенов на незанятые земли короны³³.

В сравнительно лучших условиях находятся «внешние поселения» на территориях, перешедших в собственность земельных корпораций абори-

³² The Socialist, 6.6.1984.

³³ Semper. University of Queensland Student Magazine. March, 1983.

генов. На Северной Территории их насчитывается около 160 со средней численностью 30—50 человек в каждом. Во многих из них аборигенам удается удовлетворять бытовые нужды и духовные запросы в значительной мере своими силами. В ряде таких поселений есть свои медпункты, начальные школы, продовольственные склады. Как показывают специальные исследования, у жителей этих «внешних поселений» наблюдается общее улучшение здоровья и психического состояния. Здесь успешнее, чем в других группах аборигенов, преодолеваются трудности, порожденные алкоголизмом³⁴. Однако над этими завоеваниями нависла угроза, связанная с уже ведущимися на земле аборигенов или планируемые промышленными разработками урановых месторождений³⁵.

По условиям Акта о земельных правах на Северной Территории аборигены не могут налагать вето на разработку тех месторождений, эксплуатация которых была запроектирована и разрешена правительством ко времени утверждения Акта. Список таких проектов оказался весьма внушительным. Среди них два крупных урановых месторождения, разработка которых начата несколько лет назад,— предприятия Набалко и Рэнджер. Их деятельность наносит большой вред природе и угрожает здоровью аборигенов, живущих в непосредственной близости от предприятий и неспособных в силу своей непросвещенности оценить опасность подобного соседства.

Перед приходом к власти лейбористы обещали не давать больше лицензий на добычу урана на Северной Территории. Однако могущественные отечественные и иностранные горнодобывающие компании оказывают сильнейшее давление на федеральное правительство и на правительство штата, чтобы добиться утверждения новых проектов. Такое давление испытывают и политические и общественные деятели аборигенов, причем определенная часть из них ему поддается. Это проявляется, в частности, в действиях руководителей Северного земельного совета. В июне 1983 г., несмотря на противодействие министра по делам аборигенов К. Холдинга, между «традиционными собственниками» одного из владений аборигенов и канадской компанией «Денисон Остралиэн Лимитед» было заключено соглашение о разработке уранового месторождения Кунгарра. По этому соглашению 25% прибылей будущего предприятия должны принадлежать аборигенам. Многие подписавшие соглашение аборигены сделали это против своего желания, под сильным давлением Северного земельного совета, в свою очередь подпавшего под влияние горнодобывающих корпораций³⁶.

В июне 1984 г. Северный земельный совет публично одобрил деятельность горнодобывающих компаний на Северной Территории. По-видимому, такую позицию руководителей этой организации следует связывать с тем, что разработка полезных ископаемых на земле аборигенов сулит им внушительные денежные прибыли. Так, от эксплуатации двух урановых месторождений на Северной Территории аборигены получают от 12 до 14 млн. долларов в год³⁷. С этим связана и пропаганда так называемого нового образа жизни аборигенов — материального благосостояния, основанного на доходах от горнодобывающих предприятий на их земле. Несомненно, на определенную часть аборигенов такая пропаганда оказывает значительное влияние³⁸. Близорукость и беспечность подобной ориентировки естественна и простибельна для малообразованных

³⁴ Миган Б. Ф. Движение аборигенов за создание «внешних поселений»: возврат к прошлому или подготовка к будущему? — XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л. Тезисы докладов, т. 2. М., 1979, с. 22; *Young E. Op. cit.*, p. 8; *Newsweek*, 23.5.1983, p. 31.

³⁵ *Butt L., Cook I. Nuclear Land Battles. Land Rights, Uranium and the Northern Territory.* — *Semper*, March, 1983; *Milliken R. Conference Eve Report: Uranium's Impact on Aborigines: Devastating.* — *The National Times*, 6—12.7.1984.

³⁶ *Courier Mail*, 25.6.83; *Semper*, March, 1983.

³⁷ *The Australian*, 25.2.83.

³⁸ *Раззакова Э. И.* Коренные жители Австралии и проблема эксплуатации недр. — Программа XVI научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1985, с. 18.

аборигенов, живущих вдали от культурных центров страны в нужде лишениях, но непростительна для лидеров их политического движения

Анализ ситуации, сложившейся в тех группах аборигенов, которые имеют определенные доли прибылей от добычи урана на их земле, показывает, что получение значительного количества денег влечет за собой отрицательные социально-психологические последствия. Поскольку существует разумно разработанной системы распределения денег между всеми живущими на территории, где действует горное предприятие создается атмосфера зависти, взаимного неудовольствия, распри. Таким образом, разрушается тот коллективизм, на основе которого аборигены надеются осуществить свое национальное возрождение. Далеко не скоро на территории одних групп есть крупные месторождения, на территории других их нет, а долю прибыли получают главным образом «традиционные собственники» той земли, где действует горное предприятие, создаются условия для развития враждебности между соседствующими группами, что угрожает солидарности аборигенов в борьбе за свои права в масштабах штата и страны в целом.

У аборигенов, живущих вдали от европейских культурных центров страны, нет необходимых условий для хранения получаемых ими крупных сумм денег — нет, в частности, удовлетворительного банковского обслуживания. Да и сами аборигены в массе своей не умеют и не хотят копить и беречь деньги: то, что они получают, они, как правило, быстро растрачивают. Между тем источники их денежных доходов через 15—30 лет могут иссякнуть. Что же тогда останется? Изуродованная земля и нищета. Умение же довольствоваться малым, а также нормы взаимопомощи, коллективизм и иные традиционные ценности духовной культуры будут безвозвратно утрачены.

В этих условиях борьба против дальнейшего расширения сфер деятельности горнодобывающей промышленности на земле аборигенов — неотложная задача их движения за национальное самоопределение.

И. Ж. Кожановская

К ВОПРОСУ О РАНГЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ПОЛИНЕЗИИ (на примере Тонга)

Когда речь заходит о характере полинезийских обществ, они рисуются воображению историков как типичный образец социально неоднородных структур, занимающих на эволюционной шкале некое промежуточное положение между типично эгалитарными образованиями классической первобытности и классовыми обществами. В советской этнографической литературе наиболее продвинутые из них — Гавайи, Тонга, Таити — атрибутировались даже как раннефеодальные. Строй же в целом — как сословно-кастовый¹. Но вне зависимости от формационной оценки разбираемых обществ (это сфера социально-экономического анализа) — все ученые единодушны в обрисовке полинезийской социальной структуры как иерархической, знающей — на любом архипелаге или острове — противопоставление благородных (они же «вожди», они же «аристократия») простолюдином («общинникам»), а то и выделение большего числа групп; знающей развитый культ вождя, и, как минимум, — «двойной стандарт» во всем, будь то религиозные церемонии, сложный этикет, формы одежды, жилья, питания, или владение сокровищами знаний, секретами ремесла, или даже существование особых комплексов лексики. Все эти бросающиеся в глаза проявления социального неравен-

¹ См., например, Независимые государства Океании. М.: Наука, 1984, с. 105.

ства принято (в зарубежной историографии) называть стратифицированностью общества. Наличие неравноправных стратов (как бы их ни называли исследователи: статусные уровни, сословия, касты, ранги или классы) — общепризнанная черта традиционной полинезийской структуры. В основе такого рода стратификации лежит ролевая, функциональная дифференциация различных групп населения в процессе общественного производства.

Именно этот момент остается неизменным (деление на непосредственных производителей жизненных благ и тех, кто управляет производством, контролирует распределение и перераспределение продуктов, соответственно осуществляет власть и пр.), а степень выраженности подобной дифференциации населения может быть различной².

Однако этим не исчерпывается специфика рассматриваемых обществ. Люди в них не только относятся к разным стратам, но они внутри одного и того же страта могут занимать иерархически соподчиненные общественные должности и, следовательно, различаться по своим титулам; родственные группировки, к которым они принадлежат, могут различаться по старшинству; наконец, есть свидетельства о том, что и на индивидуальном уровне все люди ранжированы. Например, «в тонганской семье нет двух человек, равных по рангу»³. И все эти деления закреплены в самых разнообразных, но строго определенных проявлениях социальной жизни, иногда перекрещивающихся между собой. Если учесть, что кроме пронизывающих все иерархических представлений существуют еще различия в способе счета родства, наследования имущества, титулов, принадлежности к тому или иному страту, есть различия в распространенных тут типах систем родства, формах родственных группировок, то реальная картина полинезийской социальной структуры предстанет весьма сложной, вариативной и неоднозначной, даже запутанной.

Понимая всю притягательность построения простых и ясных моделей обществ, подобных полинезийским, и сознавая неизбежность схематизации действительности в процессе познания, приходится признать, что на известных этапах накопления научных сведений ранее приемлемые построения воспринимаются уже не просто как необходимо упрощающие, но как искажающие реальность. Вот почему, например, не может ныне полностью удовлетворить то понимание интересующего нас предмета, которое было предложено 30 лет назад С. А. Токаревым и А. И. Блиновым, имело хождение в 60-е годы и почти неизменным выглядит во второй половине 80-х⁴. Мы имеем в виду сведение характеристик общественного устройства Полинезии в XVIII — начале XIX в. к сословно-кастовому строю (вариант В. Р. Кабо — «сословно-иерархическому»).

Во-первых, те сословные схемы, которые нам рисуют, не всегда достоверны из-за противоречий, возникающих при сравнении источников (см. указ. раб. Н. П. Раввы). Н. А. Бутинов, например, в своей последней книге приводит без каких-либо оговорок следующий перечень тонганских стратов: «*Эги* — вожди, *матабуле* — их советники, *муа* — потомки и младшие родственники *матабуле*, *туа* — рядовые общинники, земледельцы (курсив мой. — И. К.)»⁵. Но известно, что этот список У. Маринера (1827 г.) оспаривается, по крайней мере У. Гиффордом (1929 г.), который добавляет к нему рабов (*хопоате*) и исключает муа (на том

² М. Д. Салинс предложил четырехступенчатую классификацию полинезийских обществ по степени их стратифицированности (*Sahlins M. D. Social Stratification in Polynesia*. Seattle, 1958, p. 11).

³ Gifford W. Tongan Society. Honolulu, 1929, p. 18.

⁴ Народы Австралии и Океании (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Изд-во АН СССР, 1956; Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании. — Народы Азии и Африки, 1966, № 2; Равва Н. П. Общественный строй Таити (конец XVIII — начало XIX в.). — Народы Азии и Африки, 1966, № 1; Независимые государства Океании. М.: Наука, 1984; Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.

⁵ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 13—14.

основании, что это несловосное понятие, означающее «лицо, стоящее выше кого-либо»). По данным А. Кепплера⁶, *муа эики* (или просто *муа* называли лиц, которые, будучи эики (вождями), обладали титулом, характерным для матапуле. В работе Э. Ботт⁷ *муа* вообще не фигурирует. На наш взгляд, уже сама расшифровка данного понятия в приведенной схеме явно контрастирует с «ролевыми» значениями остальных страт и подозрительно выделяется. Что касается слоя матапуле, то У. Гиффорд склонен видеть в нем всего лишь должность (хотя все же зачисляет один из трех основных «классов» населения). А. Кепплер выделяет ее как промежуточный класс между двумя основными: эики и туа. Согласно данным У. Маринера со смертью отца только старший сын матапуле становился матапуле и только старший сын *муа* становился *муа*, все остальные наследники относились к более низким подразделениям. На наш взгляд, это делает ещё более сомнительным выделение *муа* и матапуле в качестве сословий, поскольку описанный механизм (принцип мужского первородства) связан на Тонга именно с обычаем передачи по наследству титула, т. е. должности. Кроме того, известно, что не существует такой генеалогической преемственности, как приведенная выше, между самой высокой категорией эики и следующей за ней матапуле: дети вождей вовсе не выпадают автоматически из страта, к которому принадлежат их родители. Хотелось бы думать, что все составляющие сословного комплекса должны подчиняться единому правилу. В таком случае категории матапуле и *муа* едва ли правомерно считать сословиями наряду с эики и туа. Если же справедливо мнение о четырехстепенном делении тонганского общества, то не следует, на наш взгляд, атрибутировать выделенные страты как сословия и тем более как касты, имея в виду, что описанный механизм рекрутирования социальных слоев не характерен ни для каст, ни для сословий.

Во-вторых, отмеченное противоречие в конкретной «сословно-кастовой» схеме не только не принимается во внимание, но на эту схему пытаются опираться. Например, делается неожиданный вывод о том, что матапуле суть вожди общин, а *муа* — главы домохозяйств⁸. Прежде всего данное утверждение носит произвольный характер, так как из тождества принципов наследования еще не вытекает тождество самих наследуемых форм. Кроме того, вывод Н. А. Бутинова не согласуется с фактами, поскольку матапуле составляют свиту вождей и селятся рядом с ними, а те живут, не будучи связаны с конкретными общинами. К тому же известно, что в тонганском языке существуют специальные термины *хингоа эики* и *хингоа матапуле*, означающие «титул вождя» и «титул матапуле». Есть вожди без титулов (*сино и эики*), точно так же не всякий матапуле титулован (в отличие от главы общины). Наконец, *хингоа матапуле* подразумевает отсутствие «политической власти», т. е. права иметь людей в подчинении, а такой властью всегда наделены главы общины.

Получается, что не различая в конкретной социальной структуре по крайней мере два самостоятельных пласта в виде сословий и титулов, можно прийти к ошибочным заключениям.

В-третьих, не случайно в бытующей у нас упрощенной схеме иерархических явлений полинезийской культуры имеет место смешение понятий. Общественный страт свободно именуется и кастой, и рангом, и сословием, и классом, и даже титулом! Однако каким бы нестрогим ни выглядел каждый из перечисленных терминов, все они, без сомнения, различны и не могут служить синонимами. Но сложившаяся ситуация помимо всего прочего свидетельствует о том, что наш предмет — сложный феномен, имеющий многоуровневую структуру; какие-то неучтен-

⁶ Kaeppler A. L. Rank in Tonga.— Ethnology, 1971, vol. X, № 2, p. 179.

⁷ Bott E. Power and Rank in the Kingdom of Tonga.— The Journal of the Polynesian Society, 1981, vol. 90, № 1.

⁸ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 14.

⁹ Bott E. Op. cit., p. 10.

ные пласты так или иначе заявляют о себе, накладываясь или соседствуя с тем, что мы привычно выделяем.

* * *

Весьма наглядным примером для уточнения наших представлений об особенностях традиционных полинезийских обществ могла бы послужить иерархическая структура, бытовавшая у тонганцев¹⁰ и частью уже упоминавшаяся. Интересно, что, несмотря на повсеместное проявление ранжированности в тех или иных группировках людей, на Тонга не знали слова для обозначения ранга¹¹, а просто оперировали понятиями эики/туа, совпадавшими с двумя основными подразделениями всего населения. И хотя термин эики чаще всего переводят английским «chief», но, по словам весьма авторитетного информатора, королевы Салотэ Тупоу, первоначально он не носил того оттенка обладания властью, какой ему присущ в известной мере теперь, а означал человека аристократического происхождения¹². Отношение эики/туа, можно сказать, пронизывает все общественные связи тонганцев, при условии, однако, что существует не одна, а несколько шкал, к которым оно приложимо. Так, с точки зрения отношений на уровне *каинги* (кровнородственной группы, атрибутируемой как «билатеральная родня»), в нулевом поколении всякая женщина вне зависимости от возраста будет эики по отношению к мужчине (а он — туа); только после пола принимается во внимание абсолютный возраст (тут старший всегда выше рангом, чем младший). В +1-м поколении (+1 п.) действует иной принцип: патрилатеральные родственники обладают более высоким положением по сравнению с *Ego* (*E*), причем наивысший ранг у старшей сестры отца, остальные сестры — значительно ниже, и еще ниже — братья отца. Наоборот, все родственники со стороны матери считаются туа по отношению к *E*, при этом самый низкий ранг — у братьев матери, чуть выше — у ее сестер, но принцип возраста материнских сиблингов уже мало сказывается на поведении говорящего. В соответствии с указанным принципом в -1 п. дети сестры мужчины считаются старше его самого, его детей и детей его братьев (причем наивысший ранг — у старшей племянницы). Собственные дети и дети братьев — туа для *E*, но дочь несколько выше сына. В -2 п./+2 п. различия статуса почти нет, только внуки от дочери ценятся немого выше, чем внуки от сыновей¹³.

Разным рангам в среде родственников соответствуют и определенные поведенческие модели, которые не следует путать с моделями поведения в зависимости от классов родства, хотя они, конечно, взаимосвязаны. Мы имеем в виду, что в положение эики попадают несколько классов родства, но поведение, соответствующее каждому из них, будет иметь разные оттенки — от избегания, например, до «заботы о благосостоянии» или «уничтожения». Но параллельно с этим существуют такие особые обстоятельства, в которых родственники (хотя и не все их классы) распределяются в соответствии с основным ранговым отношением. Так, на похоронах это принимает специфическую форму деления на две группы: *фаху* и *лионги*. Первые — те, кто старше, а вторые — те, кто считается младше умершего. Церемониальное различие заключается в том, что именно *лионги* приносят продукты для устройства пира, преподносят их *фаху* и сами затем готовят еду на всех; они не имеют права находиться в доме покойного; *фаху* же, напротив, могут оставаться в помещении, занимая место в головах гроба; на улице они образуют кружок пьющих каву. Дети присоединяются к *лионги*. Старшие параллельные сиблинги, дедушки с бабушками и внуки, а также свойственники умершего не по-

¹⁰ В последние десятилетия на Тонга велось интенсивные полевые исследования, что объясняется явной недостаточностью всех прежних сведений в области социальной организации архипелага.

¹¹ *Bott E.* Op. cit., p. 10.

¹² *Ibidem.*

¹³ *Kaeppler A. L.* Op. cit., n. 176.

падают ни в один из указанных разрядов и имеют право присоединения на дворе к кому хотят. А. Кепплер и Э. Ботт несколько расходятся в том, кто именно из родни считается лионги, но в нашем случае этим можно пренебречь, так как все равно в целом сохраняется противопоставление патрилатеральных родственников матрилиатеральным и явное выделение среди отцовских родичей женской линии наследования, поскольку главным лицом среди фаху назначается либо сестра отца, либо кто-то из детей, либо кто-то из детей сестры покойного. На свадьбах и праздниках дня рождения годовалого ребенка фигура главного фаху — так необходимая составная часть ритуала. В повседневной экономической жизни можно зафиксировать периодический обмен продуктами и услугами в двух направлениях: от *Е* к группам, где живут его родственники по отцу, и наоборот, к *Е* — от каинги его матери¹⁴.

Итак, наивысшим рангом среди родственников обладают женщины. На это с удивлением указывал еще Дж. Кук. С удивлением, поскольку европейцу привычно было связывать самый высокий статус и с самой высокой должностью в стране, но даже священный вождь Туи Тонга успел пал в этом смысле своей сестре Туи Тонга Фафине, а знатнейшей на архипелаге считалась дочь последней (*Тамаха*) в случае, если она родилась от брака с мужчинами старшей ветви определенной генеалогической линии. А поскольку существовавшие на архипелаге генеалогии создавали стройную картину общего происхождения всех жителей единого предка, то в принципе каждый человек мог определить степень своей знатности, проследив связи по рождению с указанными высокими особами. Хотя реально на уровне слоя туа уже не имело смысла этим заниматься. Вопрос о близости к Тамахе мог волновать только тех, кому приходилось спорить на тему «чей ранг выше». Поразившее Кука противоречие коренилось в том, что обрисованная только что система индивидуального ранга в каинге не была единственной: параллельно с ней существовала система наследования (имущества, права на руководящее положение, принятие решений, наконец, на титул), в которой женщина (за редким исключением) уже не было места и которая основывалась на строгом принципе мужского первородства. Поэтому, например, сестры подчинялись братьям, а их более высокий статус сказывался — помимо церемониальной сферы — в том, что они могли надеяться на выполнение любой своей просьбы, однако распоряжаться и командовать не имели права. Власть у них не было. Самый старший сын наследовал власть, становился главой семьи, заботился о братьях и сестрах (до их замужества, а после него всю жизнь опекал их и детей в их новых группах, дарил первые плоды урожая и делая другие подношения). Матери наследовали, только если у той не было братьев, но и тогда считалось, что все идет от деда (т. е. сохранялась «патрилинейная эмфаза») ¹⁵. В тонганском языке есть и особый термин *пуле*, переводимый как «authority» и означающий право на руководство. Человек, обладающий пуле, может рассчитывать на поддержку со стороны тех своих родственников, которые пуле лишены. Естественно, что в числе последних оказываются матрилиатеральные родственники, а мужчины с отцовской стороны характеризуются одновременно и как пуле, и как эики. У сестер пуле нет.

Мы видим, что шкалы абсолютных градаций, на которых строятся отношения: эики/туа и пуле/не пуле, — очень похожи и почти совпадают. Они строятся на одной и той же основе: на терминологии родства, — но отбор конкретных категорий происходит в них по-разному. Это-то и позволяет говорить о наличии двух иерархических подразделений на уровне системы родства. Тут уместно было бы, как нам кажется, отметить одну особенность. По данным многочисленных наблюдателей, в 60-е годы нашего века на Тонга еще в ходу были описанные выше нормы, хотя тип системы терминов родства (СТР), по свидетельству М. В. Крюкова, последовательно менялся, и фазы этих изменений, к счастью, фиксирова-

¹⁴ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 179.

¹⁵ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 178.

типу тонганская система терминов превратилась в классическую гавайскую¹⁶. И если уже к 1914 г. отмечался единый термин для кузенов и сиблингов, а в 1920-х годах не выделялись перекрестные ниблинги мужичины, — то мы можем констатировать на довольно значительном отрезке времени явную консервативность ранговых представлений по сравнению с лабильностью СТР: ведь часть обрисованных нами поведенческих моделей в отношении кровных родственников свидетельствует о том, что они прямо соответствуют СТР ирокезского типа с ее принципом бифуркации (для всех тех, кто ныне является претендентом на роль фаху в церемониях, в прошлом имелись терминологические соответствия; как класс родства они уже не фигурируют, зато остаются денотатами ранговых категорий). Указанный феномен, разумеется, нуждается в осмыслении с учетом многих обстоятельств исторического плана.

Помимо дифференциации населения Тонга на уровне кровнородственных подразделений западные авторы (Кепплер, Корн, Ботт) выделяют еще уровень общества в целом (расходясь при этом в конкретных дефинициях и терминах)¹⁷. Одну из форм такого рода деления мы уже упоминали. С. А. Токарев в работах 1956—1958 гг. справедливо указывал, что механизмом образования «резко разграниченных рангов», «по существу, общественных классов», являлась сегментация генеалогических линий на старшие и младшие ветви¹⁸. Одновременно он отмечал как особенность «текучесть каст».

М. Д. Салинс предложил классифицировать формы стратификации, выделив как наиболее распространенную — «рэмиджную систему» (или иначе «конический клан»), «систему десцентных линий» и организацию, характерную для атоллов, с различными вариантами сочетания первых двух форм¹⁹. В конкретном случае с Тонга интересно, что автор в качестве типичного рэмиджа рисует так называемый хаа, тем самым характеризуя его как «внутренне ранжированную сегментированную унилинейную родственную группу, действующую и как политическая единица»²⁰. Именно совокупность хаа в идеале должна составлять единый рэмидж в масштабе всего общества и порождать в силу принципа первородства деление на индивидуальные ранги. При этом последние на уровне одного поколения должны равномерно убывать относительно фигуры верховного вождя по мере нарастания коллатеральности. Однако, говорит М. Д. Салинс, реально все выглядит несколько иначе, и независимо от степени удаленности возникают непропорционально высокие ранги, соответствующие прямым линиям наследования уже в самих отдельных хаа, которые как бы демонстрируют самостоятельность и самооценку своей собственной сегментации.

Автор никак не объясняет причины, лежащие в основе такого противоречия между «теоретическим» и «действительным» рангом — ситуации, характерной, по его словам, для большинства полинезийских обществ²¹. Но, возможно, тут кое-что могла бы прояснить иная трактовка института хаа. Так, А. Кепплер, соглашаясь с тем, что хаа — рэмидж, называет его группой, образованной держателем титула, его потомством, а также потомством прежнего держателя титула²². Ботт высказывается категоричнее, считая хаа всего лишь системой титулов²³. Титулы эти представляют результат коллатеральной сегментации от титула первого Туи Тонги. Кепплер призывает отличать деление на вождей и престолоуды-

¹⁶ Крюков М. В. Полинезийские системы родства как этногенетический источник. — В кн.: Австралия и Океания (история, экономика, этнография). М.: Наука, 1978, с. 123—124.

¹⁷ Bott E. Op. cit., p. 77—78.

¹⁸ Токарев С. А. Происхождение общественных классов на островах Тонга. — Сов. этнография, 1958, № 1, с. 125—126.

¹⁹ Sahlins M. D. Op. cit., p. XII.

²⁰ Ibidem.

²¹ Sahlins M. D. Op. cit., p. 142.

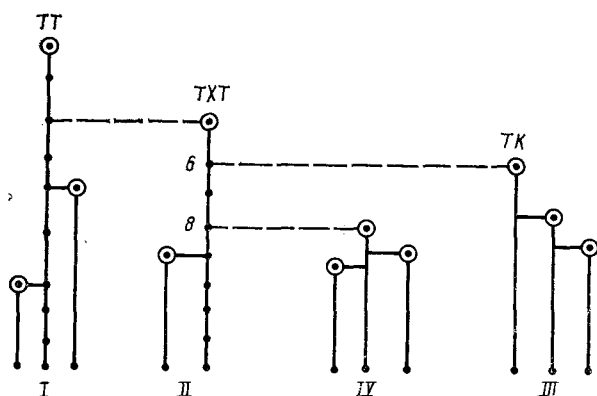
²² Kaepler A. L. Op. cit., p. 175.

²³ Bott E. Op. cit., p. 27.

ние для смешения она видит в том, что и эки, и туа в состоянии проследить свои родственные связи с хаа²⁴. Ботт же отрицает причастность все туа к системе хаа как сугубо «политическому институту». Думается, что эта точка зрения более справедлива и что система хаа вряд ли может считаться аналогом единого рэмиджа, генеалогического дерева, объединяющего все население. Скажем, титулы матапуле, образующие четыре самостоятельных хаа, никак не связаны генеалогически с вождескими титулами, им приписывается либо автономное небесное, либо самоанское происхождение. Есть такие случаи, когда неизвестны корни и среди вождеских хаа. Некоторые хаа (например, Фалеуа, считающийся происходящим от единокровного брата Туи Тонга), не являются подчиненными более старшим рэмиджам. Реальные родственные отношения между носителями титулов не имеют ничего общего с теми терминами родства, которыми они друг друга именуют. Последние призваны выразить и в удобной форме закрепить возникшую в момент отпочкования титульную субординацию как внутри отдельного хаа, так и между ними. Более того часто обладатели «родственных» титулов вообще чужие люди, и в своем хаа они не связаны родством с потомками прежнего держателя титула. История Тонга знает случаи, когда некоторые хаа исчезали, несмотря на то, что живы были наследники. Исчезали из-за того, что кому-то удавалось элиминировать высокий титул. Создавались новые титулы для поверженных соперников и искусственно присовокуплялись к чужим хаа более низкого ранга. Все дело в том, что титулы не только наследуют, но и получают. Тут возможен произвол. Особенно это сказалось уже после создания королевства Тонга и принятия Конституции, которая узаконила существование «нетрадиционных» вождей с титулами; но, без сомнения, тенденция существовала и прежде.

Сложившаяся у тонганцев система хаа представляется еще одним самостоятельным иерархическим уровнем в их социальной структуре, и, вероятно, именно здесь кроется причина замеченного Салинсом несоответствия. Не являются ли представления о «действительном ранге» результатом наложения ранга хаа на теоретически возможный? Показательным нам тут кажется один факт. Хаа Нгата, из которого вышли будущие короли Тонга, носители титула Туи Канокуполу (ТК), не считался старшим, а был сегментом Хаа Такалауа, высший титул которого — Туи Хаа Такалауа (ТХТ) — принадлежал светскому владыке Тонга. Этот хаа происходил от самого знатного Хаа Туи Тонга и в свою очередь продолжал на протяжении многих поколений образовывать сегменты. В борьбе за власть над архипелагом, которая почти никогда не утихала, линии ТК удалось выйти на первое место в политической жизни, но это вопреки ее более низкому рангу. Борьба велась не только с соперниками, но и с титулами: так, после смерти в 1799 г. 15-го ТХТ линия Хаа Такалауа прекратилась, и, чтобы снять проблему, возникавшую в связи с тем, что живы были потомки — претенденты на звание ТХТ (более высокое, нежели у правящих вождей), — им придумали новый титул Тунги, который присоединили к Хаа Ваеа, сегменту, отпочковавшемуся от 8-го ТХТ. Ясно, конечно, что Тунги при этом по рангу своего хаа значительно отбрасывался назад, переходя в сегмент более мелкого порядка, однако с позиции Салинса можно было бы считать, что принадлежность к Хаа Ваеа все-таки по-прежнему возносит новый титул выше ТК, поскольку Хаа Нгата отделилась от Хаа Такалауа в бытность 6-го ТХТ и, следовательно, ее представители находятся дальше от прямой линии, т. е. степень их близости к «материнской» хаа меньше. Но в том-то и дело, что аргумент о ранговом преимуществе недавней сегментации и близости к старшей линии расценивался тонганцами диаметрально противоположно: прежде возникавшая коллатеральная линия почиталась выше той, которая обособилась позже! Мы усматриваем в этом серьезное свидетельство того,

²⁴ Kaepler A. L. Op. cit., p. 180.

Определение ранга по старшинству линии и по степени коллатеральной удаленности от носителя верховного титула

Сплошная линия — титульная система (*хаа*) по типу «конического клана». Пунктир — линия отпочкования нового сегмента. Кружки с точкой — титулы (ТТ — Туи Тонга; ТХТ — Туи Хаа Такалауа; ТК — Туи Канокуполу и др.). Точки — носители титула. Арабские цифры — порядковые номера носителей титулов в данной линии. Римские цифры — названия некоторых хаа: I — Хаа Туи Тонга; II — Хаа Такалауа; III — Хаа Нгата; IV — Хаа Ваеа

что правило счета ранга хаа (назовем его сегментным) отличалось от того, что Салинс называет «теоретическим рангом» в рэмидже.

Очевидно, оставаясь в рамках принципа генеалогического старшинства (первородства), можно обнаружить как минимум два способа его учета. Они зависят от выбора точки отсчета на прямой линии: либо ориентация идет на первопредка, и тогда самое главное — старшинство боковых ветвей в смысле хронологической очередности их возникновения (именно так, на наш взгляд, определяли сегментный ранг на Тонга: наивысший — при условии дробления одной и той же линии — принадлежал самому древнему хаа); либо точкой отсчета становится фигура здравствующего верховного вождя, и ориентироваться надо на степень коллатеральной близости с ним. Тут идут в ход представления, работающие в привычной для нас системе родства: все зависит от числа людей, составляющих цепочку связей по рождению и соединяющих *E* с *Alter*(*A*). Чем ближе родственник по степени коллатеральности, тем выше его ранг, чем дальше по количеству «шагов» отстоит от *E* и *A* их общий предок, тем, наоборот, ниже ранг *A* (нечто противоположное первому способу). Такого рода ранг приложим уже к отдельному индивиду. Вслед за Салинсом можно называть его теоретическим. Он должен носить, кроме всего прочего, относительный характер, так как при смене поколения вождей коллатеральная удаленность будет возрастать. В этом смысле сегментный ранг можно характеризовать как абсолютный.

Всё вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что институт хаа не является аналогом рэмиджа, т. е. не совпадает с реальным кровнородственным коллективом. Это — кланоподобный феномен. Совокупность хаа даёт нам как бы срез конического клана на уровне сегментов, тем самым представляя собой всего лишь модель генеалогического древа, но не само дёрево.

Сегментный ранг имел очень важное значение, так как определял всю управленческую структуру архипелага: направленность отношений распределения и перераспределения, а отсюда и особенности политической борьбы, и наряду с другими моментами брачную тактику вождей. В сознании же островитян этот иерархический пласт отлился в форме церемонии питья кавы, когда все титулованные особы усаживались в кружок в строго определенном порядке и торжественная раздача напитка происходила в точном соответствии со шкалой званий. Любые попытки какого-нибудь участника изменить порядок, сославшись на свой

более высокий личный статус (но сложившийся на другой основе), неизбежно отклонялись как покушение на принцип.

Стереотипы поведения с постоянным учетом иерархического момента были как бы многоуровневыми, но путаницы не происходило, потому что определенные формы различения старшинства привязывались и к определенным ситуациям. О похоронах, свадьбах и других обрядах жизненного цикла уже упоминалось. Специфика церемонии кавы тоже очевидна, хотя в этом обряде прослеживается не один пласт: в частности, разделение круга на левую — «низкую» и ассоциирующуюся с матерью, и правую — отцовскую половины символизирует ранговое деление в рамках кайнги; а когда, например, перед знатными участниками церемонии (по особому случаю, вроде коронации) кладут свиную тушу и начинают делить, то делается это не просто для еды, а с ритуальными целями: обладающий более высоким личным рангом должен отнять кусок у своего соседа²⁵.

Показателен и пример с танцами: Хаа Фалефиси стоит на две ступени ниже Хаа Туи Тонга, и поэтому его представители не имели права в кругу кавы сидеть рядом со священным вождем; тем не менее жители деревни, где обитал вождь Туи Хаатеихо (из Хаа Фалефиси) никогда не стали бы оказывать почет Туи Тонга, танцуя перед его домом. Напротив, люди ТТ устраивали танцы перед Туи Хаатеихо. Объяснялось это тем, что Хаа Фалефиси возник от фиджийца, женившегося на сестре 29-го ТТ, и, таким образом, представители этой линии обладали более высоким по сравнению с ТТ личным рангом²⁶. В наши дни имеет место похожая ситуация: человек может быть, например, богатым, но с низким личным рангом; или очень знатный аристократ, владелец важного титула, может оказаться на «нижней стороне» (*лионги*) во время похорон женщины гораздо более низкого ранга, чем его собственный²⁷.

* * *

Если попытаться подвести итоги, то мы увидим, что тонганское общество являет собой, с точки зрения иерархических представлений, многомерную систему. Уже в ранних источниках, начиная с Кука, и у позднейших исследователей мелькают свидетельства, которые можно истолковывать как указания на недостаточность, неоднозначность выделения на Тонга только сословий (например, фиксация индивидуального ранга). Однако до поры до времени эти факты воспринимали скорее как экзотические подробности. В таком же виде застаем состояние вопроса и на страницах отечественной этнографической литературы, — только еще и запутанным, поскольку здесь недифференцированными выступают понятия «ранг», «сословие», «каста». В одной из последних работ читаем: «Ранг или титул человека определялся его должностью». А несколькими строками ниже: «Рассаживались в совете они строго по рангу, руководствуясь генеалогиями»²⁸. Кстати сказать, в англоязычной литературе давно утвердилась практика различения понятий, выражающих (хотя и под разными терминами), с одной стороны, деление общества на страты, с другой — неповторимую генеалогическую характеристику каждого человека. Так, для М. Д. Салинса — это «статусные уровни», противопоставленные «рангу»/«статусу»²⁹. Что касается А. Кепплера, то она тоже не дифференцирует термины «ранг» и «статус», однако, употребляет их скорее в смысле социальной градации любого типа, но всё равно сословное деление и тут выражено особым термином «класс»³⁰. И. Голдман, правда, такого различения не проводит, но оперирует терминами «ранг» (генеалогически обусловленное право на занятие должности) и «ста-

²⁵ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 189.

²⁶ Ibid., p. 181.

²⁷ Bott E. Op. cit., p. 71.

²⁸ Бутинцов Н. А. Указ. раб., с. 204.

²⁹ Sahlin M. D. Op. cit., p. X.

³⁰ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 177, 179.

тус» (право, приобретаемое за счёт сознательных усилий индивида)³¹ Э. Ботт под «рангом» имеет в виду «качество, от которого зависит уважение и различие, и которое наследуется от родителей»³².

В работах двух из указанных авторов уже осмысливается многомерность тонганского социального феномена. С разницей в 10 лет предложены следующие схемы:

Кепплер призывает различать «общественный статус» (I), основанный на прослеживаемых кровнородственных связях, и «социальное ранжирование» (II). Первое подразделяется на «*ранжирование в кайнге*» (учет возраста, пола и того, по отцу или матери индивид считает происхождение) и «*наследование в кайнге*» (учет мужского первородства в патрилинейной группе). Второе — на «*ранг хаа*» (сегментация от линии ТТ) и «*классовый ранг*» (генеалогия индивида по отцу и матери)³³. Э. Ботт, критикуя Кепплер за ее терминологию, делает несколько замечаний и по существу, указывая, что выделение «ранга в кайнге» неоправданно сужает принцип до маленькой родственной группы, в то время как фактически он расширяется до пределов общества в целом (имеются в виду родственные узы между верховными вождями, бывшие одновременно политическими узами в рамках страны); что, кроме того, принцип «ранга хаа» проявляется в маленькой родственной группе в форме авторитета и уважения, гарантированных патрилатеральными родственникам во главе с отцом³⁴.

Собственная концепция Э. Ботт сводится к тому, что «власть» и «ранг» одновременно сосуществуют в двух измерениях: домашнем и политическом. Принцип родства, формулируемый как «когнатный, но со скрытыми патрилиниджами», действует одинаково и там, и там. Однако это не мешает Э. Ботт все же вводить различители в виде терминов «ранг по родству» и «личный ранг», что должно соответствовать уровням семьи и общества в целом. Сложность тонганской стратификации происходит, на ее взгляд, от взаимодействия «титолов, власти и личного ранга»³⁵. А. Кепплер настаивает на четырех типах ранга, каждый со своей собственной комбинацией принципов³⁶.

Хотя формально наше мнение совпадает с точкой зрения Ботт, и мы считаем ошибкой со стороны Кепплер, что в ее схеме не выделяется уровень «личного ранга», однако мы это делаем по совсем иным мотивам. Если же взглянуть на дело с точки зрения Э. Ботт, считающей «личный ранг» только результатом экстраполяции «ранга по родству» и видящей в них единую структурную основу, то более логичной была бы именно позиция Кепплер: единый принцип — единое понятие. Таким образом, критическое замечание Э. Ботт мы считаем непоследовательным.

И тем не менее выделение здесь двух типов ранга представляется необходимым в силу именно принципиального их несходства. То, что называют «рангом по родству» или «статусом в кайнге», тесно связано с системой терминов родства (как об этом уже упоминалось выше) и носит точно такой же относительный характер, как и СТР в силу ее эгоцентричности: один и тот же человек в принципе может называться любым из половины имеющихся в номенклатуре терминов родства — все зависит от того, с кем он вступает в контакт. Отсюда и несколько ролей у каждого (при любом типе СР). А если к тому же в данном обществе принято ранжировать классы родства, то неизбежным следствием этого будет нестабильность, или неоднозначность «статуса в кайнге». Напротив, то, что называют «личным рангом», имеет совершенно иной характер (мы бы назвали его абсолютным). Именно к нему относятся многочисленные указания наблюдателей на то, что подобный социальный «ранг» неизме-

³¹ Goldman J. Status Rivalry and Cultural Evolution in Polynesia.— Amer. Anthropol., 1955, vol. 57, № 4, p. 683.

³² Bott E. Op. cit., p. 10.

³³ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 174, 188.

³⁴ Bott E. Op. cit., p. 78.

³⁵ Bott E. Op. cit., p. 72.

³⁶ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 188.

нен от рождения до смерти и не зависит ни от каких жизненных условий. Стабильность «абсолютного ранга» зиждется на абсолютном сравнении с совокупностью классов родства — характере его шкалы генеалогического дерева. В различии шкал — вся суть различия в этих типах ранга. Названия «относительный» и «абсолютный», впрочем, и касаются только «типов ранга», зависящих от типа шкалы, рассматриваемый как точка шкалы, за исключением крайних, — да относительный.

Нам кажется целесообразным, имея в виду многоуровневые иерархические системы, характерные для традиционных обществ Полинезии, рассмотренные, в частности, на примере Тонга, выделить понятие (ранговые структуры), призванное выразить специфику более широкого понятия «иерархия». Специфика эта, на наш взгляд, заключается в том, что универсальная оппозиция «старший/младший» строится здесь исключительно на материале реальных или мифических кровнородственных связей³⁷ (связей по рождению). Представление о существовании рангового принципа социальной иерархии, или того, что принято называть генеалогическим старшинством, — помогло бы обобщить, вычленив, дифференцировать конкретные формы его проявления и типы. Это представление могло бы помочь в уточнении вопроса о национальной принадлежности некоторых обществ, поскольку понимая указанным образом «ранг» исторически обусловлен и преходящ. Поиски возможных направлений исследований в этой области — было бы представить поиски наиболее ранних форм существования ранговых структур и выяснение их генезиса; кроме того, интересную возможность одновременно проверить и уточнить наши представления о различной обусловленности ранговых форм могли бы дать наблюдения за современной социальной действительностью Полинезии, способные продемонстрировать в динамике процесс отмирания этих форм: существование ранговых структур позволяет надеяться, что они исчезнут не одновременно.

Мы не ставили здесь своей задачей дать подробную характеристику традиционных общественных институтов, но лишь рассмотрели некоторые из них в той мере, в какой это могло бы помочь при обосновании нашего вывода о сущности понятия ранг и о вариативности его форм. В последние, в конкретном случае Тонга, можно было бы обозначить «сословный» ранг, «сегментный» и «индивидуальный», двух типов: относительного и абсолютного.

³⁷ И. Голдман на массе примеров показал, что при узурпации власти широко применялась практика перекройки генеалогий. Тем самым структурные основания ранговых систем оставались неизменными.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (окончание дискуссии) *

М. Н. Шмелева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЕВОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ (ответ участникам дискуссии)

В ходе дискуссии о полевой работе был продемонстрирован широкий спектр суждений, освещающих с разных сторон и разных точек зрения теорию и практику полевых исследований. Затронут довольно большой круг вопросов, выходящих порой за рамки намеченных (в открывших дискуссию статьях) проблем, касающихся в целом развития отечественной этнографической науки на настоящем этапе. В отличие от Г. В. Старовойтовой, я в своей статье о полевых материалах как источнике при изучении современности исхожу из того, что этнограф-профессионал, отправляясь в экспедицию, знает задачи исследования и имеет представление об его объекте. Научная же концепция заложена в программу и другой инструментарий, с помощью которого ведется это исследование, в том числе и в поле. Речь шла о формулировании основных принципов и подходов для наиболее эффективного сбора этнографических материалов при изучении современности, требующего не только знаний, но и особого мастерства. Задача состоит в нахождении приемов и способов выявления необходимых фактических данных и осмысления их уже на «полевом этапе», т. е. об установлении научного факта. Решается она полевым исследователем как в практическом (методическом), так и неизбежно в теоретическом (методологическом) плане. Именно так это и было воспринято большинством участников обсуждения, которые поделились опытом полевой работы, высказали свои суждения и внесли ряд конкретных предложений.

Остановлюсь на некоторых вопросах, вызвавших наиболее оживленный обмен мнениями.

Прежде всего о понятии «современность», ее временной протяженности. Вопрос этот, как мы уже отмечали, дискуссионный, и современность можно трактовать как в узком, так и в широком смысле слова. Однако для полевой работы это не столь существенно. Проблема заключается в том, чтобы получить правильное представление о конкретном историческом отрезке времени большей или меньшей продолжительности. И если даже будет изучаться один сегодняшний день, мы не сможем понять

* Открывшие дискуссию статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см.: Советская этнография (далее СЭ), 1985, № 3. Обсуждение этих статей см.: СЭ, 1985, № 4 (Г. В. Старовойтова, В. И. Козлов, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева), № 5 (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Г. А. Сергеева, Л. Н. Чижикова, И. П. Березовский, В. Ф. Горленко) и № 6 (А. М. Решетов, О. Р. Будина, Г. Н. Симаков, Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Н. А. Томилов). Все ссылки на материалы дискуссии даются в тексте с указанием только фамилии автора и страницы.

всех изучаемых явлений, не разобравшись в истории их «формирования». Составные части любого «среза» культуры и быта того или иного народа своими корнями уходят в разную «историческую глубину» и многие — к важнейшим рубежам политических и социально-экономических изменений. Известно, что быт меняется гораздо медленнее, чем политическая и экономическая жизнь. Он как бы отстаёт в своем развитии. К тому же в разных областях быта или бытовой культуры народов перемены происходят далеко не одновременно и в разной степени интенсивности, но зарождаются они, как показывают уже упоминавшиеся этнографические работы по современности, в определенных поворотные моменты истории. Так обычно оцениваются 1920-е годы, за которыми В. И. Козлов в известной мере признает историческое значение в развитии современной духовной культуры народов, но из которых, как слово из песни, не выкинешь и пресловутые лапти. Между прочим, не совсем правильно выбрасывать их и из «текста» сегодняшней современности. В настоящее время они, как и некоторые другие предметы старого быта (например, керамическая посуда), приобрели новые функции, отвечая изменившимся потребностям населения. В горах Центральной России лапти, например, кое-где употребляют как домашнюю обувь (чаще всего для гостей), как украшение жилого интерьера, как этнически-маркированный сувенир, а также в качестве «обрядовой» обуви (например, во время свадебного ряжения), где они также служат этническим символом. Лапти, появляющиеся на базарах пользуются поэтому неизменным спросом. По-видимому, лапти следует отнести к широкой области вторичных этнографических явлений, известных под названием фольклоризма. Развитие его характерно в настоящее время для многих индустриально-развитых стран и сопряжено с определенным отношением общества к своей этнической культуре. Представляет интерес не только сам факт бытования лаптей, но и их форма, прежде имевшая существенные локальные различия, связанные с этнической спецификой отдельных групп населения Восточной Европы. Сохранение или изменение традиционной формы лаптей может говорить в пользу определенных этнокультурных процессов. Н. А. Томилов, фиксируя замену практической функции некоторых предметов материальной культуры эстетической, предупреждает, что игнорирование этого явления ведет к неправильной оценке «этничности» современной культуры.

Для исследователя-полевика не имеет принципиального значения противопоставление (см. отклик Г. В. Старовойтовой) современности хронологической (изучение всех пластов культуры, функционирующих на сегодняшний день) современности стадийной (внимание уделяется лишь типическому и имеющему тенденцию к развитию в будущем). Решение любой из этих задач в этнографическом плане требует соблюдения принципа последовательного историзма. Чтобы ограничиться исследованием типичного и перспективного, нужно прежде всего выделить его из общей картины жизни, оценив при этом историческую значимость и всего остального, что существует в реальной действительности и находится в неразрывной связи и в динамическом взаимодействии. Иначе легко впасть в ошибку и дать искаженное представление о действительности, как, например, в тех случаях, когда пытались изучать «ростки» нового или пережитки прошлого в отрыве от всего окружающего. Не случайно многие участники дискуссии (А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева, В. Р. Арсеньев, Л. Н. Чижикова) считают необходимым собирать в поле по возможности исчерпывающий материал о жизни изучаемого населения, в которой новое сосуществует со старым, чтобы избежать опасности как архаизации, так и модернизации современной бытовой культуры.

Вопрос о единице наблюдения в поле возник в связи с определением кратчайшего пути к объекту изучения, пути проникновения, так сказать, в его «мир». Речь идет о способах этнографического обследования и его организации, о подборе представительного массива лиц и семей, с которыми этнограф углубленно работает в дальнейшем.

Выбор подхода, как уже говорилось, определяется задачами исследования, особенностями формирования населения и местной спецификой этнокультурного региона, о чем упоминают Л. Ф. Моногарова и Г. А. Сергеева. Но в любом случае работа по проблематике, касающейся современности, не может обойтись без учета ряда факторов, связанных с профессиональными занятиями и общественным производством, которые оказывают большое влияние на развитие современных культурно-бытовых процессов. Весьма ценно, что производственный подход при сборе полевого материала (особенно в городе с его многочисленным и разнообразным по многим параметрам населением, где путь к обретению информатора, как пишет О. Р. Будина, особенно труден), позволяет выделить группы людей, различающихся социально-профессиональной принадлежностью (включая трудовую квалификацию), материально-хозяйственной обеспеченностью, общественной активностью, характером социальных связей, особенностями трудового режима и др. Этот подход облегчает получение сведений и о национальной принадлежности и о составе семей. Знакомство с трудовым коллективом, его производственным и общественным бытом способствует установлению широких связей с представителями интересующих исследователя групп населения.

Обращение в полевой работе к трудовому коллективу отнюдь не заменяет наблюдение в семье, которое, как отмечалось в статье, служит наиболее богатым источником самых разнообразных и ценных этнографических сведений по разным темам, затрагивающим не только семью и семейный быт. Отстаивать это положение — значит ломиться в открытую дверь. Производственный подход при проведении полевой работы, который, кстати, давно апробирован, вовсе не предполагает изучения этнографами производства, экономики, трудовых процессов¹.

Что касается изучения производственного коллектива, то такая тема в плане исследования современности вполне правомерна. Она представляет интерес с точки зрения и выявления особенностей общественного и производственного быта, и влияния его на домашний быт. Производственный коллектив имеет самое непосредственное отношение и к семейным обрядам, в частности упомянутым В. И. Козловым родильным, осуществляя функции материально-бытовой помощи и социального контроля. Производственный коллектив — одна из наиболее существенных в настоящее время контактных групп населения со своими общественными традициями и развитым общественным мнением, охраняющим их. Производственные связи современной семьи — важная составная часть круга ее культурно-бытового общения. Выполняя наряду с другими связями особые, присущие им функции, они проявляют тенденцию к дальнейшему развитию. Все это в городе выступает значительно отчетливее, чем в селе, где производственный коллектив часто совпадает с территориальной общностью и связи менее дифференцированы. Так что, на наш взгляд, вряд ли будет правильно при этнографическом изучении современности концентрировать внимание, как советует В. И. Козлов, только на быте домашнем, к чему будто бы «призваны» этнографы. В таком случае из системы быта выпали бы, например, богатые этническими традициями многообразные обычаи, обряды, праздники, входящие в состав духовной культуры.

В ходе обсуждения затронута также проблема анкет и вопросников. Дело вовсе не в том, что этнографы в отличие от социологов никак не могут познать искусство составления и применения анкет для массового опроса населения (Г. В. Старовойтова оценивает наши суждения как своего рода социологический ликбез), а в эффективности этого метода, возможности сочетания его с другими методами изучения именно этнографических явлений с присущей им спецификой.

¹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977.

В высказываниях участников дискуссии прозвучала некоторая тревога по поводу излишнего или всеобщего («тотального», по выражению В. Р. Арсеньева) увлечения вопросниками. При известной полезности инструментария этого типа, свойственная ему более или менее жесткая форма нередко затрудняет, как отмечают выступавшие, выявление вариативности и своеобразия тех или иных явлений, препятствует фиксации различных нюансов, возникающих в процессе работы (а они могут способствовать открытию новых явлений, не «заложенных» в вопросник навязывает заданный подход (В. Р. Арсеньев, Г. Н. Грачева). Опасения вызывает, как отмечает И. П. Березовский, и наметившаяся в последние годы тенденция подмены многостороннего этнографического изучения современности (в частности в городе) этносоциологическим исследованием отдельных компонентов быта, культуры и образа жизни горожан.

Большинство участников обсуждения высказались за сочетание разных методов полевой работы и приоритет в этом комплексе традиционных для этнографии методов, прежде всего углубленной свободной беседы, которая вместе с непосредственным наблюдением, как правильно подмечено И. П. Березовским и А. М. Решетовым, составляет единый метод наблюдения в широком смысле слова. Мы говорим, разумеется, о научном наблюдении специалиста, обладающего профессиональным видением того, что он изучает. Цель этнографа-полевого, по мнению участников дискуссии, состоит в том, чтобы собрать как можно более исчерпывающий материал широкого диапазона, сколь бы узко-конкретной ни была проблема, которую он разрабатывает. Необходимость комплексного изучения этнокультурных явлений вызывается их сложностью и многозначностью, органическим переплетением в них нового и традиционного, материального и духовного, сугубо бытового и художественного. Вопросники (чаще всего тематические) вместе с программами издавна составляют вооружение этнографа в поле. Они, как и анкеты, содержат в известной мере стандартизирующее начало и должны предназначаться лишь для самого исследователя в качестве своеобразного ориентира для ведения беседы. Для информатора же они остаются как бы «за кадром» (Л. Н. Чижилова, Г. Н. Симаков). Было высказано общее мнение о желательности совершенствования этого научного инструментария и его унификации с целью обеспечения сравнимости собираемых материалов, что особенно необходимо при создании обобщающих трудов сравнительно-типологического характера.

В откликах была поднята и проблема личности этнографа-полевого, его профессионализма и этики. Проблема эта не нова: забота о поведении исследователей в поле, не нарушающем по возможности естественного хода жизни изучаемого населения и существенно влияющем на достоверность получаемого материала, всегда находилась в поле зрения этнографов, хотя и решалась, правда, скорее в практическом, чем в теоретическом плане. В настоящее время она стала особенно актуальной в связи с проведением массовых обследований населения, уменьшением экспедиционных сроков и, возможно, с известной недооценкой необходимости серьезной практической подготовки кадров для этнографической работы в поле. Слишком поспешный выпуск в поле молодых специалистов (см. отклик А. М. Решетова) и создает возможность появления того «доверчивого» этнографа, который, как пишет Г. В. Старовойтова, легко может принять гостевой этикет за привычный стиль повседневной жизни. Профессиональная подготовка должна предусматривать приобретение молодежью и компетентности в этнографии в целом, и знания «своего» народа, включая усвоение результатов предшествовавшего изучения, и знакомство со способами сбора полевого материала. Но непременным условием реализации профессиональных знаний этнографа является владение еще особым качеством этического порядка — этнографическим даром, талантом (А. М. Решетов), «этнографической этикой» (О. Р. Будина), этическим комплексом исследователя (В. Р. Арсеньев). Это качество включает такие человеческие черты, как контактность, инициативность, уважительность, тактичность, доброжелательность

ению, к его истории, культуре, традициям.

Забота о воспитании кадров этнографов-полевиков имеет первостепенное значение для дальнейшего развития этнографической науки, в значительной степени базирующейся на материалах полевых исследований. Накопленный многими поколениями этнографов большой опыт ведения собирательской работы передается, к сожалению, главным образом «из рук в руки», «из уст в уста». Освещение этого опыта, его творческое осмысление было бы весьма полезным, разумеется, наряду с дальнейшей разработкой современных методических и методологических проблем.

С. И. Вайнштейн

**ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
(ответ участникам дискуссии)**

Из-за ограниченности объема я не могу, к сожалению, коснуться всех заслуживающих внимания идей и предложений, прозвучавших в дискуссии. Позволю себе остановиться лишь на нескольких вопросах, связанных с полевыми исследованиями неизученных или малоизученных компонентов традиционно-бытовой (в том числе и старотрадиционной) культуры, ее «белых пятен».

Некоторые участники дискуссии (Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, О. Р. Будина) не поддержали предложенного мной нового термина «старотрадиционная культура», который, кстати, другие (В. И. Козлов, Н. А. Томилов, Г. Н. Симаков) позитивно использовали в своих выступлениях. Им я отнюдь не хотел ни заменить термин «традиционная культура» (О. Р. Будина, 63), ни разделить традиционно-бытовую культуру на старотрадиционную и просто традиционную (В. Ф. Горленко, 69; Л. Н. Чижикова, 65). Этим термином я обозначил лишь ту часть традиционной культуры, которая включает различные историко-генетические слои, вошедшие в нее в условиях докапиталистических формаций, начиная с первобытнообщинной. Эта часть традиционной культуры, бесценный памятник ее истории, в современных условиях исчезает наиболее быстро. Но поскольку все компоненты традиционной культуры тесно взаимосвязаны и функционируют как в многослойной динамичной системе (С. И. Вайнштейн, 53), выделить среди них старотрадиционные не всегда удастся без детального анализа всего собранного в поле материала по традиционной культуре. Разумеется, к исчезающим могут относиться не только старотрадиционные, но и более поздние компоненты традиционной культуры.

Оживленный обмен мнениями вызвало содержавшееся в моей статье утверждение о необходимости возможно более полного исследования всех исчезающих компонентов традиционно-бытовой культуры, ее «белых пятен». Большинство участников дискуссии (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева и др.) согласны с этим. Однако были высказаны также мнения, что это «задача явно невыполнимая» (Г. В. Старовойтова, 69) и «фиксировать... надо лишь то, что важно и актуально» (В. И. Козлов, 72), что диктуется требованиями теории (Г. В. Старовойтова, 68).

Чтобы быть объективным, надо признать, что мои оппоненты не отрицают важности изучения традиционной культуры с наибольшей полнотой (Г. В. Старовойтова, 69) и ликвидации ее «белых пятен» (В. И. Козлов, 70), но суть их выступлений, на мой взгляд, этому противоречит.

традиционно-бытовой культуры (ухаживающих или реально существующих в современности) во всем их региональном разнообразии у всех многочисленных народов нашей страны — задача явно невыполнимая (вероятно даже при условии неограниченности ресурсов общества)» (69).

Несомненно, возможности этнографической науки и ее краеведческого актива ограничены, но, как показала дискуссия, реализуются они далеко не в полной мере, и есть еще значительные неиспользованные резервы, позволяющие проводить полевые исследования традиционной культуры намного результативнее. И если уж «тотальная фиксация» традиционной культуры, к большому сожалению, не может быть осуществлена, то только потому, что многие ее старотрадиционные компоненты безвозвратно исчезли, так и оставшись не изученными. Это было достаточно убедительно показано в откликах А. Н. Жилиной (73—74) других участников дискуссии. Г. В. Старовойтова полагает, что «полная фиксация всего контекста уходящего образа жизни произвольно способствовала бы частичной консервации архаики» (69). Из этого очевидно следует, что «полная фиксация», т. е. детальное научное описание исчезающих компонентов традиционно-бытовой культуры влечет за собой определенные негативные явления в развитии народного быта, и с таким выводом решительно нельзя согласиться.

Не может ослабить тревогу за судьбу исчезающих памятников культуры и то, что «охранная деятельность и охранное законодательство в сфере истории культуры — явления относительно недавние» (Старовойтова, 69). К тому же такая деятельность и законодательство не столь новы. Их знал еще Древний Рим. В России они осуществлялись с начала XVIII в. Не надо забывать и о том, что ряд важнейших законодательных актов этого плана был принят в нашей стране сразу после Великой Октябрьской социалистической революции по инициативе В. И. Ленина.

Можно согласиться с Г. В. Старовойтовой, что «выбор конкретных методов исследования диктуется развивающимися представлениями о предмете нашей науки» (68). Однако закономерно ли переносить, как предлагает она, некоторые из разработанных «вслед за физикой» методологических проблем познания на этнографию? Должен ли этнограф, изучающий в поле традиционную культуру, фиксировать, дабы не быть обвиненным в «ползучем эмпиризме», лишь то, что интересует «теорию» в данный момент? А ведь это, казалось бы, должно следовать из приво-димого Г. В. Старовойтовой (с. 68) высказывания А. Эйнштейна: «именно теория решает, что мы должны наблюдать».

Характер исследований физических и этнографических объектов — и это совершенно очевидно — имеет помимо прочих еще одно существенное различие. Первые могут быть изучены в любое время, вплоть до отдаленного будущего, вторые же, например неисследованные компоненты старотрадиционной культуры, не зафиксированные своевременно специалистами, будут в недалеком будущем утрачены и для наблюдения и для теоретического исследования, как бы в этом ни нуждалась теория и сколько бы общество, выражаясь словами Г. В. Старовойтовой, ни «рефлексировало самое себя и свои исторические истоки» (69). Вряд ли тогда «рефлексирующее» общество сможет утешить мысль, что «вся история мировой культуры, — как пишет Г. В. Старовойтова, — это, в известной степени, история безвозвратной гибели отдельных памятников и целых культурных пластов. Погибли Древний Рим и города американских индейцев, великие цивилизации Азии. Только в XVII веке от случайного взрыва хранящегося в нем пороха разрушен афинский Акрополь...» (69).

К счастью, это все же не совсем так. История мировой культуры — прежде всего процесс созидательный, и именно он дает нам замечательные, нередко драматичные примеры спасения многих ценнейших памятников культуры (а к ним, напомним, я отношу и старотрадиционную народную культуру), в частности путем реконструкций, ставших возможными благодаря детальнейшей фиксации этих памятников до разруше-

ле, Колизеем в Риме; увидеть в центре современного Мехико Великий храм Теночтитлана — святыню ацтеков, Золотые ворота в Киеве, дворцовые ансамбли в Павловске и Петродворце под Ленинградом.

Войны — одна из наиболее бессмысленных и трагических причин гибели памятников культуры. Пример тому — судьба упомянутого мной оппонентом афинского Акрополя. Еще в V в. до н. э. он был разрушен персами в ходе их войны с греками (и тогда же восстановлен, и в нем построен Парфенон). В XVII в. — через две тысячи лет — Парфенон (а не Акрополь!) был разрушен вследствие его обстрела венецианцами, осаждавшими Афины (а не в результате «случайного взрыва»!): их бомба вызвала взрыв хранившегося в нем пороха. Реконструкция Парфенона, в особенности пластики его фронтонов, казалась невыполнимой, но осуществить ее все же удалось. За четырнадцать лет до рокового взрыва, в 1674 г., Акрополь посетил французский посланник Нуантель, который дал указание сопровождавшему его художнику Жаку Каррею детально зафиксировать скульптуры Парфенона, причем не только самые интересные, а все! Поразительно точные эскизы Каррея и послужили два века спустя основным источником реставрации величайшего памятника мировой культуры и создания целостной картины фронтонов. Но ведь кое-кто и во время поездки Нуантеля считал такую фиксацию излишней. И как не вспомнить «теоретические» споры «специалистов», продолжавшиеся еще в начале XIX в., о том, имеют ли вообще историческую и художественную ценность скульптуры Парфенона!

Разумеется, значение научной теории огромно. Только она раскрывает сущность предметной области, объясняет ее явления, «во всех областях знания показывает нам, — как писал В. И. Ленин, — проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»¹. Обогащение теории на базе фактов, эмпирического опыта, даже если на это уходят годы, десятилетия, а иногда и столетия, — закономерность развития науки. Накопление фактов, таким образом, ведет в конечном счете к их теоретическому обобщению, а развитие теории, в свою очередь, способствует поиску новых фактов и их дальнейшему осмыслению. Но поиск и накопление этнографических фактов, увы, ограничены временем их существования...

Если «не витать в облаках, а оставаться... на грешной земле», как пишет В. И. Козлов, надо «фиксировать и изучать... не все, а лишь то, что важно и актуально как в научном, так и в практическом отношении» (72, 73). Конечно, хорошо бы изучать только важное и актуальное, но как все же непросто эту «актуальность» определить, в особенности в перспективе. Я, например, как и большинство участников дискуссии, считаю актуальной возможно более полную фиксацию всех неизученных или недостаточно изученных явлений традиционной (в том числе и старотрадиционной) культуры. Мой же оппонент придерживается по существу иной точки зрения.

Определение степени актуальности и практического значения того или иного исследования подчас не столь уж просто не только в этнографии, но даже в естественных науках, что, как известно, приводило к серьезным просчетам. Вспомним якобы чрезвычайно актуальные разработки Т. Д. Лысенко, ущерб от которых доньше еще полностью не преодолен, и, как полагали некоторые, «не имеющие отношения... к практике» исследования И. В. Курчатова в 30-е годы по ядерной энергетике, важность которых теперь очевидна². Лишь в XX в. была полностью оценена актуальность и практическая значимость законов неевклидовой геометрии, созданной Н. И. Лобачевским еще в начале XIX в. Впрочем, и история этнографии полна примеров, когда, казалось бы малозначительные факты, рутинно зафиксированные в ходе полевой работы, приобретали со временем важнейшее значение для познания этнокультурной истории народа, для раскрытия фундаментальных законов социального и куль-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 46.

² См. выступление акад. А. П. Александрова на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. — Правда, 13 июня 1985 г., с. 2.

группного развития человечества. Напомню хотя бы, что в прошлом многие этнографы, фиксируя определенные брачные запреты, не придавали им большого значения. Лишь Дж. Мак-Леннан указал на важнейшую роль и повсеместное распространение этого явления, названного им экзогамией. Однако и он не смог выявить сущность открытого им социального института. Сделал это, как известно, Л. Морган.

В. И. Козлов, разумеется, прав, утверждая (70—71), что «белые пятна» традиционной культуры «лучше всего выявляются при сплошном картографировании тех или иных этнографических объектов и явлений». Однако мой оппонент считает, что такая работа нередко оказывается мало благодарной в научном отношении. При этом он ссылается на свой опыт курирования работ по историко-этнографическим атласам «Русские» и «Народы Прибалтики». «Случается, — пишет он, — что трудоемкий сбор полевых или архивных материалов при ликвидации того или иного „белого пятна“ не имеет сколько-нибудь существенного научного значения, что фиксация проводится в лучшем случае лишь для частичного уточнения „типологизации“, что составленные этнографические карты не подвергаются должному сравнительному научному анализу и просто пополняют обширные груды „этнографических источников“. Возможно, эти груды заинтересуют наших коллег в будущем..., но для нашей „лихорадки буден“, они, к сожалению, малополезны» (71). Это, по его мнению, «в немалой степени» вызвало «угасание интереса к развернутой лет 15 назад работе по созданию серии историко-этнографических атласов различных регионов страны» (71). Но так ли много оснований для столь пессимистичного вывода? Взять хотя бы атлас «Русские». Конечно, В. И. Козлову, как одному из четырех редакторов первого выпуска этого издания (В. А. Александров, В. И. Козлов, П. И. Кушнер, М. Г. Рабинович), виднее его недостатки. И все же публикация двух выпусков атласа «Русские» — несомненное достижение советской этнографии. Он вполне заслуженно получил широкое признание, в частности, за впервые примененный в нем показ традиционных элементов культуры в динамике, благодаря чему можно не только проследить их историю, но и предсказать тенденции развития в будущем.

Что же касается непревзойденного пока в мировой этнографии (в том числе и по своей аналитической части) «Историко-этнографического атласа Сибири» (редакторы М. Г. Левин и Л. П. Потапов), то именно тотальное картографирование этнографических объектов позволило его составителям сделать чрезвычайно интересные открытия в области культурогенеза и этногенеза народов Северной Азии. Сохранение же «белых пятен» в атласе вызвано как раз пробелами в этих «грудах источников».

Специалисты Института этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами научных учреждений Академии наук ряда союзных и автономных республик продолжают работу по подготовке историко-этнографических атласов, в частности атласа Средней Азии и Казахстана, в котором будут сочетаться синхронный и диахронный аспекты исследования. Значение региональных атласов, разумеется, хорошо известно В. И. Козлову. Оно определяется не только обобщением накопленного в ходе их подготовки огромного этнографического материала, но и его систематизацией, разработкой типологий и картографированием, позволяющим проводить сравнительно-этнографический анализ традиционной культуры, выявлять этнокультурные связи и этническую специфику, решать многие проблемы этногенеза и этнокультурной истории народов³. В ходе подготовки атласов издан ряд крупных монографий как сотрудниками Института этнографии, так и нашими коллегами из национальных республик⁴. Уже после публикации открывших дискуссию статей вышел

³ Жданко Т. А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана как источник изучения этнокультурных связей. — В кн.: Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад, 1985, с. 277—279.

⁴ Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу/Под ред. Дахшлейгера Г. Ф. Алма-Ата, 1980; Калоев Б. А. Земле-

посвященный земледелию и имеющий несомненно очень важное значение для дальнейшего развития этнографической науки⁵.

Все это, разумеется, не могло быть сделано без «полной фиксации» всех компонентов традиционной культуры, т. е. без тех «груд источников», которые, по мнению В. И. Козлова, хотя и могут послужить для написания многих диссертаций в будущем, но в наш век «лихорадки буден» малополезны. Впрочем, цитируемый им великий поэт, нашедший столь яркий образ темпа жизни нашего времени, признавался: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Да и для любой науки, включая этнографию, накопление и анализ огромного количества фактов ради подчас редчайших открытий вполне естественны. И если ныне и существуют трудности в издании атласов, то связаны они в первую очередь не с научными проблемами, а с возможностями полиграфической базы. Не могу не отметить и неточность, допущенную моим оппонентом. Работа по подготовке атласов была развернута не «лет 15 назад», а много раньше: сибирский атлас был опубликован уже в 1961 г., а первый выпуск атласа «Русские» — в 1967 г.

Хотелось бы подчеркнуть, что не только историко-этнографические атласы могут способствовать ликвидации «белых пятен» в изучении традиционной культуры. Этому очень помогло бы издание полного свода традиционной (исторической) этнографии народов СССР (о чем уже шла речь в моей статье, 56), в котором бы сочеталась публикация фактического материала с его теоретическим анализом. В этой связи нельзя не вспомнить, что до сих пор нет обобщающих монографий по исторической этнографии большинства народов СССР, в том числе и таких крупных, как азербайджанцы, туркмены, узбеки и др.

Авторы дискутируемых статей не ставят, как пишет В. И. Козлов, вопроса «Зачем изучать?» («Зачем фиксировать?»), полагая, видимо, «что уж такая это наука, что призывает изучать все неизученное или малоизученное» (72). Но ведь не только этнография, а все науки «уж такие», ибо идут они от незнания к знанию, и в этом, как известно, суть процесса научного познания мира.

Впрочем, как-то даже неудобно в академическом журнале упоминать столь тривиальные истины, и если уж зашла речь об академических журналах, то, скажем, в журнале «Вопросы языкознания» было бы нелепо высказать сомнение в целесообразности детальной фиксации всех неизученных или малоизученных языков, диалектов, говоров народов нашей страны.

По мнению В. И. Козлова, «из-за сильного изменения научно-этнографической ситуации в нашей стране за последние десятилетия» (72) необходимы определенные изменения в организации полевой работы. Он пишет, что в 1950-х годах, когда Институт этнографии только развешивал свои исследования, а на местах еще не было этнографических кадров, сотрудникам Института приходилось фактически «работать кое-где, а фиксировать и изучать кое-что» (с. 72). С того времени «научных кадров в соответствующих секторах Института прибавилось не так уж много, но зато на местах появилось значительное число этнографов, археологов, краеведов», и потому «вряд ли целесообразно, — продолжает далее В. И. Козлов, — нацеливать научных сотрудников центрального академического учреждения страны и на полевые работы по фиксации исчезающих старотрадиционных этнографических объектов, если такую работу могут и должны выполнять научно-технические сотрудники местных научных учреждений» (72). С этим трудно согласиться. Ведь именно в послевоенные годы, включая 1950-е, Институтом этнографии были проведены серьезные и глубокие полевые исследования традиционной культу-

ление народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981; Кобычев В. П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

⁵ Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие/Под редакцией Вийреса А. О., Лейнаса И. А. (куратор), Моркунаса В. И., Рабиновича М. Г. (отв. ред.). Вильнюс, 1985.

ры многих народов нашей страны, и на их базе созданы ставшие классическими труды Г. М. Василевич, Б. О. Долгих, А. А. Попова, Е. Д. Прокофьевой, С. П. Толстова, Т. А. Жданко, Л. П. Потапова и других сотрудников Института. Тогда же, в значительной мере на основе полевых исследований была подготовлена включавшая сведения по этнографии почти всех народов СССР и поныне не имеющая аналогов в мировой науке фундаментальная серия трудов «Народы мира».

Если реализовать предложение В. И. Козлова, специалисты Института, видимо, должны превратиться в неких кабинетных этнографов, которым будут предоставлять материал местные «полевики», и на основе этого не без труда собранного чужого материала они будут писать свои солидные книги. Все это было бы возможно и прекрасно, если бы не одно обстоятельство: действительно серьезное изменение этнографической ситуации в последние десятилетия. В период научно-технической революции большая часть компонентов старотрадиционной культуры, еще недавно реально функционировавших в быту, чрезвычайно быстро перешла в разряд исчезающих, о чем не без тревоги говорили почти все участники дискуссии. И поэтому полевые исследования таких компонентов культуры (даже только их фиксация!) теперь-то как раз требуют от «полевика» куда более высокой научной квалификации и значительно большего опыта экспедиционной работы, чем, боюсь, не всегда обладают научно-технические сотрудники на местах. Да и как в этом случае осуществить надлежащую критику источников, которая, как известно, может быть проведена (особенно когда речь идет об исчезающих компонентах культуры) лишь на месте, «в поле», если мы сами не будем участвовать в их «добывании»?!

Впрочем, такой метод «кооперации» не вполне нов. Задолго до нашей дискуссии некоторые возможные коллизии в реализации подобной модели исследований обрисовал Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц, как мы помним, прилетел на Шестую планету, где жил старик-географ, писавший «толстые книги». Но, к изумлению маленького принца, он почти ничего не знал о своей планете. «Но ведь вы географ!» — поразился маленький принц.

«Вот именно, — сказал старик. — Я географ, а не путешественник. Географ — слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

— А зачем?

— Да ведь, если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпьет лишнее — тоже беда».

Конечно, на плечи Института этнографии ложатся многие важные проблемы, решение которых не всегда под силу местным научным учреждениям, но это отнюдь не означает возможность для «центрального академического учреждения страны» уйти от решения одной из актуальнейших задач нашей науки — наиболее полного изучения традиционно-бытовых культур народов СССР, в особенности их остающихся незафиксированными исчезающих компонентов. Такие работы должны осуществляться, как это и было до сих пор, в тесном творческом контакте этнографов центральных и местных научных учреждений, ведущих ученых и научно-технических сотрудников, узких специалистов и краеведов-любителей, что также нашло отражение в выступлениях участников дискуссии. И должна такая деятельность приравняться к контролируемым государством работам по охране памятников культуры, которым угрожает разрушение.

Хочу остановиться еще на одном важном вопросе. Г. В. Старовойтов считает необходимым определение этнокультурного памятника и его спецификации (по сравнению с археологическими, историческими, фольклорными памятниками). По ее мнению, в число этнокультурных памятников должны войти «комплексы традиционной деятельности и традицион

ной духовной культуры — в отличие от памятников так называемой материальной культуры, которые во многих случаях можно отнести в ряд археологических или памятников искусства» (69). Думается, что относительно этнокультурных (этнографических) памятников (объектов) существует уже достаточная ясность. К ним относятся все памятники традиционно-бытовой (не профессиональной!) культуры⁶, в том числе традиционно-бытовой материальной культуры. Объектом изучения археологов и искусствоведов поэтому могут быть те же памятники, которые исследуются этнографами. Ведь археология изучает не какие-то «свои» памятники, а историю общества по всем материальным остаткам жизни и деятельности людей, которые добываются главным образом путем раскопок. Ими могут быть и памятники профессиональной культуры, развивавшейся, как известно, вместе с формированием классового общества, и памятники культуры традиционно-бытовой. Искусствоведы также изучают памятники как профессионального, так и традиционно-бытового искусства. Следовательно, народное искусство может быть, к примеру, объектом исследования и искусствознания и этнографии, хотя, конечно, у последней есть свой аспект его изучения.

И, конечно же, у этнографии не только свой особый аспект исследования памятников материальной культуры. Существенно различается и выбор объектов изучения профессиональной и традиционно-бытовой культуры. Для исследователя первых особенно важны памятники уникальные, выражающие своеобразие и новизну творческих решений их создателей, а этнографа, напротив, прежде всего интересуют объекты, наиболее типичные для той или иной этнокультурной общности. Это порождает нередко весьма существенное различие в определении относительной ценности памятников профессиональной и традиционно-бытовой материальной культуры, а, следовательно, в целесообразности их первоочередного полевого исследования, охраны и т. п. Приоритет в большинстве случаев отдается первым. В таком подходе есть известная доля логики, но обычно не учитывается, что даже гибель отдельного в чем-то своеобразного памятника профессиональной культуры, оставшегося неизученным, сколь печально бы это ни было, как правило, не лишает науку относительно полного представления (за редкими исключениями) о породившем его направлении в профессиональном искусстве, архитектуре и т. п. Если же не удастся зафиксировать хотя бы единственный материальный объект, характеризующий оставшиеся неизученными те или иные компоненты традиционной культуры, типичные для данной этнокультурной общности, а она со временем утратит эту культуру, то такая потеря оказывается обычно невосполнимой, причем для изучения культуры не только этой общности, но, в конечном счете, всего человечества.

И еще одна сторона вопроса остается часто вне внимания. Специфическое отношение к материальным объектам традиционно-бытовой культуры как длительно воспроизводимым без изменения. Поиск их стабильно-типичных черт нередко ведет к недоучету важности фиксации динамики изменений этих объектов (конструктивных и нефункциональных — украшения, цвет и т. п.), хотя исследование таких изменений несомненно играет существенную роль в познании закономерностей этнокультурных процессов.

Материальная культура, таким образом, имеет и традиционно-бытовой и профессиональный слой. Вместе с тем в своем историческом развитии они всегда были более или менее тесно связаны и взаимозависимы. Соответственно история материальной культуры нуждается в изучении не только в аспекте отдельных наук, но и целостно, во всех ее взаимосвязях. Не случайно поэтому решением правительства еще в трудные годы Гражданской войны (18 апреля 1919 г.) была создана Российская академия истории материальной культуры (с 1926 г. Гос. академия истории материальной культуры — ГАИМК), перед которой была поставлена задача изучения истории материальной культуры во всех ее формах с привлечением всех видов источников. Это обусловило и ее

⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 74—75.

структуру из трех отделений: этнологического, археологического и художественно-исторического. С 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР, а позднее — в Институт археологии. Но ныне, как это ни парадоксально, нет ни одного научного учреждения (нет даже лаборатории или проблемной группы), которое бы занималось историей материальной культуры в целом, как следствие, эту миссию берут на себя sporadически и достаточно стихийно то историки, то археологи, то этнографы, то искусствоведы. Может создаться впечатление, что это, в частности, результат отсутствия четких дефиниций, определяющих предметную область каждой из упомянутых наук в изучении памятников культуры. Но причина, как видим, иная.

Таковы мои основные замечания по материалам прошедшей дискуссии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дискуссия о принципах и методах полевой работы, развернувшаяся на страницах «Советской этнографии», со всей ясностью показала значение полевых исследований как одного из важнейших источников развития современной этнографии.

Она началась заказанными редакцией статьями М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, отразившими стоящие перед полевыми работниками две основные, или, точнее, одну двуединую задачу — изучение современности и реконструкцию предшествующих этапов истории традиционного бытового культуры народа. Дискуссия, несмотря на некоторые крайние точки зрения, высказывавшиеся отдельными авторами, убедительно свидетельствовала о том, что эти две задачи невозможно решать отдельно, что в сущности правильность подхода к каждой из них предопределяет успех решения другой. Любой полевой работник, какую бы он ни ставил перед собой задачу, имеет дело только с современностью. Разумеется, современность в этнографическом ее понимании сложна. Она — результат истории. Какой бы цельной (гомогенной) современность нам ни представлялась, она гетерогенна, как гетерогенна по своей структуре историческая действительность на любом этапе истории. Иной раз только специальный анализ позволяет выделить и исторически объяснить элементы или комплексы культуры, возникшие в прошлом (порой весьма далеком). Вместе с тем они функционируют в системе современной культуры и поэтому не могут не считаться фактами современной действительности. Более того, даже то, что уже ушло в прошлое, но все еще хранится в памяти информаторов, является составным компонентом памяти современного человека и в определенном смысле тоже фактом современной действительности, современной памятью о прошлом, или, по словам Н. А. Томилова, «народными знаниями о былом». Само собой разумеется, что полевой исследователь должен четко различать факты, наблюдающиеся в наши дни, и факты, которые извлекаются из памяти отдельных информаторов (в фольклористике так называемый «пассивный репертуар») и фиксировать их соответствующими способами.

Очень важно подчеркнуть, что этнограф-полевик всегда был ученым, исследующим современность. Анализируя современность в историческом движении, он создает, как мы уже говорили, представление о новизне или давности происхождения отдельных ее компонентов. Участники дискуссии (М. Н. Шмелева, Л. Н. Чижикова и др.) справедливо писали, что этнограф, работающий в поле, не может интересоваться только архаическими элементами, как бы они ни были драгоценны в историко-культурном отношении, или только новациями, какое бы будущее последним ни предстояло. Опыт показал, что нарочито выборочный сбор материала ведет к искаженному представлению о действительности. Это особенно

важно оознать в условиях все ускоряющегося процесса урбанизации и научно-технической революции, сопровождающейся быстрой сменой форм и типов культурных явлений.

Участники дискуссии вполне обоснованно обеспокоены тем, что целые комплексы культуры (как материальной, так и духовной и тем более, соционормативной), еще несколько десятилетий тому назад широко распространенные, исчезают из народного быта. Это неизбежно, и в этом отражается социальный, экономический и культурный прогресс, свойственный нашему обществу. Однако, необходимо зачеить, что исчезают не только «старотрадиционные» (термин, по мнению большинства участников дискуссии, по крайней мере спорный) элементы, но и явления, возникавшие и бытовавшие сравнительно недавно (в 1920—1930-е годы, в годы Великой Отечественной войны, в первые послевоенные десятилетия). Современность меняется быстро, и так же, как мы рискуем навсегда утратить возможность зафиксировать реалии народного быта конца XIX—начала XX в., мы рискуем безвозвратно потерять возможность документировать этнические и этнокультурные процессы недавнего прошлого. Этого не простят нам будущие поколения этнографов.

Отсюда следует, что задач у современной полевой этнографии очень много, и они весьма ответственны. Это неизбежно порождает максималистские призывы к тотальной фиксации всех явлений как традиционно-бытовой культуры в ее архаическом слое, так и современной. Спорить с подобными призывами трудно: максимальное накопление фактов и документов — идеал каждой развивающейся науки. Вместе с тем отвлеченные мечтания подобного рода или продолжающиеся споры о том, все или не все надо фиксировать, не могут не мешать трезвой оценке ситуации и выработке оптимальной стратегии полевой работы на ближайшее будущее.

Участники дискуссии подняли и другие важные вопросы — о значении и смысле вопросников, программ, анкет и иных видов экспедиционного инструментария, о желательном соотношении формализованных опросов и углубленных бесед, включенного и невключенного наблюдения. Были высказаны как меткие и тонкие замечания, так и довольно элементарные и общеизвестные истины. При выборе методического приема очень важно четкое понимание того, что дает каждый прием и чего он не может дать (например, количественный, статистический подход) и шире — каковы возможности и ограничения той или иной конкретной методики, в том числе и традиционной для этнографии. Будущее, несомненно, за рациональным сочетанием разных подходов. И не только будущее. Это уже сегодняшний день полевой этнографии. Именно поэтому так живо обсуждался вопрос о путях и способах нахождения «хорошего» (или лучше — талантливого) информатора-эксперта и о так называемых коллективных опросах.

Следствием некоторых недоразумений был спор о том, что следует считать наиболее продуктивной «единицей» полевой изучения — общность территориальную либо производственную или семью. М. Н. Шмелева в первой своей статье писала, что во избежание автономного, изолированного от общественной среды изучения семьи полезно идти к семье через ее общественно-производственное окружение — территориальную или производственную общность. Это было не теоретическое предположение, как считает В. И. Козлов, почему-то рекомендовавший изучать прежде всего «домашний быт» (?) семьи, а обобщение накопленного опыта, реализованного в ряде достаточно известных исследований.

Правильно подчеркивалась необходимость публикации программ и вопросников, методических пособий и, вместе с тем, регулярного обсуждения теоретических проблем полевой работы в печати. Обращалось внимание и на то, что, к сожалению, не разрабатывается длительная уже теперь (с XVIII в.) история полевых программ и методов как составная часть истории этнографии в России. Обобщение столь богатого полевого опыта принесло бы несомненную пользу. К этому следовало бы добавить: не менее важно позаботиться о приведении в надлежащий порядок мно-

гочисленных хранилищ полевых материалов, рассеянных по всей стране. Только некоторые из них снабжены хорошо разработанными описями, каталогами и картотеками, дающими возможность интенсивного использования собранных полевых материалов. Кстати, накоплению и систематизации их весьма способствовала (и способствует) работа над историко-этнографическими атласами. Поэтому вызывает удивление негативное отношение В. И. Козлова к сбору материалов для атласов, прозвучавшее в его отклике. Следует ли походя, не приводя никаких серьезных доводов, подвергать сомнению целесообразность формирования этой отрасли современной этнографии, имеющей значительные достижения?

Участники дискуссии справедливо говорили и о необходимости проведения серии совещаний (всесоюзных и, разумеется, до этого республиканских или региональных), которые помогли бы всесторонне обсудить принципы разработки планов полевых исследований на ближайшее будущее. Дискуссия показала, что и здесь много недостаточно ясного. Какие «белые пятна» должны быть ликвидированы в первую очередь? Проблема эта не только теоретическая, но и сугубо практическая для каждого района Советского Союза. Известно, что в союзных и автономных республиках, а также в ряде областей РСФСР сложились авторитетные школы этнографов, ведущие большую полевую работу. Весьма целесообразно было бы подумать о тщательном согласовании создаваемых в центре и на местах программ и вопросников, чтобы обеспечить сопоставимость получаемых материалов.

Б. П. Полевой

НАХОДКА ПОЛНОГО ТЕКСТА ЗАПИСКИ

П. Н. НАЗИМОВА О Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ

В связи с приездом Н. Н. Миклухо-Маклая в Петербург «Новости и Биржевая газета» опубликовала 13 июня 1886 г. большую статью «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею (По запискам контр-адмирала П. Н. Назимова)» за подписью «А. А-въ». Статья содержала немало любопытных сведений о деятельности выдающегося русского ученого с октября 1870 г. по сентябрь 1871 г., т. е. в тот период, когда он совершал плавание на корвете «Витязь», которым командовал П. Н. Назимов.

Автор статьи указывал, что сам П. Н. Назимов, «многоопытный в дальних плаваниях адмирал», предоставил любезно в его распоряжение свои «записки», которые содержали «многие интересные подробности» о деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая в 1870—1871 гг. В статье было отмечено, что этот источник содержит «так много уже полузабытых, пожалуй, самим. г. Маклаем черт и подробностей, что восстановить их ввиду интереса, какой представляет личность прибывшего на родину натуралиста, мы считаем не лишним и поучительным...»

22 июня 1886 г. в газете «Русский курьер» некий «Н. Н. В.» весьма высоко оценил «извлечения из записок командира корвета, теперь младшего флагмана Балтийского моря, контр-адмирала Назимова».

Вновь о значении статьи «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею» заговорили с 1939 г., когда А. Г. Грумм-Гржимайло в своей исключительно интересной статье¹ кратко пересказал содержание статьи 1886 г. Именно А. Г. Грумм-Гржимайло первым высказал предположение (неосторожно принятое многими авторами) о том, что «А. А-въ» будто был не кем иным, как военным писателем вице-адмиралом Авраамом Богдановичем Асланбековым². Он-де мог подписаться «А. А-въ», да и был 22 ноября 1886 г. среди слушателей второй лекции Н. Н. Миклухо-Маклая в помещении Городской думы³. Но под псевдонимом «А. А-въ» скрывались многие журналисты той эпохи⁴. А. Б. Асланбеков таким псевдонимом не пользовался, да и трудно поверить, чтобы столь известный автор — и к тому же занимавший столь высокое положение в обществе согласился бы выступить в газете в роли пересказчика чужого текста. Поэтому пока ничего определенного нельзя сказать о том, кто же скрывался под псевдонимом «А. А-въ». Возможно, ответ на этот вопрос удастся найти в документах Петербургского цензурного комитета или в пока еще, к сожалению, необработанном личном фонде П. Н. Назимова, который имеется в рукописном отделе ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. № 509).

¹ Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи. — Изв. Гос. геогр. о-ва, 1939, вып. 1—2, с. 55—60, 135.

² Там же, с. 55.

³ Там же, с. 146.

⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956, т. I, с. 66, 67.

В начале 1984 г. произошло неожиданное: в Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ) удалось обнаружить первоисточник статьи 1886 г. Им оказалась подробнейшая докладная записка П. Н. Назимова начальнику отряда судов в Тихом океане командующему адмиралу М. Я. Федоровскому. Сам П. Н. Назимов ее назвал: «Записка о пребывании натуралиста Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в залив Астролябия»⁵. Прямое сопоставление текста записки со статьей «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею» не оставляет никаких сомнений, в том что «А. А-въ» именно ее положил в основу своего пересказа. И многое переписал слово в слово.

В свое время газетная статья, подписанная «А. А-въ», принесла немалую пользу для биографов Н. Н. Миклухо-Маклая. Но в наше время многим известна лишь по краткому пересказу в статье А. Г. Грумм-Гримальдо 1939 г. Получить подлинник статьи 1886 г. не так-то легко: можно достать лишь в Москве и Ленинграде, да и к тому же не без некоторых трудностей. И как бы ни была интересна статья «А. А-въ» 1886 г., она, естественно, никоим образом не может заменить найденный теперь текст докладной записки самого П. Н. Назимова. Конечно, можно было бы еще раз пересказать текст найденной записки, но для всерьезных исследователей неизмеримо важнее иметь не пересказ, а сам первичный текст, представляющий, безусловно, исключительно больший интерес для биографов Н. Н. Миклухо-Маклая.

Нетрудно убедиться, что текст записки гораздо полнее, чем пересказ «А. А-въ» 1886 г. Так, в записке точнее изложена история появления Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» и подробнее освещается история пребывания ученого в Южной Америке («А. А-въ», например, вообще обошел молчанием деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в Бразилии). Любопытно подробные сведения о том, что предпринял П. Н. Назимов для того, чтобы моряки других стран заинтересовались судьбой Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее.

В целом же в записке дана самая обширная информация о деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая во время его плавания на корвете «Витязь» от Кронштадта до берегов Новой Гвинеи. Причем часть этих интересных сведений, к сожалению, не была отражена в известном пятитомном собрании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (1950—1954 гг.). В качестве примера можно указать на то, что ни в одном из томов собрания сочинений ни разу не было упомянуто о том, что во время пребывания в Чили Н. Н. Миклухо-Маклай подружился с чилийским национальным героем, многолетним ректором университета в Сантьяго геологом Игнацио Домейко, который даже считал своим долгом в местной печати опубликовать статьи о Н. Н. Миклухо-Маклае. Эти факты также остались неизвестными и многочисленным биографам самого И. Домейко⁶.

Вместе с тем приведенные в записке некоторые подробности открывают возможности и для новых архивных изысканий с целью дальнейших уточнений в биографии Н. Н. Миклухо-Маклая. Так, например, следует попытаться найти в делах инспекторского департамента морского министерства те официальные документы, которые дали возможность Н. Н. Миклухо-Маклаю отправиться на корвете «Витязь». Желательно также разыскать рекомендательные письма, которые Н. Н. Миклухо-Маклай передал руководителям морского ведомства. Новые полезные документы относительно деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая во время его трехнедельной поездки по Западной Европе в конце 1870 г. могут быть найдены в фондах русских дипломатических представительств (миссий и посольств) в Копенгагене, Берлине, Гааге и в Лондоне.

Несомненно, докладная записка П. Н. Назимова поможет исследователям лучше разобраться и в еще не изученном содержании записных

⁵ Центральный гос. архив военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 3207, лл. 452—469.

⁶ См. ниже примечание 10 к тексту публикуемой записки.

книжеч Н. Н. Миклухо-Маклая 1871 г. (они хранятся в Архиве Географического общества СССР).

Одновременно с находкой докладной записки П. Н. Назимова удалось разыскать и документы, которые помогли точно установить, чем же было вызвано ее составление.

Вот эти ранее неизвестные факты.

Еще 15 января 1872 г. управляющий морским министерством генерал-адъютант Н. К. Краббе направил командиру отряда судов на Тихом океане контр-адмиралу М. Я. Федоровскому распоряжение: после окончания навигации в северной части Тихого океана поздней осенью 1872 г. поручить одному из военных судов, возвращавшемуся с русского Дальнего Востока в Кронштадт, зайти к берегу Новой Гвинеи, где высадили Н. Н. Миклухо-Маклай⁷.

После того как 21 июля 1872 г. в газете «Кронштадтский вестник» появилось ложное сообщение о том, что Н. Н. Миклухо-Маклай будто бы умер от «злокачественной лихорадки»⁸, командир Кронштадтского порта С. С. Лесовский, в прошлом командующий тихоокеанской эскадрой, поспешил отправить в Нагасаки телеграмму с поручением М. Я. Федоровскому ускорить отправку русского военного судна к Новой Гвинее с тем, чтобы на месте узнать о судьбе Н. Н. Миклухо-Маклая⁹. Эта телеграмма была передана в Соединенные Штаты, откуда морем 6 августа 1872 г. доставлена в Нагасаки. Сразу же по ее получении Федоровский отправил через Николаевск-на-Амуре телеграмму во Владивосток командиру клипера «Изумруд» М. Н. Кумани с приказом срочно прибыть в Нагасаки¹⁰. Тогда же он приказал командиру корвета «Витязь» П. Н. Назимову представить ему докладную записку о пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая на борту корвета с подробными сведениями о месте его высадки в заливе Астролябия. Он считал, что такая записка будет весьма полезной для командира клипера «Изумруд», которому он поручал розыск Н. Н. Миклухо-Маклая.

Свою записку П. Н. Назимов закончил 18/30 августа 1872 г. во время стоянки корвета «Витязь» в Нагасаки. Она произвела на М. Я. Федоровского весьма большое впечатление, и поэтому он решил ее копию срочно выслать в Петербург. 22 августа 1872 г. М. Я. Федоровский писал из Нагасаки в Петербург: «Распространившийся слух о смерти натуралиста Н. Н. Миклухо-Маклая... заставляет меня думать, что присылка докладной записки, поданной мне командиром корвета «Витязь» о пребывании Миклухо-Маклая на корвете от Кронштадта до высадки его в Новой Гвинее, будет представлять для всех значительный интерес»¹¹.

Судя по карандашным пометкам на найденной копии, ее текст кто-то подготавливал к печати. Подобные документы, исходящие из морского министерства, в те времена обычно печатались в «Кронштадтском вестнике». Но, видимо, в 1872 г. было решено повременить с публикацией записки до получения точных сведений о судьбе Н. Н. Миклухо-Маклая. После того как в середине февраля 1873 г. стало известно, что Н. Н. Миклухо-Маклай жив¹², печатать записку П. Н. Назимова в присланном виде уже было неудобно¹³.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3207, лл. 136—137.

⁸ Экспедиция Н. Н. Миклухо-Маклая и его кончина.— «Кронштадтский вестник», 1982, № 35.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 3207, л. 385.

¹⁰ Там же, л. 481.

¹¹ Там же, л. 451.

¹² См. Грумм-Гржимайло А. Г. Указ. раб. с. 67.

¹³ Возможно, сокращенный вариант этого текста был опубликован в «Кронштадтском вестнике» позднее. В «Изв. Гос. географического общества» (1939, № 1—2, с. 209) библиограф И. Мурзин дает ссылку: «Кроншт. вестн., 14 IV 1874, № 42 (Донесения командира «Витязя» о работах Н. Н. М.-М.)». В указанном номере такого донесения нет. Нет его и в других номерах газеты за 1872—1874 гг. Но ссылка Мурзина не могла быть произвольной: в каком-то из номеров газеты такая публикация вероятно была, но пока трудно сказать, что сна из себя представляла.

Шли годы. Слава Миклухо-Маклая продолжала расти. И становилось очевидным, что забытые любопытные сведения о его плавании в корвете «Витязь» в 1870—1871 гг. следует опубликовать. Поэтос П. Н. Назимов и решил в 1886 г. воспользоваться услугами некоего «А. А-въ», явно случайного пересказчика, который даже не понял, что он пользовался докладной запиской, а не «записками». К тому же и нее он многое необоснованно опустил. Это ясно видно при сравнении его статьи с публикуемым нами полным текстом докладной записки П. Н. Назимова.

Докладная записка подготовлена к публикации по «Правилам издания исторических документов в СССР», которые предусматривают передачу текста «с точным сохранением стилистических и языковых особенностей», но «в соответствии с современной орфографией и пунктуацией»¹⁴. Написание собственных имен дается по подлиннику. Необходимы исправления и пояснения даются в комментариях или прямо в тексте квадратных скобках.

¹⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М.: 1969, с. 24—25.

Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астралабии

В 1870 году в октябре при отправлении с вверенным мне корветом по назначению в Тихий океан я получил предписание инспекторского департамента морского министерства принять на корвет пассажира натуралиста Миклуху-Маклая для доставления его на остров Новая Гвинея¹.

При посещении корвета его имп. выс. генерал-адмиралом натуралист Миклуха-Маклай представил е. и. в. записку от вел. кн. Елены Павловны, в которой ее выс. просит генерал-адмирала поручить господина Маклая попечениям командира. Его имп. выс. по прочтении записки передал ее мне, сказав: «Я убежден, что ты сделаешь все для него и потому поручаю тебе выполнить просьбу ея высочества» (записка эта хранится в Петербурге как документ)².

27 октября после смотра, произведенного корвету главным командиром Кронштадтского порта генерал-адъютантом Лесовским³, в его присутствии снялся с якоря.

2 ноября прибыл в Копенгаген. Здесь натуралист Миклуха-Маклай съехал с корвета на берег с целью отправиться в Берлин, Мюнхен, Брюссель, Амстердам, Гаагу и другие города для приобретения книг, инструментов и для свидания со многими учеными, преимущественно по зоологии, чтобы получить некоторые наставления в предстоящем ему путешествии. Во время стоянки корвета в Копенгагене господин Миклуха-Маклай имел время посетить многих датских ученых, которые, сочувствуя смелым его предприятиям, распространили в газетах о присутствии на копенгагенском рейде русского корвета «Витязь», который имеет назначение отправиться к малоиз-

¹ Это предписание было дано после того, как 30 мая 1870 г. Александр II разрешил отправить Н. Н. Миклухо-Маклая на военном судне «Витязь».

² В. кн. Елена Павловна, вдова в. кн. Михаила Павловича, проявила большой интерес к сообщению П. П. Семенова-Тян-Шанского о намерении Н. Н. Миклухо-Маклая отправиться на о. Новая Гвинея. По ее приглашению Н. Н. Миклухо-Маклай провел несколько дней в ее ораниенбаумском дворце. Выслушав подробные его рассказы, Елена Павловна пообещала ему свое содействие. Через своего личного секретаря гр. Е. Ф. Раден она передала Н. Н. Миклухо-Маклаю свою записку на имя в. кн. Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота и президента Русского географического общества, в которой просила дать особые указания командиру корвета об оказании содействия молодому ученому.

³ Главный командир Кронштадтского порта генерал-адъютант С. С. Лесовский был хорошим знатоком условий плавания в Тихом океане. В прошлом он был участником экспедиции Е. В. Путятина — плывал на фрегате «Диана» до гибели судна после землетрясения в декабре 1854 г. Во время Гражданской войны в США в 1863 г. командовал эскадрой, появление которой у побережья северных штатов произвело большое впечатление во всем мире.

вестным берегам Новой Гвинеей для доставления туда русского натуралиста Миклухо-Маклая, имеющего целью проникнуть внутрь этой неизвестной страны. Подобные известия, возбуждая внимание публики, открывают двери во все музеи даже не в установленные часы, чем я и успел воспользоваться, желая доставить случай офицерам и гардемаринам корвета ознакомиться с предметами, которыми наполняются музеи, тем более [такой], как Копенгагенский северозападный кабинет — единственный в Европе по своим коллекциям; ознакомившись с директором музея г-ном Миллер⁴, он весьма обязательно предложил свои услуги показать и объяснить нам многое, чем мы и воспользовались, не будучи стесняемы посторонней публикой, г-н Миллер, показывая музей, можно сказать, прочитал нам краткую, но поучительную лекцию, объяснив в ней, какие предметы наиболее служат для определения рас и степени их развитости. При этом присутствовал г-н Миклуха, все офицеры и гардемарины, имевшие по уставу право быть свободными от судебных занятий. Откровенно говоря, эта лекция и осмотр музея впоследствии принесли нам большую пользу при собирании разных предметов от дикарей.

После посещения этого музея г-н Миклуха отправился на материк Европы, согласившись со мной, что он прибудет на корвет только в последнем из английских портов, откуда я должен буду выйти в океан, при этом просил уведомить его о времени отплытия корвета из Англии письмом в Гаагу.

Во время стоянки корвета на копенгагенском рейде я узнал из газет о затруднениях, возникших между Россией и Европейскими державами по поводу черноморского вопроса⁵. Немедленно я обратился к нашему посланнику в Копенгагене за инструкциями, но получил в ответ о неведении о подобных политических затруднениях, почему посланник предоставил действовать по собственному моему усмотрению; следствием подобного ответа было немедленное снятие с якоря для следования по назначению. О сем непредвиденном обстоятельстве я уведомил немедленно г-на Миклуху-Маклая в Берлин и Гамбург, чтоб он торопился прибытием в Англию, где, по-видимому, долго оставаться нельзя. Это уведомление заставило его сократить свое пребывание на материке и прибыть в Плимут. По прибытии моем в Портсмут я был потребован телеграммой в Лондон для представления посланнику нашему барону Брунову, который хотя и выразил политическое положение в совершенно мирном духе, однако я понял, что терять время не следует, а потому немедленно снялся с якоря и пошел в Плимут, чтобы сделать окончательный запас угля, провизии, принять Миклуху-Маклая и следовать затем по назначению в Тихий океан.

В бытность мою в Лондоне я встретился с прибывшим с континента Миклухой-Маклаем, который сообщил мне о восторженном приеме, сделанном ему всеми учеными обществами, а в особенности голландским правительством, так как оно имеет много колоний вблизи предполагаемого места высадки Маклая.

Наш посланник в Голландии Кноринг много содействовал Миклухе-Маклаю, взяв на себя труд рекомендовать его министру колоний. Министр снабдил Миклуху голландскими картами тех стран и письмом к батавскому губернатору, в котором просил оказывать ему всевозможное содействие. При осмотре карт я не нашел ничего нового, подобные же карты, только английского издания, имеются на корвете.

В бытность Миклухи в Гамбурге он был снабжен главой торгового дома Годафруа письмом, в котором поручалось всем агентам этого дома, находящимся на островах южного Тихого океана, содействовать Миклухе всеми имеющимися средствами, и в случае если Миклуха воспользуется каким-либо кораблем, то не взымать с него никакой платы за переезд или перевоз вещей. В Плимуте Миклуха-Маклай представил рекомендательное письмо директора гидрографического департамента морского министерства Семена Ильича Зеленаго, через посредство которого его снабдили от англий-

⁴ Как установил Б. Н. Путилов, здесь допущена неточность: г-н Миллер (правильнее: Моллер) не был директором музея, а одним из его сотрудников. Разъяснение получено из Копенгагена.

⁵ В 1870 г. русское правительство, воспользовавшись началом Франко-Прусской войны, объявило об аннулировании навязанного России в 1856 г. запрещения держать военный флот на Черном море. Англия стала грозить России новой войной, поэтому и решено было, чтобы корвет «Витязь» обходил стороной английские владения. Пришлось изменить курс: воздержаться от плавания к британским владениям на юге Африки (Кейптаун, Симонстаун и др.), пойти от островов Зеленого мыса к берегам Южной Америки, а позже воздержаться от посещения Австралии. Но эти предосторожности были излишними, так как Англия одна без союзников не решилась выступить против России.

кого адмиралтейства безвозмездно шестью дипломатами, построенными с чашкой доставления грунта дна моря и к этим диплотам диплотлинем в 1000 сажень, особаго приготовления⁶.

Все вещи и инструменты, присылаемые на корвет на имя Миклуха-Маклая, принимались немедленно.

5 декабря прибыл из Лондона капитан 2-го ранга Казнаков и сообщил мне бы секретные инструкции для предстоящего плавания, вследствие которых я телеграфировал Миклухе о немедленном прибытии на корвет и на другой день утром 6 декабря снялся с якоря и вышел в океан.

На переходе до островов Зеленого мыса Миклуха-Маклай большую часть страдал морской болезнью; по прибытии на остров Сан-Винцент в залив Порто-Гранде просил устроить ему на берегу моря палатку для различных наблюдений и собирания морских животных, но преимущественно губок, так как это его специальность, изучения которой он уже сделал экспедиции в Красное море у берегов Абис[с]инии. В один из первых дней нашего пребывания в Порто-Гранде, однажды гуляя с ним на берегу, мы остановились посмотреть подъем грузового бота, подводная часть которого была обита цинком и обросла морскими ракушками и животными, одно из движущихся животных обратило на себя мое внимание, и когда я его снял осторожно и показал Миклухе, то он нашел в нем совершенно новый вид губки, которую он сейчас анализировал и препарировал; впоследствии в разговорах он часто мне напоминал, что все его поиски органичились только этим отличным экземпляром губки. Остаток времени он употреблял на снятие типов местных жителей, помощью камеры люциды таких экземпляров у него было много, и, должно сказать, все весьма удачно выполнено. После короткого пребывания его на берегу в палатке, поставленной у самой воды, Миклуха захворал лихорадкой, но болезнь была остановлена вовремя; по случаю болезни он поселился в наемной квартире на берегу.

Во время плавания от островов Зеленого мыса до Рио-Жанейро Миклуха делал наблюдения над температурой моря точно так же, как это исполняется на всех судах, и ведется журнал, иногда он свои пробелы пополнял из судового метеорологического журнала. В широте около 3° N, воспользовавшись штилем, измеряли глубину моря и температуру воды на разных глубинах на 1000 (? — Б. П.) сажень помощью лота и диплота, принадлежащего Миклухе, дна не достали. Также, пользуясь штилем, рассматривал микроскопических морских животных, ловимых им помощью сетей драг. Результат этих наблюдений должен находиться в его памятной книге. На этом же пути он анализировал и препарировал голову и мозг акулы *Sarcharias glaucus*.

По прибытии в Рио-Жанейро он проводил время преимущественно на берегу; сколько мне известно, заботился только о приобретении [рисунков] разных типов Бразилии и о редких рыбах, появляющихся на рыбных рынках для анализа мозга, что, кажется, составляло тоже его специальность, потому что мне случалось видеть рисунки, сделанные им, и сравнивать с настоящим предметом, то я всегда находил поразительное сходство между изображением и оригиналом.

На пути из Рио-Жанейро в Магел[л]анов пролив, идя на малой глубине в 70—60 сажень, иногда и менее, Миклуха бросал несколько раз драгу для получения морских животных со дна моря, но бедность этих продуктов в этой местности заставляла его бросить эти наблюдения.

Так мы прибыли в Санди Пойт [Пойнт] в Магеллановом проливе, где он воспользовался пребыванием прикочевавших в город потагонцев [патагонцев] и снял много типов, выполнив их поразительно верно и отчетливо. Кроме этого никакими наблюдениями не занимался. В это время ему пришла мысль совершить путешествие пешком из Санди-Пойта в залив св. Николая в Магеллановом проливе; губернатор колонии

⁶ Диплот — глубинный лот (от английского «deep» — глубина), диплотлинь — специально изготовленный канат для глубинных измерений. П. Н. Назимов и старший офицер корвета П. П. Новосильский помогли Н. Н. Миклухо-Маклаю успешно использовать диплоты и диплотлини для различных океанологических исследований (подробнее см. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., М.—Л., 1952, т. III, ч. II, с. 320).

⁷ Подробные сведения об экспедиции в Красное море см. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. II, с. 200—223, 353—362.

⁸ Камера-люцида — оптический прибор, изобретенный в 1809 г. Уолластоном, позволял делать зарисовки с натуры на бумаге.

⁹ *Sarcharias glaucus* Cuv. — голубая акула. Впервые подробно была описана Н. Н. Миклухо-Маклаем в его статье «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных», изданной в 1870 г. в Лейпциге. См. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. II, с. 33—123.

человек, знакомый с дикостью страны и дикостью лотагонцев, а преимущественно зная зверство жителей Огненной земли в отношении к европейцам, всячески старался отклонить его от выполнения подобной идеи. Я со своей стороны, видя бесплодность подобного путешествия и имея поручение доставить его на берег Новой Гвинеи, только сим последним обстоятельством мог удержать его от этой прогулки, тем более что за несколько недель до нашего прихода жители Огненной земли убили четырех европейцев с английской шхуны, которую мы нашли стоящей на рейде Санди Пойт без команды. От Санди Пойта до Вальпарайзо Миклуха уже не страдал морскою болезнью и казался физически здоровым. На пути никаких наблюдений не делал, кроме снимания типов в заливе Concepcion и порте Талькагуана, где он даже приобрел от начальника тюрьмы фотографические карточки всех содержащихся в тюрьме арестантов, к ним список с соответствующими с картами номерами и описанием преступлений и месторождения арестанта. Руководствуясь этим, он объяснил нам, что можно сделать наблюдения над сложением форм головы. Таких карт он получил около 200.

В Вальпарайзо Миклуха переехал с корвета на берег в Hotel, где и оставался все время, ездив по временам в Сант-Яго, где он познакомился с ректором университета г-м Домейко¹⁰. Это[т] весьма ученый и полезный деятель в Чили обратил внимание на Миклуху и всеми средствами старался познакомить его с всевозможными музеями, а преимущественно с минералогическим, так как Чили — страна минералов, а сам Домейко — известный минералог. Этот же Домейко опубликовал в газетах с пребывании в Вальпарайзо русского корвета, на котором натуралист Миклуха-Маклай отправляется к берегам Новой Гвинеи с целью остаться там для изучения страны. В бытность мою в Сант-Яго Миклуха-Маклай познакомил меня с почтенным ректором Домейко, так что и я мог воспользоваться его гостеприимством и его поучительной и приятной беседой. В Сант-Яго Миклуха приобрел фотографические снимки с идолов, привезенных с острова Пасхи. Эти снимки замечательны своей точностью с оригиналами; полагаю, что Миклуха сохранил их при себе, а не отослал в Европу.

Вследствие предписания ожидать в Вальпарайзо дальнейших инструкций о плавании корвета я простоял на рейде три недели. Последнюю неделю я заметил болезненное состояние Миклухи, но он не высказывал никогда о своих болях, но, выходя в море 21 мая 1871 года на пути к острову Пасха, болезнь сама высказалась, и он должен был оставаться в постели; трудновывечаемые болезни на берегу еще труднее вылечиваются в море, почему на всем пути до Новой Гвинеи он был лишен возможности делать какие-либо наблюдения¹¹.

9 июля пришел к острову Таити и встал на якорь в бухте Паленти; здоровье Миклухи требовало спокойствия и берегового воздуха, а потому он немедленно нанял себе помещение на берегу; несмотря на это, будучи уже в волнении от приближения к цели нашего плавания, выздоровление шло не только медленно, но даже не улучшалось, почему к физическим болям, видимо, прибавился моральный упадок духа. При всем желании поддержать молодого человека не было никакой возможности, он становился раздражителен. Здесь на Таити я познакомил Миклуху с г-м Стюартом, который имея сношения с Сиднеем, взялся снабдить его товарами и деньгами по кредитиву, который имел Миклуха на Сидней; товары, приобретенные им, были преимущественно годные только для дикарей как по роду их, так и по качеству выделки, в Океании все цивилизаторы торгаши выписывают из Европы товары специально для дикарей, самого дурного достоинства, например ножи, которые не режут, каленкор или шертинг, который рвется под иглой, мыло, которое заключает в себе больше песка и земли, чем мыльных частиц, и т. п. Таких материалов Миклуха приобрел на сумму около 300 долларов. Между прочим собирали сведения о возможности сообщения островов Океании с Новой Гвинеей, но так как тут занимаются только обретенным долларом, а не географией, то никаких сведений не получилось.

С Таити я отправился с корветом по просьбе господина Миклуха-Маклая на группу Самоа или Навигаторские острова к острову Уполу, где находится агент гамбург-

¹⁰ Игнацио Домейко — выдающийся чилийский геолог. Подробнее о нем см.: *Грицкевич В. П.* Игнатий Домейко. — Изв. ВГО, 1981, № 5, с. 447—451; *его же.* Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск. 1968, с. 96—119; *Amunategui M. L.* Ignacio Domeyko. Santiago — Chile, 1952; *Malankiewicz K., Turkowski T.* Domeyko I. — *Polski Słownik Biograficzny*, t. V/4, z. 25, s. 313—318.

¹¹ Здесь идет речь только об океанографических исследованиях. Несмотря на свою болезнь, Н. Н. Миклухо-Маклай продолжал проводить другие наблюдения. И это позволило ему написать ряд статей и специальных заметок об островах Пасхи, Питкерна, Таити и Уполу. См.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч., т. I, с. 45—72.

ского дома Годефруа, от которого Миклуха имел предписания агентам этого, содействовать ему во всем безвозмездно. Через 10 дней я бросил якорь на Уполу и сейчас же объявил г-ну Миклухе-Маклаю, что от этого пункта до Японии больше пунктов, где бы я смог пополнить запас провизии и топлива, а по моему расчету, если идти к берегам Новой Гвинеи, то я больше 9 дней остав здесь не могу, и то провизия рассчитывается день в день, иначе у меня не дос провизии до Нагасаки, чего я не имею права допустить. Предупредив его о столь ном обстоятельстве и видя, что он сам находится в самом плачевном состоянии: ровня как физически, так и морально. Последнее заметно выказалось упадком д по приближении к цели. Я старался убедить Миклуху, чтоб он с Самоа отправи с нами на корвете в Японию, где он восстановит свое здоровье и потом, спуска и постепенно к югу, на что он будет иметь много случаев на военных судах, познако ся постепенно с трудностями путешествия и с языком папуасов и даже приобрет спутники людей, знающих язык папуасов и какой-нибудь европейский, и тогда пос его путешествия будет несомненная. Самолюбие его останавливало согласиться на предложение, хотя все общество офицеров его убеждало, что если он так поступи то это они припишут ничему другому, как только его благоразумию. Итак, ни состо ние его здоровья, ни убеждения не остановили его стремлений, и он начал готовит приискивая себе слуг. Агент дома Годефруа г-н Вебер отыскал ему двух слуг, од лшвед матрос, имя его Wilson, по-видимому, честный и добрый человек, шедший в усл жение с истинным желанием угождать во всем и быть действительно полезным¹², др гой — дикарь по прозванию Бой, татуированный житель острова Niu [Инуэ], не по мающий никакого языка, но вызвавшийся тоже ему сопутствовать. Г-н Вебер, по лающий ежегодно несколько судов на острова Анахорет [Хермит], лежащие к севе от Адмиралтейских островов, и на остров Гановер [Новый Ганновер, теперь — Лав гаи] за жемчугом и кокосами, имел сведения, что жители там не миролюбивы, кан балы и хитры и чтоб г-н Миклуха имел это в виду. Про берега же Новой Гвинеи ни го сообщить не мог, так как они вовсе не посещаемы европейцами, хотя стран обещает много богатств.

В 9 дней Миклуха, приобретя еще огромное количество разных запасов для ме с дикарями, перебрался на корвет, будучи еще совершенно болен и пораженный язв злокачественного свойства.

На пути до берегов Гвинеи наблюдений никаких не производил. Наконец, 7 с тября я подошел к Новой Гвинее, берег открылся, и тогда Миклуха увидел, ка трудности ему предстоят для проникания внутрь страны. Пять хребтов, начиная морского берега, возвышались один за другим и один выше другого, на вершии последнего, видимого хребта, лежали облака.

В 4 часа пополудни мы подошли к выдающемуся в море берегу и могли усмот реть, что это устье реки, закрытое несколькими островами; я остановил ход для более подробного осмотра местности с предложением, не желает ли он остановиться здесь, так как это место представляет много выгод для первого раза и лежит прямо на пути судов, так что всегда будет возможность усмотреть корабль или быть замеченным проходящим кораблем, а также устье реки показывает возможность хотя сколько-ни будь подняться вверх и, может быть, даже достичь большой реки, из которой эта вы текает.

На островах мы видели жилища, лодки жителей и огни в жилищах.

К наступившей ночи Маклай заявил, что он не желает и смотреть этой местности, а чтобы я доставил его в залив Астролябия, где он намерен искать себе место для поселения.

8 сентября в полдень мы подошли ко входному мысу Rigny в залив Астроляб, идя по заливу по лоту, мы не доставали дна 100 саж. диплотлинем. Придя в небольшо бухту в вершине залива Астроляб, на глубину 24 саж. бросили якорь.

По составлении карты залива Астроляб бухта, в которой было якорное место, названа мною порт Великий князь Константин, в память дня начала ее описи, именно 9 сентября¹³.

¹² Willson (правильнее Олсон; Миклухо-Маклай называл его Ульсоном) — наня тый на Самоа матрос с китобойного судна. Как видно из вахтенного журнала корвета «Витязь», звали его Карлом.

¹³ 9 сентября — день рождения в. кн. Константина Николаевича. По этому слу чаю в бухте Астролябия был произведен салют в 21 выстрел. Назимов в своем ра порте писал: «Это был первый пушечный гром, раздавшийся эхом по горам Новой

Встав на якорь, немедленно была дана четверка в полное распоряжение Миклухи-Маклая, на которой он сейчас же отправился со своими слугами вдоль берега залива осматривать местность; по возвращении на корвет Миклуха не указал места, предполагаемого для жилья, но рассказал случай в одном из селений о неприязненности жителей. В этот же день мною было объявлено Миклухе согласно прежних моих расчетов, что я не могу оставаться в заливе больше семи дней, т. е. 15 сентября я должен сняться с якоря, а потому прошу его поторопиться выбором места, чтоб я имел возможность воздвигнуть ему требуемую постройку для жилья и выполнить другие работы касательно его помещения, имея в виду, что я должен еще нарубить себе дров полный запас, что нелегко выполнить в густом лесу с вековыми деревьями.

Залив Астроляб оказался густо населенным по всему берегу, но селение за лесом не видно, потому что находится в некотором расстоянии от берега в густоте леса, близость селений можно было видеть по челнокам, вытасненным на берег.

На другой день прихода я пригласил Миклуху-Маклая вместе со старшим офицером корвета отправиться вдоль берега для избрания места для устройства жилья. Мы объехали довольно большое пространство и рассматривали места, критикуя их со всех сторон, чтоб не впасть в ошибку при выборе, но Миклуха-Маклай был совершенно иного с нами взгляда на местность и не согласился принять указанную нами местность, которая больше или меньше, но обещала более здоровое место, чем то, которое избрано им самим; не желая противоречить его собственному убеждению, а желая только сделать по возможности лучше для него, мы немедленно приступили к очистке избранной им местности и постройке дома.

Итак, часть офицеров и гардемарин неотлучно помогала успешному ходу работ на берегу, тогда как другие были заняты рубкой дров, работами по корвету и одна постоянная партия независимо занималась гидрографическими работами. Во все время работ Маклай бравировал своим здоровьем, несмотря на просьбы и убеждения офицеров, которые просили его только указывать, что он желает сделать, а что выполнение они берут на себя, предоставляя ему таким образом все время на изготовление и подразделение вещей, которые должны остаться с ним и которые будут отосланы на корвет в Японию, и даже в этой работе все принимали горячее участие своим трудом, лишь бы он сам сохранил свои силы и здоровье, которые должны были быть главным задатком для успеха его предприятия. Но ничто не делалось так, как ему предлагалось. Через несколько дней слуга Маклая швед Wilson захворал лихорадкой, но все-таки не переставал усердно работать, приготавливая будущее свое жилье. Этот слуга в короткое время пребывания с нами заслужил общее одобрение через свою услужливость, а мне он заявил с самым христианским чувством, что он будет ухаживать и охранять Миклуху-Маклая до последней минуты своей жизни. Другой слуга, дикарь, был более или менее ленив, но зато сродный с дурными климатическими условиями, не боялся спать просто на земле и вообще не подвергался губительной лихорадке.

Местность, избранная для жилья, находится от якорного места «Витязя» на ближайшем небольшом мысе. Для безопасности от внезапного нападения дикарей расчистили площадь сажень тридцать в диаметре; на окраине, ближайшей к заливу, в нескольких саженях от берега по указанию самого Миклухи-Маклая выстроили домик из досок, купленных им в Уполу с прибавкой лесных материалов из судовых, так как не было времени и возможности рубить сырые вековые деревья и пилить их на доски. Дом поставлен на сваи высотой фут пять, выходы сделаны с двух противоположных поперечных стен как для вентиляции, так и для возможности ретироваться без труда в случае нападения. Вообще при постройке дома при всех соображениях бралось в расчет нападение и меры защиты. Так, например, дом окружен шестью минами, от которых проводники идут все в дом; расположены мины в приличном расстоянии от дома по окружности в местах, через которые больше вероятия, что дикари должны пройти, если вздумают делать нападение массой ¹⁴.

Гвиней, во ознаменование чего я назвал бухту, место нашей якорной стоянки, бухтой великого князя Константина» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. № 3207, л. 147 об.).

¹⁴ Сведения об установке мин имеются и в официальном рапорте П. Н. Назимова от 29 октября 1871 г. Вот отрывок рапорта, непосредственно относящийся к исторической высадке Н. Н. Миклухи-Маклая на Новой Гвинее: «8/20 сентября приблизился к заливу Astrolab, который вовсе не описан, а определены только его входные мысы капитаном Дюпере.

За домом в стороне леса между двух больших деревьев расположена скрытая для хранения пороха, который уложен в медный пороховой ящик, отпущенный с корвета. Место ямы определяется шагами: от правого дерева (на этом дереве выгравирована фамилия плотника Гончарова) 5 шагов и от левого $4\frac{1}{2}$ шага; яма находится в пространстве между этими деревьями и домом.

Мины расположены от дома в расстоянии шагов пятнадцати по разным направлениям. Под домом вырыта обширная яма, вмещающая в себя большую часть ящиков с различными материалами. Вообще местность, где расположен дом и яма так невелика, что не представляет никакой трудности отыскать, если Миклуха-Маклай зарыл что-либо в землю в случае своего отправления в экспедицию. Около дома поставлены солнечные часы, устроенные и установленные подпоручиком [младшим штабманом Павлом] Кошелевым.

По обоюдному моему условию с Миклуха-Маклаем мы избрали место для закладки небольшого ящика с более важными документами и запиской, в которой он должен объяснить, куда отправился, когда прибудет и не нуждается ли в чем. Это место находится против дома на противоположном песчаном мысе, который назван мыс Обскурации. Для легчайшего отыскания места условились положить на поверхность земли камень так, что можно было обратиться на него внимание.

В числе вещей, имеющих с ним в доме и под домом в яме, можно указать следующие: несколько термометров Cassella для больших глубин. Анероид барометр Cassella. Большое количество столярных и слесарных инструментов. Камера люцита. Хирургические инструменты. Ареометры Никольсона¹⁵. Два двухствольных ружья. Одно одноствольное. Ружье-револьвер. Два кинжала. Два револьвера. Карманные золотые часы с золотой цепочкой. Шагомер. Прибор для измерения количества испаряемой воды. Ящик с аптекой, в которой находятся два флакона с сильным ядом, на флаконе изображена мертвая голова. Большое количество флаконов и банок со стеклянными пробками, для коллекций спирт в бутылках. Много разных товаров для подарков кораблям. Немного белья и одежды. Мебель вся складная, в числе которой находились два складные кресла, подаренные Миклухе ее имп. выс. Еленой Павловной.

Книг на разных языках очень много. Много других разнокалиберных предметов.

В случае следов насильственного исчезновения Миклухи-Маклая можно привести к сведению, что у жителей, расположенных по заливу, не имеется никаких европейских предметов и никаких металлов, кроме полученных с корвета «Витязь», которые легко можно отличить по их виду от тех, которые перешли к ним от Маклая.

На случай, если Маклай будет поставлен в необходимость удалиться с материка куда-нибудь водой, оставлена ему четырехвесельная шлюпка со всеми принадлежностями и парусами, весьма надежная и безопасная, и парусиновая палатка, удобная для трех человек, которую он может взять на шлюпку и поставить везде, имея только свои личные принадлежности. Как для шлюпки, так и для обозначения места его жительства оставлен ему трехцветный флаг (белый, синий, красный).

Так как Миклуха-Маклай, должно быть в забывчивости, не озаботился о запасе провизии для себя и слуг, то офицеры уделили от себя все, что могли, будучи самими весьма стесненным состоянии относительно провизии, и я приказал ему выдать о

Путешественник Миклухо-Маклай, избрав эту местность для своего первоначального пребывания, просил вдаться в залив и избрать место для его жительства. Здесь оказался весьма углубившимся во внутрь острова, заселенный дикарями папуа, всему протяжению своих берегов. Избрав более удобное и безопасное для корабля якорное место, в 3 ч. пополудни бросил якорь на глубине 26 сажень в 75 саженья от берега. У самого берега глубина оказалась в 6 сажень.

Напротив места якорной стоянки корвета г. Маклай избрал место на берегу для своего жительства. От корвета были даны все средства к устройству жилья и защите его от нападений дикарей. В течение пяти дней было употреблено 110 чел. работы, не считая гребных судов. Расчистили местность кругом его дома на 30 саж. в диаметре от девственного непроходимого леса. Сделали кругом дома в некотором расстоянии шесть мин и вполне вооружили и зарядили их на случай нападения дикарей. Проводники провели все в его дом и научили, как ими действовать» (ЦГАВМФ, ф. 1, оп. 2, д. 3207, л. 146). По утверждению Н. Н. Миклухо-Маклая, его дом строился из досок, купленных им не на о. Уполу (острова Самоа), а на Таити (см.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. I, с. 84). Мины были установлены под руководством старшего артиллерийского офицера лейтенанта Сергея Чирикова.

¹⁵ Позднее Н. Н. Миклухо-Маклай с горечью отмечал: «Два моих превосходных ареометра (для измерения плотности воды) и барометр-анероид прибыли в Новую Гвинею испорченными» (Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. III, ч. II, с. 305). которые приборы были изготовлены в лондонской мастерской Л. Касселла.

ценную порцию всей команды, т. е. 300 порций всего, что полагается матросу Миклуха-Маклай не пожелал принять безвозмездно и внес за провизию деньги.

При себе оставил Маклай два кредитива на Сидней, один кредитив в 150 фунт терл. и второй на 100 фунт. Кроме всего этого, отправлено им на корвет для доставления в Японию в Нагасаки нашему консулу для хранения ящик¹⁶ и деньги, инвентарь этих вещей и денег имеется в консульстве, а копия с инвентаря и расписка в получении их отосланы мною в Петербург другу Маклая князю Александру Александровичу Мещерскому, живущему в Петербурге на Сергиевской улице, дом Фадеева, № [пропуск].

Все сведения о Миклухе сообщались по его просьбе секретарю Географического общества барону Остен-Сакену. Адрес матери Миклуха-Маклая — Екатерины Семейовны Миклуха-Маклай в Петербурге: Васильевский остров, по Малому проспекту между 3 и 4 линиями, дом Колпаковой, квартира № 2. В случае перемены места жительства обратиться к князю Мещерскому или барону Остен-Сакену, который имеет кительство в Петербурге в Большой Морской, дом Министерства иностранных дел.

15 сентября я оставил Миклуху-Маклая в порте Великий князь Константин; при уходе корвета Миклуха салютовал флагом на мачте, поставленной на берегу к дереву, стоящему на мысе его местожительства. Состояние здоровья Миклухи в день отправления корвета было неудовлетворительно, были уже признаки лихорадки и усталость, может быть, по уходе корвета он даст себе отдых, как ему советовали. Слуга Willson хотя и работал, но уже жаловался на лихорадку. Дикарь Бой был совершенно здоров.

По приходе корвета на Марианские острова в порт St Louise d'Arge на острове Гуам я обратился к губернатору испанской колонии полковнику Luis de Ibañez с письменной просьбой, в которой, объяснив о местопребывании Миклухи, просил сообщать всем командирам судов, заходящих в Арга, что если им придется проходить мимо берегов Новой Гвинеи, то чтобы заходили в показанную местность для справок о Маклае и в случае надобности для оказания ему посильной помощи, за что как правительство, так и общество будут им благодарны. В том же письме выражено, если получатся какие-либо сведения о Маклае, то прошу сообщать в Петербург в Русское географическое общество на имя секретаря общества. Письмо это губернатор колонии принял весьма благосклонно и послал в Маниллу отпечатать во всех местных газетах на Филиппинских островах.

По приходе корвета в Нагасаки я писал в том же смысле нашему консулу в Сидней, прося сообщить командирам китобойных судов, идущим к берегам Новой Гвинеи. Также сообщено письмом командиру итальянского корвета «Vettor Pisani» графу Лавера, который предполагает идти к берегам Новой Гвинеи.

В Маниле я встретился с германским натуралистом Adolf Meyer¹⁷, путешествующим с этой же целью, как и Миклуха-Маклай, в Филиппинском архипелаге и далее к югу и имеющего тоже цель достигнуть Новой Гвинеи; я просил г-на Мейера сообщить всем, когда ему случится быть в близлежащих местностях в Гвинее, что в таком-то месте находится русский натуралист и, если возможно, то посещать его и доставлять сведения в С.-Петербург в Русское географическое общество. Если встретится надобность уведомить или списаться с г-ном Meyer, то адресовать письма ему в Сингапор: Adolf Bernhard Meyer. Care of M. Behn Meyer Comp. или: Австрия, Вена, Waifischgasse 11. Care of M. Bertha Meyer (мать г-на Мейера).

Август 18/30 1872 г. Рейд Нагасаки. Капитан 2-го ранга Назимов, кор. «Витязь».

¹⁶ Вещи Н. Н. Миклухо-Маклая хранились в русском консульстве в Нагасаки до 1882 г. Потом по просьбе Миклухо-Маклая консул Рюмин их переслал в Сидней. Прежний консул в Нагасаки Костылев писал 1 декабря 1883 г. Н. Н. Миклухо-Маклаю: «До сих пор Ваши ящики хранились здесь совершенно аккуратно, в ожидании, что Вы сами приедете сюда и возьмете их или же сделаете распоряжение о дальнейшем их значении» (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 143, оп. 1, д. 30, лл. 20—21 об.).

¹⁷ Адольф Бернгард Мейер (1840—1911) — австрийский этнограф, опубликовавший впоследствии целый ряд научных работ о Новой Гвинее и Филиппинских островах. Главные из них: *Anthropologische Mittheilungen über die Papua von Neu-Guinea*. Wien, 1874; *Übersicht der von mir auf Neu-Guinea und den Inseln Jobi, Misore und Mafoor im Jahre 1873 gesammelten Amphibien*. Berlin, 1874; *Über drei neue Neu-Guinea entdeckte Papageien*. Wien, 1874; *Album von Papua-Tipen. Nord Neu-Guinea, Bismark Archipel, Deutsche Salomo Inseln*. Dresden, 1900; *Die Philippinen*. Dresden, 1890, 1893; *The Distribution of the Negritos in the Philippine Islands and Elsewhere*. Dresden, 1899, и др.

А. Н. Жилина

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

В принятых в последнее время партийных документах (внеочередной мартовский и апрельский (1985 г.) Пленумы ЦК КПСС) отмечалось, что выполнение поставленных задач на современном этапе развития народного хозяйства невозможно без комплексного решения хозяйственных и социальных проблем, широкого развертывания сельского строительства, которое в каждой республике, области, районе должно иметь свою специфику. Это означает, что особое внимание обращалось на необходимость учета этнических особенностей и традиций каждого народа, с жившегося веками трудового опыта, который является неотъемлемой частью многообразия и богатства творческого потенциала советского народа.

Комплексное использование культурных традиций в их конкретных формах и проявлениях имеет как идеологическое, так и практическое значение. И особенно ощутимо это сказывается сейчас в такой области, как сельское строительство, так как именно среди сельских жителей традиции имеют более глубокие корни и приверженность их к этническим формам жизни гораздо глубже, чем у городского населения. Правильное использование народных традиций служит большим стимулом в развитии как проектирования, так и строительства на селе. Недостаточный и неверный их учет становится подчас фактором, отрицательно влияющим на общее экономическое состояние сельского хозяйства.

Эти положения актуальны сейчас для всех сельских районов страны, но наибольшее значение они приобретают все же для тех регионов, где численность сельского населения выше городского. Это все республики Средней Азии, в том числе и Узбекистан — высокоразвитая индустриально-аграрная республика, основная хлопковая база страны.

По данным на 1 января 1982 г., здесь проживало более 16 млн. человек, из них городское население составляло 41,9%, сельское — 58,1%. Если в целом по стране на современном этапе отмечается сокращение числа сельских жителей, то в Узбекистане, наоборот — его абсолютный рост — ежегодный прирост составляет 129 тыс. человек². Главный источник увеличения численности — естественное воспроизводство на основе высокой рождаемости и низкой смертности населения. Миграционный отток из сельской местности в города республики очень незначителен.

На 1 января 1982 г. в Узбекистане насчитывалось 109 городов, около 100 городских поселков и более 28 тыс. сельских населенных пунктов, из которых 14 600 — мелкие, где проживает не более 50 человек³. Такая исторически сложившаяся система расселения сохранилась в Самарканде

¹ Мулладжанов И. Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1983, с. 242.

² Узбекская Советская Социалистическая республика. Ташкент: Узбекистан, 1982, с. 89.

³ Мулладжанов И. Р. Указ. раб., с. 244; Горин В. Совершенствовать проектирование сельских населенных мест Узбекистана. — Сел. стр-во, 1982, № 3, с. 27, 28.

ской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Хорезмской областях Узбекистана. Поэтому такие вопросы сельского строительства, как упорядочение сети мелких населенных пунктов, создание благоустроенных поселков, в которых предусмотрены электро-, энерго-, газоснабжение, водопровод, канализация, размещение аграрно-промышленных предприятий и мастерских по изготовлению предметов народного искусства, система транспортного обслуживания, имеют здесь первостепенное значение.

В настоящее время в практике сельского строительства республики широко применяются индивидуальное и государственное жилищное строительство. Основной жилой фонд колхозов и совхозов до настоящего времени составляют дома, построенные индивидуальным способом. Именно в них и отражаются на современном этапе национальные архитектурные традиции.

Рубежом, когда традиционное жилище в Узбекистане повсеместно стало заменяться домами новой планировки, построенными из современных строительных материалов, можно считать 1960-е годы. Это было связано с развернувшимся государственным строительством новых поселков и городов, а также усилившимся влиянием городской культуры на сельскую.

Процесс унификации сельского жилища и приближения его к городским домам индивидуальной застройки проходил и проходит сейчас в разных местах неодинаково. В центральных районах Узбекистана (Ташкентский оазис, Ферганская долина, Бухарская и Самаркандская области) с их плотной застройкой, разветвленной сетью асфальтированных дорог, которые связывают селения с многочисленными городами, проникновение достижений современной культуры, в том числе и в область домостроения, в сельскую местность происходит достаточно быстро.

Здесь в последние годы получил распространение единый тип дома. В плане он приближается к квадрату и состоит обычно из нескольких жилых комнат (от трех до пяти-шести), коридора и застекленной террасы (айвана), которая является нововведением в жилище всех народов Средней Азии и Казахстана. Стены домов складывают из сырцового кирпича, реже из битой глины — *пахсы*, иногда двухрядный каркас заполняется сырцовым кирпичом. Дом возводится на фундаменте и высоком цоколе из жженого кирпича или бетона. Крыши — двух- или четырехскатные, покрытые шифером или кровельным железом. В домах делают большие окна, двери изготавливаются по стандарту. В комнатах деревянные полы, стены штукатурят и белят, двери и оконные переплеты красят масляной краской. Отопление — печное (железные высокие печи — «голландки», подогреваемые газом) или паровое, для чего в специальном помещении устанавливается котел, в котором вода подогревается и идет по трубам отопления к комнатным батареям.

Из традиционных элементов в домах описанного типа сохраняются стенные ниши и внутреннее убранство (ковры, кошмы ручной работы, посуда, утварь). Традиционна во многом и зимняя кухня, где помимо современных газовых плит находятся тандыры — очаги для выпечки лепешек.

Несколько особняком стоит современное жилище узбеков Хорезмской обл. Здесь традиции домостроения более устойчивы, что объясняется спецификой местных поселений и жилища в прошлом, сильно отличавшихся от жилища центральных районов Узбекистана. Среди оседлых жителей Хорезмского оазиса в XIX — начале XX в. наиболее распространена была укрепленная усадьба — *хаули*, где нередко под одной крышей объединялись хозяйственные и жилые помещения. В таких усадьбах жили большие по численности и сложные по составу семьи⁴.

За годы Советской власти жилище Хорезмского оазиса прошло сложный путь развития. Однако в его структуре до настоящего времени со-

⁴ Подробное описание усадеб-хаули см.: Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — Труды Хорезмской экспедиции. М.: Изд. АН СССР, 1952, т. 1, с. 238—287; Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков. — В кн. Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978, с. 61—65.

храняется ряд традиционных элементов, которые позволяют выделить хорезмское жилище в особый тип. Прежде всего это просторное помещение (зимний айван), расположенное в центре дома, с верхним освещением (крыша айвана приподнята над кровлей дома на 1,5—2 м, где и сделаны окна, всегда обращенные на север) и крытый проезд — *далан*, который открывается на улицу массивными воротами. Далан строят в середине дома или в торце, он служит проездом во двор и сейчас используется в качестве гаража для мотоциклов и машин. Здесь часто сооружают сундуки и очаги традиционной формы или даже ставят газовые плиты, на которых готовят пищу. В жаркие дни в далане всегда прохладно, так как имеет сквозное проветривание: в нем устраивают двойные ворота или ворота с дверью, которые открываются на улицу и во двор. Все эти качества являются причиной необычайно стойкого сохранения зимних айванов, особенно даланов в домах современной планировки.

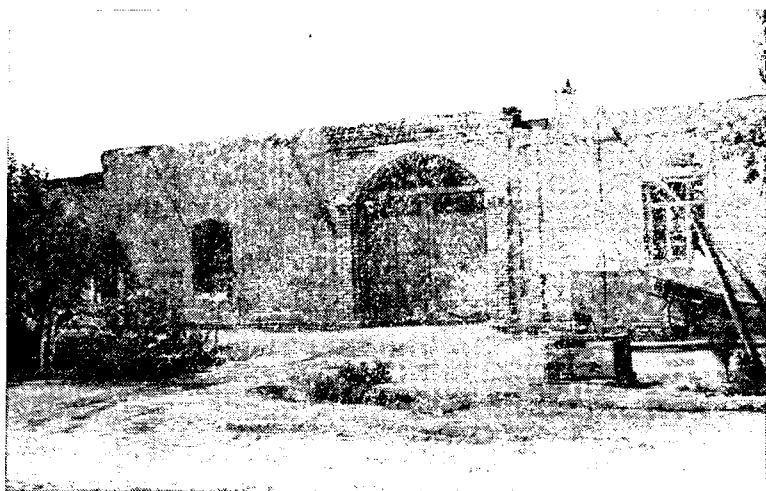

Рис. 1. Дома индивидуальной застройки 1970-х гг. в Хивинском районе Хорезмской обл. Оформление ворот жженым кирпичом

К числу традиционных черт следует отнести и использование строительных материалов для индивидуальных домов. При возведении стен почти повсеместно применяется пахса, которая и в прошлом была здесь основным строительным материалом. Правда, стены из пахсы сооружают на фундаменте из бетона или жженого кирпича, а верх стен, боковые части и верх ворот обкладывают жженым кирпичом. Большое внимание уделяется воротам: их украшают резьбой, используя современные и традиционные орнаменты (особенно розетки различной формы) (рис. 1).

Во всех колхозах Хорезмской области преобладают большие дома насчитывающие от 8 до 10 комнат и подсобных помещений, с даланом или зимним айваном. Во дворе устраивают летний открытый айван (застекленные айваны — большая редкость), в глубине участка — хозяйственные постройки. Сохраняется традиционная плоская крыша, двух- и четырехскатные крыши — редки (рис. 2).

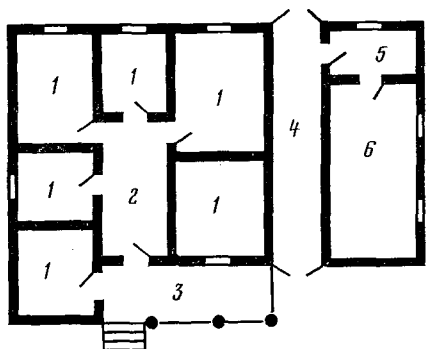
В отдаленных горных, пустынных и степных зонах республики, где до наших дней продолжает сохраняться мелкокишлачное расселение, преобладают традиционные постройки. Однако и они претерпели значительные изменения по сравнению со старым жилищем. При традиционной планировке в этих домах сделаны деревянные полы, печное отопление, большие окна. В последние годы вновь строящиеся дома сооружаются по типу, который получил распространение в центральных районах Узбекистана.

Больше традиционных особенностей сохраняется сейчас в устройстве усадьбы, что объясняется устойчивостью некоторых хозяйственных на-

языков разных групп населения. у земледельцев основная часть приусадебного участка отведена под сад, виноградник и огород, а хозяйственные постройки располагаются обычно по границам участка или в его конце; у бывших кочевников и полукочевников даже при наличии современного дома центральное место на территории усадьбы занимают постройки и загоны для скота, сам же участок часто не огораживается.

В последнее десятилетие (1970—1980 гг.) в жилище рассматриваемого региона (исключая интерьер и усадьбу) наметилась четкая тенденция к стиранию национальных и локальных особенностей и созданию типов домов, характерных для всех республик Средней Азии и Казахстана⁵. Жилище сельского населения стало сближаться с городскими домами индивидуальной застройки, что способствует качественному улучшению жизни его обитателей. Однако, как считают архитекторы Узбекистана, сельское жилище еще требует пристального внимания: из 800 тыс. колхозных домов (дворов), имеющих сейчас в республике, только 350 тыс.

Рис. 2. План индивидуального дома, построенного в 1970-х гг. в колхозе им. Ахунбабаева Хорезмской обл.: 1 — жилые комнаты; 2 — коридор; 3 — открытый айван; 4 — проезд-далан; 5, 6 — помещения для приема гостей (коридор и комната)

относительно соответствуют современным требованиям, остальные устарели и нуждаются в обновлении⁶.

Комплексная застройка населенных пунктов явление не новое. Еще в 1930-х годах в Узбекистане на вновь осваиваемых землях сооружались поселки для первых совхозов. Тогда проектные организации республики разработали проекты хозяйственных и административных зданий, а также несколько типов жилых домов, очень простых и по планировке и по методам строительства. В них были использованы многие элементы традиционного народного жилища: строительные материалы (пахса), форма кровли (плоская), планировка и др.

Этот процесс был прерван войной и возобновился только в 1960-х годах в связи с освоением Голодной, Джизакской и Каршинской степей. При этом было допущено немало ошибок, связанных в основном с недооценкой традиций народного зодчества и трудовых навыков населения. Прежде всего это относится к строительству в совхозах и колхозах многоэтажных (трех-, четырехэтажных) многоквартирных жилых домов, не соответствующих ни климатическим условиям этих мест, ни привычкам людей, переселявшихся сюда из разных мест республики. При весьма низком качестве строительства это привело к тому, что жилище совершенно не отвечало необходимым современным требованиям и явилось одной из серьезнейших причин большой текучести кадров.

Все эти вопросы неоднократно обсуждались в ЦК Компартии и правительстве Узбекистана. В 1974 г. Госстрой УССР было принято решение строить в сельских районах только одноэтажные и двухэтажные дома (с квартирами в двух уровнях), рассчитанные на две-три семьи, с приусадебными участками. Подчеркивалась также необходимость ис-

⁵ См. Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1979, № 3, с. 22—25.

⁶ Немировский В. И. Опыт совершенствования жилищного строительства в селах республики. — Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, № 4, с. 18.

пользования в проектировании лучших достижений народного зодчества и данных демографии.

В целях пропаганды новых методов строительства и современных условий жизни для сельского населения в республике началось строительство шести показательных поселков в колхозах «Ленинизм» Ташкентской, «Ленинград» Сырдарьинской, имени «Навои» Бухарской, «40 лет Октября» Сурхандарьинской, имени «XXII партсъезда» Кашкадарьинской, имени «Ахунбабаева» Хорезмской областей. При проектировании этих поселков учитывались местные природно-климатические особенности и традиции народного жилища. За основу были приняты одноэтажные и двухэтажные дома со всеми необходимыми удобствами и приусадебными участками.

Остановимся кратко на характеристике одного из таких поселков — колхозе имени Ахунбабаева Хорезмской области. Это одно из самых крупных и экономически рентабельных хозяйств, денежные средства которого позволили начать такое строительство, что является немаловажным фактором. Судьба колхоза весьма знаменательна: он был одним из первых в Хорезмской области, где в 1956—1958 гг. было начато строительство крупных поселков и переселение в них с хуторов семей колхозников (всего в колхоз входило 33 мелких селения). За истекшие годы были построены школы, клубы, магазины, административные здания. Индивидуальные дома фасадом выходят на улицу, дороги покрыты гравием, вдоль них прорыты арыки, много деревьев, тротуары асфальтированы, в домах проведены электричество и газ. Поселки вполне благоустроены и до недавнего времени служили своего рода образцом для многих соседних колхозов, где еще сохраняются мелкие кишлаки.

В последние годы в колхозе имени Ахунбабаева создалась довольно серьезная ситуация, характерная, впрочем, для всех районов южной части Хорезмской обл.: население колхоза быстро увеличивается, миграция в города и другие местности республики даже молодежи почти нет, отмечен обратный процесс — отток городских жителей из городов Ханкент и Ургенча в близлежащие колхозы и совхозы, в том числе и в колхоз имени Ахунбабаева. Построенные ранее поселки практически не расширяются из-за нехватки свободной земли, поэтому большинство семей сейчас по своей структуре становятся неразделенными, т. е. вместе в одном доме проживают две-три родственные семьи. Если в 1960—1966 гг. Хорезмской обл. отмечалось деление больших неразделенных семей, что было обусловлено переселением колхозников с хуторов в новые строящиеся поселки⁷, то сейчас, наоборот, вновь возникают такие семьи.

За истекшие годы небольшие по численности семьи расширили: дети выросли и обзавелись своими семьями. Новых участков для строительства домов выделялось мало, а молодых семей, желающих жить отдельно от родителей, довольно много. Все это и явилось причиной сооружения нового поселка «Курултай», для которого была отведена свободная территория недалеко от центра колхоза.

Строительство поселка началось в 1975—1976 гг. К 1977 г. здесь уже было возведено 12 многоквартирных и 8 двухэтажных двухквартирных жилых домов по типовым проектам под названием «Хорезм», клуб на 600 мест, школа-десятилетка, детсад.

Наиболее удачными, по мнению колхозников, являются одноэтажные жилые дома, разработанные в 1976 г. специально для поселка «Курултай». Архитекторы привозили эскизы на обсуждение в колхоз; колхозники отметили недостатки и достоинства проектов, учтенные впоследствии его авторами⁸. За основу планировочного решения серии жилых домов типа «Хорезм» была взята планировка, характерная для традиционного

⁷ Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма. — СЭ, 1969, № 3.

⁸ Полевые материалы автора. Хивинский отряд Среднеазиатской экспедиции 1978 г. Тетрадь № 1. Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее Архив ИЭ).

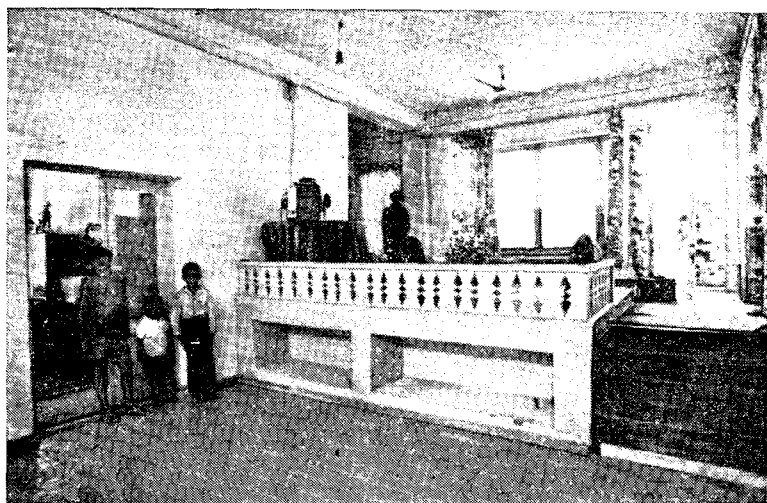

Рис. 3. Внутренний вид помещения далана с суфой в доме, построенном по типовому проекту «Хорезм», Поселок Курултай колхоза им. Ахунбабаева Хорезмской обл.

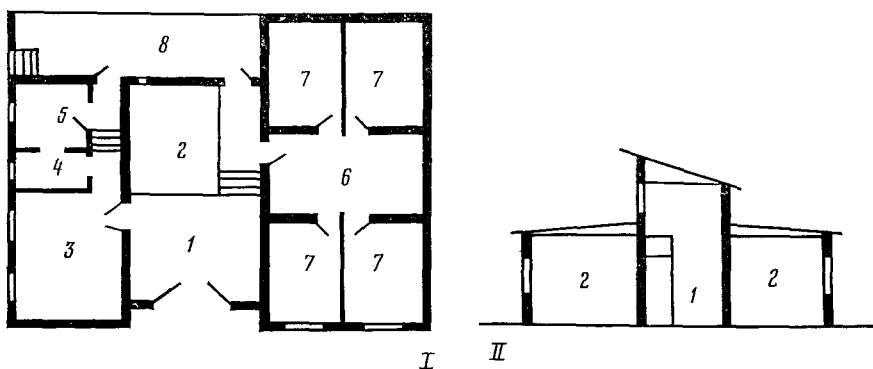

Рис. 4. План пятикомнатного жилого дома типа «Хорезм», построенного в пос. Курултай колхоза им. Ахунбабаева Хорезмской обл.: I — план дома: 1 — проезд-далан; 2 — деревянное возвышение — суфа; 3 — комната для гостей; 4 — помещение для котла, от которого осуществляется водяное отопление дома; 5 — кухня; 6 — коридор; 7 — комнаты-спальни; 8 — открытый айван. II — разрез дома по вертикали: 1 коридор, крыша над которым приподнята на 1,5 м с окном; 2 — комнаты-спальни

жилища Хорезмской области с крытым проездом — даланом (высота 3 м 65 см), с массивными деревянными воротами, с возвышением типа суфы. Из далана, расположенного в центре, одна дверь ведет в большую комнату (мехманхана 30—35 м²), а другая — в коридор, из которого двери идут в комнаты-спальни (их от 2 до 4-х). Над довольно просторным коридором сделано возвышение (1,5 м над уровнем кровли), по типу традиционного зимнего айвана с окном на север, чтобы в комнаты поступал прохладный воздух. Из далана дверь ведет и в теплую кухню. Со стороны двора вдоль всего дома проходит открытая терраса — айван. На участке находятся хозяйственные постройки (рис. 4).

Стены таких домов сооружают из силикатного кирпича. Перегородки между помещениями гипсолитовые, рамы для окон и деревянная суфа делаются местными мастерами, полы деревянные, а в далане застилаются линолеумом, перекрытия из железобетонных круглопустотных плит, кровля плоская. Снаружи дом штукатурится. В штукатурку добавляется белый цемент и мраморная крошка, цоколь отделяется керамической плиткой коричневого или черного цвета. На фасаде дома из глазурованных плиток разных цветов выкладывают небольшие вертикальные и го-

ризонтальные пояски, которые оживляют серую поверхность стен. В проведено электричество, газ, паровое отопление. Горячая вода пает из котла, установленного в особом помещении рядом с кухней.

Большое преимущество домов этой серии — сооружение далана стеной, площадь которой увеличена на 30—40% по сравнению с до прошлых проектов. В летний период за счет сквозного проветрива разницы в уровнях пола в далане создается микроклимат, позволя легче переносить жару.

К 1982 г. в поселке «Курултай» было построено 42 таких дома, охотно покупают колхозники, считая, что дома неплохие, планировка удобная. К недостаткам следует отнести отсутствие небольшой крыши козырька над воротами, тонкие стены и потолок, которые сильно нагреваются летом, отсутствие ставен на окнах. Следует также, по мнению колхозников, хозяйственные постройки располагать в конце двора, вблизи дома. Часть этих недостатков вполне устранима, и в колхозе было принято решение исправлять их в процессе строительства домов. Другим серьезным фактором, который, безусловно, следует рассмотреть является их стоимость. Дома дорогие, и это в определенной степени удерживает многих колхозников от вступления в кооператив⁹.

Сооружение нового дома по индивидуальному плану со стенами из глины, шиферной крышей, деревянными полами и т. д. обходится значительно дешевле (не более 10—15 тыс. руб. в зависимости от количества комнат). Во время строительства приглашают на помощь родственников и соседей, которые сообща выполняют самые трудоемкие работы. Мастера-строители делают только фундамент, цоколь, крышу, а также обкладку жженым кирпичом верха стен и ворот.

Заслуживает также внимания опыт застройки поселков в колхозе имени Нариманова Хорезмской обл. Сооружение новых поселков — центрального и трех так называемых вспомогательных — началось здесь в 1960 г. Одновременно проходило постепенное переселение семей с хуторов и из мелких селений, которое было завершено к 1978 г.

Улицы центрального поселка Багат колхоза имени Нариманова застроены преимущественно домами двух типов, проекты которых были предложены местными мастерами-строителями и обсуждены на общем собрании колхозников. За основу были взяты дома индивидуальной застройки с использованием местных традиционных элементов — далана и открытого айвана.

Планировка первого типа дома очень простая — в плане дом почти квадратный, в центре его — далан, ворота которого выходят на улицу (рис. 5). Из далана двери ведут в четыре изолированные комнаты (одна из них предназначена для приема гостей). Во дворе по всей длине пристроен открытый айван. Кухня и все подсобные помещения сооружены в виде отдельных построек на приусадебном участке. Стены домов этого типа строили из сырового кирпича на невысоком цоколе из жженого кирпича, крыша, крытая толем или шифером, потолки в комнатах обиты фанерой, полы деревянные (рис. 6, I).

С 1974—1975 гг. в колхозе стали сооружать дома второго типа, с улучшенной планировкой и более современной отделкой. Их размеры значительно больше, в центре также проходит далан, из которого двери ведут в три изолированные комнаты, кухню, кладовую и ванную. Со стороны двора сооружен открытый айван более современной конструкции, который многие семьи застекляют. Хозяйственные постройки расположены в конце приусадебного участка. Стены домов возводят из жженого кирпича на фундаменте и цоколе из бетона, перекрытия из железобетонных плит, крыша, крытая шифером. В комнатах деревянные полы, стены оштукатурены и побелены, все деревянные детали дома покрашены.

⁹ В качестве примера приведем следующие цифры: одноэтажный дом типа «Хорезм», состоящий из 5 комнат с даланом стоит 25,2 тыс. руб.; такой же дом, но с тремя жилыми комнатами — 18,7 тыс. руб.; квартиры в двух уровнях из 5—6 комнат в двухэтажных домах стоят от 21 до 27 тыс. руб. Полевые материалы автора. Хивинский отряд 1978 г. Тетрадь № 1.

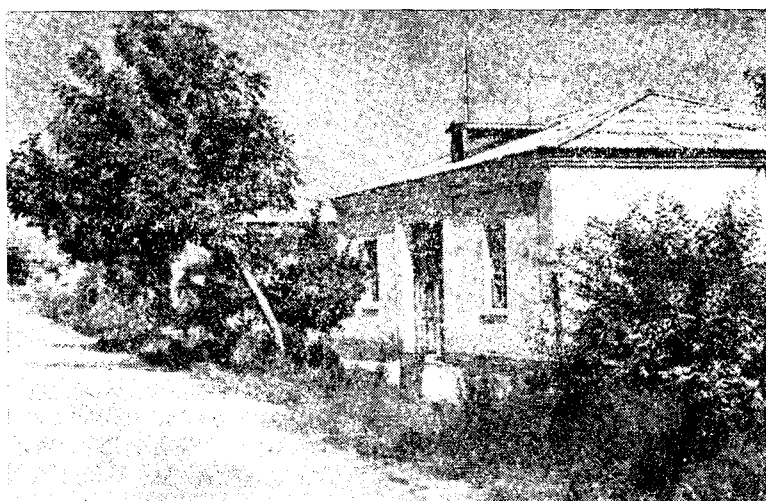

Рис. 5. Внешний вид дома, построенного по планам колхозных мастеров в колхозе им. Нариманова Хорезмской обл. (I тип)

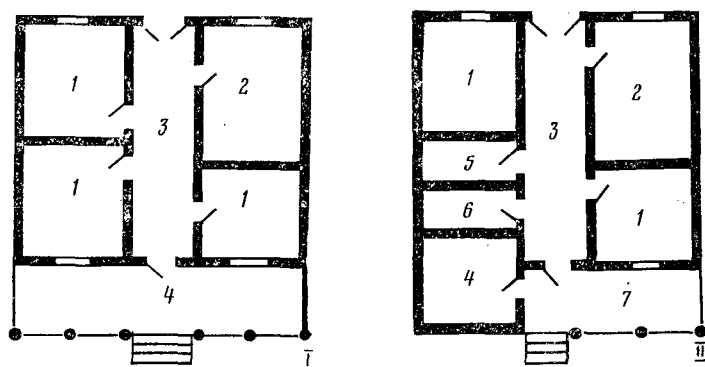

Рис. 6. Планы жилых домов, построенных по планам колхозных мастеров в колхозе им. Нариманова Хорезмской обл.

I тип: 1 — жилые комнаты; 2 — комната для гостей; 3 — проезд-даль; 4 — открытый айван; II тип: 1 — жилые комнаты; 2 — комната для гостей; 3 — проезд-даль; 4 — кухня; 5 — ванная; 6 — кладовая; 7 — открытый айван

масляной краской. Стоимость такого дома в 1978 г. была 15 тыс. руб. их давали в рассрочку на 10 лет. Дома охотно покупались колхозниками (рис. 6, II) ¹⁰.

Показательный поселок колхоза «Ленинград» Сырдарьинской обл. сооружается также на свободной территории недалеко от старого кишлака. Это дало возможность архитекторам спроектировать полностью все селение — улицы, площади, выделить центр с административными зданиями и клубом, к которому примыкает сквер, отвести место для хозяйственных построек. Для застройки улиц было предложено несколько типов жилых домов: около 40% их составляют одноэтажные многоквартирные дома, состоящие из 3—4 комнат, застекленной террасы, кухни и ванной. Остальные 60% — двухэтажные дома с 4—6-комнатными квартирами в двух уровнях, рассчитанные на две-три семьи, и с отдельными приусадебными участками. Проекты предусматривают строгую изоляцию подсобных помещений (кухни, санузлов) от жилых комнат, расположение летних террас в двух уровнях, устройство закрытого гаража, увеличение площади каждой парадной комнаты до 30 м². В отделке домов применяются высококачественная штукатурка с использованием цвет-

¹⁰ Полевые материалы автора. Хивинский отряд 1978 г. Тетрадь № 1. Архив ИЭ.

ных цементов и мраморной крошки, майоликовая плитка, декоративная решетка, характерные для традиционной архитектуры. Широко используется национальный орнамент.

На приусадебных участках было предусмотрено строительство помещения (до 60 м²) для разведения шелковичных червей, которое по сдаче коконов можно использовать для семейных праздников.

Застройка таких поселков двухэтажными домами не противоречит местным традициям, так как в прошлом для этих районов были характерны дома с летним помещением на втором этаже¹¹.

Поселки аналогичного типа сооружаются сейчас по всей республике. К ним приковано внимание архитекторов, строителей, общественных организаций, стремящихся сделать их образцом для других колхозов и совхозов. Недаром на Всесоюзном смотре-конкурсе на лучшую застройку и благоустройство сельских населенных пунктов в 1981 г. Узбекистан получил 30 наград ВДНХ СССР¹².

Однако нужно признать, что пока государственное строительство в сельской местности страдает целым рядом существенных недостатков. И особенно остро эти вопросы стоят не в старых, обжитых местах Узбекистана (Ферганской долине, Ташкентском оазисе, центральных районах Самаркандской, Бухарской областей), а на целинных землях, предгорных и степных зонах.

Помимо огромных чисто экономических трудностей, встающих всегда при освоении новых территорий, самой сложной и ответственной задачей является заселение строящихся совхозов людьми, создание для них оптимально благоприятных условий жизни, исключающих текучесть кадров. Только при успешном ее решении народнохозяйственные планы могут быть выполнены. Для этого необходимо соблюдение многих факторов, к числу которых относится и правильное использование традиционных трудовых и бытовых навыков населения.

Вопрос этот неоднократно поднимался в специальной литературе и партийной печати¹³. Однако практическое его решение зависит часто от местных административных и хозяйственных органов, не учитывающих эти факторы, что и приводит к тем негативным явлениям, которые можно наблюдать в некоторых новых и целинных совхозах.

Примером такого бесхозяйственного, на наш взгляд, подхода служит застройка совхоза имени Иванова Хавастского р-на Сырдарьинской обл. Район занимает часть территории Голодной степи, освоение которой началось еще в начале XX в. Совхоз был организован в 1960-е годы на базе небольших колхозов, объединявших несколько селений. Наиболее крупным из них являлся кишлак Хаваст (сейчас это название относится к железнодорожной станции, расположенной в 3—4 км от него). Основным населением здесь являются таджики и узбеки, занимавшиеся в прошлом поливным земледелием, садоводством и огородничеством. Хаваст утопал в зелени садов, тополей и карагачей, резко выделяясь среди многих окрестных селений. Этому немало способствовала традиция устройства на территории почти каждой усадьбы небольших водоемов (хаус), которые обсаживались двумя-тремя рядами деревьев. Воду использовали для питья и полива земли, а деревья по мере необходимости срубали для хозяйственных нужд, оставляя часть в качестве декоративного украшения усадьбы и для защиты от солнца. Водоемы, об-

¹¹ Полевые материалы автора. Южноказахстанский отряд Среднеазиатской экспедиции 1980 г. Тетрадь № 1. Архив ИЭ.

¹² Горин В. Указ. раб., с. 27, 28.

¹³ См. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.— СЭ, 1981, № 2; Гохман В. М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании.— Там же. Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности.— СЭ, 1983, № 6, с. 14—19; Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства.— Социол. исслед., 1983, № 2, с. 43—54; Заславская Т. И. Проблемы социальной регионализации в разработке целевых программ развития села.— Региональные системы, 1983, № 2, с. 15—22; Андронов Ю. В. 60 лет СССР.— Коммунист, 1983, № 1.

саженные деревьями, были в кишлаке перед всеми общественными постройками и у каждой чайханы. Вместе с садами и виноградниками это создавало в Хавасте особый микроклимат, позволявший жителям легче переносить иссушающую жару летом.

В связи с широким освоением земель Голодной степи, начавшимся в 1960-х годах, к Хавасту и другим кишлакам были подведены новые мощные каналы, предназначенные для орошения крупных участков прежде безводных земель. Большой приток воды способствовал засолению почвы, что привело к постепенной гибели всех садов и огородов.

В 1970 г. было принято решение построить новый совхозный поселок, для которого выделили свободную территорию. По генеральному плану землю намечалось сначала промыть от солей, а потом сооружать административные, хозяйственные и жилые дома, заново разводить сады и сажать декоративные деревья. Проводить эти мероприятия на территории старого кишлака, чтобы сохранить это старинное селение и столетние деревья, администрация совхоза и района сочла делом дорогостоящим. Поэтому на совершенно голом месте началось строительство нового поселка, для которого с самого начала были выбраны проекты домов с уже устаревшей планировкой. В 1980 г. жилой фонд совхоза состоял из домов пяти типов: одноэтажные коттеджи, двухэтажные дома с квартирами в двух уровнях (несколько вариантов) и двухэтажные многоквартирные дома, предназначенные для приезжающих специалистов.

Основными и самыми существенными недостатками этой серии домов являются небольшая площадь комнат, часть из которых смежные, незначительная толщина стен и перекрытий (все дома сооружены из сборных железобетонных конструкций), что приводит к сильному перегреву помещений летом и промерзанию зимой, крайне низкое качество строительства. Засоленность почвы в 1980 г. все еще оставалась высокой, поэтому садов, деревьев и огородов около домов почти не было.

Каждый дом с приусадебным участком, согласно проектам и по настоянию дирекции совхоза, отделяется лишь низким штакетником. В результате, при отсутствии зелени не создается никакой обособленности жилища от улицы и соседей, т. е. нарушается таким образом одна из рациональных традиций в организации бытовой жизни сельского населения. Общеизвестно, что в условиях жаркого климата Средней Азии двор всегда являлся продолжением дома, жилых помещений. Здесь в тени деревьев и виноградника сооружались легкие летние постройки или глинобитные возвышения (суфа), ставились деревянные, а сейчас металлические настилы с бортиками (тахта), где в теплое время года проходила жизнь семьи: женщины занимались домашними делами, мужчины отдыхали после работы, ночью спали. При наличии небольших водоемов во дворах, окруженных стенами, создавался свой микроклимат, который даже летом позволял легко переносить жару.

Конечно, в современных условиях стало невозможным и ненужным сооружение высоких глинобитных дувалов, наподобие тех, которые были присущи дореволюционному узбекскому жилищу. Но использовать разумные, сложившиеся веками традиционные навыки в устройстве дома, двора и окружающего пространства необходимо.

Если же учитывать климатические особенности этих мест — холодные ветры зимой и горячие пыльные суховеи из Голодной степи летом, то станет ясно, что нормальных условий для жизни в новом поселке нет. Все это привело к большой текучести кадров. Многие семьи исконных жителей Хаваста переселялись в соседние поселки или к ближайшей железнодорожной станции¹⁴.

Не все благополучно обстоит со строительством жилых домов и в некоторых населенных пунктах Каршинской степи, освоение которой началось в 1963 г. До начала работ это был огромный массив свободных земель (на долю пастбищ приходилось 82,4%, или 969,2 тыс. га земли) с

¹⁴ Полевые материалы автора. Южноказахстанский отряд 1980 г. Тетрадь № 2. Архив ИЭ.

чрезвычайно редким населением, представленным в основном узбеками, дашти-кипчакского происхождения¹⁵.

Главным направлением хозяйства большинства колхозов в те годы здесь было отгонное животноводство — традиционное занятие жителей в прошлом, способствовавшее сохранению в быту многих пережитков кочевого и полукочевого уклада. Это выражалось в устройстве усадеб, где основное место отводилось помещениям для содержания скота, широкое использование юрты в качестве летнего жилища, внутреннее убранство, утвари, сохранении многих домашних ремесел, связанных с животноводством, — кошмоваления, ткачества, ковроделия и т. д. Для сооружения домов и хозяйственных построек здесь по традиции применялась только пахсовая кладка¹⁶.

Освоение Каршинской степи вызвало огромную перестройку всей жизни местного населения, которому предстояло переходить в основном на занятие орошаемым земледелием и осваивать разведение такой сложной сельскохозяйственной культуры, как хлопок.

Жилое строительство в Каршинской степи осуществляется строительными организациями, возводящими двух-, трехэтажные многоквартирные и одноэтажные дома. В качестве строительных материалов используются жженный кирпич и железобетонные панели. По проектам каждая квартира в многоэтажном доме имеет просторную открытую лоджию. Пожалуй, только этой деталью дома выделяются из серии проектов, которые применяются в застройке многих районов РСФСР. В остальных они изобилуют множеством недостатков. Так, в райцентрах Камашинском и Ульяновске (районы первоначального освоения) двух-трехэтажные дома составляют сейчас целые кварталы. Дома крайне низкого качества строительства и отделки, отсутствует центральное отопление, канализация, нигде не подведен газ, плохо с водой, во дворах мало зелени. Все это при жарком климате создает неблагоприятные условия для жизни. Поэтому квартиры занимают временные рабочие (долго жить с семьей здесь сложно), которые и относятся к своему жилью как временному пристанищу: не берегут дома, квартиры, зеленые насаждения. В определенной степени это объясняется и отсутствием у местного населения и переселенцев из разных районов Узбекистана навыков жизни в многоквартирных домах.

Несколько лучше отвечают местным условиям отдельные одноэтажные и двухэтажные коттеджи с квартирами в двух уровнях, которые сооружаются преимущественно в совхозах. Каждая семья имеет при квартире небольшой приусадебный участок (6—8 соток), на котором можно развести сад и огород. Качество строительства здесь также очень низкое, а планировка во многих случаях не отвечает сложившимся традициям и потребностям коренных жителей: не предусмотрены загон и помещения для скота, кормов, устройства традиционных очагов, отдельные помещения для приема гостей. В результате те семьи, которые решают поселиться здесь окончательно, стремятся получить отдельный земельный участок и построить дом по своему вкусу, а в коттеджах остаются жить преимущественно переселенцы из РСФСР (рис. 7)¹⁷.

В 1976—1977 гг. в отдельных районах Каршинской степи были созданы первые сельские кооперативы. В Каршинском р-не сейчас действуют два кооператива «Бинокор» и «Файзиабод», которые с 1978 по 1983 построили 26 домов; в Камашинском р-не — 6 сельских кооперативов. 3 городских в райцентре Камашинском. К сожалению, темпы сооружения домов очень медленны, так как не хватает строительных материалов и рабочих, которых часто переводят на другие объекты.

¹⁵ Гречихин В. Н. Земельный фонд Каршинской степи и его использование в связи с орошением (Узбекская ССР). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. Ташкент, 1967, с. 10, 11.

¹⁶ Полевые материалы К. Л. Задыхиной 1955—1956, 1960 гг. Архив МАЭ, Ленинград; Полевые материалы автора статьи. Кашкадарьинский отряд Среднеазиатской экспедиции 1983 г. Тетради № 1, 2. Архив ИЭ.

¹⁷ Полевые материалы автора. Кашкадарьинский отряд 1983 г. Тетради № 1, Архив ИЭ.

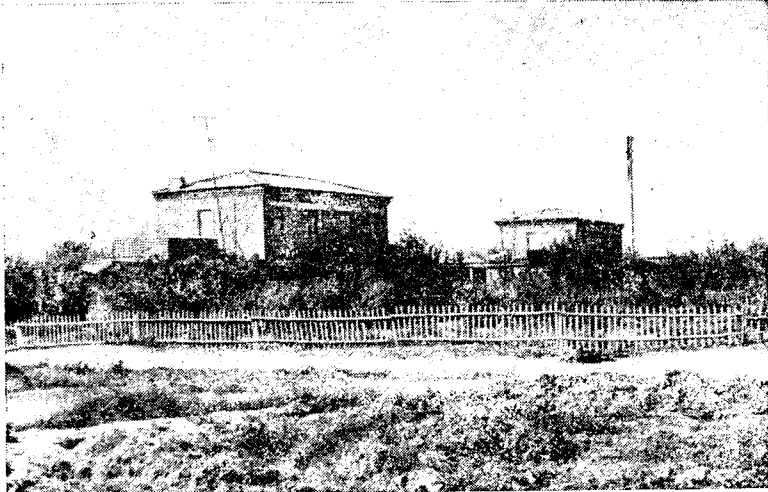
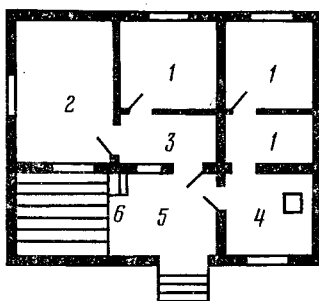

Рис. 7. Кирпичные двухэтажные двухквартирные дома в совхозе «Аврора» Каршинского р-на Кашкадарьинской обл.

Рис. 8. Типовой проект планировки жилого дома, применяемый для строительства в сельских кооперативах Кашкадарьинской обл.: 1 — жилые комнаты; 2 — комната для гостей; 3 — коридор; 4 — зимняя кухня; 5 — застекленный айван; 6 — деревянное возвышение — суфа, построенное на айване

Из типовых проектов, разработанных для кооперативного строительства в сельских местностях Узбекистана, применяются в основном два: одноэтажные дома, состоящие из 4 комнат, коридора и открытого айвана (рис. 8) и одноэтажные двухквартирные дома (каждая из квартир имеет 3 комнаты, коридор и айван). Остальная застройка участка единая и включает хозяйственные помещения, навес для тандыра и летних очагов, кладовые и туалет (рис. 9):

Средняя стоимость таких домов по смете от 13 до 15 тыс. руб., но реально обходится дороже, так как по желанию хозяев вносятся улучшения, не предусмотренные проектом: застекляют айван, делают подвал, сооружают крышу над входными воротами, домом и помещением для гостей, что очень распространено сейчас в индивидуальном строительстве местного населения. Отдельная постройка для приема гостей — мехмонхона — также проектом не предусмотрена и ее сооружают сами хозяева (рис. 10). И все же при всех недостатках, которые необходимо устранить, эта форма строительства пользуется у сельских жителей значительной популярностью¹⁸.

Пример обследованных районов (Каршинского, Камашинского, Ульяновского) Каршинской степи показывает, что многие проблемы крупного государственного строительства еще должны тщательно исследоваться. Так, несмотря на целый ряд проектных предложений и опыт их осуществления, продолжает оставаться до конца нерешенным вопрос о типе жилища, отвечающем местным условиям, традициям и соответствующим современным требованиям для целинных земель. Здесь, как и в других областях Узбекистана, должен быть использован традиционный опыт населения — как коренных жителей, так и переселенцев.

¹⁸ Полевые материалы автора. Кашкадарьинский отряд 1983 г. Тетради № 1, 2. Архив ИЭ.

Рис. 9. Кооперативные дома в райцентре Камаша Камашинского р-на Кашкадарьинской обл.

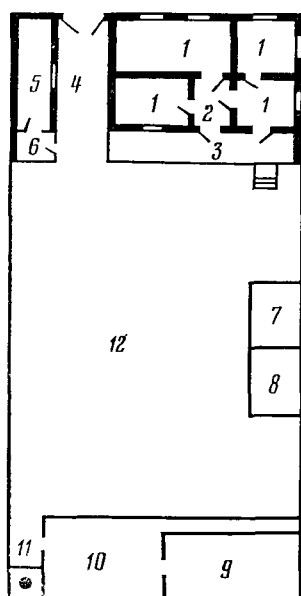

Рис. 10. План индивидуального дома и участка в Камашинском р-не Кашкадарьинской обл.; 1 — жилые комнаты; 2 — коридор; 3 — открытый айван; 4 — закрытый проезд во двор; 5, 6 — помещения для гостей (коридор и комната); 7 — кухня с традиционными очагами и тандыром; 8 — кладовая; 9 — помещение для скота; 10 — навес для скота; 11 — туалет; 12 — сад и огород

Принятые в последние годы постановления ЦК КПСС, в частности Продовольственная программа СССР¹⁹, рекомендуют при застройке поселков в сельской местности отдавать предпочтение домам усадебного типа, т. е. каждый дом или квартира должны иметь земельный участок с необходимыми хозяйственными постройками. Это своевременное решение, отвечающее назревшим проблемам сельского хозяйства. Каждая республика с учетом своих климатических особенностей и этнических традиций населения должна разработать и внедрить в практику строительства оптимальные типы жилых домов.

В настоящее время в Узбекистане переустройство сельских поселков приняло массовый характер. Развивается кооперативное строительство: с 1976 по 1980 г. в республике было создано 640 сельских кооперативов, которые возвели более 5,5 тыс. жилых домов. К 1984 г. количество кооперативов возросло до 800²⁰.

¹⁹ Материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М.: Политиздат, 1984, с. 58, 102.

²⁰ Пустина В. Застройка сел республик Средней Азии. — Сел. стр-во, 1982, № 12, с. 21, 22; Немировский В. И. Указ. раб., с. 20.

Постепенно увеличиваются число индивидуальных домов, построенных различными подрядными организациями. В 1983 г. удельный вес полносборного домостроения в сельской местности составил более 40% общего количества построенного жилья; дальнейшее развитие индустриальной базы позволит довести его до 60%²¹.

Следует, однако, отметить, что внедрение полносборного домостроения в практику сельского строительства может в ближайшее время привести к стандартизации всех населенных пунктов республики. Поэтому своеобразие архитектурного решения каждого поселка и отдельных домов становится сейчас острой творческой проблемой. И не случайно в настоящее время обсуждаются вопросы о том, насколько разумно создавать везде сельские поселения с городским типом застройки, хотя это удобно для строителей и для обслуживания²². Нарушение бытовых привычек, сложившихся форм повседневного общения с природой, сельского образа жизни — все эти факторы слишком серьезны, чтобы о них забывать. И если крупные населенные пункты необходимы в плотнозаселенных сельских районах, то в горах, предгорьях, небольших долинах, степных зонах, очевидно, есть смысл сохранить небольшие поселки, которые более отвечают местным этническим особенностям.

Все эти вопросы чрезвычайно важны и требуют своего разрешения. Поэтому совершенно необходимыми являются прикладные научные исследования (и этнографические в том числе), являющиеся источником конкретных рекомендаций, направленных на совершенствование образа жизни сельских жителей в различных регионах.

²¹ Мирза-Ахмедова К. М., Салахутдинов Х. А. Развитие архитектуры села в Узбекистане. — Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, № 9, с. 27.

²² Мирза-Ахмедова К. М., Закирова Н. А. Вопросы реконструкции сельского поселения в плотнонаселенных районах Узбекистана. — Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, № 1, с. 1.

А. А. Турилов, А. В. Чернецов

О ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ

Народные верования и обряды восточных славян — чрезвычайно важная и еще далеко не полностью исследованная тема, которая должна рассматриваться как междисциплинарная, требующая широкого сравнительно-исторического подхода, совместных исследований ученых различного профиля, в частности специалистов в разных областях филологии.

За последние десятилетия по этой тематике опубликованы многочисленные исследования и материалы¹. Ей был посвящен I Международный

¹ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1957; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974; Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981; Седов В. В., Чернецов А. В. Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения. — Вестн. АН СССР, 1981, № 12. Рассматриваемой теме посвящен ряд зарубежных обзорных работ: Reiter N. Mythologie der alten Slawen. — In: Wörterbuch der Mythologie. Stuttgart, 1964; Wincke F. De Godsdienst der Slaven. Roermond, 1969; Ledić F. Mythologia slavena (tragom kultova i vjerovanja starih slavena). V. I, II. Zagreb, 1969, 1970; Lowmiański H. Religia pogańskich Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979. Gieysztor A. Mitologia Słowian. Warszawa, 1982.

Наиболее значительные новые материалы по рассматриваемой проблеме в последнее время вводятся в науку, с одной стороны, этнографами и фольклористами, а с другой — археологами. Археологические данные включают огромное количество памятников погребального обряда, а также святилища, амулеты, культовые изображения².

В работах археологов обычно рассматриваются лишь некоторые аспекты славянского язычества. Более широкий подход к проблеме славянских верований и обрядов присущ работам этнографов и фольклористов, чему способствует богатство и разнообразие материалов, к которым они обращаются. В научный оборот вводятся все новые материалы, в частности лингвистические³, дающие очень интересные результаты. Имеются все основания полагать, что дальнейшее развитие этого направления окажется весьма плодотворным. В то время как специалистами в указанных выше областях в последние десятилетия были введены в научный оборот важные новые материалы по народным верованиям и обрядам восточных славян, приходится отметить, что традиционное изучение письменных источников, освещающих эти явления духовной культуры, практически прервалась в 30-е годы XX в. Исследования сведений письменных источников по данной проблеме, интенсивно проводившиеся с середины прошлого века до первых десятилетий нашего столетия, считались долгое время исчерпавшими проблему и мобилизовавшими практически все возможные источники. В данной статье мы стремимся показать, что это далеко не так. Не претендуя на то, чтобы охарактеризовать весь круг еще не введенных в науку источников, мы стремимся лишь продемонстрировать их важное значение и привлечь к ним внимание научной общественности. Возобновить серьезное изучение указанных источников необходимо еще и потому, что из-за существующего в современной науке пробела появились всевозможные дилетантские измышления, например публикации, посвященные так называемой «Велесовой книге». Это несомненная подделка, по-видимому та же, которая была известна уже во второй половине XIX в.⁴ В одном из учебных пособий послевоенного времени есть цитата из Краледворской рукописи, которую составитель называет отрывком из «Языческих песен чехов». Между тем более 100 лет назад было доказано, что эта рукопись также является подделкой.

Древнейшие письменные источники о народных верованиях и обрядах относятся ко времени распространения письменности на Русь. Это в частности, языческие клятвы в тексте договоров Руси с греками и другие ценнейшие данные о язычестве в «Повести временных лет». В отличие от устных этнографических и фольклорных данных, которые характеризуют верования преимущественно крестьян, письменные источники отражают представления в основном других слоев населения. В частности, тексты, связанные с распространением суеверий, имели хождение

² Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Bruxelles — Gand, 21—24 mai 1980. Contributions.— Slavica Gandensia, 1980/1981, 7/8. Об этом симпозиуме см.: *Седов В. В.* Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству.— В кн.: Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. Вып. 164. М., 1981.

³ Новейший обзор археологических материалов по дохристианским верованиям восточных славян см.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— В кн.: Археология СССР. М.: Наука, 1982, с. 261—268. В том же издании собран обширный материал по восточнославянскому погребальному обряду.

⁴ См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Указ. раб.; *Георгиев В.* Трите фази на славянската митология. София, 1970; *Толстой Н. И.* Славянская обрядовая терминология: сравнительно-типологические и лингвистические методы ее изучения.— В кн.: Типология и взаимозаимчивость славянских мифов и литературы.— Тезисы докладов и повествований II республиканской конференции 17—19 мая 1973 г. Минск, 1973; *Eichler E.* Slavistische Paläolinguistik und Frühgeschichte.— In: Symposium International...

⁵ *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Салакадзе).— В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. V. М.: Изд-во АН СССР, 1977, с. 68, 91, 101; *Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А.* Мнимая «древнейшая летопись».— Вопр. истории, 1977, № 6.

⁶ Книга для чтения по истории Средних веков. Ч. 1. Раннее средневековье. М.: Изд-во МГУ, 1951, с. 20, 21.

главным образом среди грамотных горожан. Тексты с описанием свадеб великих князей, царей и их приближенных⁷ дают представление о длительности сохранения традиционной народной обрядности в самых высокопоставленных кругах. Еще одно ярчайшее свидетельство живости народных верований в высших слоях русского общества — известный текст присяги на верность царю Борису Годунову⁸, в ней подробно перечисляются виды вредоносных магических действий, которые присягнувший обязывался не использовать по отношению к царю и его семье. Известны и конкретные сведения о чародейских средствах, якобы применявшихся великой княгиней Соломонией Сабуровой, чтобы вызвать любовь Василия III⁹. Русская традиционная обрядность долгое время являлась неотъемлемой частью быта высших слоев общества. Характерно, что традиционный русский свадебный обряд сопровождал венчание не только крещеного татарского «царя» Симеона, но и неправославного королевича Магнуса¹⁰.

Широчайшее распространение суеверий в древнерусском обществе может быть проиллюстрировано текстом руководства для исповедания священников: «...согреших волхвованием и в чаровании и наузы всякие вяжа... порчи деля и болезни деля и прожитка деля где бы сыту быти»¹¹. Показательно упоминание здесь о порче, т. е. черной, демонической магии.

В XVI в. суеверные представления были распространены не только среди высшей знати, но и среди наиболее просвещенных людей. Так, псковский книжник второй половины XVI в. Иван Рыков, несомненно, относился к числу образованнейших русских людей своего времени. Между тем он являлся не только автором календарно-астрономического трактата, написанного им как сочинение государственной важности по просьбе «царева книгчия», но и особой редакции (переработка 1579 г.) гадательной книги «Рафли», которую современное ему духовенство относило к числу наиболее «зловредных»¹².

Народные верования столь тесно сплелись со всеми другими явлениями традиционной духовной культуры восточных славян, что нередко образы текстов магического характера дерекливаются с образами, известными в письменной литературе или фольклоре в совершенно ином контексте. Так, заговор XVII в. против боли во время пытки («... небо лубяно и земля лубяна, и, как в земле мертвые не слышат ничего, так бы и он не слышал жесточи и пытки»¹³) обнаруживает текстуальное сходство с отрывком из «Моления Даниила Заточника» («...кто видал небо полстяно, а звезды лутовянные...»¹⁴). Отрывок из гадательной

⁷ Казаченко А. И. Из истории великорусского свадебного обряда. — Сов. этнография, 1957, № 1; Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. М., 1790, с. 1—232; Бекетов П. П. Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 г., февраля 5, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государыней царицею Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых. М., 1810. Ср. текст второй половины XVII в., в котором традиционный русский свадебный обряд осуждается с церковных позиций: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб., 1861, с. 46, 47.

⁸ Акты археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836, с. 58, 59 (№ 10).

⁹ Акты исторические. Т. I. М., 1841, с. 192, № 130.

¹⁰ Древняя российская вивлиофика, с. 57—73, 97—103. На с. 99 и 103 упомянуто езда к «римскому попу».

¹¹ Смирнов С. Бабы богомерзкие. — В кн.: Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 233.

¹² Турилов А. А., Чернецов А. В. Иван Рыков, псковский книжник XVI в. — В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы научно-практической конференции. Псков, 1982; *их же*. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение. — В кн.: Археографический ежегодник за 1982 г. М.: Наука, 1983. Ср. также: Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. Стоглав. М., 1890, с. 188, 189.

¹³ Майков Л. Н. Великорусские заклинания. — В кн.: Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. II. СПб., 1868, с. 570 (из судебного дела 1648 г.).

¹⁴ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переработкам. Л.: Изд-во АН СССР 1932, с. 24, 25, 67, 92, 118.

Псалтыри: «...гнев яко тур на горах»¹⁵ можно сопоставить с известной загадкой: «Тур ходит по горам, турица-то — по долам, тур свистит турица-то мигнет» (гром и молния)¹⁶. В составе «Лечебника» XVII в. находим заговор, произносившийся с лечебными целями: «Ворон си на дереве, а в того дерева ни коренна, ни ветия и ях его без руки, загах его без ножа и зъях его без уст»¹⁷. Ближайшую аналогию этому тексту находим в апокрифической «Беседе трех святителей», где он выступает в роли вопроса-загадки: «Стоит дуб без ветвия и без коренна, приде к нему нехто без ног, и возмет ево без рук, и зарежет ево без ножа, и съест ево без зуб» (смерть и человек)¹⁸.

Число подобных письменных источников постоянно пополняется новыми копиями, вновь найденными археографами. Значительными не введенными в науку материалами располагают хранилища рукописей в различных библиотеках и музеях страны, поскольку далеко не все собранные описаны достаточно подробно. Особенно перспективны в плане рассматриваемой проблемы разнообразные рукописные сборники, прежде всего те из них, в которых содержатся «лечебники» и различные гадательные книги. Немало сведений о народных верованиях и обрядах рассеяно в агиографических и гимнографических текстах, фонд которых изучен далеко не полностью. Кроме того, фонд письменных источников пополняется и при археологических раскопках. Новгородская берестяная грамота второй половины XIV в. содержит текст одного из древнерусских заговоров¹⁹. Известен и другой ранний языческий религиозный текст на бересте, однако не на русском, а на карельском языке. Известная надпись на пряслице домонгольского времени «потвор пряслень»²¹, возможно, несет не имя, а один из терминов, обозначающих чудовище, возможно оборотня, ведьму²². Если Потвора — имя, то оно все равно характеризует историю верований, так же как и такие русские имена, как Упир Лихый (XI в.)²³, Данила Дажьбогов (XIV в.)²⁴, Русалка (XV в.)²⁵ и др.

Пользование письменными источниками, характеризующими различные суеверия, осложнено тем, что многие из них являются переводами или даже переделками переводов. Древнерусские книжники нередко отождествляли славянских языческих богов с чужеземными (Сварог — Гефест, Дажьбог — Гелиос, Род и Рожаница — Артемид и Артемиды, Перун, Траян и Хорс описаны как древние правители «еллинов» (в Риме и на Кипре), причем Хорс и Перун могли даже превратиться в «ангелы молнийных»²⁶. Постановления Стоглавого собора 1551 г. говорят о культах Диониса, как будто он действительно существовал в то время и

¹⁵ Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. Вып. 1. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899, с. 47.

¹⁶ Рыбникова М. А. Загадки. М.—Л.: Academia, 1932, с. 127, 155, 231.

¹⁷ Древнерусский лечебник.— Редкие источники по истории России. Вып. 1. М.: Изд. Ин-та истории СССР АН СССР, 1977, с. 103.

¹⁸ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. СПб., 1863, с. 437.

¹⁹ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М.: Наука, 1978, с. 118—120.

²⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 120—122; Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков.— Изв. АН СССР. Отд. лит. и языкознания, 1959, т. XVIII, вып. 1.

²¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 198, рис. 391; Филин Ф. П. Потворинъ пряслень.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978, с. 424—426.

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971, с. 344.

²³ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979, с. 281—307.

²⁴ Там же, с. 59.

²⁵ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 25. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 267, 306.

²⁶ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916, с. 24, 127, 161 — ПСРЛ. Т. II. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 278—279.

Руси: «...запрещает православным христианам поганских еллинских скверных обычаев — игр и плясания и плескания и над дельвами, сиречь над бочками и над корчагами квас призывающе и грохочуще и прочих неподобных творити... егда же вино точит, или иное кое питье сливают, гласования и вопль велий творят неразумнии по древнему обычаю еллинския прелести, еллинского бога Диониса, пьянству учителя призывают и гласящим великим гласом квас приывают...»²⁷. В цитируемом тексте не все навеяно чисто литературными ассоциациями. В частности, обряд «битья бочек» действительно издавна существовал на Руси. Об этом свидетельствует новгородская летопись под 1358 г., в которой записано, что новгородцы постановили отныне «бочек не бити»²⁸. Сложно четко разграничить заимствованное и оригинальное в подобных текстах. Значительный исторический интерес представляет и славянская лексика многих переводных текстов, связанных с обрядами и суевериями.

В свете вышесказанного становится очевидной необходимость возобновить изучение так называемых «отреченных книг». Эти тексты, внесенные церковью в индексы запрещенных книг, стали темой многочисленных серьезных исследований середины XIX — первой трети XX в.²⁹. В последнее время наметилась тенденция вернуться к рассмотрению этих материалов. Подобные тексты стали темой ряда филологических исследований и публикаций³⁰. Возрождение интереса к русскому материалу такого рода отразилось, в частности, в том, что «сокровенные знания и отреченные книги древней Руси» послужили темой специального расширенного заседания группы по изучению естественно-научных представлений древней Руси в рамках XXVII Пленума Советского национального объединения историков и философов естествознания и техники при АН СССР (декабрь 1981 г.)³¹. По этой теме стали появляться публикации, на которых мы остановимся ниже.

В области изучения «отреченных книг» существуют определенные перспективы. Известны тексты далеко не всех книг, названия которых упоминаются в индексах. Среди них, например, книга «Чаровник», о которой индексы сообщают следующее: «Чаровник, в них же суть 12 главизн, стихи двюнадесять опрометных лиц звериных и птичьих — се же есть первое — тело свое хранит мертво и летает орлом и ястребом и вороном и дятлом и совою и рыщут лютым зверем и вепрем диким и волком, летают змием и рыщут рысию и медведем»³². В индексы могли попадать не только названия книг, но и названия бытовавших суеверий, не связанных с определенными текстами. Однако книга «Чаровник», несомненно, существовала. Известно не только ее название, но и то, что она состояла из 12 глав. Это было, видимо, уникальное сочинение по

²⁷ Царские вопросы и соборные ответы..., с. 387, 390 (гл. 93).

²⁸ ПСРЛ. Т. IV, СПб., 1848, с. 63.

²⁹ *Пыпин А. Н.* Исследование для объяснения статьи о ложных книгах. — В кн.: Летописи занятый Археографической комиссии за 1861 г. СПб., 1862; *его же.* Ложные и отреченные книги русской старины. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко. Т. 3. СПб., 1862; *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. I, II. СПб., 1863; *Веселовский А. Н.* Гадательные книги на Западе и у нас. — Вестник Европы, 1886, кн. 4, апрель; *Акопріфі і легенди з українських рукописів, збирав, упорядкував і пояснив Ів. Франко.* Т. 1—5. Львів, 1896—1910; *Сперанский М. Н.* Из истории отреченных книг. Вып. I—IV. СПб., 1899—1904; *его же.* Аристотелевы врата или Тайная тайных. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского (Сб. Отд. русского языка и словесности АН СССР, т. CI, № 3). Л., 1928; *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. Т. I, II. СПб., 1899, 1901; *Андреева Н. А.* Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг, Byzantino — Slavica, II, № 1. Praha, 1930.

³⁰ *Гранстрем Э. Я.* Греческий оригинал отреченной книги «Путник». — Труды Отдела древнерусской литературы, 1970, т. XXIV; *ее же.* К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачевательных молитв). — В кн.: Палестинский сборник. Вып. 27 (90). История и филология. Л., 1981; *Мещерская Е. Н.* Сирийские заклинательные сборники из Матенадарна. — Там же; *Чернецов С. Б.* Эфиопские магические свитки: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1974.

³¹ См.: Сов. архивы, 1982, № 3, с. 89 (хроника).

³² *Пыпин А. Н.* Исследование для объяснения статьи о ложных книгах, с. 42.

оборотничеству. Отметим значительное сходство текста индексов о гге «Чаровник» со сведениями Хеймскринглы о чародейских способах Одина: «Один мог менять свое обличье. Тогда его тело лежало, будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны»³³. Это одна «отреченная книга», не обнаруженная до сих пор, — «Волховник», посвященный различным приметам³⁴. Исключительное этнографическое значение, которое имели бы эти тексты в случае их обнаружения, неоспоримо. Не публиковались и не исследовались русские сонники, и их значение для изучения религиозной психологии, магической «логики» и символики очевидно.

Принципиальная возможность открытия значительных текстов подобного содержания может быть проиллюстрирована на примере книги «Рафли», которая только теперь вводится в научный оборот³⁵. Между тем это название давно известно по индексам, более того, в середине XVI в. это сочинение относили к наиболее вредным. Текст книги оказался весьма обширным трактатом, преимущественно гадательного содержания. Основная часть гадательных текстов восходит к переводному оригиналу, который, однако, подвергся сильной русской переработке многочисленными вставками.

Это не единственный пример обнаружения подобных текстов в последнее время. Отметим, в частности, интересные судебные дела, издаваемые Н. Н. Покровским³⁶, опубликованную тем же исследователем любопытнейшую исповедь сибирского крестьянина XVIII в.³⁷ Неизвестная ранее русская гадательная книга была обнаружена в судебном деле 1628 г. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским³⁸. Это так называемый «косой развод», напоминающий гадание на бобах (или счетных косточках) но отличающийся от описанного в литературе³⁹ наличием текста-руководства. Время от времени в поле зрения археографов попадают новые сборники, содержащие тексты ранее неизвестных заговоров.

Кроме сборника, содержащего книгу «Рафли», авторам известен еще ряд рукописей, имеющих отношение к народным верованиям. Это неизвестная разновидность «Толковой псалтыри» с гадательными приписками конца XIV — начала XV в.⁴⁰. Здесь же имеются круги с делениями непосредственно для практики гадания (на них бросали зерно). В рукописях XVI в. встречаются и иные, еще не введенные в научный оборот тексты, связанные с суеверным отношением к Псалтыри⁴¹.

В календарно-астрономическом сборнике середины XVII в. есть две неизвестные «отреченные» статьи: «...стих о днех злых иже зовут египетскими... составлен поетами сиречь мудрецы» (л. 40 об.) и физиогномический текст «о нравех человеческих и о возрасте, подобает ведати, яко

³³ Стурлуссон С. Круг земной. М.: Наука, 1980, с. 14.

³⁴ Пыпин А. Н. Исследование для объяснения статьи о ложных книгах, с. 42, 43.

³⁵ Сборник рубежа XVII—XVIII вв. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ; собр. В. А. Десницкого, ф. 439, картон 21, ед. хранения 3). Об этой рукописи см.: Турилов А. А., Чернецов А. В. Иван Рыков — псковский книжник XVI в.

³⁶ Покровский Н. Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII—XVIII вв. — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII—XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1978; его же. Документы XVIII в. об отношении Синода к народным обычаям. — Сов. этнография, 1981, № 5.

³⁷ Его же. Исповедь алтайского крестьянина. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л.: Наука, 1979.

³⁸ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Гадательная книга XVII в. холопа Пимы на Калининна. — В кн.: История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М.: Наука, 1982. Авторам данной статьи известны еще две рукописи, содержащие эту гадательную книгу, причем полностью, а не в виде фрагмента, как в упомянутом издании. См.: Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Музейское собр. № 1226, л. 267—291; ГИМ, собр. П. И. Шукина, № 1077, л. 5—42.

³⁹ Энциклопедический словарь (изд. Плюшара). Т. 13. СПб., 1838, с. 55, 56.

⁴⁰ Ярославский государственный музей-заповедник, инв. № 15231, л. 3 об. — 140.

⁴¹ Таковы, например, встречающиеся в западнорусских сборниках статьи «Сия псалмы ими же молимся ко господу нашему Иисусу Христу». (ГБЛ, собр. Е. Е. Егорова, ф. 98, № 63, л. 321 об.; № 1818, л. 445).

же слышахом от философа, коегождо образа блюстися» (л. 80 об.).

Не привлекал внимания исследователей и находящийся в сборнике рубежа XVII—XVIII вв. текст «Лечебника», в котором отразились весьма архаичные суеверия⁴³. В той же рукописи помещен также ряд астрологических и гадательных текстов.

В сборнике начала XVIII в. из ГИМ имеется неизвестное «Вопрошание о двенадцати месяцах», в котором даются многочисленные варианты ответов-предсказаний на 36 различных вопросов. Текст отмечен чертами русского происхождения⁴⁴.

В старообрядческой рукописи первой трети XIX в. из Собрания русского (Пантелеймонова) монастыря на Афоне (№ 31, л. 200 об.—207) выявлен любопытный текст, озаглавленный «Книга каноны, закон господень и тиктон сиречь законоправельник». В нем перечисляется ряд чисто русских народных обрядов и суеверий⁴⁵. Текст близок к содержанию двух статей, опубликованных Н. М. Гальковским⁴⁶, но в нем есть также интересные дополнительные данные⁴⁷.

Для того чтобы показать значение материалов, содержащихся в подобных текстах, рассмотрим некоторые из них. Остановимся на двух группах примеров. В первой — сведения о сверхъестественных существах и чудесных свойствах реальных объектов, во второй — примеры, характеризующие малоизученный, но заслуживающий самого пристального внимания социально-политический аспект народных верований.

В уже упоминавшейся «Толковой псалтыри» XIV — начала XV в. с гадательными пометами на полях есть интересное толкование, в котором перечислен ряд славянских языческих божеств, как низших, так и высших. На л. 60 рукописи к словам псалма 52,6 «яко бог рассыпа кости человеком угодником» приводится комментарий: «Толк (толкование — А. Т., А. Ч.). Тим иже же [!] требы полагают идолом Перуну, вилам, Роду, рожаницом, Мокоши, огневи под овином». Отождествление упоминаемых в псалтыри «человекоугодников» с идолопоклонниками объясняется христианской традицией, согласно которой языческие боги или их часть — обожествленные люди (эвгемеризм). В упоминавшемся выше «Лечебнике» XVII—XVIII вв. имеется статья, посвященная, по-видимому, лешему: «Аще кого дикий муж учнет страшати на лесе или на дорозе и только буди на лошади едешь и ты сняв с себе колпак, под гузно положи, а он человека пройдет, а страстит перестанет» (л. 159, 159 об.). Там же упоминаются такие существа, как «нежить» (л. 202 об.) и «неприязнь-чертовка» (л. 133 об.). В «Сборнике слов, житий и поучений» второй половины XVI в.⁴⁸ есть текст: «Разуми сложенные Варнави предподобного с толкованиями, в которых имеются сведения о культе духов умерших (предков?): «...а что ставят медоварцы по гридням их на ночь питье ложачися спати, а ркучи то мртвини наши пришед изопьють, а беси ими блазнять въяве, им мечты творят и ведут их в пагубу, да быше не веровали завпокоишину...» (л. 59).

⁴² Собрание Центрального государственного архива древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 188, оп. 1, № 632.

⁴³ ГИМ. Музейское собр., № 1226, л. 18 об.—266. О статьях «лечебников», представляющих историко-этнографический интерес, см. также: Яцимирский А. И. Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Т. I. М., 1896, с. 356—364.

⁴⁴ ГИМ. Собр. П. И. Щукина, л. 42—167.

⁴⁵ Собрание рукописей библиотеки Пантелеймонова монастыря на Афоне (№ 31, л. 200 об.—207). Описание рукописи (с ошибочной датировкой XVIII в.). см.: *Taschlianos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. № 31. Thessaloniki — Los Angeles, 1981.* В имеющейся в данной публикации росписи сборника эта статья, как и некоторые другие, не отмечена. Н. А. Кобяк любезно указала нам на сходный текст в рукописном сборнике Научной библиотеки МГУ — Молдавско-Украинская коллекция, № 82/47, л. 238—245 об.

⁴⁶ Гальковский Н. М. Указ. раб. Т. II. М., 1913, с. 92, 114, 115.

⁴⁷ «Поганских обычаев да не творити, сиречь на досках не скакати, и на зыбелях не зыбятися и яйцами не катати и не битися... На праздниках святых женам или девицам не плесати и на кулачки не битися» и др. Среди чародейских притираний упомянуты скипидар и нефть (см.: Собрание рукописей библиотеки...).

⁴⁸ ГБЛ. Собр. Овчинникова, ф. 209, № 218, л. 59.

уникальные описание известного персонажа народной мифологии «Коровьей смерти», насколько известно авторам, не упоминавшееся в специальной литературе по народным верованиям, имеется в мемуарах А. Т. Болотова: «...вся белая с головы до ног, Бежит, бежит и очень быстро... ноги у нее коровьи, а голова бычачья, вот ажно какая...»⁴⁹. Болотов пишет, что в реальность этого существа верили не только крестьяне, но и его собственный брат, помещик.

Приведем сведения о том, как беречься от ведьмы, из уже цитировавшегося «Лечебника»: «Возми иглу с ниткою, и проняи сквозе змеины и ту иглу с ниткою оберти тоюжде ниткою да запрячь за шкуру, идучи в пир, ино всякая ведьма тебя боится, чаёт тебя, что ты боишься всех знаешь» (л. 199 об.—200 об.). Из того же и из других «лечебников» известны и иные предписания подобного рода⁵⁰. Интересно и упоминание слова «волхвы» в тексте книги «Рафли»: «...от женок сиречь волхвов правды в своем деле не найдешь» (л. 49).

Приведем одно неизвестное в литературе наименование, использованное для обозначения предводителя коми-язычников, противника Стефана Пермского Пама-сотника. В изданном «Житии Стефана», написанном Епифанием Премудрым, Пам назван: «волхв, чародейный старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвом начальник, обавником спрейшина, отравником болший, иже на волшебныя хитрости всегда упражнялся, иже кудесному чарованию тепл сый помощник»⁵¹. В названии «Службе Стефану», написанной в 1473 г. Пахомием Сербом на основании «Жития», составленного Епифанием, Пам получает несколько неожиданное наименование «философ» («...философа злочестива иже на благочестие хулу глаголава...»⁵²).

Большая группа материалов связана с поверьями о чудесных свойствах различных животных. Вот, например, сведения о древнейшем для Восточной Европы культе медведя: «Аще кто похощет у себя скот держать. И то медвежья голова на Иванов день Купальницы рано из утра проняи сквозе скот трижды и около скота, а у медведицы ноги отсеки и погresti е среди двора своего и добро ти будет» (уже цитировавшийся «Лечебник», л. 251 об., 152). В том же «Лечебнике» упоминаются амulette: камни, находимые внутри головы, тела или гнезда птиц, части тела зайца, бобра и др., кольца-талисманы, вырезанные из копыта лося, перья из костей того или иного зверя (л. 99, 175, 196, 200 об., 208 об. и др.)⁵³.

До сих пор в исследованиях по русской сказке не использовалось древнейшее упоминание вешего коня Сивки в Задонщине в списке коней XV в. («Пересвет поскакивает на вешем Сивце») ⁵⁴.

Множество сведений «лечебников» связаны с различными растениями. Отметим упоминание омелы (л. 159 об.) — растения, которому многие народы приписывали чудесные свойства⁵⁵.

Перейдем к гаданиям и обрядам, связанным с отношением к верховной власти. Это гадания о «сходе» царя с государства (Рафли, л. 89, об. 90), о государевом деле и посольстве (там же, л. 43, 90), чародейские средства от царского гнева (Лечебник, л. 208). Известны также заговоры «на подход к властям»⁵⁶. В цитировавшемся «Лечебнике» имеется

⁴⁹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. Т. II (1760—1771). М.—Л.: Academia, 1931, с. 330, 331.

⁵⁰ См. также: Буслаев Ф. И. Сочинения. Т. II. СПб., 1910, с. 39.

⁵¹ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897, с. 39.

⁵² Цит. по рукописи конца XV в. Центральный государственный исторический архив, Ленинград, ф. 834, оп. 1, с. х. № 582, л. 270 об.

⁵³ Про «орлов камень» см. также: Буслаев Ф. И. Сочинения. Т. II, с. 34—35.

⁵⁴ Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище.— В кн.: Сборник Отд. русского языка и словесности АН. Т. LXXXI. № 7. СПб., 1907, с. 125 (так в древнейшем, Кирилло-Белозерском списке).

⁵⁵ Ср.: Древнерусский лечебник, с. 70, 71; Буслаев Ф. И. Сочинения. Т. II, с. 4 («мелея», «вихорево гнездо»).

⁵⁶ См.: Майков Л. Указ. раб., с. 562—572; Буслаев Ф. И. Сочинения, Т. II, с. 445.

статья «Как утолить гнев царем или князьям» (л. 200^р), причем слова «царем» и «князьям» написаны тайнописью. В книге «Рафли» есть целая глава «Про государево жалование» (л. 75); среди предсказаний в той же рукописи: «Государева рука на тя ниска, бойся опалы» (л. 58 об.).

В связи с вопросом о религиозном оформлении правовых норм отметим, что традиционная для русского крестьянства клятва землей (дерном) упоминается в письменных источниках с XI в.⁵⁷

Большое число суеверных представлений было связано с судом и судебным поединком. В частности, ряд гадательных книг осуждался в XVI в. церковью за то, что, надеясь на них, участники судебных поединков смелее выступали за неправое дело⁵⁸. Существовали различные магические средства для того, чтобы узнать вора⁵⁹. Вот одно из цитировавшегося «Лечебника»: «О кражи: аще кто хочет испытати на взгляд, то возми жылы волчьей и огонь возжги, и над огнем жги жилы трижды; приступит тать — аще повинен будет — скорчит ему ноги» (с. 209). Этот рецепт интересен также как сравнительно редкий образчик вредносной магии. Выше уже приводился заговор, который должен был сделать человека нечувствительным к пыткам.

Большое количество суеверий было связано с имущественными отношениями: сокрытием и поисками кладов⁶⁰, вопросами о наследстве, успехом торгового предприятия, хозяйственной деятельности, сохранностью имущества и т. п. Нередко при этом упоминаются достаточно сложные казусы. Вот, например, одно из предсказаний в книге «Рафли»: «...вдовицу кто поймет, а скажет ему, что тот живот весь у ней и она не весь скажет» (л. 120 об.), т. е. утаит часть имущества при вступлении в брак.

Ряд суеверий отражает отношения господ с зависимыми людьми. Это заговоры и гадания, посвященные поимке беглых холопов. Известно также чародейское средство сделать слугу верным: «Аще хоцещи слугу верна имети себе, вшей ему волчи кости пепел в сукно, верен будет» (Лечебник, л. 209).

Социальные взаимоотношения людей, бывших объектами и субъектами тех или иных суеверных обрядов, зафиксированы во многих делах о колдовстве⁶¹. В связи с социально-политическим аспектом народных верований заслуживает внимания тот факт, что образ предводителя крупнейшей крестьянской войны XVII в. Степана Разина в фольклоре наделялся чертами чародея. Представляется, что подобные сведения письменных источников могут дать интереснейшую информацию о социальной психологии в древнерусском обществе.

Предложенные материалы показывают перспективность дальнейшей разработки древнерусских письменных источников по истории народных верований и обрядов. Именно они дают основания для суждения о длительном периоде, не освещенном ни археологическими, ни этнографическими и фольклорными данными, и вместе с тем содержат ценную информацию, отсутствующую в других источниках.

⁵⁷ Гальковский Н. М. Указ. раб. Т. I, с. 46, 57. См. также: Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские. — В кн.: Труды и летописи Общества истории и древности российских Ч. IV, кн. 1. СПб., 1828.

⁵⁸ Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах, с. 181, 182.

⁵⁹ Антипов В. Суеверные средства, употребляемые крестьянами для открытия преступлений и преступников. — Живая старина, 1905, вып. 3—4. В книге «Рафли» имеется специальная глава «Кто хочет познать татя» (л. 82 об., 83).

⁶⁰ См.: Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси. — Сов. археология, 1981, № 4. Ср. в кн.: «Рафли», л. 87, 87 об.

⁶¹ Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII ст. СПб., 1906; Белогриз-Котляревский Л. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию. — Ист. вестник, 1888, июль, т. 33; Левенструм А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву. — Журн. Министерства юстиции, 1897, № 1, 2. Из зарубежных работ, посвященных народным верованиям, зафиксированным в связи с процессами о колдовстве, отметим: Murray M. A. The Witchcult in Western Europe. Oxford, 1962; Bayer V. Ugovor s davlom. Procesi protiv čarobnjaka u Europi a napose u Hrvatskoj. Zagreb, 1969.

В современных научных исследованиях и популярной литературе, посвященных русскому периоду истории Аляски, довольно часто встречается этноним *колоши*. Неточность, а порой и разноречивость его толкования обусловили необходимость разъяснения данного вопроса.

В указателях этнических названий и комментариях авторов под этим словом подразумевается, как правило, индейское племя тлинкитов, обитавших до начала колонизации Аляски европейцами (конец XVIII в.) на побережье Америки от залива Якутат (60° с. ш.) на севере до Поленд-Канала (55° с. ш.) на юге, а также на прилегающих к этому берегу островах. Две небольшие тлинкитские общины (Теслин и Атлин) раслились в глубине материка в течение XIX в.

Южными соседями тлинкитов были очень близкие к ним по культуре и образу жизни племена индейцев хайда и цимшиан; часть хайда, известная под названием «кайгани», жила на южной половине о. Прин Уэльский и соседних островах¹. С востока и севера владения тлинкитов окружали земли атапаскских охотничьих племен — тутчен, тагил, тан и др. К северо-западу от тлинкитов вдоль побережья зал. Аляски обитали индейцы-эяки и эскимосы-чугачи.

Тлинкиты были носителями так называемой культуры северо-западного побережья, т. е. культуры аборигенных племен западного берега Северной Америки от 60 до 45° с. ш. Экономической базой для всех племен этого региона служили рыболовство (в основном промысел лососевых) и охота на морских и лесных животных. В течение сотен лет у индейцев этого региона сложились некоторые общие черты материальной и духовной культуры, распространявшейся вплоть до Северной Калифорнии. Тлинкиты жили на севере этого культурного ареала.

Именно тлинкиты были первыми индейцами, которых увидели русские в Америке. Во время Второй Камчатской экспедиции в 1741 г. у побережья одного из островов архипелага Александра (около 57°50' с. ш.) к пакетботу «Св. Павел» под командованием А. И. Чирикова подошли две лодки тлинкитов. Контакт между моряками и индейцами был, правда, чисто визуальным, так как тлинкиты не пристали к судну, а лишь голосом и жестами приглашали русских следовать за собой к берегу, где за несколько дней до этого бесследно исчезли бот и шлюпка с 15 моряками пакетбота². В это время самоназвание индейцев, разумеется, не было известно русским, а слово *колоши* они начали употреблять гораздо позднее.

Индейцы, встреченные в 1741 г. русскими моряками, как установлено позднее, называли себя «тлинкит» («человек», «люди») с прибавлением слова «антукуан», т. е. «люди всех селений»³. Как отмечал известный миссионер и исследователь И. Е. Вениаминов, кроме общего наименования «тлинкит» («хтлинкит», «г'лингит», «лингит»), отдельные общины имели особые наименования, образованные посредством прибавления к названию местности, где они жили, слова «ку'ан», что означает «там», «тамошние»⁴. Так возникли обозначения тлинкитских общин Якутат (Тлахайик)-куан, Чилкан-куан, Ситка-куан и др. Русским же эти индейцы стали известны как *колоши*.

Колюшами, колюжами, калюжами, калошами или *колошами* русские называли первоначально только тлинкитов, по-видимому, за обычай

¹ Земли тлинкитов (за исключением некоторых территорий, расположенных в глубине материка) и кайгани вошли во второй половине XVIII — начале XIX в. в состав Русской Америки.

² См. судовой журнал плавания пакетбота «Св. Павел» в 1741 г. В кн.: Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951, с. 232.

³ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. III. СПб., 1840, с. 28.

⁴ Там же, с. 28—29.

этого племени носить в проколотой и расставленной нижней губе деревянные, каменные или костяные втулки — *калужки*, служившие характерным украшением всех знатных женщин тлинкитских общин. Указание И. Е. Вениаминова на то, что этот обычай не был якобы свойственен жителям тлинкитской общины Якутат⁵, опровергается свидетельствами путешественников более раннего периода⁶.

Русское название *калужка*⁷ (и соответствующий этноним *колюжи* или *колоши*) восходит, по мнению И. Е. Вениаминова, к алеутскому слову *калуга*, обозначающему всякую деревянную посуду⁸, так как тлинкитские *калужки* по форме отдаленно напоминали деревянную тарелочку или ложку⁹. Однако существует и другое толкование происхождения слова *колоши*. Так, немецкий путешественник и этнограф А. Эрман считал его производным от русского глагола «колоть», а название *колоши* интерпретировал как «колющие»¹⁰. Вероятно, Эрман также связывал данный этноним с обычаем женщин-тлинкиток прокалывать нижнюю губу.

Хотя версия А. Эрмана и представляет определенный интерес, точка зрения И. Е. Вениаминова кажется нам более правдоподобной. Впервые русские употребили этноним *колоши* в 1783 г., когда в Чугацком заливе (ал. Принс-Вильям) на Аляске зимовала промысловая экспедиция К. Зайкова. Побывавшие на судне Зайкова местные жители — эскимосы-чугачи — рассказали русским о живущих от них на востоке *колюхах*¹¹. Поскольку русские вели переговоры с чугачами через толмачей-алеутов, то более естественно предположить алеутское происхождение названия *колоши*.

Через пять лет после экспедиции П. К. Зайкова русские в 1788 г. установили прямой контакт с *колошами*: галиот «Три Святителя» под командованием Д. И. Бочарова и Г. Г. Измайлова побывал в заливах Якутат и Лътуга, на берегах которых находились селения тлинкитов. Следует отметить, что первоначально русские называли *колошами* только якутатцев (якутатских *колошей*, тлинкитов Якутата), поскольку они различали «чичханский [чилкатский] и *колюжский* [якутатский] разговоры»¹², т. е. диалекты одного тлинкитского языка. (Здесь и далее курсив в цитатах сделан нами. — А. Г.)

Продвигаясь вдоль побережья на юго-восток от о. Кадьяк, где в 1784 г. Г. И. Шелихов основал поселение, русские встретились с другими общинами тлинкитов и перенесли на них уже употреблявшееся ими название *колоши*. Ю. Ф. Лисянский, побывавший на Аляске в 1804—1805 гг., оставил довольно подробное описание быта и культуры тлинкитов общины Ситка, на землях которой в 1799 г. была основана столица Русской Америки Новоархангельск. В заключение своего обзора он писал: «Все выше мною сказанное касается не только Ситкинцев, но и всех нам известных народов от Якутата до 57° северной широты, которые именуются *Колюжами* или *Колошами*»¹³.

⁵ Там же, с. 99.

⁶ Путешествие Г. Шелехова с 1763 по 1790 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам... Ч. II. СПб., 1812, с. 52.

⁷ По-тлинкитски эти втулки назывались «каантак», «кентага», «клу-у хэн-тах-а» и т. д. См. Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... Ч. II. СПб., 1812, с. 183; Krause A. Die Tlingit-Indianer. Jena, 1885, S. 367.

⁸ Вениаминов И. Е. Указ. раб., ч. III, с. 28.

⁹ С. А. Ратнер-Штернберг отмечала аналогичное происхождение португальского названия племени южноамериканских индейцев ботокудов (от португальского слова *botoque* — втулка). См. Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлинкитам. Очерк II. — В кн.: Сб. МАЭ, Т. VIII. Л., 1928, с. 287.

¹⁰ Erman A. Ethnographische Wahrnehmungen und Erfahrungen an der Küste des Bering-Meeress. — Zeitschrift für Ethnologie, 1870, Bd. 2, S. 300.

¹¹ Выписка из журнала штурмана Потапа Зайкова, веденного на судне «св. Александр Невский» в 1783 г. — В кн.: Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. II. Приложение. СПб., 1863, с. 7.

¹² Чилкатцы — тлинкиты общины (куана) Чилкат.

¹³ Шелихов Г. И. Указ. раб., ч. II, с. 57.

как уже говорилось, южнее тлинкитов на северо-западном побережье обитают племена индейцев хайда и цимшиан, женщины которых, как тлинкитки, носили в нижней губе втулки-калужки. Подобный обычай существовал и у живших южнее цимшиан индейцев-хайсла и хейлс (северные квакиутли)¹⁴. С этими племенами русские познакомились в начале 1800-х годов, когда начались их экспедиции вдоль побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии. Наблюдая сходство культуры и образа жизни у различных племен северо-западного побережья, русские перенесли этноним *колоши* и на эти индейские племена. Птверждением служит, например, рассказ приказчика Российско-Американской компании Тимофея Тараканова о кораблекрушении брига «Николай» в 1808 г. у берегов нынешнего штата Вашингтон¹⁵, назывшего местных индейцев (квилеутов, квинельтов и других) *колюжа*.

Такие известные авторы, как В. М. Головин¹⁶, К. Т. Хлебников¹⁷, В. П. Романов¹⁸ и др., употребляли этноним *колоши* по отношению к всем племенам северо-западного побережья¹⁹. Знаменитый российский мореплаватель XIX в. Ф. П. Литке, давая обобщенную характеристику этих племен, также объединял их под общим названием *колоши*. писал: «Народы, населяющие Северозападный берег Америки от 40° 60' с. ш. до 60° с. ш., по всей вероятности, поколения одного и того же племени. Однаковая наружность, одинакие обряды и образ жизни ведут к сему заключению. Уродливые деревянные украшения в губах суть неоспоримое доказательство единородства жителей островов Королевы Шарлотты и залива Берингова [зал. Якутат]. ...Жители губы Тринидад (шир. 4° с. ш.) имеют во всем большое сходство с севернейшими жителями, но все различествуют от индейцев Нового Альбиона [Калифорнии], обитающих южнее мыса Мендосино. Каждое из поколений сих различается особенным именем; но в колониях наших все оныя вместе разумею под общим родовым названием *колош* или *колюж*»²⁰.

К 30-м годам XIX в. русские накопили значительный материал о местных жителях Аляски. Ф. П. Врангель, главный правитель Русской Америки в 1830—1835 гг., одним из первых попытался систематизировать этнографические сведения о народах Аляски, известных русским к тому времени. Как и его предшественники, он объединял индейские племена северо-западного побережья от 60 до 41° с. ш. под названием *колоши* или *колюжи*²¹, отмечая при этом единство происхождения и сходство в обычаях и языке *колошей* (в Русской Америке это были прежде всего тлинкиты) и других индейцев Аляски: угаленцев (эяков), медноцех (атена), кенайцев (танаина) и др. Вот что он сообщал, например, медновцах: «Этот народ принадлежит вместе с угаленцами к одному племени с *колошами* и имеет с ними большое сходство в поверьях и обычаях. Также в языке имеется много слов, которые указывают на общий корень»²².

¹⁴ Drucker Ph. Indians of the Northwest Coast. N. Y.—Toronto—London, 1965, p. 1.

¹⁵ Крушение Российско-Американской компании судна «Святой Николай» (после начальствовавшего штурмана Булыгина) при северо-западных берегах Америки в широте около 47 1/2° с. ш., у острова, названного Ванкувером Destruction Island (Парубин остров), 1 ноября 1808 года.—Головин В. М. Соч. Т. IV. СПб., 1864, с. 410.

¹⁶ Головин В. М. Указ. раб., с. 410.

¹⁷ Хлебников К. Т. Записки К. Хлебникова об Америке.—В кн.: Материалы к истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 3. СПб., 1861, с. 30.

¹⁸ Романов В. П. О Колюжах и Колошах вообще.—Северный архив, 1825, № 3—4.

¹⁹ Следует оговориться, что в некоторых русских источниках вообще не давалось определение исследуемого этнонима, в других же под названием *колоши* подразумевались только тлинкиты общины Ситка (ситкинцы). См., например, Лазарев А. П. Покорение вокруг света на шлюпе Ладоге в 1822, 1823 и 1824 годах... СПб., 1832, с. 159.

²⁰ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе Селвин в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. Ч. III. СПб., 1834, с. 146.

²¹ Wrangell F. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russische Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. St.-Pb., 1839, S. 58.

²² Wrangell F. Op. cit., S. 99; см. также Врангель Ф. П. Обитатели северо-западных берегов Америки.—Сын Отечества, 1839, т. VII, с. 53.

При описании торговли коренного населения Аляски Ф. П. Врангель называет медновцев даже «медновскими *колошами*»²³, но в то же время он, как и другие авторы, применяя этноним *колоши* в отношении атапаскских племен, всегда давал при этом этническую привязку. Позднее аналогичным образом причислял к «*колошенскому* племени» всех индейцев Русской Америки историк Российско-Американской компании П. А. Тихменев, хотя и он не называл их (за исключением тлинкитов, кайгани и тлинкитизированных эяков) просто *колошами*²⁴.

Оба автора — Ф. П. Врангель и П. А. Тихменев — в своих высказываниях стремились, по-видимому, лишь подчеркнуть этническое родство всех индейцев Аляски и их отличие от другого крупного этнического подразделения — эскимосов и алеутов. «*Колошенское* племя» было принято за «паниндийскую» основу, вероятно, потому, что *колоши* (в русских владениях это были тлинкиты и хайда-кайгани) представляли самый многочисленный и сильный компонент индейского населения Русской Америки. Здесь нужно еще раз указать на то, что русские никогда не называли *колошами*, например, кенайцев, а только констатировали их взаимное сходство в обычаях и языке (подразумевая при описании индейцев Аляски под *колошами* исключительно тлинкитов). Лишь в отношении обитавших в глубине материка атапаскских племен и, возможно, предков внутриматериковых тлинкитов в русских источниках очень редко употреблялся этноним «тундровские *колоши*», но никогда просто *колоши*. В связи с этим следует коснуться одной интересной тенденции в эволюции рассматриваемого термина, тесно связанной с освоением русскими Северной Америки.

В конце XVIII в. — первой половине 20-х годов XIX в. общее направление русской колонизации было ориентировано на юг, вдоль американского побережья вплоть до Калифорнии, где в 1812 г. было основано селение и крепость Росс²⁵. Ареал этнонима *колоши* охватил в те годы все индейские племена от 60 до 40° с. ш. Но с начала 20-х годов XIX в. и в последующие десятилетия направление русской колонизации меняется: англо-американская экспансия с юга вынуждает русских перейти к более интенсивному освоению северных и внутренних областей Аляски. Общая переориентация русских с юга на север и в глубинные районы материка отразилась на ареале термина *колоши*: появляется этноним «тундровские *колоши*»; южная граница исходного этнонима начинает отодвигаться на север — с 40 и 41°²⁶ до 45°²⁷ и 49°²⁸ с. ш. и на 49-й параллели стабилизируется, вероятно, вплоть до продажи Аляски США (1867 г.). Это устанавливается на основании свидетельства морского офицера П. Н. Голovina, посланного в Русскую Америку в 1860 г. Он указывает южный рубеж расселения *колошей*, проходивший вдоль границы между Британской Колумбией и территорией Орегон (США) (49° с. ш.): «В числе независимых народов находится многочисленное племя *колюжей* или *колошей*, живущих по северо-западному берегу Америки от залива Якутат до реки Стахина и на многих островах, лежащих вдоль этого берега. Племена тех же *колошей*, известных под общим именем индейцев, населяют также и английские владения вплоть до Орегона»²⁹.

Сам этноним *колоши* — не единственное слово, которым русские обозначали коренных жителей северо-западного побережья Америки. Чаше других употреблялись также слова «дикие», «дикари», «туземцы», «индейцы», «американцы» и т. д. Кроме того, имели хождение русифициро-

²³ Wrangell F. Op. cit., S. 63.

²⁴ Тихменев П. А. Указ. раб., ч. II, с. 342.

²⁵ Об основных направлениях освоения русскими Аляски см. Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М.: Наука, 1971, с. 102—104.

²⁶ Литке Ф. П. Указ. раб., с. 146.

²⁷ Вениаминов И. Е. Указ. раб., ч. III, с. 27—28.

²⁸ Марков А. Русские на Восточном океане. СПб., 1856, с. 69.

²⁹ Головин П. Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. — Морской сборник, 1862, № 1, с. 47.

важные переобразования, производные от названия тлинкитских общин «ситкинцы» (от названия общины Ситка), «чилкатцы» (от названия общины Чилкат), «стахинцы» (от названия общины Стахин или Стикин) другие.

Среди разнообразных форм исследуемого этнонима (*колюши*, *колюжи*, *калюжи*, *калоши* и *колоши*) наиболее употребительными были *люжи* и *колоши*, причем доминировала последняя форма. Так, финский натуралист Г. И. Холмберг, побывавший в Русской Америке в начале 50-х годов XIX в., писал: «...старые исследователи использовали исключительно слово *Калюжи* или *Колюжи*, тогда как в последнее время, жалуй, общепринято название *Колоши*. Я даже ни разу не слышал Ситхе [Ново-Архангельск] старое название»³⁰. В действительности же слово *колоши* употреблялось и ранними путешественниками³¹, хотя вытеснение термина *колюжи* близким по звучанию и идентичным по значению термином *колоши*, по-видимому, имело место. Во всяком случае этноним *колоши* встречается в источниках, по нашим подсчетам, по крайней мере в два раза чаще, чем *колюжи*.

Среди самих индейцев, которых русские называли *колошами*, очевидно, только тлинкиты изредка именовали друг друга *коноша* — словом, произошедшим от этнонима *колоши*³². Это название сохранялось, вероятно, в обиходе у индейцев вплоть до конца XIX в.³³

Интерпретация этнонима *колоши* представляет известные трудности, что является причиной искажений и ошибок во многих научных работах и популярной литературе. Дело осложняется еще и тем, что содержание данного этнонима изменялось во времени. Первоначально, как мы видели, он использовался русскими только в отношении тлинкитов Якутска, затем — всех тлинкитских общин, а также, вероятно, хайда-кайган и, наконец, для обозначения других племен северо-западного побережья с тенденцией перенесения этого термина на атапаскские племена в глубине материка (тундровские *колоши*).

Представляется очевидным, что часто встречающаяся в современной отечественной науке точка зрения, будто на протяжении всей истории Русской Америки русские называли *колошами* только тлинкитов, ошибочна. Однозначно связывая этноним *колоши* с племенем тлинкитов, исследователи сужают объем этого понятия³⁴. Аналогичная неточность встречается и в зарубежной этнографической и исторической литературе³⁵. Кроме того, не все ученые объясняют этимологию этого названия, а некоторые его вообще не используют.

В заключение следует подчеркнуть, что обычно этнонимом *колоши* обозначали тлинкитов, поскольку среди племен северо-западного побережья именно с ними русские поддерживали наиболее интенсивные и продолжительные контакты: проводилась взаимовыгодная торговля, на землях тлинкитов находилось несколько русских поселений, в том числе и столица Русской Америки Новоархангельск. Вероятно, наиболее частое употребление данного этнонима именно применительно к этому племени привело к тому, что в научной литературе XX в. слово *колоши* стало синонимом слова тлинкиты.

³⁰ Holmberg H. J. Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika. Bd. 1. Helsingfors, 1855, S. 10.

³¹ Лисянский Ю. Ф. Указ. раб., ч. II, с. 150, 151 и др.

³² Вениаминов И. Е. Указ. раб., ч. III, с. 29.

³³ Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Из моего дневника. Путевые заметки и впечатления во время путешествия по Аляске и Алеутским островам. Ч. I. СПб., 1893, с. 70.

³⁴ См., например: Народы Америки (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 151, 652; Ляпунова Р. Г. Записки иеромонаха Гедеоны (1803—1807) — один из источников по истории и этнографии Америки. — В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки. М.: Наука, 1979, с. 225.

³⁵ Swanton J. R. The Indian Tribes of North America. Washington, 1952, p. 540; Hulley Cl. L. Alaska 1741—1953. Portland, Oregon, 1953, p. 22.

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ОДНОМ АНГОЛЬСКОМ ГОРОДЕ**

Современный африканский город представляет средоточие многочисленных социально-экономических укладов, культурных моделей и пластов общественного сознания. В городе встречаются разнородные местные и привнесенные извне этнокультурные традиции, происходят их взаимодействия, противоборство и синтез, в результате чего на городской почве вырастает новый тип культуры.

В настоящей работе рассматриваются названные процессы на примере ангольского города Намиб (до 1983 г. — Мосамедиш), столицы одноименной провинции Народной Республики Ангола, расположенного на побережье Атлантического океана. В работе использованы материалы, собранные мной за время пребывания в этом городе в 1983—1984 гг.

Мосамедиш принадлежит к числу тех африканских городов, которые возникли, условно говоря, «на пустом месте», т. е. там, где до прихода европейцев не существовало никакой городской традиции, ни даже более или менее крупного постоянного поселения. Город был основан португальцами в середине прошлого века и долгое время оставался главным форпостом португальского колониализма на юге Анголы. Стратегическое значение Мосамедиша и соседних с ним небольших поселений выглядело очевидным, в то время как быстрое хозяйственное освоение этой части колонии представлялось сомнительным. Сельское хозяйство поначалу было основным занятием португальских колонистов, но, ограниченное засушливым климатом района, вскоре уступило приоритет рыболовству и сопутствующим отраслям, которые благодаря сказочному богатству моря и по сей день остаются стержнем экономики города.

С первых же лет существования Мосамедиша перед португальскими поселенцами встала проблема поиска рабочей силы. Решить ее за счет местных жителей оказалось невозможным. Уже характер первых «торговых» контактов европейцев с населявшими эти области скотоводами кувале (подгруппа этнической общности гереро) к этому никак не располагал: «торговля» представляла, по существу, открытое ограбление африканцев. Активное знакомство местного населения с европейской цивилизацией хотя и привело к быстрому принятию некоторых ее внешних атрибутов, сформировало у кувале в целом враждебное отношение к ее носителям. Но даже если соблазненные этими внешними атрибутами кувале перешагивали через барьер неприязни и недоверия, они чаще всего не могли преодолеть более сложный культурно-психологический барьер, выражавшийся в их традиционной неподготовленности к специфике европейского поселенческого хозяйства. Земледелие всегда являлось для кувале эпизодическим и непrestiжным занятием, а рыболовство, как и употребление рыбы в пищу, — табуированным. С другой стороны, в земледельческих и рыболовецких хозяйствах белых колонистов, по меньшей мере до середины 70-х годов XIX в., всякий труд африканцев мыслился как рабский, а для реального подчинения воинственных пастухов у колониальной администрации долго не хватало сил.

По перечисленным причинам острый дефицит рабочих рук в Мосамедише и соседних населенных пунктах покрывался в основном за счет привоза рабов, значительную часть которых составляли дети из уже покоренных северных и прибрежных центральных областей Анголы. Переселенные за сотни километров от родины, отторгнутые от родных, заброшенные в незнакомую экологическую и социально-экономическую обстановку, они отрывались от своих этнокультурных корней, теряли прежнее социальное лицо, перенимая многие элементы культуры своих хозяев.

Рабский труд формально был отменен в Анголе в 1875 г., но в южных ее районах он фактически сохранялся, хотя и в замаскированном и несколько приукрашенном виде, до начала 1910-х годов. Лишь после па-

дения португальской монархии в 1910 г. ему на смену пришел труд контракту, который, впрочем, по сути продолжал оставаться принудительным. Но в отличие от своих предшественников-рабов законотворившие работники все-таки обладали некоторыми юридическими правами, в том числе правом вернуться на родину по истечении срока контракта. Этим правом начиная с 1910-х годов стали активно пользоваться и африканцы, работавшие в Мосамедише, но лишь те, которые знали куда им возвращаться. Детям и внукам рабов, завезенных в город XIX — начале XX в., некуда было уходить. Их родиной были Мосамедиш и соседние поселения, где они составляли наиболее стабильную часть черного населения — *мбали*¹.

Один из немногочисленных исследователей этнографии юго-западной Анголы К. Эштерманн оценивал общую численность мбали во второй половине 1930-х годов приблизительно в 3000 чел. Его информаторы числа черных жителей Мосамедиша сходились на том, что слово «мбали» (в тексте К. Эштерманна — «кимбали») означает «цивилизованный негр» и употребляется «нецивилизованными» для обозначения «цивилизованных» африканцев, а также последними в качестве самопознания. По определению, данному самим этнографом, мбали — это «негры, потом бывших рабов и работников плантаций, усвоившие большое число культурных черт своих бывших хозяев; они и сегодня находят средства существования у белых, работая домашней прислугой и ремесленниками»². К. Эштерманн необоснованно сузил сферу деятельности мбали. Они были заняты во всех отраслях экономики, в том числе в рыболовстве образуя устойчивый костяк рабочей силы Мосамедиша. «Более цивилизованные», — писал о мбали один португальский автор в начале 1920-х годов, — с уже сформировавшимися потребностями и стремлениями и, как следствие, любовью к труду, они сильно отдалены как в моральном, так и в материальном отношении от племен округа и текучего населения, с которым объединяются на рыбных промыслах, ревниво следят за своим положением, которое сами создали, и ни в коем случае не хотят смешиваться с прочими»³. Однако при большой европеизации, проявившейся особенно в области материальной культуры и хозяйства, группа мбали характеризовалась сохранением значительного африканского культурного субстрата. В частности, у мбали сформировался своеобразный язык *олумбали* (*кимбали*), представлявший сочетание бантуской грамматической и лексической основы с португальскими заимствованиями. Бантуский ингредиент олумбали базировался в основном на двух довольно далеких друг от друга лингвистических источниках — языках кимбунду и умбунду, распространенных соответственно в зонах Луанда — Порту-Амбоин — Маланже и Бенгела — Уамбо — Бие, т. е. в тех двух районах, в которых рекрутировалась наибольшая часть рабочей силы для Мосамедиша в XIX — начале XX в. Применение олумбали ограничивалось бытовой сферой, тогда как в производственной и юридической областях жизни бесспорно доминировал португальский⁴. Помимо языка у мбали

¹ Этимология этого термина точно не установлена. Ясно лишь, что он появился задолго до основания Мосамедиша в более северных районах Анголы и употреблялся (в разном фонетическом выражении, конечно) применительно к африканцам, живущим поблизости от белых и связанным с ними хозяйственно и социально. Возникшее как своеобразное отражение процесса колонизации, слово «мбали» пришло на юг Анголы вслед за проникновением туда португальцев. Подробнее о происхождении названия «мбали» см. *Cardoso C. L. A Origem dos Mbali do Distrito de Moçamedes — Ultramar*. — *Revista da comunidade portuguesa e da actualidade ultramarina internacional*, 1964. 2 Trim., № 16, ano IV, vol. IV, № 4, p. 121—123.

² *Estermann C. Coutumes des Mbali du Sud d'Angola*. — *Africa*, L., 1939, vol. XII, № 1, p. 74.

³ *Vilela A. J. Pesca e Industrias Derivadas no Distrito de Mossamedes 1921—1922. Relatório de um inquérito*. Porto, 1923.

⁴ Разнородность генетических корней олумбали и его подчиненное социальное значение помещали этому языку сложиться в стройную лингвистическую систему. Даже в 60-х годах XX в. некоторые локальные варианты олумбали, обусловленные разным этническим происхождением его носителей, сохраняли сильную специфику, доходившую порой до полной взаимной непонимаемости. О языке мбали см. *Cardoso C. L.*

сохранились многочисленные остаточные элементы традиционных религиозных верований, ритуалов, церемоний и табу, оказавшиеся весьма устойчивыми даже в условиях сильной христианизации.

Таким образом, к первым десятилетиям XX в. в Мосамедише и ряде соседних населенных пунктов сформировалась своеобразная переходная этносоциальная общность — мбали, стоявшая как бы на стыке двух социокультурных традиций — европейской (португальской) и африканской — и объективно тяготевавшая к первой. В то же время незавершенность процесса детрибализации мбали и сохранение у них многих традиционных культурных черт поддерживались наличием огромной юридической пропасти, отделявшей «цивилизованное» население колонии от «туземного», включавшего подавляющее большинство черных африканцев, в том числе и мбали.

Принадлежность группы мбали к категории «туземного» населения создавала объективные возможности для пополнения этой группы другими представителями «туземцев», в частности коренными жителями, а также законтрактованными работниками, хотя вялый экономический рост Мосамедиша и слабое вовлечение автохтонного населения области (кувале и др.) в систему современных хозяйственных связей по крайней мере до начала 1960-х годов делала такие «превращения» единичными. По подсчетам К. Л. Кардозу, второго и пока последнего крупного исследователя этнографии Мосамедиша, численность мбали в городе в 1964 г. достигла 2160 чел., при общей численности мбали в одноименном округе — 4476 чел.⁵ Однако эти цифры, по признанию самого К. Л. Кардозу, охватывали лишь «чистых» мбали, к которым применима характеристика К. Эштерманна, приведенная выше. По сообщениям информаторов К. Л. Кардозу, к «чистым», или «настоящим», мбали примыкали «превращенные», т. е., как их определяет исследователь, «представители местных этнических групп либо более или менее удаленных, но живущие в данном районе, которые в силу того, что носят одежду из ткани и говорят по-португальски, называют себя мбали»⁶. К сожалению, этим замечанием ограничивается описание, данное португальским этнографом «превращенным» мбали. В его статье нет даже приблизительной оценки численности этой группы, которая позволила бы судить о масштабах явления. Не подлежит сомнению лишь то, что «превращения» в мбали участились в 1960-е годы, когда официальная отмена «Туземного статута» и бурное экономическое развитие всей Анголы, и Мосамедиша в частности, привели к активному втягиванию коренного населения в сферу современного хозяйства и португалоязычной культуры и увеличению миграционного потока в Мосамедиш, который, правда, жестко контролировался колониальной администрацией. С 1960 по 1970 г. население г. Мосамедиша, по официальным данным, возросло с 7963 до 12 076 чел., из которых чуть более половины составляли черные горожане⁷.

Но особенно большие масштабы миграция в Мосамедиш приняла после антифашистской революции в Португалии 1974 г. в связи с началом ожесточенной внутривластной борьбы в Анголе и интервенцией ЮАР в 1975—1976 и последующих годах. Лежащий вдали от основных очагов военных действий, сравнительно хорошо обеспеченный рабочими местами и средствами существования, портовый город Мосамедиш стал центром притяжения для жителей соседних и даже отдаленных провинций Народной Республики Ангола.

Согласно статистике, предоставленной в мое распоряжение провинциальным делегатом Министерства планирования НРА, в 1983 г. население города составляло 75 000 чел., т. е. в 6 с лишним раз больше, чем

Olumbali do Distrito de Moçâmedes (Acheegas para o seu estudo).— Boletim do Instituto de Investigação Científica de Angola, Luanda, 1966, 3(1), 1/130.

⁵ Cardoso C. L. Op. cit., p. 40.

⁶ Ibid., p. 39; Cardoso C. L. A Arte Mbali do Distrito de Moçâmedes.— Separata do I Encontro de Escritores de Angola. Sá da Bandeira, 1963, p. 4.

⁷ Panorâmica Sócio-Económica de Angola em 1971. Luanda, 1972, p. 129; A Capital. Suplemento de Angola, 15.03.1974

Эгнистический состав брачных пар

Год	Браки с участием выходцев с этнической территории мбунду			Всего браков
	между собой	с другими	всего	
1980	23	2	25	48
1981	28	6	34	49
1983*	23	3	26	38
За три года	74	11	85	135

* Регистрационные акты за 1982 г. в Департаменте отсутствовали.

в начале 1970-х годов. Учитывая, что из почти пяти тысяч белых, живших в городе до получения независимости в 1975 г., подавляющее большинство эмигрировало и что многие коренные жители города погибли в столкновениях 1975 — начала 1976 г., мы вправе говорить не только о резком росте городского населения, но и о значительном обновлении его состава.

По моим наблюдениям, немалая доля мигрантов приходится на выходцев из провинции Кунене, бежавших от южно-африканской оккупации. Есть среди них и выходцы с севера Анголы. Но, несомненно, большая часть мигрантов — беженцы из центральных районов страны, охваченных военными действиями (провинции Уамбо, Бие, север провинции Уила). Почти все они принадлежат к самой крупной этнической общности Анголы — мбунду (овимбунду).

Мигранты, в первую очередь мбунду, естественно, сохранили свою групповую идентичность. К примеру, они предпочитают жениться и выходить замуж в кругу своих соплеменников: об этом я мог косвенно судить на основании актов регистрации гражданских браков за 1980, 1981 и 1983 гг. Из 85 браков с участием уроженцев районов страны, являющихся этнической территорией мбунду, только 11 были заключены с выходцами из мест, где мбунду не составляют большинства населения, т. е. только эти 11 браков мы можем с определенной оговоркой называть смешанными. Более подробно это отражено в приведенной выше таблице (информация получена в Департаменте регистрации гражданского состояния г. Намиб в мае 1984 г.). Другой своеобразный пример: по моим наблюдениям, адепты адвентистской церкви в Намибе — почти исключительно мбунду. Одна из двух евангелических церквей города «обслуживает» только прихожан-мбунду. Важнейшим средством групповой идентификации остаются африканские языки — умбунду и др.; можно слышать на улицах Намиба.

Однако африканские языки не в состоянии конкурировать в городе с португальским, который монополизировал сферу образования, трудовых отношений, делопроизводство в учреждениях, средства массовой информации (за исключением коротких радиопередач на местных языках, рассчитанных в основном на сельских жителей). В условиях пространственной удаленности мигрантов от родины и полного обрыва связей основным этнокультурным ядром ослабляется «сопротивление» локальных этнических культур мощной европеизированной португалоязычной городской культуре и создаются благоприятные предпосылки для постепенного поглощения первых последних, тем более что значительная часть мигрантов еще до своего появления в Мосамедише-Намибе была в большей или меньшей степени знакома с современными формами хозяйства и даже городским образом жизни, христианской религией, культивируемыми ею морально-этическими нормами.

С другой стороны, коренные жители города — мбали — не способны эффективно противодействовать оседанию мигрантов в Намибе и адаптации к специфике городской жизни. После провозглашения независимости мбали не заняли высшую общественную ячейку, освобожденную белыми, а демократическая политика МПЛА — Партии труда сде-

какие социальные и экономические позиции одинаково доступными как для коренных, так и для новых обитателей Намиба. В этой ситуации единственным «преимуществом» мбали является то, что они коренные жители города. Поэтому превращение мигрантов в полноценных членов городского общества воспринимается населением Намиба как приравнение их к коренным намибцам, а значит, и распространение на них статуса мбали. При этом сам статус мбали претерпевает существенную трансформацию.

Изменение границ и социального содержания статуса мбали удалось проследить с помощью небольшой анкеты, проведенной мной в Намибе в ноябре 1983 — мае 1984 г. Всего удалось опросить 34 чел., из них 19 назвали себя мбали. Помимо мбали в число опрошенных вошли также 6 мбунду, 3 куаньяма (основное население провинции Куневе), келенге, кипунго (этнические группы, населяющие соседнюю провинцию Уила), кувале, белый, мулат, а также человек, представивший себя «настоящим туземцем». Не имея возможности рассмотреть все аспекты анкеты, остановлюсь лишь на ее аспектах, существенных для понимания статуса мбали в новых условиях⁸.

Изменение этносоциальной ситуации в Мосамедише—Намибе наиболее полно проявляется в определениях, данных респондентами группы мбали. В них наблюдается наложение различных и внешне противоречивых представлений. Подавляющее большинство опрошенных считали, что мбали — это те, кто родились в Мосамедише — Намибе. 24 респондента прямо заявили об этом, а в ответах еще 5 чел. такое же мнение выражено в косвенной форме. В то же время анкета выявляет и точку зрения, отражающую истинное происхождение группы мбали. 14 человек считают, что мбали являются потомками рабов и законтрактowanych работников, завезенных в город. Не случайно среди «вспомнивших» об этом — 11 мбали и «туземец», поселившийся в Мосамедише в 1909 г. С другой стороны, относительно небольшое число явных сторонников данной точки зрения свидетельствует, на мой взгляд, как о разрушении исторической памяти, так и об ослаблении значения рассматриваемого критерия для выделения группы мбали.

Респонденты-нембали, самосознание и мировосприятие которых сильно этнизировано (исключая белого и мулата), в своей оценке происхождения мбали сделали акцент на отсутствие у этой группы четких этнических корней. Двое из них (куаньяма и кувале) прямо утверждали это, а 5 (3 мбунду, куаньяма и белый) считали, что мбали появились в результате смешения разных народов⁹. Однако 10 из 13 черных респондентов-нембали (за исключением 2 мбунду и кувале) считали (бы) своих детей, родившихся в Мосамедише — Намибе, мбали, т. е. не причисляли (бы) их к своей этнической группе. Таким образом, статус мбали, нивелируя этнические различия, объединяет всех уроженцев города в сравнительно однородную, хотя и аморфную, социальную общность. Вливающиеся в группу мбали дети мигрантов не образуют в ней особой, четко ограниченной подгруппы. Лишь в двух ответах наблюдалось явное разделение мбали на «чистых», «настоящих», и «нечистых», «превращенных», о чем, со слов своих информаторов, писал К. Л. Кардозу в начале 1960-х годов. С тех пор роль и доля «чистых» мбали в населении города значительно уменьшились, да и сама их «чистота» уже не имеет

⁸ Помимо вопросов, относящихся к личности респондентов, анкета включала следующие вопросы: а) Кто такие (что такое) мбали? б) Откуда, когда и как появились первые мбали? в) На каком языке говорят мбали? г) Могут ли мбунду быть (называться) мбали? д) Могут ли кувале быть (называться) мбали? е) Могут ли белые и мулаты быть (называться) мбали? ж) Мбали живут отдельно или смешанно с другими? з) Могут ли мбали вступать в брак с другими? и) К какой церкви принадлежат мбали? к) Чем занимаются мбали? л) В других провинциях есть мбали? Эти вопросы формулировались с учетом особенностей опрашиваемых и хода интервью. В тех случаях, когда логика интервью делала некоторые вопросы излишними или по смыслу противоречащими предыдущим, эти вопросы опускались.

⁹ Среди трех мбали, высказавших это мнение, двое, несомненно, основывались на собственном примере, а одна была замужем за нембали.

прежнего социального смысла и не обесценивает им никаких реальностей. Преимущества перед остальными жителями.

Статус мбали не ассоциируется более с особой «цивилизованностью» его носителей: представление, которое в свое время К. Эштерманн считал универсальным, встретилось только у двух опрошенных — келенги мбали «первого поколения». «Цивилизованность» (относительная, конечно) сегодня является естественным, а потому и незаметным атрибутом почти всего городского населения.

Существовавшие в колониальное время четкие социальные и культурные границы, которые в основном совпадали с расовыми, в наши дни уже не так выражены, и белые, а тем более мулаты, все чаще рассматриваются как «обычные» горожане. Это проявилось в том, что 23 респондента включили в число мбали также белых и мулатов, родившихся в Мосамедише — Намибе¹⁰. Но если современное городское население образует более или менее однородное хозяйственное и социокультурное единство, то сельская периферия, представленная в основном скотоводами-кувале, в массе своей все еще находится за порогом «цивилизованности», в рамках «традиционного» образа жизни. Поэтому 18 из 29 высказавших свою точку зрения респондентов возражали против приписывания кувале к мбали. Но расширение связи сельских жителей с городом и усиление «территориального» аспекта статуса мбали приводит к тому, что пастухов-кувале, общепризнанных «хозяев здешних мест» (т. е. тоже местных уроженцев), начинают относить к мбали. 6 респондентов, безусловно, считали их мбали, а другие 5, разделив это мнение, оговорились, что языки мбали и кувале различны.

Вопрос о языке мбали вызвал противоречивые суждения, которые условно можно разделить на две группы. 21 респондент считал, что мбали есть свой язык — кимбали (вариант — кимбунду). Среди них было 17 мбали, т. е. коренные жители города, как правило, потомки завезенных в Мосамедиш рабов и законтрактованных работников. Остальные сторонники этой точки зрения живут в городе не менее 20 лет. Характеризуя язык кимбали, 8 респондентов утверждали, что он похож на кимбунду («язык Севера», «язык Луанды»), 4 — на умбунду, 1 — на кувале, а еще 1 респондент заявил, что кимбали не похож ни на один другой язык. Другая часть опрошенных, в основном иммигранты, приехавшие в город в последние 10–15 лет, и лишь 2 мбали, фактически отрицали наличие у мбали собственного языка. Но и у этой группы респондентов не было единого позитивного мнения: 6 из них считали, что языком мбали только португальский, 2 называли сразу 3 языка — португальский, кимбунду и умбунду, по одному респонденту — португальский и умбунду, португальский и кувале, кувале и умбунду, «языки отца и матери», «все языки».

Из полученных ответов видно, что язык кимбали в настоящее время перестает быть признаком, характеризующим этнокультурное лицо группы мбали. Он сохранил этнодифференцирующее значение лишь для самих мбали, да и то не в полной мере: 7 из 19 респондентов, назвавших себя мбали, языка кимбали не знали, либо знали его плохо. Что же касается иммигрантов, дети которых сегодня составляют главное пополнение группы мбали, то у них слово мбали, если и ассоциировалось с каким-либо определенным языком, то прежде всего с португальским — официальным языком города, нейтральным по отношению к африканским языкам и локальным этническим культурам.

Утрачивая этнические признаки, статус мбали в то же время социально «обесценивается». Сегодня не осталось и следа от групповой замкнутости и чувства собственного превосходства над остальными африканцами, подмеченных у мбали еще в 1920-х годах. 29 из 32 высказав-

¹⁰ Разумеется, сами белые и примыкающая к ним в культурном отношении часть мулатов придерживаются иной точки зрения. Им свойствен более высокий уровень самосознания, который можно определить как национальное самосознание. Они считают себя ангольцами, так же как и некоторые черные намибийцы, получившие европейское воспитание и ведущие соответствующий образ жизни.

шихся респондентов утверждали, что мбали могут вступать в браки с нембали. 26 (из 27) заявили, что мбали живут смешанно с другими, не занимая каких-либо отдельных кварталов города. На вопрос о занятиях мбали 27 из 30 ответивших перечислили несколько в основном городских профессий, не выделив ни одной из них особо.

Приведенные результаты анкеты свидетельствуют о тенденции распространения статуса мбали на всех уроженцев Намиба, независимо от их этнической или расовой принадлежности и социального происхождения. Эта тенденция отражает идущие в городской среде интенсивные процессы стирания этнических различий и формирования на базе городской хозяйственной и социальной культуры новой национальной общности — ангольского народа.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РУССКИЙ ГОРОД В БЫЛИНАХ

Проблема использования фольклора (в частности, былин) как исторического источника в последние десятилетия не раз ставилась в научной литературе. В настоящее время не подлежит сомнению, что былины — важный, богатый яркими подробностями исторический источник, но что использование этого источника возможно лишь при условии строгой научной его критики¹.

В силу жанровых особенностей, свойственных фольклорным произведениям, передаваемым из уст в уста, былина представляет собой сложный источник, в создании которого кроме автора первоначального текста принимали участие и все последующие исполнители, жившие разные эпохи на разных территориях. Каждый из них по-своему воспринимал содержание былины в целом и художественные подробности повествования, снабжал текст новыми, более близкими его времени штрихами. Так могли возникнуть, например, такие строки:

— Он направил свою все *калянэ сътрелу*,
Он просьтрёлил у ево да все как правой бок;
Ише вышла *пуля* — то все в левой бок².

когда сказитель заменял устаревшее оружие современным непосредственно во время исполнения, возможно, неожиданно для самого себя во всяком случае не заботясь о единстве терминологии.

Говоря о собственно городских былинах, первоначально созданных в конкретных древнерусских городах — Киеве, Чернигове, Галиче, Великом Новгороде и др., необходимо учитывать и то, что записаны эти былины не только в другое время (почти на целое тысячелетие позже), но и что сказитель, от которого они записаны, жил в другой, удаленной от Киевской Руси, и (в меньшей степени) от Новгородчины сельской местности, и, возможно, никогда не бывал ни в одном из упомянутых городов, а то и вообще ни в каком городе; что городской быт ему в общем неизвестен, а окружавшая его сельская действительность буквально ломилась в рассказываемое им произведение.

При всем том, услышанная от предшественника былина была для сказителя каноническим текстом, который он стремился передать слушателям, сохраняя в основном дух этого текста, хотя, как увидим, он всегда сохранял его букву. Не только основной сюжет, но и многие детали первоначального текста сохранились при этом с глубокой древности.

¹ См. Липец Р. С., Рабинович М. Г. К вопросу о времени сложения былин. Вооружение богатырей. — Сов. этнография, 1960, № 4; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Липец Р. С. Эпос и древняя Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1969; Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982.

² Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 88.

сти, хотя и были приукрашены новыми штрихами, иногда совершенно чуждыми древнему образу.

✓ Сохранилось прежде всего отношение сказителя к городу, высокий престиж города в глазах деревенского жителя. Город — это какая-то обетованная земля, счастливое селение, где живет ласковый князь со своим блестящим двором, куда стремятся все лучшие люди и находят (иногда не без борьбы) место, подходящее им по их высоким качествам — силе, храбрости, ловкости, преданности родине, а иногда и умению вовремя сказать бойкое слово. ✓

В городе невиданно высокий уровень жизни, для описания которого сказитель не жалеет гипербол.

Думается, что все это показатель довольно далеко зашедшей урбанизации, если понимать под урбанизацией не только рост городов, и проникновение в деревенский быт отдельных явлений городской жизни, но и главным образом изменение отношения к городу в негородской среде, восприятие городского образа жизни как высокого, порой недостижимого образца.

Рассмотрим высказанные только что положения на примере нескольких городских былин — о Дюке Степановиче, Василии Буслаевиче, Садко. В былинах присутствуют сочные реалистические черты городской жизни.

Вот при дворе киевского князя появляется сын галицкого боярина Дюк Степанович — и тут же на первый план выходит соревнование городов: какой город лучше во всех отношениях — Киев или Галич? Заезжий гость полон решимости не дать в обиду, ни себя, ни свой родной город. Он нападает первый, избирая объектом нападения сначала городское хозяйство:

— Поцему-ж у вас улушки есть грязныи,
Как измарал я свои чоботы дорожныи?
Как у нас-то во городе во Галиче
Да мощены были мосты все дубовые,
Сверху сланы да сукна багреповые.
Наперед-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу сукна стлатого³

А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты да все сосновые⁴.

Далее следуют и другие нападки: «у Владимира все не по-нашему» — и вино хранят не так, и пироги пекут не так. Вот в Галиче — другое дело.

Однако поговорим сначала о мостовых. В те годы, когда записаны былины, историческая наука еще не знала о широком распространении в древнерусских городах мощения улиц, и в частности деревянных, преимущественно сосновых, мостовых. Исследование мостовых — одно из достижений археологии за последние 75 лет. Правда, в некоторых северных русских городах и даже в деревнях бытовали в 1870-х годах деревянные мостовые, как бытуют они и до нашего времени, например, в Архангельске, но, пожалуй, никто не видел в этом сохранившейся древней традиции. Когда в Новгороде в 1910 г. при раскопках впервые открыли в детинце древние деревянные мостовые и руководители экспедиции — знаменитый художник и археолог Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко — доложили об этом, возникли сомнения в правильности интерпретации находки, и даже такой опытный археолог, как Н. И. Репников, высказал мнение, что за мостовую принята авторами раскопок какая-то деревянная конструкция иного назначения, например пол жилого или производственного помещения.

Деревянные мостовые из положенных поперек оси улицы слегка стесанных бревен, опиравшихся на продольные лаги, обнаружены при ар-

³ Дюк. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. IV, т. III. М.—Л., 1951, № 213, с. 102.

⁴ Там же, № 225, с. 194.

хеологических раскопках многих древнерусских городов, в том числе таких крупных, как Великий Новгород, Полоцк, Киев, и малых городов, как Друцк или Москов XI—XII вв.⁵ На мощение улиц шли преимущественно хвойные деревья (в основном сосна) — ценился их прямой ровный ствол⁶. Там, где мостовые содержались хорошо, с периодическими счищалась грязь и износившиеся бревна заменялись новыми довольно часто, поэтому новый ярус мостовой ложился при ремонте почти непосредственно на старый. Там, где мостовые содержались хуже, при раскопках находят ярусы мостовых, отделенные один от другого довольно значительной прослойкой земли.

Таким образом, спор о том, как устроены и как содержатся мостовые, мог возникнуть и, наверное, не раз бывал предметом разговоров и шуток древнерусских горожан.

Известно также, что не всякий горожанин ходил просто по мостовой. Существовал древний обычай стелить знатым лицам под ноги куски дорогих материй. В известных случаях этой чести удостоивались и очень знатные люди. Например, во время свадебного торжества «молдой князь с молодой княгиней» (жених с невестой), выходя на улицу, должны были ступать не по мостовой, а по дорожке из дорогих тканей — от крыльца до саней, от саней до церкви и в самой церкви. При этом разрешалось переносить куски ткани, по которым молодые уже прошли, вперед, чтобы использовать снова. Так рекомендовал в XVI «Домострой»⁷.

Древнейшие горизонты мостовых датируются обычно временем, близким к возникновению города. Когда же возник обычай стелить в торжественных случаях дорожки из тканей, пока не установлено. Думается, что эпизод с деревянными мостовыми, покрытыми багрецом, присутствовал в первоначальном тексте былины, что он взят автором с натуры. Но как расцвели его позднейшие исполнители! По всей вероятности, они не бывали ни в Галиче, ни в Киеве и в их художественном арсенале не было атрибутов конкретной древнерусской городской действительности. И вот появились образы, частью взятые из привычных уже текстов, частью вымышленные. Если в Киеве мостовые сосновые (что вполне могло быть и на самом деле), то какие мостовые в Галиче, где вообще все на более высокой ступени? Тут появляются «мосточки калиновы» — привычный для былины образ, но его потребовалось дополнить — «а вбиты гвоздочки шеломчатые» — это уже деталь придуманная: гвозди в конструкции мостовых не применялись. Иногда «калиновые» заменены на «каленные». В другой записи говорится, как мы видели, что в Галиче «мосты все дубовые»⁸.

Кто-то из позднейших исполнителей, видимо, не живший в городе, представил себе, будто в Галиче сукно всегда постлано на мостовую; оно, естественно, зарастает грязью, которую надо счищать уже лопатами, а затем подметать суконную дорожку. Очищающие мостовую лопатники и метельщики — образ очень яркий и, возможно, первоначальный, но то, что расчищается «дорожка сукна стлатого», вероятно, позднейшее наслоение, прижившееся и вошедшее во все записанные А. Ф. Гильфердингом тексты.

Другой эпизод — состязание приезжего галичанина с членом княжеского двора — «щাপление» — соревнование в франтовстве Дюка и Чурилы. Три дня они должны были «щапить — басить» — появляться в роскошной одежде — кто кого перефрантит. Здесь интересно то, что у обоих

⁵ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА СССР), 1956, № 55, с. 9; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978, с. 126, 130; Рабинович М. Г. О древней Москве. М.: Наука, 1964, с. 258; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев: Наук. думка, 1980, с. 85.

⁶ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1964 (Свод археологических источников. Е 1—55), с. 11.

⁷ Домострой по списку Общества истории и древностей российских. М., 1882, с. 180—181.

⁸ Онежские былины, т. III, № 230, с. 214, № 213, с. 102, № 225, с. 194.

франтов была распашная верхняя одежда с художественными застежками (крючками и петлями) на каждой стороне, дополняющими одна другую по характеру орнамента. У Чурилы на застежках изображены молодцы и девицы, у Дюка — змеи и звери. В этих описаниях можно увидеть следы древних реалий. Распашная верхняя одежда, от которой остались только парные металлические бляшки (соответственно с крючком и петлей), найдены при раскопках дружинных курганов X в. — Гнездово под Смоленском и Гульбище под Черниговом⁹. В последнем случае пять пар бляшек имели симметричный растительный орнамент. И уже дело фантазии художника-сказителя поместить на бляшках живые, чудесным образомдвигающиеся фигуры. Обратим внимание на то, что победу Дюку приносят в частности изображения змей. Среди украшений мужского древнерусского костюма XII—XIV вв. известны и так называемые «змеевики» — амулеты, в орнаментике которых значительное место занимали изображения змей («змеиное гнездо»). Исследователи считают, что в этом отразилось двоеверие¹⁰.

Таким образом, описание верхней одежды в былине о Дюке вполне соответствует известным древнерусским археологическим материалам и, очевидно, относится к первоначальному варианту былины. ✓

Этого нельзя сказать об обуви, которой в эпизоде «шапленья» также уделено значительное внимание. Остроносая обувь на высоком каблуке («носки шилом да и пята востра») — это мода XVI—XVII вв. Древнерусская обувь была на мягкой подошве, без каблуков. Носы довольно узкие, но не заостренные и не загнутые вверх¹¹. Если сапоги Чурилы соответствуют, как сказано, городской моде, более поздней, чем время создания былин, то украшенные драгоценными камнями «лапотки», в которых приходит Дюк, — типичная гипербола былины, ей нет и не может быть соответствия в реалиях. Можно только сказать, что вообще лапти в древней Руси, как и позже, были деревенской, а не городской обувью и ввел их в повествование, по всей вероятности, сказитель-крестьянин. Но нарядная кожаная обувь — сапоги, чоботы, поршни — бывала и ажурной, и расшитой цветными нитками, украшенной тиснением и бляшками. Находки ее при раскопках больших городов нередки.

Большой интерес представляет еще описание нарядной уличной толпы, когда горожане идут в церковь к обедне. И здесь, конечно, перед нами гипербола, стремление автора показать преимущества Галича над «провинциальным» Киевом. В Галиче служанка одета, как в Киеве — госпожа. Но вместе с тем сам характер описания позволяет увидеть картину городской жизни, живую и убедительную, хотя и лишенную каких-либо точных хронологических признаков.

Такая же картина городского быта, может быть даже несколько более обогащенная деталями, видна в новгородских былинах. Коснемся двух наиболее известных — былин о Василии Буслаевиче и о Садко.

Первая из них особенно интересна для нас тем, что сохранился ее ранний вариант, относящийся, по мнению исследователей, к XVII в. и записанный в конце XVIII в., почти на целое столетие раньше большинства русских былин¹².

Сюжетная основа древней былины не меняется в течение ряда столетий: в славном Великом Новгороде сын почтенных родителей Василий Буслаевич, войдя в возраст, отбил от рук, не слушается ни старой матери, ни почтенных «отцов города», чудит, набрал себе в дружину

⁹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА СССР. М. — Л., 1949, № 11, с. 37—39.

¹⁰ Там же, с. 57; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981, с. 65—69.

¹¹ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого. — МИА СССР. М., 1959, № 65, с. 210—214; Рабинович М. Г. Указ. раб., с. 106—109.

¹² Пересказ В. А. Левшина 1783 г. — В кн. Новгородские былины/Подготовили Смирнов Ю. И. и Смолицкий В. Г. (серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1978, прилож. I, с. 142—147.

сущих разбойников и вообще волнует весь город, покуда не «успокоится» в дальнем странствии.

Сравнивая тексты различных записей, мы видим, что древнейшие из них содержит больше деталей специфически новгородских. Так, если в поздних записях из собственно новгородской топонимики встречается лишь название главной реки — Волхова и знаменитого моста через нее — а улицы либо названы по реке — Волхова улица, по-видимому, заменившая Волхов мост («по той Волховой по улице») ¹³, либо вовсе никак не названы («на те вулицы широкие, и на те частыя переулочки») ¹⁴, то в записи XVIII в. не раз упомянута конкретная новгородская улица — Рогатица ¹⁵, переименованная лишь в советское время. Здесь можно наблюдать то же явление, о котором мы уже говорили: первоначально былина имела точные определения места действия (в том числе улицы Рогатицы). Исполнители XIX в. уже не знали новгородских улиц, и былина утратила древнее название Рогатицы. Также не вполне точны определения места и в других случаях.

Часто упоминается «Волхов мост» (в частности, как место составления) ¹⁶. Но такие, например, строки, как «у чудна креста, у жива моста у матушки реки Волхови», заставляют задуматься: новгородский мост по крайней мере с XII в. не был «живым» (т. е. составленным из плот, или судов). Он имел весьма современную для своего времени конструкцию со срубными быками, широким проезжим полотном и даже перилами ¹⁷. Быстрое, зачастую бурное течение Волхова вряд ли допускало сооружение длинного «живого» моста и в более раннее время. По всей вероятности, этот образ привнесен более поздним исполнителем, который видел «живые» мосты в сельской местности или вообще у небольшой реки. А в некоторых вариантах былины мост и вовсе не упоминается ¹⁸. Сказители иногда переносят место действия в Киев, даже в Москву, упоминают Днепр (Непре-реку), а то и Дунай ¹⁹.

Древний вариант былины довольно точно передает важнейшие черты социального и политического строя Новгородской республики, отражая их в конкретной бытовой обстановке города. Так, посадники новгородские собирают «большой совет» в теремах тайничких ²⁰. В XVIII в., когда был записан этот вариант былины, историкам еще не было известно о существовании в Новгороде правительственного совета или, как его иногда называли, «совета господ», в который входили все «старые» (т. е. отбывшие в этих выборных должностях свой срок) посадники и тысяцкие. Эта организация, возглавлявшаяся архиепископом — «владыкой» и фактически правившая Новгородской республикой, по понятным причинам не получила отражения в русских источниках, и только в 1860-х годах историк А. И. Никитский установил ее существование, пользуясь главным образом источниками иностранными ²¹. Между тем для создателя былины это была живая организация, которая должна была решать важнейшие вопросы жизни города и государства, в том числе и как быть с непокорным сыном боярина. Совет господ собирался в наиболее удаленном от народных масс месте — в Кремле, в особой палате — гриднице возле архиепископского дворца; видимо, ее разумеет автор под «теремами тайничкими».

¹³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Второе дополненное издание/Подготовили Евгеньева А. П. и Путилов Б. Н. (серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1977 (далее — Сборник Кирши Данилова), с. 51—52.

¹⁴ Новгородские былины, с. 6.

¹⁵ Там же, с. 142—147.

¹⁶ Там же, № 2.

¹⁷ См.: *Забелло С. Я.* Каргопольская экспедиция. — Архитектурное наследство, 1953, № 5, с. 14—16; *Рабинович М. Г.* Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси. — В кн.: *Средневековая Русь*. М.: Наука, 1976, с. 32—33.

¹⁸ Сборник Кирши Данилова, с. 48—54.

¹⁹ Новгородские былины, № 9, 17, 23 и др.

²⁰ Там же, с. 143—144.

²¹ *Никитский А. И.* Очерки из жизни Великого Новгорода. Ч. I. Правительственный совет. — Журн. Министерства народного просвещения, 1869 октябрь.

Интересно, что в древнейшем варианте былины упомянуты и более мелкие должностные лица — городские глашатаи — «биричи», которых Василий посылает «по всем улицам кликати целый день до вечера», приглашая новгородцев²². В более позднем варианте приглашение передается иначе — Василий пишет «ерлыки», которые рассылает «со слугой воей»²³. Между тем передача городских вестей через биричей, которым власти приказывают «кликать» о том-то и том-то на улицах и площадях города «не по один день», — общее место многих средневековых русских сточников²⁴. Неточность автора здесь в том, что биричи обычно исполняли указания городских властей, а не частных лиц. Но, допуская эту неточность, автор все же передал реальный городской обычай — объявления через глашатаев-биричей. Поздний исполнитель был, может быть, о-своему более точен, заменив городского глашатая боярской прислугой, передающей или разбрасывающей письменные приглашения, но думается все же, что эта редакция — прежде всего результат непонимания слова «биричь» и всей ситуации, обычной для средневекового города.

Весьма интересно упоминание в древнейшей редакции былины военной организации Новгорода. Оно сочетается с характерной для этого жанра гиперболой: против всего новгородского войска сражается одна лужанка бояр Буслаевых, действуя даже не оружием, а коромыслом, побивала девчонка тысячу, добивалась она до трех полков»²⁵. Можно одумать, что тысяча — это просто имя числительное, гипербола былины. Видимо, так полагали и позднейшие исполнители, говоря в этом месте, что тот или иной герой побивал «целу сотню ту... до пяти сот... до шести сот... целу тысячу»²⁶.

Между тем тысяча, полки и сотни — это вполне определенные древние военные подразделения. Тысячей (независимо от реальной численности) называлось на Руси до XIV в. все городское войско. В Новгороде тысяча сохранялась до XV в., она состояла из пяти полков (как сам Новгород — из пяти «концов»); возглавляли ее пять воевод. Полки делились на сотни²⁷. То, что девчонка, побивая по сотне, «добивалась до трех полков», можно понять так, что два полка она уже разбила. Так в этом обычном для былины гиперболическом эпизоде отразилась вполне реальная структура новгородского войска, которую исследователи выявили по другим источникам лишь около 40 лет тому назад. В позднейших текстах ни тысяча, ни полки не упоминаются. Названы, как мы сказали, лишь сотни, да и то как простое числительное.

Из известных уже новгородских республиканских порядков в древнейшем варианте былины отражен созыв народного собрания — веча: «на вече бьют в большой колокол»²⁸.

Вместе с этими специфически новгородскими чертами в былине о Василии Буслаевиче описан широко распространенный на Руси обычай братчины — устраиваемого в складчину пира, управляемого выборным старостой по строго регламентированному порядку. Интересно, что ни в одном из вариантов былины здесь нет новгородской специфики: братчина и в древнейшем варианте былины такая, как была повсюду. Может быть, именно это обстоятельство позволило позднейшим исполнителям обогатить сцену братчины новыми сочными, хотя и не всегда точными подробностями, взятыми из окружающей действительности. В разгар пира «начали уже ребята бороться, а в ином кругу в кулаки биться».

²² Новгородские былины, с. 144—145.

²³ Сборник Кирши Даниловой, с. 49.

²⁴ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978, с. 112—113.

²⁵ Новгородские былины, с. 144.

²⁶ Там же, (например, № 23, с. 117).

²⁷ Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры, вып. 30. М., 1949.

²⁸ Новгородские былины, с. 147.

А иной дурак зашел с носка ево по уху оплел»²⁹. Видимо, не было в костюю и возникновение драки на пиру³⁰: оно предусматривалось законодательством, устанавливавшим, в частности, что явившийся на братчину без приглашения сам отвечает за свою жизнь³¹. Одним явлением во многих русских городах и в некоторых деревнях в начале нынешнего столетия были и кулачные бои, тоже со своими строгими правилами. В частности, запрещался определенный прием «заходить с носка».

Подчеркнут и коллективный характер пира, складчина. Однако, заметил еще Н. И. Костомаров, в былинах, записанных в XIX в., не риторика не о древнейшей форме складчины натурой (продуктами «ссып»), а о позднейшей, денежной ее форме, причем утрачен и принцип равенства всех членов братчины: Василий дает за себя взнос вдесятеро больше, чем за своих дружинников³². Добавим, что в древнейшем дошедшем до нас варианте вообще нет речи о складчине, но этот мотив мог присутствовать в каких-то других, не сохранившихся древних вариантах.

Интересно и встречающееся в поздних вариантах былины описание принципа обложения новгородцев данью в пользу победителя: «с хлебников — по хлебику, с калачников — по калачику, с молодежи — повенное, с девиц — повалешное, со всех людей ремесленных опричь попов и дьяконов»³³.

Можно понять, что в представлении сказителя в прошлом веке братчина и кулачный бой были обычны, но вместе с тем некоторые древние детали путались: например, случайно возникшая драка с традиционным кулачным боем. Говоря о налоге, сказитель употребляет старые названия профессий — хлебники, калачники, которые лишь с середины XIX стали заменяться более общим названием «булочник»³⁴.

В былине о Василии Буслаевиче есть и бытовые подробности, рисующие жизнь богатого средневекового городского дома. Василий с матерью живут в белокаменном дворце с глубокими погребями, высоким теремом и широкими воротами (эти ворота потом «выбивают из пяты», что характеризует определенную конструкцию — полотнища ворот навешены на петлях, а поворачиваются на оси, укрепленной в каменной «пяте»). Домашняя утварь добротная — чаны и ведра из дубовых клепок, из мебели назван «ременчатый стул» (видимо, с плетеным кожаным сиденьем)³⁵.

Но главное — это картина новгородской общественной жизни примерно XIV—XV вв., когда в Новгороде усиливается влияние бояр, набирающих полуразбойничьи дружины, нередко вступавшие в резкий конфликт с городскими порядками. Это — время походов знаменитых ушкуйников, богатое событиями, подчас трагическими³⁶. Мнение о Василе Буслаеве как представителе городских низов подтверждения пока не получило.

В былинах о Василии Буслаевиче и о Дюке ясно выступает одна важная особенность городской семьи: относительно высокое положение женщины-вдовы даже при взрослом сыне; и Дюк и Василий Буслаевич покорны своим матерям (впрочем, до известного предела), а все персонажи былины, кому приходится столкнуться с матерью Дюка или матерью Василия, чрезвычайно к ним почтительны. Относительно Новгорода это отмечал еще Н. И. Костомаров. Нам уже случалось писать, что

²⁹ Там же, с. 7.

³⁰ Липец Р. С. Указ. раб., с. 274.

³¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 138—139.

³² Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. Т. II. СПб., 1863, с. 131.

³³ Сборник Кирши Данилова, с. 53.

³⁴ См. «и хлебник, немец аккуратный» (Пушкин А. С. Евгений Онегин, гл. первая, XXXV).

³⁵ Новгородские былины, с. 142—147, 49.

³⁶ Костомаров Н. И. Указ. раб., т. II, с. 144—145; Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска. — Научн. докл. высш. школы. Ист. науки, 1960, № 3.

вообще в городской семье в XVII — начале XVIII в. главой нередко была мать-вдова; у обедневших посадских таких семей бывало и до 37.

Общественный быт Новгорода характеризует и былина о Садко (Садке в произношении сказителя). Для города типичен сам ее сюжет. Наемный музыкант-гуслир чудом разбогател и, что называется, «задрал было нос», похвалившись скупить на торгу все товары. Он «поставлен на место», едет в дальние края, попадает к морскому царю, но и здесь находит заступников и кончает свои дни почтенным богатым горожанином.

Уже само положение Садко до того, как он стал «богатым гостем», — его незавидная роль гуслира, зарабатывавшего игрой на пирах, — обычно для большого города, где много богатых людей. Шумный обильный городской торг с его лавками, где не иссякают товары, — тоже образ, характерный для Новгорода. Разбогатевший Садко с помощью своей дружины два дня выкупает все товары. Но широки торговые связи Новгорода — и на третий день, оказывается, «втроене товаров принавезено. Подоспели товары московские». И заносчивый нувориш вынужден признать: «Не выкупить товара со всего бела света: еще выкуплю товары московские, подоспеют товары заморские. Не я, видно, купец богат новгородский, побогаче меня славный Новгород»³⁸.

Другая характерная для больших городов черта — строительство каменных церквей в благодарность, например за чудесное избавление от опасности. Благополучно выйдя из подводного царства, Садко ставит в Новгороде церковь Николе Можайскому³⁹.

Это место сопоставляют обычно с летописным известием о строительстве неким Сотко Сытиничем в 1167 г. церкви в Новгороде⁴⁰. Возможно, что созвучие имени не случайно, что прототипом былинного героя был реальный новгородец XII в. Но обращает на себя внимание несовпадение названия церквей. Здесь можно увидеть естественное для позднейших исполнителей былины стремление назвать церковь так, как называл бы купец в их время: церкви Николая Можайского стали популярны уже после возвышения Москвы. Для XII в. более характерно было приведенное в летописи наименование церкви во имя первых русских святых — Бориса и Глеба.

Вероятно, с многократной передачей былины из уст в уста связана и имеющаяся в ней неточность в описании торга: Садко «распушал дружину по улицам торговым, а сам-то прямо шел в гостинный ряд»⁴¹. Для древнерусского города характерны не «торговые улицы», а сосредоточение торговли на торгу — торговой площади, где стояли все лавки и гостинные двory для приезжих купцов (в крупном городе таких торгов могло быть несколько). Торговля в купеческих домах и как следствие этого образование торговых улиц относятся уже к XVIII в.⁴² Сказитель знал, что на торгу есть специализированные (как мы бы сейчас сказали) ряды. Но «гостиного ряда» не могло быть. Были гостинные двory⁴³. Так, в этой былине можно увидеть и древнейшее ядро, восходящее едва ли не к XII в., и позднейшие наслоения.

Мы рассмотрели три важнейших былины, тесно связанные с древнерусским городом. Каждая по-своему, они дают художественные образы городской жизни. Здесь и княжеский пир, и новгородская братчина, и торг, и обычай «показать себя» у обедни в патрональной или приходской церкви, и кулачные бои, и церковное строительство, и городское хозяйство.

³⁷ Костомаров Н. И. Указ. раб., с. 135; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 186.

³⁸ Новгородские былины № 27, с. 151.

³⁹ Там же, с. 156.

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, с. 32, 181, 219.

⁴¹ Новгородские былины, с. 151.

⁴² Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 41.

⁴³ Там же, с. 104—105, 108, 109.

✓ Былины содержат множество сведений о военной и гражданской организации города, о городских нравах и обычаях, об одежде, утвари горожан.

Из изложенного видно, что при должной научной критике можно пользоваться былинами как важным историческим источником, что анализ текста позволяет выделить древнейшее ядро былин и позднейшие слоения. ✓

✓ Научная критика былин является основной задачей дальнейшего исследования. Здесь лишь намечены некоторые направления этой работы для историков. Не в последнюю очередь необходим тщательный текстологический анализ былин, сравнение их вариантов, выявление редакций — работа, которая успешно ведется фольклористами.

Сопоставление былин с письменными источниками и археологическими материалами позволит ввести былинами в круг первоисточников по истории нашей страны. Источник этот выгодно отличается постоянно присутствующий в нем художественный образ. ✓

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
кандидата биологических наук
НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА РОЗОВА
[к 90-летию со дня рождения]**

Народная техника гончарного производства в Тверской губернии. По материалам Верхневолжской экспедиции Академии материальной культуры. Тверь, 1926. 20 с.

Работы Ленинградской этнологической экспедиции 1926 г. среди вепсов Лодейнопольского уезда.—Тр. Ленингр. общества изучения местного края. Т. I. Л., 1927, с. 149—158.

Население дер. Шокшозеро (Ленинградская область, Винницкий район).—Изв. Государственного географического общества, 1931, т. 63, вып. 2—3, с. 160—188.

Гимнастика после работы в формовочном цеху фабрики «Красное Знамя».—В кн.: Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры. Сб. трудов, т. II. М.—Л., 1936, с. 153—193 (в соавт. с Беленьким Н. Л., Буровой К. В., Коссовской Э. Б. и др.).

Антропологическая работа в городе Томске.—Антрополог. журн., 1936, № 4, с. 479.

Череп из курганов Басандайки.—Тр. Томского государственного университета, т. 98. Томск, 1947, с. 175—181.

Антропологическая работа в Томске.—Сов. этнография, 1949, № 2, с. 187—188.

Наука и религия о происхождении человека. Томск, 1952. 32 с.

Материалы по краниологии чулымцев и селькупов.—Антрополог. сб., I (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXIII). М., 1956, с. 340—373.

Антропологические материалы из неолитического Кузнецкого могильника.—Тр. Томского государственного университета, т. 133 (матер. Западно-Сибирской комиссии по изучению четвертичного периода при Томском университете, вып. I). Томск, 1956, с. 193—203.

К вопросу о древнейшем населении Западной Сибири и его происхождении.—Тр. Томского областного краеведческого музея, т. 5. Томск, 1956, с. 345—350.

Антропологические типы Сибири.—В кн.: Доклады VII научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957, с. 12—13.

Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов).—Уч. зап. Томского государственного университета, 1958, № 32, с. 144—151.

Миграции древнего населения в Западной Сибири и внешняя среда.—Доклады совещ. по общим вопросам столетию дарвинизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1959, с. 298—303.

Итоги и задачи антропологических исследований в Западной Сибири.—В кн.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959, с. 32—33.

Антропологические исследования в Западной Сибири.—Тр. Томского государственного университета, т. 148. Сер. биол. Томск, 1960, с. 191—205.

Материалы по антропологии населения Причумылья.—Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока досоветского периода. Тез. докл. и сообщ. Иркутск, 1960, с. 44—45.

Охрана природы и археологическая наука.—В кн.: Вопросы охраны природы Западной Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1960 (в соавт. с Матюшенко В. И.).

Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири.— Труды антропологии, 1961, вып. 6, с. 71—91.

Материалы по антропологии населения Причулымья.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Тр. конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 387—396.

Биологическая основа внутривидовых отношений человека.— В кн.: Проблемы внутривидовых отношений организмов. Матер. к совещ. по проблемам внутривидовых отношений организмов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962, с. 204—207.

Сто лет русской антропологии.— В кн.: Доклады зоологического совещания, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Дмитриевича Рязанского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964, с. 267—270.

Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э.— Советская археология, 1966, № 5, с. 125—131 (в соавт. с Дремовым В. А.).

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА НА V МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С 11 по 16 сентября 1984 г. в Белграде состоялся очередной V Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Общее руководство исследованиями в этой области осуществляет Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ), созданная в 1963 г. Конгрессы созываются раз в четыре — пять лет поочередно в одной из стран Балканского полуострова. Первый состоялся в 1966 г. в Болгарии, последующие — в 1970 г. (Греция), в 1974 г. (Румыния), в 1979 г. (Турция).

В Белградском конгрессе приняли участие около 700 историков, этнографов, археологов, искусствоведов, фольклористов из 27 стран Европы, Америки, Азии, работали семь секций и восемь «круглых столов».

На пленарном заседании было прочтено несколько обобщающих докладов, из которых следует отметить выступления А. Бенаца (СФРЮ) «Связи между Северо-Восточными Балканами Дунайского бассейна и Центральной Европой в доисторический период», М. Гарашанина (СФРЮ) «Юго-Восточная Европа и Центральная Европа в доисторическую эпоху», А. Л. Нарочницкого (СССР) «Юго-Восточная Европа и ее отношения с другими странами (новое время)», П. Запоса (Греция) «Официальное и народное право в странах Юго-Восточной Европы».

Секция «Фольклор и этнография» рассматривала итоги исследований по нескольким научным направлениям: этнографии, фольклористике, музыковедению, хореографии. Согласно программе, все доклады этой секции были разделены на три группы: «Задачи изучения культурной и социальной антропологии: проблемы и специфические элементы», «Мелос и народные танцы в странах Юго-Восточной Европы», «Фольклор народов Юго-Восточной Европы между прошлым и настоящим».

Следует отметить секционные выступления, затрагивающие некоторые общие проблемы культуры народов Балкан. К ним можно отнести сообщения Б. Гунда (ВНР) «Проблемы культурных ареалов на Балканском полуострове». Докладчик отметил, что современные этнокультурные зоны Балкан восходят к выявленным в свое время И. Цвинчем средневековым культурным ареалам — сербскому, валахскому, византийскому, однако сейчас они более многочисленны.

С большим интересом был встречен доклад П. Влаховича (СФРЮ) об этническом плюрализме балканских народов. Этнический субстрат современных балканских народов, по мнению П. Влаховича, составили последовательно пелазги, иллирийцы, фракийцы, эллины. Дальнейшее возрастание численности этносов было связано с процессом романизации, появлением на Балканах славян, а затем туркских и монгольских народов. П. Влахович также представил обобщенную антропологическую классификацию населения изучаемого региона. Наиболее распространенный тип — средиземноморский, бытующий на западном побережье Черного моря и на средиземноморском побережье. Разновидностью этого типа является динарский, распространенный, согласно мнению докладчика, в Карпатах и в Северном Причерноморье.

Ряд сообщений был посвящен различным аспектам традиционной материальной культуры. Анализируя материалы для подготовки этнологического Атласа Европы, Б. Братанич (СФРЮ) пришел к выводу, что в отдельных областях Центральных Балкан, Передней Азии и Скандинавии в XIX в. был распространен один и тот же характерный тип сохи без отвала, отличающийся от прочих не только своим видом, но и особенностями конструкции составных частей. Б. Братанич подчеркнул, что области, в которых получил распространение данный тип сохи, географически отдалены друг от друга, отличались между собой в языковом отношении и не имели прямых историче-

ских контактов. По мнению докладчика, генезис этого явления невозможно установить путем обычного сравнительного исследования; необходимо выявить первоначальную форму, из которой мог произойти данный тип сохи.

Г. Шуберт (ФРГ) проанализировала символику возрастного и социального статуса, отраженную в народной одежде, на примере цвета ткани, украшений, типов уборов и других атрибутов.

В докладе В. С. Зеленчука (СССР) рассматривался балканский субтип традиционной народной одежды восточнороманских народов.

Методологические вопросы изучения болгарской традиционной материальной культуры были затронуты Г. Михайловой (НРБ), подчеркнувшей необходимость углубленного изучения связи материальной культуры с этническим сознанием и как фактором исторической памяти, а также роли традиционной материальной культуры как функционирующего элемента духовной культуры.

С. Генчев (НРБ) в своем выступлении охватил основные проблемы, решаемые исследователями болгарской традиционной духовной культуры, подчеркнув значение духовной народной культуры на разных этапах развития этноса — на уровне народности и нации. Один из разделов доклада был посвящен вопросам этнопсихологии. В решении этой задачи большую роль играет исследование связи духовной культуры с этническим самосознанием. Докладчик отметил отсутствие разработанной методики исследования проблем этнопсихологии и необходимость в связи с этим выявления внутренней структуры этнического самосознания.

А. Лопастец (Великобритания) исследовал и сравнил обычай кровной мести в Восточном Средиземноморье (Сардиния, Корсика) и на Балканах (Черногория, Албания), охарактеризовав кровную месть как элемент социальных отношений со специфическим способом разрешения конфликтов. Подобные традиционные правовые нормы были характерны для небольших групп населения, живущих в относительной изоляции.

По сравнению с предыдущими конгрессами на последнем было представлено больше докладов по этносоциологии. Как правило, социологические методы нашли особенно широкое применение при изучении семьи, общественных отношений в городе и селе, изучении взаимодействия этнических групп. Эти и другие вопросы нашли отражение в выступлениях В. Чулиновича-Константиновича (СФРЮ), Р. Уитэйкера, С. Бека, К. Вэрдери, А. Симича, Дж. Гальпе (США).

Большая группа сообщений была посвящена традиционной обрядности и устному народному творчеству. Б. Чупурдия (СФРЮ) в сообщении «Марксистский подход к антропологическому исследованию шаманизма в сербской традиционной культуре» предложил свою трактовку обряда «русалий» как одного из проявлений шаманизма широко понимаемого им как комплекс обрядовых действий. Б. Пешев (СФРЮ) рассмотрел роль порога в обычаях и поверьях народов Югославии. Дж. Перковски (США) на основе македонских легенд сделал попытку выявить происхождение верований о вампирах.

Т. Живков (НРБ) сосредоточил свое внимание на проблемах современной болгарской фольклористики. Он проанализировал особенности болгарской фольклористической школы и охарактеризовал современные концепции и методологию сравнительного изучения фольклора балканских народов.

В представленных конгрессу исследованиях фольклористов использовались новые методы анализа материала с выявлением социальной топонимики текстов. В этом плане представляет интерес доклад Л. Раденковича (СФРЮ) «Место изгнания нечистой силы в заговорной традиции славяно-балканского ареала». Автор обратился к семантике заговорных формул, обозначающих место, куда изгоняется «нечистая сила». В качестве мест, куда при помощи заговора «направляется» болезнь, у южных славян выступают гора, скала, море, у восточных — лес, болото. Все эти топонимы, по мнению Л. Раденковича, означают вход в подземный мир.

В докладах Д. Антониевича, Д. Риньяка, Р. Лазича, М. Масиловича (СФРЮ), Д. Буркхарт (ФРГ), Дж. Шеффлер (США) рассматривались различные аспекты развития и бытования народной драмы — ее генезис, сюжеты, маски. Ряд выступлений был посвящен народной музыке и танцам.

После завершения работы секций состоялись заседания «круглых столов». Среди тем, предложенных для дискуссии, можно выделить такие, как «Юго-Восточная Европа в доисторическую эпоху и античный период», «Проблемы исторической демографии в состоянии исследований», «Горное дело в средние века в Юго-Восточной Европе».

«проблемы доисторической антропологии в странах Юго-Восточной Европы», «Работство и зависимый труд в XII—XV вв. в Юго-Восточной Европе».

Можно отметить, что многие доклады были посвящены проблемам славистики. Их авторы стремились использовать новые подходы в изучении традиционной тематики, выявить соотношение между элементами и структурами изучаемых моделей культуры, определить характерные черты общепалканского культурного фонда, вошедшего в традиционную культуру народов Юго-Восточной Европы.

Исследователи уделили много внимания оценке эволюции народной культуры и ее содержания в разные исторические эпохи. Участники дискуссии отметили «спиралевидный характер» развития народной культуры, при котором на каждом новом этапе общественного развития она обогащается инновациями, сохраняя традиционные этнические структуры.

Для советских участников конгресса была организована поездка по стране с целью ознакомления с памятниками истории и культуры, включавшая посещение городов Сараево, Трогир, Сплит, Опатия, Риека, Загреб.

В. С. Зеленчук

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ МИРА ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ СОЮЗЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Впервые после создания Комиссии по изучению проблем мира на XI МКАЭН в 1983 г. в Ванкувере члены ее совета собрались в Москве 19—25 августа 1985 г. Программа встречи включала, помимо обсуждения организационных вопросов, рассмотрение темы «Этнография и взаимопонимание между народами». Открывая рабочее заседание, советский сопредседатель Комиссии В. А. Тишков сказал о том, что ученые-гуманитарии как наиболее просвещенная часть общечеловечности и особенно представители науки, которая изучает историю, культуру и образ жизни народов, яснее и глубже других понимают, какими ценностями обладают народы, живущие ныне на земле и что может потерять человечество в случае мирового ядерного пожара. По-разному можно изучать проблемы мира, но главный вопрос для этнографов — по-видимому, тот, который определен темой дискуссии, — взаимопонимание народов, характер и закономерности мирных взаимоотношений, проблема культурных и прочих барьеров, стоящих на пути мирных контактов и ведущих к отчуждению, враждебности и конфликтам.

Участие в обсуждении специалистов в разных областях антропологии (этнографии) и широта диапазона представленных тем давали возможность найти новые подходы, новые идеи и теоретические положения именно на пути междисциплинарного изучения проблем мира.

Академик Ю. В. Бромлей в своем докладе подчеркнул, что в современной ситуации такое важнейшее условие существования человеческого общества, как обеспечение мира, может быть реализовано только в результате целенаправленных антивоенных, миролюбивых действий народов, классов, партий и отдельных личностей, и здесь антропологи, этнологи всего мира призваны внести свой весомый вклад, способствуя расширению взаимопонимания народов и тем самым сохранению мира во всем мире — в этих словах обобщена цель и программа деятельности Комиссии¹. В той или иной форме такая же озабоченность, такое же искреннее стремление принести пользу делу мира прозвучали во всех докладах и выступлениях участников заседания.

Знакомя слушателей со своей работой, ученые продемонстрировали и теоретические возможности этнографии, и конкретные результаты применения методов нашей науки к исследованию проблем мира и войны.

М. Фостер (США) в докладе «Кросс-культурные подходы к проблемам мира и войны» показала плодотворность использования в теоретической работе известных культурных универсалий, таких, например, как культурный холизм, т. е. интегрированность социальных институтов и соответствующих идеологий и верований во взаимосвязанные системы, для которых характерно стремление к постоянству и сопротивлению изменениям. По мнению М. Фостер, одна из основных исследовательских задач

¹ См. опубликованную в этом же номере журнала статью Ю. В. Бромлея «Этнография и взаимопонимание народов», написанную на основании этого доклада.

этнографов состоит в выявлении скрытых факторов этнокультурного характера, способствующих возникновению войн и конфликтов, поскольку объяснение и осознание этих факторов ослабляет их вредоносное действие.

В докладе А. Робек (ЧССР) «Этнические процессы и вопросы войны и мира на примере истории Чехии в составе Австро-Венгерской империи» показана взаимосвязь социально-экономических и этнических процессов и в частности появления национального самосознания у поработанных и националистической идеологии у господствующих народов. А. Робек подчеркнул, что в пропаганде войны нередко используются аргументы этнического характера и необходимо изучать механизмы образования и внедрения в сознание этнических стереотипов, чтобы противодействовать распространению националистических, расистских и фашистских взглядов.

Из множества работ американских антропологов, посвященных проблемам войны и мира, Р. Рубинштейн (США) в обзоре литературы — «Некоторые темы американской антропологической литературы, посвященной войне и миру» выделил несколько тем, связанных с изучением вопросов принятия решений в сфере международных отношений, ведения переговоров и выработки внешней политики. Антропологи критикуют, например, узость понимания политиками конфликтных ситуаций. Имеется в виду анализ конфликта только в плане «затрат и прибылей», технической оснащенности, количества вооружения у каждой стороны и полное игнорирование того неопровержимого факта, что причины и формы конфликтов обусловлены социальным и культурным контекстом, который надо хорошо знать (и тут этнологи незаменимы) для успешного преодоления конфликтного положения. Поскольку политические факторы, по-видимому, играют не меньшую роль, нежели социально-экономические, «в создании, сохранении и прекращении периодов мира» (слова докладчика), представляется также важным проанализировать политику обществ, никогда не вступающих в военные отношения с другими обществами.

П. Уорсли (Великобритания) посвятил доклад проблемам конфликтов и войн в развивающихся странах и между ними и отношению последних к вопросу мировой ядерной войны. Для народов этих стран, занятых борьбой за элементарные человеческие права и подъем своего жизненного уровня, характерно, по мнению П. Уорсли, отношение к проблеме ядерной войны как к чему-то абстрактному и, в общем, второстепенному. Однако в ряде развивающихся стран ведутся научные исследования, которые вскоре позволят им производить ядерное оружие. Имеющееся у них современное неядерное оружие используется в войнах между самими этими странами, но локальные конфликты включают в себе большую опасность, так как в них могут быть вовлечены другие страны. П. Уорсли критикует тенденцию некоторых антропологов рассматривать конфликты в развивающихся странах только с точки зрения этничности. Хотя межэтнические конфликты нередки, но чаще здесь имеет место борьба классов и борьба за национальную независимость.

Доклад Дж. Силверберга (США) выявил еще одну важную задачу антропологов в изучении проблем мира — критический анализ научных теорий, которые прямо или косвенно могут быть использованы реакционными общественными силами для оправдания войны. В докладе речь шла о социобиологии, претендующей на объяснение биологических основ социального поведения человека. Согласно социобиологической теории, основной целью деятельности индивидуумов является «максимизирование репродуктивного успеха». Соревнование в добыче пищи, партнеров, жизненных удобств и т. п. считается неизбежным, а естественный отбор начинается на уровне генов как «истинных репликаторов», стремящихся произвести как можно большее число своих повторений. В духе идеи репродуктивного успеха как доминанты поведения объясняются и «альтруистические» действия индивидуумов, направленные на благо группы (которое опять-таки понимается как большая возможность размножения), прежде всего родственной, и доказывается их эгоистическая природа, так как успех родственника увеличивает возможность повторения общих генов в следующем поколении. Отсюда внимание социобиологов к таким темам, как социальная роль полов, соревнование родителей и детей, nepотизм, внутри- и межгрупповая агрессия и биологическая основа этноцентризма, ксенофобии и т. д.

Все эти темы имеют отношение к взаимопониманию между людьми. Однако далеко не все выводы социобиологии, считает докладчик, справедливы и потому не могут быть приложимыми к такому сложному явлению как социальное поведение человека. Так, «генетический детерминизм» сбрасывает со счетов, например, такую важную особенность социального поведения человека, как раннее усвоение и поддержание общест-

жизни традиции, смешивает генетически predetermined способностей к обучению с научным социальным поведением. Когда выводы научно несостоятельны, последствия их использования могут оказаться чудовищными, если они берутся на вооружение идеологами национализма, расизма и природного неравенства людей. А именно это происходит в настоящее время в ряде стран Европы и Америки: расовые предрассудки, антисемитизм, милитаризм получают в руках неонацистов и крайне правых политиков законное право на существование, поскольку основания для этих чувств, как доказывает социобиология, заложены в человеке генетически. Вот почему, утверждает Л. Силверберг, так необходим критический анализ теорий, подобных социобиологии, не только с этической и политической, но и с чисто научной точки зрения.

Д. Трайде (ГДР) на африканском материале показал, какую роль в развитии мирных или немирных отношений играет существование этнических стереотипов, что еще раз продемонстрировало необходимость правильной оценки и изучения этого явления и учета его в процессе налаживания отношений с другими народами.

Доклад Р. Н. Исмагиловой (СССР) также был посвящен Африке — континенту, где происходят сложные процессы этнической интеграции, принимающие различный характер в зависимости от политики правительств соответствующих стран. Очень важно для государства уважительно относиться к этническим различиям — это плачивает народы, способствует образованию этнополитических общностей и уменьшает возможность конфликтов и войн.

Обсуждение докладов выявило несколько тем, оказавшихся наиболее интересными для участников дискуссии. А. О. Чубарьян (СССР) подчеркнул значение проблемы как объекта международных исследований междисциплинарного характера и отметил темы для параллельных или совместных разработок. Гуманитариям разных стран нужно объединиться и показать преимущества мира для прогресса человечества, реализовав для этой цели огромный потенциал общественных наук.

И. С. Кон (СССР) привлек внимание присутствующих к проблеме этнических стереотипов, выделив психологический аспект механизма возникновения и живучести стереотипов мышления. Этнические стереотипы, для изучения которых необходимо знание когнитивной психологии, могут стать объектом совместных междисциплинарных исследований зарубежных и советских ученых, уже добившихся нетривиальных результатов в этой области. И. С. Кон указал и важнейшую сферу практического применения результатов работы психологов — педагогику, воспитание подрастающего поколения и рослых в духе миролюбия.

С. Я. Серов (СССР) призвал больше учитывать психологическую сторону формирования и функционирования стереотипов мышления и не абсолютизировать необходимость разрушения этнических стереотипов. В конечном счете, необходимо создание таких общественных условий, которые способствовали бы позитивному восприятию нациями друг друга.

К. Шарма (Индия), говоря о влиянии исторических, политических и демографических факторов на выработку стереотипного отношения к представителям того или иного этноса, привел в пример положение индийцев в разных странах Карибского региона. Он заметил, что и этнографам этноцентризм нередко мешает честно исполнять свой долг — способствовать взаимопониманию людей.

А. Барта (ВНР) призвал антропологов увеличить усилия и помочь решению реальных проблем, возникающих во взаимоотношениях между людьми, преодолению непонимания этнических стереотипов, затрудняющих нынешние активные международные контакты. А. Барта предложил антропологам (этнологам) в связи с идеей, высказанной в докладе Ю. В. Бромлея, создать своего рода неотложную антропологическую службу, выработать некий «теоретический минимум», который лег бы в основу правил поведения в международных отношениях.

В дискуссии выступили также Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Тишков, И. Пучков и другие.

На рабочем совещании совета Комиссии обсуждались вопросы практической деятельности. Были введены в совет новые члены — представители социалистических стран А. Робек (ЧССР) и Д. Трайде (ГДР). Внесено предложение о создании национальных групп этнологов и антропологов, чья деятельность координировала бы Комиссия по проблемам мира при МСАЭН. Обсуждался вопрос о проведении ряда симпозиумов по проблемам мира в рамках международных конгрессов и конференций. Было принято решение предложить Исполкому МСАЭН во время заседания II Интеркон-

пресса в Александрии (январь, 1986 г.) для очередного XI МКАЭН в Загребе [с девиз — «Этнография и мир».

Члены организационного совета посетили Институт Африки АН СССР, гдекомились с советскими учеными-африканистами и, кроме того, провели заседание, на котором проинформировали друг друга о ведущихся в соответствующих странах работах по проблемам мира. На встрече с представителями Советского комитета мира завязалась оживленная дискуссия, в ходе которой обнаружилось расхождение в мнениях по некоторым вопросам между западными учеными и представителями советской общественности, что, однако, не нарушило взаимопонимания и дружелюбной атмосферы, царивших во время всей работы комиссии в Москве. Оценивая работу комиссии по изучению проблем мира, можно с уверенностью констатировать ее успех и готовность этнографов трудиться ради общей цели — искоренения установления мира и взаимопонимания между народами.

Н. Н. Куз

КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ПРИБАЛТИ

7—11 июня 1985 г. в Стокгольме (Швеция) состоялась VIII конференция по прибалтийским исследованиям. Подобные конференции собираются раз в 2 года и организуются Центром прибалтийских исследований Стокгольмского университета и Финляндским прибалтийским институтом. На этот раз конференция была посвящена фольклору и народной культуре Прибалтики. В ее организации активное участие приняла шведская Королевская музыкальная академия, ведущая этномузыковедческие исследования. По замыслу организаторов основная часть докладов должна была быть посвящена двум выдающимся событиям 1985 года — 150-летию со дня рождения крупнейшего собирателя и издателя латышского фольклора К. Барона и 150-летию всемирно известного карело-финского эпоса «Калевала». Поэтому от СССР получили приглашение участвовать в работе конференции представители научных учреждений не только Прибалтийских республик, но также Карелии и Ленинграда.

Конференции, которые организуют шведские научные центры по изучению истории языков и культуры народов Прибалтики, давно уже приобрели международный характер и значение. В VIII конференции приняли участие более 110 ученых из 17 стран. Советский Союз был представлен 24 делегатами — фольклористами, этнографами, лингвистами, литературоведами, историками, философами, экономистами. Среди них эстонские этнограф А. Вийрес и фольклористы И. Рюйтель и Ю. Тедре, латышский литературовед В. Хаусманис и фольклористка Я. Дарбининце, карельский литературовед Э. Карху.

Конференция открылась пленарным заседанием. После официальных приветствий от шведского правительства, ректората Стокгольмского университета и руководства Королевской музыкальной академии были прочитаны доклады: В. Викис-Фредбергс (Квебек, Канада) «Деятельность К. Барона и ее значение для латышской культуры», В. Хаусманис (Рига) — «Фольклор и латышский театр», Ф. Ойвин (Индиана, США) — «„Калевала“ и „Калевипозг“», И. Рюйтель (Таллин) — «Проблема формы поздней эстонской народной песни», Р. Шильбайорнс (Огайо, США) — «Фольклорный подтекст современной литовской поэзии». В этот же день были открыты выставки, посвященные К. Барону и «Калевале». В них подготовили участие учреждения академий наук Латвии и Эстонии и Союз писателей Латвии.

В последующие дни работали четыре секции — «Фольклор народов Прибалтики», «Народная культура Прибалтики», «Музыка народов Прибалтики» и так называемая «Свободная секция». Так как в этой секции не читались доклады на этнографические и фольклористические темы, мы предложим в дальнейшем информацию преимущественно о первых трех секциях. Подавляющее большинство докладов на них было посвящено латышскому фольклору, истории латышской фольклористики (особенно деятельности К. Барона) и воздействию латышского фольклора на профессиональную литературу и искусство. В докладе Я. Дарбининце (Рига) «Деятельность К. Барона и академические издания латышских песен» рассматривались историографические, эдиционно-текстологические проблемы, связанные с подготовкой современного фундаментального издания дайн. Доклад Б. Ф. Инфантьева (Рига) назывался — «К. Барон и его связи с научными организациями и учреждениями Москвы и Петербурга».

Проблемы изучения языка дайн подверглись обстоятельному анализу в докладах Э. Эккерта (Берлин, ГДР) «Лексика и фразеология из района Владимирай (на материале дайн из собрания К. Барона)» и Б. Кангере (Стокгольм) «Синтаксические проблемы дайн».

Живое внимание участников конференции привлек доклад К. Фрейбергса (Квебек и Монреаль, Канада). В нем излагалась программа компьютерной обработки ловаля дайн, которая должна лечь в основу совместного канадско-советского исследовательского проекта. При этом канадская сторона предполагает взять на себя обработку текстов, содержащихся в классическом собрании К. Барона, а Академия наук Латвийской ССР — обработку записей, хранящихся в фольклорном архиве Института литературы в Риге.

Следует также отметить доклад А. Эйхе (Стокгольм) «Вербальная структура латышских сказок из сборника „Dzūkstes pasakas“, представлявший собой опыт применения метода В. Я. Проппа к латышским сказкам».

Значительное число докладов было посвящено анализу роли латышской фольклорной, особенно песенной традиции в развитии профессиональной культуры. Это дало возможность участвовать в обсуждении основных тем конференции литературоведам, писателям, искусствоведам, театроведам, музыковедам и историкам культуры. Так, были рассмотрены проблемы воздействия фольклора на классическую и современную латышскую поэзию (доклады Т. Илвеса — Мюнхен, ФРГ; С. Внеше, И. Аузиньша — Рига, и др.), художественную прозу (Я. Калниньш — Рига; А. Приедите — Стокгольм, и др.), драматургию (В. Хаусманис — Рига; А. Грасис — Бонн, ФРГ, и др.), профессиональную музыку (И. Дункеле, М. Ерсильд, Г. Ларсон — все Стокгольм, и др.) и скульптуру (Ю. Тарс — Стокгольм, и др.), детскую литературу (М. Мисиня — Рига).

Кроме того, в связи с юбилеем К. Барона в дни, предшествовавшие конференции (3–6 июня), состоялся рабочий симпозиум, организованный Стокгольмским университетом под руководством профессора этого университета В. Руке-Дравиня. Его участники осуществили опыт коллективного аналитического чтения и комментирования (лингвистического и этнографического) дайн из сборника К. Барона.

Таким образом, деятельность К. Барона и связанные с ней проблемы латышского фольклора, литературы и искусства были рассмотрены многосторонне и обстоятельно. Латышские фольклористы и литературоведы сумели продемонстрировать свои достижения и достижения культуры республики¹.

Вторая юбилейная тема — 150-летие «Калевалы» прозвучала на конференции относительно более скромно². Было прочитано пять докладов, посвященных «Калевале»: Э. Карху (Петрозаводск) — «„Калевала“ и некоторые проблемы ее изучения», Ф. Ойнас (Индиана, США) — «„Калевала“ и „Калевипоэг“», К. В. Чистов (Ленинград) — «„Калевала“ в России», Х. Ярв (Стокгольм) — «Миф о Сампо: к проблемам изучения „Калевалы“», Л. Бекман (Стокгольм) — «Дети солнца. Саамский эпос в сопоставлении с „Калевалой“ и Э. Уолтон (Миннесота, США) — «Четыре фрески А. Галлен-Каллела на темы „Калевалы“ в финском павильоне Парижской международной выставки 1900 г.». Споры вызвал доклад Х. Ярва. Известно, что в финской и мировой фольклористике предлагается не один десяток проблематичных интерпретаций Сампо. Доклад Х. Ярва, к сожалению, не прибавил к ним ничего нового и существенного.

В составе советской делегации была значительная группа ученых из Эстонии. Именно это обеспечило довольно активное обсуждение проблем эстонского фольклора, этнографии и этносоциологии. Мы уже упоминали о докладе И. Рюйтель на пленарном заседании. На секционном заседании она прочитала доклад «Проблемы развития эстонской народной музыки». На секционных же заседаниях прозвучали доклады Ю. Тедре (Таллин) — «Песни при обрядовом обходе домов в Эстонии», М. Хийемяе (Тарту) — «Масленица в эстонском народном календаре» и Б. Ниберг (Упсала, Швеция) — «Фольклорная традиция у эстонцев в Швеции». Проблемам эстонской этнографии был посвящен доклад А. Вийреса (Таллин) — «„Открытие“ эстонского народного искусства в начале XX века» и Х. Ребаса (Киль, ФРГ) — «Эстонская этногра-

¹ Информацию о научной сессии в Риге, посвященной юбилею К. Барона, см.: Соколова В. К. Научная конференция «Народное песенное наследие и современность». — Сов. этнография, 1985, № 4.

² Информация о научной сессии в Петрозаводске, посвященной 150-летию Калевалы, см.: Мишин А. И. Научная конференция «„Калевала“ — выдающийся памятник мировой культуры». — Сов. этнография, 1985, № 5.

фия в исторической перспективе». Последний из названных докладов продемонстрировал слабую осведомленность докладчика в действительных проблемах этнографии, и поэтому вызвал критические выступления участников конференции.

В докладе Ф. Ойнаса (Индиана, США) — «Ингерманландский „Kirlouks“ воды» была предпринята довольно неубедительная попытка связать название манландского духа воды с православно-церковным обрядовым возгласом «кирие сон».

К перечисленным докладам по эстонской этнографии примыкали доклады: ских социологов Т. Кэбина (Таллин) — «Государство, народ и культура в советской Эстонии», М. Титма (Таллин) — «Жизненный путь молодежи в Советской Эстонии», М. Тоймет (Таллин) — «О работах молодых ученых в Советской Эстонии», К. К. (Таллин) — «Театральное искусство и восприятие его публикой», Э. Ранника (Таллин) — «Культурная активность народа в Советской Эстонии в контексте сравнительных исследований». Последний доклад строился на материалах международных научных исследований по программе Европейского (Венского) центра по координации исследований и документации в области общественных наук.

Проблемам литовской этнографии и фольклористики было уделено сравнительно меньше внимания. М. Ючас (Вильнюс) прочитал доклад «Сравнения в литовском фольклоре», Х. Ринхольм (Стокгольм) — «Поэтика литовского фольклора: текст и контекст». В докладах Р. Шильбайориса (Огайо, США) и Б. Жукте-Микелини (Италия) рассматривалась проблема влияния фольклора на современную литовскую поэзию. Доклад Г. Бауэра (Билефельд, ФРГ) был посвящен проблемам традиционного обычного права и его влиянию на семейную и хозяйственную жизнь литовских крестьян в XIX в.

Как видно из нашего обзора, конференция была многопроблемной. Она показала широкие возможности и плодотворность интернациональных контактов ученых, ведущих историю, язык, культуру, фольклор и этнографию народов Прибалтики.

К. В. Чис

IX СТРАЖНИЦКИЙ СИМПОЗИУМ

Город Стражице, расположенный в юго-восточной Моравии на территории ЧССР, известен Институтом народного искусства и фольклорным заповедником. Здесь редко проводятся международные фольклористические фестивали, симпозиумы по или иным вопросам народной культуры и современности. У истоков традиции организации этих симпозиумов стоит В. Фролец со своими учениками, регулярно показывавшими здесь результаты своих исследований. В стражницких симпозиумах принимают участие чешские, словацкие этнографы и этнографы из других стран, фольклористы, социологи, историки, культурологи, специалисты по экологии и представители смежных научных дисциплин. Первый Стражницкий симпозиум (1973 г.) был посвящен теме «Традиции народной культуры в жизни социалистического общества». В последующих симпозиумах обсуждались теоретические и методологические проблемы таких комплексных исследований: «Жизненная среда и традиция», «Народное искусство и современность», «Современная деревня», «Ребенок и традиция народной культуры», «Народная строительная культура», «Годичные обычаи и свадебный обряд».

В октябре 1984 г. состоялся IX Стражницкий симпозиум, посвященный теме «Славянский город. Этнографические аспекты исследования». Он был организован чешской комиссией Международной комиссии по изучению народной культуры в Карпатах и на Балканах, Кафедрой истории и этнографии Философского факультета Университета Я. Э. Пуркине в Брно, Институтом народного искусства в Стражице и Музее и краеведческим обществом в Брно. В работе симпозиума приняли участие 50 ученых из ЧССР и четыре иностранных гостя (М. Г. Рабинович — СССР, Анна Шнирельсон — Галина Муравская — Копровская — ПНР, Тамаш Гофер — ВНР).

Организаторы симпозиума выделили несколько групп проблем, обсуждавшихся в пяти секциях. Первая группа: роль малого города в процессе формирования общественного сознания деревенского населения, малый город как этнографическая область, социально-культурные модели города, словацкий и чешский город, соотношение малых городов и традиции, малый город как центр области отдыха, этнические процессы в малом городе, город и рынки, город в заново заселенной пограничной области ЧССР.

Вторая группа проблем — материальная культура (одежда, архитектура, питание). В работе этой секции наряду с этнографами и фольклористами принимали участие и историки, и теоретики архитектуры.

«Фольклор и общественная жизнь» — тема третьей секции. Обсуждались проблемы развития культуры малого города, его литература, общественная жизнь взрослых и молодежи, использование свободного времени, танец и пение, структура и деятельность музыкально-фольклорных ансамблей. Характерная черта докладов этнографов и фольклористов, прочитанных на этой секции, — привлечение социологического материала.

На четвертой секции освещались проблемы развития любительской художественной самодеятельности, на пятой — развитие малых городов на территории Чехии, Моравии и Словакии.

На симпозиуме были высказаны различные точки зрения по обсуждавшимся вопросам. Предпринимались, в частности, попытки предложить новые принципы классификации малых городов с исторической и этнографической точек зрения.

В. Фролец

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1984 г. проходила очередная Полесская этнолингвистическая экспедиция Института славяноведения и балканистики АН СССР, продолжившая сбор материала по программе Полесского этнолингвистического атласа (ПЭЛА).¹ Помимо сотрудников Института славяноведения и балканистики, студентов и преподавателей МГУ в экспедиции участвовали студенты, аспиранты и преподаватели Белорусского и Львовского гос. университетов, Житомирского государственного педагогического института, а также отдельные филологи из Москвы, Ленинграда, Калининграда и Тарту.

Экспедиция обследовала 16 населенных пунктов в Брестской (села Радчицк, Оздамичи, Хоромск, Верхний Теребежов Столинского р-на и Ласицк Пинского р-на), Гомельской (Пирки и Верхние Жары Брагинского р-на и с. Ручаевка Лоевского р-на), Житомирской (села Перга и Кишин Олевского р-на, Игнатполь Овручского р-на, Червоная Волока Лугинского р-на) и Ровенской областей (Нобель Заречнянского р-на, Берестье Дубровицкого р-на, Боровое Рокитновского р-на и Чудель Сарненского р-на). Помимо этого студенты и преподаватели Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, Гомельского государственного университета, Нежинского государственного педагогического института им. Н. В. Гоголя и Сумского государственного педагогического института в ходе диалектологической и фольклорной практики обследовали по программе ПЭЛА шесть населенных пунктов соответственно в Брянской, Гомельской, Черниговской и Сумской областях.

На проводившемся во время экспедиции семинаре выступили с докладами «Этимология восточно-славянских названий анста» Н. П. Антропов (Минск), «Из польской демонологии: богинки» О. В. Санникова (Москва), «Этнодиалектное членение Сербии» А. А. Плотнокова (Москва) и др.

Материалы экспедиции обработаны и

переданы в Полесский архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков

* * *

В июле—сентябре 1984 г. в МНР продолжил свою работу этнографический отряд советско-монгольской историко-культурной экспедиции в составе: А. М. Решетов (начальник отряда), Л. Л. Викторова (оба — Ленинград), Н. Л. Жуковская и А. Е. Пахутов (оба — Москва).

Отряд выезжал в МНР тремя группами.

Первая в составе Л. Л. Викторовой и монгольского ученого Г. Мэнэса работала по теме «Этническая история монголов». Короткое время в работе группы участвовал археолог Д. Баяр (оба монгольских ученых — сотрудники Института истории АН МНР). В июле-августе 1984 г. группа совершила разведочную поездку по Центральному, Хэнтэйскому, Восточному, Сухэ-Баторскому, Восточногонбийскому и Среднегонбийскому аймакам общей протяженностью 4408 км. Были обследованы 32 историко-этнографических объекта, которые характеризуют материальную культуру, ремесла, хозяйство, быт, обрядовую практику, верования и другие стороны этнографического облика монгольских племен. Показательно, что многие реалии, зафиксированные в средневековых памятниках (например, на каменных изваяниях), сохраняются в современной традиционной культуре народов МНР. Группа совмещала стационарную работу (Г. Мэнэс) с челночными выездами (Л. Л. Викторова, Д. Баяр). Были также уточнены материалы, добытые в полевом сезоне 1983 г.

Вторая группа в составе А. М. Решетова и А. Е. Пахутова вместе с монгольскими коллегами Г. Цэрэнханд и Г. Батнасаном (оба — Институт истории АН МНР) продолжила работу по теме «Современные этнокультурные процессы в МНР». Были совершены выезды в отдельные сомоны Центрального, Арахангайского, Убурхангайского и Среднегонбийского аймаков, т. е. в районы тради-

¹ См. Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Коротко об экспедициях. — Сов. этнография, 1984, № 5.

ционного расселения *халхасцев*. Собранный материал, характеризующий процессы консолидации народа *халкас* (*халхасцев*) — ядра монгольской социалистической нации. В составе собственно халхасцев были выделены на уровне этнографических групп *торгуты* и *харчины* (сомон Баян-Ундэр Убурхангайского аймака). Они уже утратили свое самосознание и считают себя халхасцами. Обследована также группа *олетов* — потомков одной из ойратских групп, поселенных на территории сомона Ульдзийт Арахангайского аймака с целью ассимиляции их после разгрома западных монголов в XVIII в. Эта группа хотя и осознает себя как олетская, в настоящее время уже утратила свой язык и особенности культуры. Особый интерес представляет изучение *борджигинов* — одной из значительных групп халхасцев, сыгравшей важную роль не только в этнической, но и в политической истории монгольских племен. В составе борджигинов на северо-востоке Среднеазиатского аймака, в частности в сомоне Цаган-Дэлгэр, нами зафиксирована группа *асудов* — потомков аланов (как принято считать в литературе), переселенных сюда с Северного Кавказа в раннем средневековье. Позднее они поселились среди борджигинов и постепенно растворились в их среде. Асуды сохраняют свое самоназвание, но уже не помнят о своем происхождении и не выделяют себя из среды монголов. Антропологически же, судя по нашим визуальным наблюдениям, они явно отличаются от соседних халхасцев, сохраняя наряду с монгольскими, отдельные ярко выраженные европеоидные признаки.

Третья группа в составе Н. Л. Жуковской и Д. Таггада (Институт истории АН МНР) работала в сомонах Сайхан и Хялгант Булганского аймака МНР. Последние четыре полевых сезона она ведет исследования по следующей программе: традиционная система мировоззрения монгольского кочевника, его представле-

ния о мире, о пространстве и времени, месте человека в природе и обществе, ориентации в социальном пространстве; кроме того, изучалась этнография обитания как часть традиционной культуры монгольского общества. Общеизвестно, какое большое значение имеют числа в многих мифологиях, религиях и более широко — в идеологии вообще. Поэтому особое внимание было уделено роли чисел в монгольской культуре. Удалось выявить функциональную роль чисел 3, 5, 7, 8, 12, 13, 37, 73, 108 в мировоззрении монголов, их обрядный и сакральный характер, до сих пор сохраняющиеся в религиозном комплексе и бытовых поверьях.

Продолжалось исследование праздничной культуры монголов, в частности семейных и календарных праздников *Асудов*, проводимых группами родственников или проживающих в близком соседстве семей. Сомон Сайхан, в котором группа вела работу в текущем сезоне, известна всю Монголию особым кумысом. Здесь были записаны местные способы его приготовления и сделано описание наиболее интересных дойки кобылиц.

Во время маршрута все сотрудники работали с этнографическими коллекциями местных аймачных и сомонных музеев, что также является важной формой сбора необходимого для исследования материала. Обработка музейных экспонатов важна еще и потому, что в реальной жизни многие предметы уже не встречаются.

В процессе работы были отобраны и записаны наиболее интересные этнографические объекты. Для монгольской экспедиции МАЭ в Ленинграде собрана небольшая этнографическая коллекция.

Материалы экспедиции хранятся в архивах Московской и Ленинградской школ Института этнографии АН СССР.

А. М. Решетов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. Л. Топорков

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СЛАВИСТИКИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

К началу 1980-х годов в отечественной славистике сложилось своеобразное этнолингвистическое направление, связанное с деятельностью известного советского лингвиста, члена-корреспондента АН СССР Н. И. Толстого и ряда его учеников и последователей. О предварительных итогах их исследований дают представление тезисы конференции «Полесье и этногенез славян», состоявшейся в Москве в мае 1983 г.¹, и другие издания².

Н. И. Толстой понимает этнолингвистику как направление в языкознании, изучающее отражение в языке культурных, социально-психологических и мифологических представлений и опирающееся в первую очередь на исторически значимые лингвистические данные. Предмет этнолингвистики объединяет области, которые традиционно изучались раздельно: язык фольклора, диалектологию и историю языка, поскольку они связаны с культурой и этнической историей³. Основным объектом этнолингвистических разысканий становятся явления, пограничные между лингвистикой и этнографией: обрядовая терминология, фразеологические единицы и фольклорные тексты, включенные в обрядовую практику. Таким пограничным явлениям посвящены статьи об отдельных фразеологических единицах и метафорах народно-поэтической речи⁴, материалы к словарю лексики, связанной с жатвенной обрядностью, фрагменты словарей севернорусской и полесской свадебной терминологии, материалы к словарю метафорической лексики восточнославянского погребального обряда, материалы к словарю полесских ка-

¹ Полесье и этногенез славян: Предварит. материалы и тез. конф. М.: Наука, 1983. 156 с. См. также *Виноградова Л. Н.* Конференция «Полесье и этногенез славян». — Сов. этнография, 1983, № 6, с. 122—124.

² Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М.: Наука, 1978. 270 с.; Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М.: Наука. 1981. 277 с.; Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. 278 с.; Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М.: Наука, 1983. 288 с.; *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с. См. также Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию: Профессор Никита Ильич Толстой. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1983. 111 с.

³ Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982, т. 41, № 5, с. 398, 404.

⁴ Толстой Н. И. «Плакать на цветы» (этнолингвистическая заметка). — Рус. речь, 1976, № 4, с. 27—30; *Журавлев А. Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь». — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1976. М.: Наука, 1978, с. 204—208; *Седакова О. А.* Полесское «брод», «агония» и связанные с ним обрядовые представления. В кн.: Полесье и этногенез славян, с. 78—81 и др.

лентарных праздннков⁵. Интересны наблюдения о словесных формулах, заклин и песенных текстах, сопровождающих обряд⁶.

В заметках об отдельных словах или фразеологизмах, собственно лингвист проблематика, как правило, отходит на второй план. Акцент переносится на этнографического и мифологического контекста, объясняющего их происхождение внутреннюю форму. Словари А. В. Гуры, О. А. Седаковой и О. А. Терновской о няют в себе черты лингвистического и этнографического или мифологического сло В лексических статьях не только раскрывается значение соответствующих слов приводятся сведения о ритуальных функциях обозначаемых ими предметов. В риалы к словарю жатвенной обрядности О. А. Терновской наряду с лексическими чен ряд предметных статей (они помечены специальным знаком), в которых прои детальный анализ обрядов. Таковы статьи «Пожиальной бороды ритуал», « нальный обряд», «Еды и питья ритуал» и др.

Исследование терминологии и структуры обрядов в ряде статей дополняет тографированием отдельных лексем и соответствующих элементов обрядност создает предпосылки для сопоставления полученных ареалов с другими границ этническими, историческими, археологическими. Так, изучение терминологии и туры севернорусской свадьбы позволило связать ряд изоглосс с двумя потока лонизации русского Севера — новгородским и ростово-суздальским⁷. Рассмотрени венной и скотоводческой обрядности Костромского края показало, что в этноди ном отношении край делится на правобережную и левобережную зоны, причем : ница близка к границе, разделяющей севернорусские и среднерусские говоры. П нию исследователей, этнодиалектное членение края связано с историей его колон и даже с историей формирования диалектных границ⁸.

Основным объектом этнолингвистических исследований стало Полесье, ко по словам Н. И. и С. М. Толстых, «является заповедником языковой и духовной туры»⁹. С 1980 г. работа Полесской этнолингвистической экспедиции АН СССР (водится на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР и филолог ского факультета МГУ под руководством Н. И. Толстого) подчинена идее созд Полесского этнолингвистического атласа. Программа-вопросник, по которой соби ся экспедиционный материал, охватывает наиболее значительные фрагменты обря сти и верований Полесья (семейная и календарная обрядность, обряды хозяйстве цикла), а также представления о природе, народную медицину, фольклор¹⁰. В а будут включены карты, отражающие территориальное распространение лексик и звания праздников, обрядов, ритуальных предметов, свадебных чинов, мифологич

⁵ Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (Материалы к словарию). — В кн.: Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточно-славянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977, с. 77—130; Гура А. В. Из севернорусской свадебной терминологии (Хлеб и пряники — словари). Там же, с. 132—180; *его же*. Из полесской свадебной терминологии: Свадебные чины (Словарь: А — М). — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984, с. 137—177; Седакова О. А. Метафорическая лексика погребального обряда: Материалы к словарию. — В кн.: Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983, с. 204—220; Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А — Г). М.: Наука, 1984, с. 137—146; Толстая С. М. Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983, с. 204—220; Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А — Г). М.: Наука, 1984, с. 137—146.

⁶ Терновская О. А. Словесные формулы в урожайной обрядности восточных славян. — В кн.: Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1978, с. 136—146; Гура А. В. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. — Там же, с. 171—180; Толстые Н. И. и С. М. К семантике и структуре сербских заклинаний градовой тучи. — В кн.: Balkano-balto-slavica (Симпоз. по структуре текста). Предварит. материалы и тез.). М., 1979, с. 70—75; Журавлев А. Ф. К текстологии славянских «опахивальных» песен. — Там же, с. 114—116; Толстой Н. И. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог. — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическая общность и типологические параллели, с. 5—72.

⁷ Гура А. В. Терминология севернорусского свадебного обряда (на общеславянском фоне): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1981, с. 14—15.

⁸ Журавлев А. Ф. Этнодиалектное членение Костромского региона по данным скотоводческой магии и обрядовой фразеологии (на материале анкеты «Куль и сельское хозяйство»). — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л.: Наука, 1983, с. 209—212; Терновская О. А. Славянский дожинальный обряд (терминология и структура): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1977, с. 5.

⁹ Толстые Н. И. и С. М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья. — В кн.: Полесский этнолингвистический сборник, с. 9.

¹⁰ Вопросник опубликован в кн.: Полесский этнолингвистический сборник, с. 21.

значимых локусов и природных явлений), некоторых фразеологических единиц, а также ритуальных предметов и обрядовых действий. Наряду со сбором массового материала для атласа идет поиск архаических верований и обрядов Полесья. Значительная подборка экспедиционных материалов уже опубликована¹¹.

В докладе Н. И. и С. М. Толстых на VIII съезде славистов и в статье Н. И. Толстого «Из „грамматики“ славянских обрядов» предложена программа изучения славянской обрядности, ориентированная на лингвистические и семантические методы¹². По мнению исследователей, такой подход дает в руки этнографу или филологу, изучающему обрядность и верования, готовый терминологический, понятийный и методический аппарат, заимствованный у лингвистики, в которой он разработан весьма основательно.

В концепции Н. И. и С. М. Толстых обряд понимается как текст, т. е. последовательность знаков, организованная при помощи определенных правил — обрядового синтаксиса. Семантика обряда не совпадает с его функциональной и «результативной» направленностью (под последней понимается объяснение, даваемое обряду его исполнителями, — нечто вроде народной этимологии, которая может соответствовать глубинной семантике обряда, но может и не совпадать с ней). Особенность обрядового «языка» по сравнению с языком естественным — его разнокодовость. Обряд строится с помощью трех основных кодов: вербального (словесного), реального (предметного) и акционального (действенного). Наиболее общая закономерность в соотношении разных кодов заключается в том, что в структуре обряда соединяются символы, имеющие единое глубинное значение, но самое разное материальное воплощение: слово, вещь, действие, жест.

Для реконструкции обряда признается особенно важным выявление его глубинной семантики. Первый этап реконструкции — синхронно-типологическая классификация вариантов обряда и их географический анализ. Далее определяются его структура и мифологическая семантика. На третьем этапе выявляются парадигматика обряда (инвентарь и иерархия символов) и его синтагматика (правила сочетания символов, регулируемые обрядовым синтаксисом). Наиболее естественный путь исследования — от отдельных зон к общеславянскому масштабу. Критерием генетического родства предлагается считать сходжение совокупности элементов обряда. По мнению Н. И. Толстого, возможна выработка своеобразной «грамматики» славянских обрядов с конечным набором символов и их парадигм, ограниченным числом функций и сравнительно простым синтаксисом. Эти идеи стали теоретической основой для начавшейся работы над «Этнолингвистическим словарем славянских древностей», обсуждение которого, однако, выходит за рамки настоящего обзора¹³.

В качестве иллюстрации общих положений в докладе на VIII съезде славистов проанализирована структура полесских обрядов вызывания дождя. Их глубинная семантика определяется двумя оппозициями: вода (небесная вода, дождь) — огонь (небесный огонь, солнце), небесная вода — земная или подземная (источники, ключи). Причина засухи — нарушение равновесия между полюсами противоположностей. Оно восстанавливается посредством ритуального воздействия на земную воду или огонь. Эта глубинная семантика, по мнению исследователей, определяет содержание самых разных способов вызывания дождя, известных в Полесье (например, таких как сыпание мака в колодезь или выбрасывание печной утвари на двор).

Дальнейшую конкретизацию указанные идеи получили в совместном труде Н. И. и С. М. Толстых «Заметки по славянскому язычеству», опубликованном фрагментами в разных изданиях. «Заметки» представляют собой целое исследование, которое было бы весьма желательно издать отдельной книгой¹⁴. Изучению отдельных обрядов и ри-

¹¹ Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу. — В кн.: Полесский этнолингвистический сборник, с. 49—153.

¹² Толстой Н. И., Толстая С. М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингвоэтнографический аспект). — В кн.: Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 364—385; Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов. — Тр. по знаковым системам. XV. Уч. зап. ТГУ. Вып. 576. Тарту, 1982, с. 57—71.

¹³ Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварит. материалы. М., 1984. 171 с.

¹⁴ Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя в Полесье. — В кн.: Поэтика русского фольклора: Русский фольклор. Т. XXI. Л.: Наука, 1981, с. 87—98; *их же*. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции, с. 95—130; *их же*. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье. — В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982, с. 49—83; *их же*. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве

туальных символов посвящены также статьи А. В. Гуры, А. Ф. Журавлева, О. А. новской и других авторов, помещенные в сборниках «Славянский и балканский ф клор». Появились также интересные исследования мифологических аспектов традиционного ткачества¹⁵, ритуального использования хлеба¹⁶.

Хотя в настоящее время можно говорить лишь о предварительных итогах этновистических разысканий, следует отметить, что они уже имеют определенный научный резонанс. Наряду с работами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, они содействуют установлению большего взаимопонимания между лингвистами и этнографами, введению общекультурной и этнографической проблематики в собственно лингвистическое исследование.

и других сербских зонах.— В кн.: Славянский и балканский фольклор.: Обряд. Т. 1. с. 44—120.

¹⁵ Владимирская Н. Г. Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством: Снование.— В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. с. 225—246; Павлова М. Р. Полесские обряды и поверья, связанные с ткачеством. В кн.: Полесье и этногенез славян, с. 111—113; Трубицына Г. И. Нить и ее обрядовые функции.— Там же, с. 113—114.

¹⁶ Седякова И. А. К описанию лексики и символики новогодней обрядности (белогор (рождественские обрядовые хлебы).— Сов. славяноведение, 1984, № 1, с. 89—94; Страхов А. Б. Из истории и географии русского обрядового печенья (поминальные вознесенские «лестницы»).— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос, с. 203—208; его же. Русское обрядовое печенье «христовы (божьи, божьи) онучи» в связи с функцией обуви в славянских похоронных ритуалах. В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.: Наука, 1983, с. 77—79.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. Р. Григулевич. Пророки «новой истины». М.: Политиздат, 1983, 301 с. (Книжки о религиозных новообразованиях на Западе)

В течение ряда лет западная пресса муссировала оценку идеологической ситуации чуть ли не во всем мире как религиозный бум, как оживление и подъем религиозности во всех социальных и возрастных слоях населения, особенно среди молодежи. В рецензируемой книге И. Р. Григулевича приводится большой фактический материал по этому вопросу, дается характеристика действительного положения вещей, правильно и трезво оцениваются масштабы разрекламированного в буржуазной печати бума.

Автор показывает, что на самом деле религия переживает в наше время не подъем, а безысходный кризис, который особенно ярко сказывается в состоянии традиционных догматизированных конфессий и их институтов — церквей и церковных организаций. И как раз одним из выражений этого кризиса является наблюдавшийся в последние десятилетия процесс появления большого количества новообразований — сект и даже новых религиозных конфессий более или менее карликового масштаба¹. Как правило, проповедниками этих новых «религий» и главарями возникающих на их основе общин и «церквей» являются шарлатаны и авантюристы, наживающие на своей «пророческой» деятельности громадные капиталы. Самое существенное заключается здесь в том, что их деятельность пользуется во многих случаях известным успехом в том отношении, что привлекает в их полное идеологическое и житейское подчинение довольно большое количество людей в капиталистических странах, преимущественно молодежи. Главарей новых сект и конфессий подвергают одурманенным людям жестокой экономической и всякой иной эксплуатации, причем обоснованием и оправданием этой эксплуатации является удивительная по своей примитивности и, казалось бы, совершенно необузданная религиозная демагогия.

Обстоятельно, в живой, местами полубеллетристической форме в книге описаны основные из действующих в США и Западной Европе религиозных новообразований указанного типа. Помимо обобщающих глав теоретического порядка даются разделы, посвященные характеристике отдельных новоявленных конфессий.

¹ Сектами многие из этих религиозных новообразований можно называть лишь условно, поскольку под этим названием обычно подразумевается группа, отколовшаяся от той или иной конфессии; здесь же перед нами в ряде случаев общины или совокупность общин, объединяющих бывших приверженцев различных церквей и не происходящих от какой-либо одной из них ни по содержанию верований, ни в организационно-церковном плане.

Наиболее многочисленной из них является гнездящаяся в США «Объединенная Церковь» или «Церковь унификации», возглавляемая выходцем из Южной Кореи Мун Сон Меном. Уже одно ее название свидетельствует о том, что она претендует на значение центра всех церквей и чуть ли не на господство в религиозной жизни всего мира. Конечно, это фантастическая претензия, но нельзя не отметить, что на избранном пути религиозного проповедника и «вождя» Мун сумел добиться до странности больших успехов. При помощи сети бродячих проповедников он завербовал в свою церковь большое число юношей и девушек в США и некоторых других буржуазных странах: их количество исчисляется десятками тысяч (конечно, не миллионами, как утверждает муновская пропаганда). Оказавшиеся во власти Муна и его приспешников, одурманенные люди обязаны либо работать на предприятиях, либо собирать милостыню и все оказавшиеся в их руках деньги отдавать в общину. Пользуясь этой даровой по сути дела рабочей силой, Мун нажил огромные богатства, которые опять-таки использует в целях собственной наживы. Он купил, например, 42-этажный отель за 52 млн. долл., основал и эксплуатирует ряд предприятий, издает газеты и журналы, которые использует не только в пропагандистских, но и в чисто коммерческих целях. Все это становится возможным только потому, что воля и разум молодых людей, попавших в сети религиозной пропаганды мунистов (кстати сказать, на удивление примитивной и по своему смыслу просто вздорной), оказываются сломленными и парализованными.

К сказанному необходимо добавить, что пропаганда мунистов имеет ярко выраженный антикоммунистический характер. Глава церкви постоянно повторяет этот лейтмотив своей пропаганды, изображая коммунизм продуктом деятельности Сатаны, а себя — предводителем всех антисатанинских сил вселенной, причем он не прочь поставить себя в иерархии этих сил даже выше Иисуса Христа.

В некоторой мере рассказанное в книге о «церкви» Муна относится и ко многим другим подобным организациям, о которых довольно подробно говорит автор рецензируемой работы. Они различаются, однако, между собой по своим идеологическим источникам. «Церковь унификации», выражающая в своем вероучении (если его можно так назвать) причудливую смесь традиционного христианства, пятидесятничества и учения «свидетелей Иеговы», стоит в ряду тех, кто признает в какой-то мере свою связь с христианством. Сюда относятся прежде всего многочисленные порождения так называемой Иисусовой революции, а также возглавляемая неким Давидом Моисеем (его настоящее имя — Давид Брандт Берг) секта «Детей бога». Многие из сект имеют восточное происхождение и прямо говорят о своей близости к индуизму, буддизму и буддо-ламаизму, синтоизму. Одна из них именует себя «Обществом сознания Кришны», и ее девизом, являющимся заодно основным мотивом богослужения, формулой приветствия при встречах служит возглас «Харе Кришна». Индуистское влияние сказывается и в том, что руководители общин во многих случаях именуются «гуру» (на хинди — «учитель»). Среди сект буддистского характера особенно распространены дзен-буддизм, в недавние годы особо популярный среди битников; действует также японская буддистская секта «Сока Гаккай». Из сект индуистского происхождения необходимо отметить, так называемую «Миссию божественного света» во главе с гуру по имени Махараджи Джи, а также секту, возглавляемую гуру Муктанада Параманханса Баба.

Помимо сект и общин, в той или иной мере имеющих общее происхождение, и также некоторые элементы доктрины и религиозно-культовой фразеологии с традиционными религиями, существуют общины и их объединения, поклоняющиеся не «благим» сверхъестественным силам, а злomu демоническому началу — Сатане и его воинству. В культах этого направления преобладают приемы, с незапамятных времен известные как ведовство, колдовство с их обрядами «черной» и «белой» магии. Получили большое распространение не менее давние по своему происхождению и бытованию астрология и хиромантия, различные системы и приемы мантики. В книге приведены поразительные цифры, свидетельствующие о масштабе этих явлений в современном буржуазном мире.

Приведя относящийся к делу фактический материал, автор ставит ряд теоретических вопросов, освещение которых должно уяснить причины тех широких масштабов, которые приняло в настоящее время «богоискательство» в странах буржуазного Запада. С полным основанием он утверждает, что в основе этого явления лежит «само буржуазное общество, его язы и пороки, господствующее в нем социальное неравенство, бесперспективность бытия, столь характерная для его различных слоев» (с. 41). Верно и то, что эти обстоятельства питают не только распространение новых культур, но и живучесть старых. Следует, однако, отметить наличие в авторском тексте некоторых недостаточно ясных и небеспорных положений по данному вопросу.

Так, автор пишет: «История Соединенных Штатов — это непрерывная цепь кризисов, разочарований и ожесточений. Им всегда сопутствовало скольжение в сторону религиозного „возрождения“, которое было призвано как бы компенсировать духовные издержки общества, порождаемые его прогрессом в области материального благополучия» (с. 42). Непонятно, почему прогресс в области материального благополучия должен был порождать какие-то «духовные издержки». И откуда было заться указанному прогрессу в обстановке «непрерывной цепи кризисов»? Но вряд ли правильно представлять себе историю США по схеме непрерывного упадка. Другое дело — тот тяжелый кризис, который на протяжении ряда лет испытывает американское общество в наше время. Моральная атмосфера, обусловленная кризисами, могла бы содействовать укреплению традиционной религиозности, но последняя-то в значительной степени

искомпрометирована несоответствием ее догматике современной картины мира и общественной социальной практикой, направленной на оправдание и закрепление существующего порядка вещей. Неудивительно, что люди, в особенности молодежь, устабляются на поиски новых путей и становятся жертвами «пророков», указывающих на эти мнимо спасительные пути. В общем, однако, автор делает правильный вывод, характеризующий социальную основу движения «новых культов»: «выбитые из общественной колеи люди составляют основную массу их последователей», надеясь обрести «сиюминутное избавление от мучающих их кошмаров» или «коренное преобразование общества на принципах нового религиозного учения» (с. 50). Но, правильно комментируя автор данный тезис, «эта дорога, как свидетельствует история, ведет в никуда». Религиозные культы возникают, развиваются и исчезают... Но проходит некоторое время, и они все же исчезают, поглощенные водоворотом событий, погребенные несбывшимися надеждами своих приверженцев, чтобы уступить место новым «откровениям» и новым «пророкам». Многие нетрадиционные культы, и религиозные течения играющие ныне определенную роль в духовной жизни американского общества, являются в этом отношении исключением из общего правила» (там же). Вряд ли автор хотел этим сказать, что общим правилом является быстрое исчезновение возникающих религиозных конфессий, ибо такое «правило» опровергается фактом устойчивого существования традиционных религий на протяжении тысяч лет, но не столько небрежность самого изложения побуждает истолковать сказанное именно в этом смысле этого несуществующего «общего правила». Что же касается современных религиозных новообразований, то автор прав в отношении их недолговечности.

Большое внимание в рецензируемой книге уделено распространенным среди негритянского населения Америки синкретическим афро-американским культам. Нельзя, однако, здесь не отметить наличия в тексте некоторых неточных положений. По смыслу можно понять, что чуть ли не все негры в разных странах Америки привержены к афро-американским культам. Автор пишет: «У американских негров свои боги, свои культы, отличные от богов и культов белого населения» (с. 12). И уже отсюда вытекает вопрос: «Почему же негры питают такое недоверие к традиционному христианству?» (там же). Между тем большинство негритянского населения, например, в США включает в себя последователей именно традиционного христианства, в частности баптизма. Это обстоятельство тем более существенно, что приверженцы синкретических афро-азиатских культов вовсе не порывают связи, например, с католицизмом; во всяком случае, в их святилищах мирно уживаются иконы Богородицы и распятия с фетишами совершенно африканского происхождения. Кстати сказать, автор и сам отмечает это обстоятельство (с. 252). Поскольку это так, то делается несколько беспредметной ссылка на то, что христианство скомпрометировано в глазах негров поддержкой, которую оказывала католическая церковь в это время институту рабства (с. 253—254, 268).

Отмечая сильные стороны рецензируемого издания, его насыщенность фактами, точность и тонкость анализа, хорошую литературную форму, приходится в то же время указать и на наличие в нем некоторых погрешностей редакционного порядка. Местами в тексте, видимо, произведены сокращения, сделавшие его смысл недостаточно понятным. Вот, например, рассказывается о «религии ЛСД» и исповедуемой приверженцами «психоделизме». Сообщается, что «своим происхождением слагается „психоделизм“» объясно основоположнику «религии ЛСД» американскому психологу Тимоти Лири» (с. 59). Ждешь, что тут же будет объяснено значение и ЛСД и психоделизма. Но никакого объяснения нет, дело ограничивается разговорами о «психоделических средствах» и «психологических ощущениях», которыми оперирует все та же таинственная ЛСД. Можно указать в этой связи и на невразумительно составленную таблицу, приводимую на с. 137.

В общем же, учитывая познавательную и идеологическую ценность книги И. Р. Григулевича, можно с уверенностью сказать, что советский читатель отнесется к ней с вниманием и интересом.

И. А. Крыжовник

НАРОДЫ СССР

Е. Н. Данилова. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX в.). М.: Изд-во МГУ, 1984, 145 с.

Проблема сельской общины — одна из наиболее сложных и до сих пор все еще недостаточно исследованных в отечественной историографии. Об этом свидетельствует в частности, недавно прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия, раскрывшая значение сельской общины как регулятора крестьянской жизни и хранителя традиций¹. Монография Е. Н. Даниловой затрагивает эти важные вопросы.

¹ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. — Сов. этнография, 1984, № 5. См. также дискуссию по этой проблеме: Сов. этнография, 1984, № 6; 1985, № 1, 2.

нако не только они оказываются в исследуемом поле автора. Основная проблема работы, определенная в ее названии, — хозяйство и общинная организация абазин. В связи с этой проблемой рассматриваются и другие вопросы: динамика расселения абазинского этноса в XIX в., формы семьи, патронимия, некоторые аспекты общественного быта. Но, конечно, их изучение подчинено главной идее исследования — анализу сельской общины в целом ряде ее проявлений, в самых разных ее аспектах.

Характеризуя монографию Е. Н. Даниловой необходимо подчеркнуть еще один важный момент. По существу рецензируемый труд — один из немногих в кавказоведческой литературе, специально посвященный абазинам — ныне небольшому по численности этносу Северного Кавказа².

Все сказанное уже дает право высоко оценить данную публикацию, которая в целом заполняет имеющиеся по целому ряду вопросов лакуны.

Особо следует остановиться на источниковой базе монографии. Автор широко пользуется документальными материалами, выявленные им в архивохранилищах Москвы, Илеса, Краснодара, Орджоникидзе, Нальчика. Многие из этих источников впервые входят в научный оборот. Немалое и важное место в работе занимают полевые этнографические материалы по абазинам, собиравшиеся автором во время экспедиций Карачаево-Черкесию. Использована также значительная по объему специальная литература.

Структурно рецензируемая работа состоит из введения, содержащего некоторые методические установки (здесь же сформулированы конкретные задачи исследования, дана характеристика источников и литературы), четырех глав, заключения, глоссария, списка архивных фондов, использованных работ.

Предваряя основную часть работы автор в первой главе сообщает самые необходимые исторические сведения об абазинах, характеризует степень изученности этноса, дополняет и уточняет уже имеющиеся в специальной литературе сведения на основе новых архивных данных, прослеживает изменения в расселении абазин на протяжении всего XIX в. Эта глава опирается на уже имеющиеся исследования по различным вопросам этнографии абазин Л. И. Лаврова, Е. П. Алексеевой, Н. Г. Волковой, Ш. Д. Инал-ипа и др.

Основная часть монографии — вторая — четвертая главы. Исследуя общину абазинских материалов, Е. Н. Данилова справедливо обращает внимание на то, что в кавказоведческой литературе до сих пор нередко преувеличивается пережиточность института соседской общины. В то же время приводимый в рецензируемой работе материал свидетельствует о большой роли общины в жизни абазин в XIX в. (особенно в первой его половине), в условиях, когда общественно-политическая система этого народа, как, впрочем, и других народов Северного Кавказа, еще не достигла уровня феодальности. Община составляла основной элемент этой системы. Автор рассматривает общинную организацию феодального периода в качестве нового этапа ее развития, увязывает изучение сельской общины с дискуссионной проблемой становления и дальнейшего развития «кавказского» горского феодализма и появления начатков капиталистических отношений.

Исследуя соседскую общину, Е. Н. Данилова, по сути, освещает широкий круг вопросов социально-экономической истории абазин, прослеживает перемены в экономических и социальных условиях существования абазинской общины, в ее структуре, организации внутренней жизни в до- и пореформенный периоды.

Каждая из трех основных глав посвящена определенному кругу вопросов, связанных с сельской общиной. Так, вторая глава «Хозяйство и особенности производственных отношений в соседской общине абазин» характеризует экономические основы жизни общины. Подчеркивая комплексный характер экономики абазинского народа на протяжении всего XIX в., автор анализирует соотношение разных видов хозяйства в до- и пореформенный периоды, описывает основные занятия абазин. При этом подробно показана преобладающая роль скотоводства в их хозяйстве вплоть до 1860-х годов XIX в.

Особое внимание уделено земельным отношениям, раскрыты их сложность и своеобразие. Во второй главе достаточно убедительно показаны сущность и пути становления феодальной собственности на землю, незавершенность этих процессов у абазин к моменту проведения земельной реформы на Северном Кавказе в 1860—1870-х годах. Представляется также интересным и достаточно обоснованным мнение автора о наличии у крестьян — свободных общинников — земельных участков в частной собственности.

Столь же важна и другая проблема, поднятая в этой же главе, — о земельных отношениях в абазинской (шире — северокавказской) общине. Проводились ли они регулярно, нерегулярно или их вообще не было? По-разному отвечают на этот вопрос исследователи, занимающиеся даже одним и тем же этносом (см., например, литературу об адыгах). Очевидно, единообразия тут не могло и быть. Но, как правильно отмечает Е. Н. Данилова, эту проблему надо увязывать с процессом «утеснения» в частных владениях той или иной общины, с реальным землевладением разных групп населения общины. Мне кажется, что вывод Е. Н. Даниловой об отсутствии регуляр-

² Опубликованная в 1955 г. часть кандидатской диссертации Л. И. Лаврова «Абазинский этнографический сборник, I» а также ряд его статей посвящены в основном вопросам социальной, политической и этнической истории абазин и касаются сельской общины.

ных земельных переделов в дореформенной общине абазин, о наличии захваточной формы землепользования представляется вполне аргументированным. Также приводимые в книге данные о появлении регулярных переделов в пореформенное время.

Всестороннее изучение сельской общины естественно подводит автора к объективной оценке уровня развития феодальных отношений абазинского общества. Е. Н. Данилова характеризует их как раннефеодальные, подчеркивая при этом укладность абазинского общества.

Вторая глава книги — одна из наиболее насыщенных фактическим материалом для понимания изучаемой проблемы. Помимо названных вопросов характеризуются многообразные традиционные трудовые объединения, их функционирование (здесь особенно удачно вводится полевой материал). Показано также развитие капиталистических отношений на характер этих трудовых объединений. При сохранении формы меняется сущность таких трудовых объединений: из родовых и соседской взаимопомощи они превращаются в институты эксплуатации кулаками своих родственников-бедняков.

Закономерным продолжением второй является третья глава, в которой рассмотрена внутренняя структура соседской общины абазин, показана большая роль родственных коллективов — большой и малой семей, патронимий. Очень интересна мысль автора, логически вытекающая из анализируемого в главе материала: дореформенная сельская община абазин включала только все свободные сословия. Крепостные и рабы не считались членами общины (с. 103—105). Таким образом, риторическая община абазин объединяла не весь этнос, а лишь часть его.

Последняя, четвертая глава монографии посвящена органам управления абазинской общины. Безусловным достоинством этой главы является анализ динамики общинного управления, рассмотренных на протяжении двух периодов — дореформенного и пореформенного.

Итак, перед нами серьезное и оригинальное этнографическое исследование, многое основанное на новых материалах и по-новому ставящее ряд важных и ранее не исследованных вопросов этнографии абазин. Решение многих из этих вопросов не только для понимания истории абазин, но гораздо шире — Кавказа в целом, заслуживает, не все вопросы освещены в монографии равномерно. Так, видимо, следовало полнее охарактеризовать положение основных категорий общинного населения — бедных крестьян — *анхаю*, вольноотпущенников — *азатов*, мелкого дворянства — *муста*. Указанные категории — самые многочисленные, причем любопытно, что удельный вес агмиста в составе общинного населения даже несколько превышает удельный вес *анхаю* и *азатов* (см. табл. 5, с. 94). Этот факт требует особого истолкования. Видно поставлен вопрос о том, что традиционный хозяйственный уклад абазинского общества способствовал устойчивости общинных порядков. Но хотелось бы, чтобы эта важная проблема была рассмотрена обстоятельнее. Следовало также уделить больше внимания общественному, а точнее, общинному быту абазинского крестьянства в прошлом, привлекая собственно полевые этнографические материалы.

Эти пожелания не мешают общему отдаленному впечатлению от работы Е. Н. Даниловой. Книга иллюстрирована: некоторые рисунки и фотографии публикуются в приложении.

Монография Е. Н. Даниловой привлечет внимание не только специалистов, кто интересуется историей и этнографией народов Северного Кавказа, найдут много нового и интересного.

Л. Б. Заседател

М. Я. Жорницкая. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983, 151 с.

Рецензируемая книга — один из немногих трудов, посвященных этнографическому изучению хореографического искусства. В основу исследования положен полевой материал, собранный автором на огромной территории в экстремальных бытовых условиях: записаны и изучены танцы азиатских эскимосов, чукчей, коряков, ительменов. М. Я. Жорницкая проявила себя как человек, преданный своему делу, истинный левик-этнограф, не останавливающийся перед трудностями.

В целом работа проникнута большим уважением и любовью к хореографической культуре эскимосов, чукчей, коряков и ительменов и ее носителям.

Помимо собственных записей, сделанных в течение многих лет, автор проанализировал все доступные архивные и литературные данные.

Для того чтобы танец стал предметом этнографии, нужно его комплексное изучение — записи «кинетического, музыкального, словесного текстов танца» и некоторые другие связанные с ним явления. Именно М. Я. Жорницкая первая начала комплексную запись хореографического наследия народов Севера, разложив танец на отдельные движения и описав каждый элемент. На этом материале она вместе с Ж. К. Хачатурянц провела апробацию методики записи танцев, предложенной основоположницей советской этнохореографии Сербой Лисициан, и еще раз подтвердила универсальность математическую точность этой методики.

В книге изложены основные принципы записи и, самое главное, помещены 11 этнограмм танцев изучаемых народов. Чтение кинетограмм дает возможность воспроизвести танец со всеми его нюансами, в то время как посредством словесного описания он может быть восстановлен лишь приблизительно.

В мужские и женские танцы и провести сравнительный анализ плясового наследия эскимосов, чукчей, коряков и ительменов.

Книга состоит из пяти глав: четыре посвящены анализу танцевальной культуры эскимосов, чукчей, коряков, ительменов; в пятой говорится о путях развития современного хореографического искусства коренного населения Северо-Востока Сибири. Конец показан на историческом и этнографическом фоне. Автор характеризует хозяйственный уклад, который лег в основу танцевальной культуры, мифологического мышления и обрядовой структуры того или иного народа. М. Я. Жорницкая стремится установить связь сюжета и движений танца с содержанием и назначением различных издников.

Записав кинетический и музыкальный текст трудовых подражательных танцев изучаемых народов на «Празднике Кита», автор представил уникальный материал для сравнительно-исторического анализа и реконструкции древнейших пластов указанного праздника.

Среди промысловых танцев, приуроченных к определенным праздникам, представлены такие сюжетные пляски-пантомимы, как «Олень», «Нерпа», а также частично транившиеся «Морж», «Медведь», «Волк». Фиксация ритма атрибутов действия дает оригинальный и очень ценный материал по истории танца и верований. Особо хочется отметить, что запись танцев «Олень» и «Нерпа» настолько совершенна, что может быть использована многими современными танцевальными ансамблями с сохранением жесткости и манеры исполнения.

М. Я. Жорницкая записала также движения танцев «Горбуша» и др., отражающих символику рыбного промысла. Собираательство отражается в танцах «Сбор сланца» (эскимосы), «Танец с пучками травы» (чукчи, коряки). Интересно отметить, что тщательность исполнения того или иного танца в ряде случаев определялась временем, необходимым для сгорания пучков священной травы. Если вспомнить, что у этих народов обрядовые танцы длятся до тех пор, пока догорят свечи, то можно прийти к заключению, что так выявляется один из народных способов регламентирования сакрального времени.

Опубликованные автором записи подражательных танцев, посвященных ворону эскимосы, чукчи, коряки, ительмены), чайке (эскимосы, коряки), журавлю (чукчи), юплатке (чукчи, коряки), лебедю (чукчи), утке (эскимосы), топорку (эскимосы, чукчи) способствуют более глубокому освещению мифопоэтических представлений, связанных с передачей образов птиц, а также раскрытию закономерностей положенных основу танцев. В книге использованы сведения, сообщенные автору информаторами, введенны описания обрядовой ситуации, во время которой исполнялся тот или иной танец, а также привлечены материалы и толкования предшественников-этнографов.

Напомним, что «птичьи» танцы бытуют не только у народов ближайших регионов, например, и у армян («Журавлиная», «Лебединая», «Куропатка», «Танец ворона»). Опубликованные М. Я. Жорницкой материалы открывают возможности для сравнительно-исторического анализа. Здесь же отметим, что «птичьи» танцы, как показывают данные по народам Севера, легли в основу народных театрализованных действий.

Нам кажется, спорным деление танцев на обрядовые и игровые, поскольку принцип игры как таковой имеется и в обрядовых плясках. Более понятна была бы классификация на обрядовые и светские (не обрядовые), либо обрядовые и бытовые танцы. В то же время мы считаем, что танцевальные циклы «Ворона», «Чайка», ряд птичьих плясок несмотря на утрату ими мифического смысла, следовало бы отнести к обрядовым.

Автором выявлены и магические пляски, связанные с почитанием духов, в том числе благодарственные танцы вокруг очага с целью задобрить душу убиваемого животного. В них проявилось наивное представление человека о возможности отпугнуть и изгнать злой дух гримасами, масками, приемами «страхивания» с тела пляшущего нечисти. Рассматривая эти танцы, М. Я. Жорницкая не только дает словесное описание танцев и приводит некоторые кинетограммы и фотографии, но и воссоздает тановку их исполнения.

Чрезвычайно важны для решения проблемы возникновения народного танцевального искусства приведенные в книге данные о сочинении танцев отдельными талантливыми народными исполнителями. Память о них до сих пор живет. Танцы же эти бытуют как в народе, так и в сценической интерпретации.

Достоинством книги является описание «сценической площадки», обрядового действия и танца, а также их атрибутов и, что особенно важно, — традиционных костюмов исполнителей народных танцев, которые в значительной мере обуславливают графику танца. Автор прослеживает связь между движениями исполнителей и костюмами. Танцевальным костюмам приписывались также магические функции.

В конце каждой главы характеризуется пластика танца изучаемого народа в сравнении с танцевальной пластикой соседних народов. В каждом случае выявляется традиционное построение участников в танце. Здесь интересно наблюдение автора об отсутствии в танцах изучаемых народов движения по кругу. Отмечается также, что танцы внутри полога были сидячими. И если в наше время некоторые танцы исполняются стоя, то все равно продвижения по площадке и вообще движений ног даже на месте в них пока нет. Можно было бы привести еще много интересных наблюдений.

Как мы видели, анализ обрядовых плясок разных народов лает в руки ученых

населения изучаемого региона.

М. Я. Жорникая выявила типологию и особенности танцевального искусства эскимосов, чукчей, коряков, ительменов и показала роль традиционных танцев в современной жизни, использование их в художественной самодеятельности этого вида творчества в развитии нового танцевального искусства. В ряде автор прослеживает взаимодействие художественных традиций разных народов.

Книга богато иллюстрирована. Приведенные фотографии одновременно являются «изобразительным текстом» к описанию танцев и материалом для воссоздания ного и сценического костюма, а также общей атмосферы того или иного действа.

Рецензируемая книга позволяет переосмыслить некоторые факты, касающиеся генезиса танцевального искусства, и приобщиться к интересному духовному наследию коренного населения Северо-Востока Сибири. В этом ее сила, научная и познавательная ценность.

Э. Х. Петросян, Ж. К. Х.

И. Б. Молдобаев. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе: Илим, 1983. 179 с.

Работа киргизского исследователя И. Б. Молдобаева посвящена анализу эпоса «Жаныш и Байыш», до настоящего времени оставшегося мало изученным. Проведенное исследование в значительной мере восполняет этот серьезный пробел.

Говоря о значении работы в целом, хочется в первую очередь отметить конкретный анализ. Автор тонко, со знанием дела по крупицам извлекает из историко-этнографических сведений. Неоценимым подспорьем для него при этом является живое ощущение стихии родного языка, понимание бытовых реалий киргизов. В научный оборот вводится много нового, ранее не публиковавшегося материала. Предварительная работа была проделана самим автором, собиравшим в течение ряда лет сведения о народном быте и фольклоре в различных районах Киргизии. И. Б. Молдобаев подробно и внимательно сопоставляет варианты эпоса, записанные от разных сказителей. В приложении приводятся их краткие биографии и данные о их исполнительском репертуаре.

В первой главе, посвященной общей характеристике эпоса, большой интерес представляет анализ топонимии, сделанный профессионально с привлечением параллельных источников (других эпических сказаний киргизов, исторических хроник, описаний путешественников). И. Б. Молдобаев убедительно аргументирует сказочный, метафорический характер ряда встречающихся в «Жаныш и Байыш» названий. Это, по его мнению, касается озера Айдын-Кель (точный перевод — Зеркальное чистое озеро, с. 33), Баш-Корт-Орто-Кель (Головное и Среднее озеро, с. 36). Другие названия автор считает возможным идентифицировать. Например, сказитель А. Куяков вводит в свое повествование озеро Кара-Кель (Черное озеро), которое находится в Ошской области. Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, выглядит попытка идентифицировать Ала-Кель (Пестрое озеро) именно с озером, расположенным на территории Семиреченской области (с. 35). Сам же И. Б. Молдобаев чуть раньше сообщает о том, что два озера с аналогичными названиями встречаются также на территории Киргизии (с. 34).

Рассматривая вопрос о времени сложения эпоса, автор считает возможным отнести его ко второй половине XV—XVII в. Он обращает внимание на то, что в указанный период существовали тесные взаимоотношения между киргизами и казахами. Это подтверждают не только материалы эпоса, но и различные другие источники. Однако, на наш взгляд, такая близость не находит в работе четкой интерпретации; ведь, очевидно, говорить не просто о союзнических отношениях между двумя народами, а о их глубоком родстве — факт, кстати, отмеченный и самим автором, который считает, что «киргизский род Алакчы — этнически связан с казахами» (с. 48).

Во второй главе И. Б. Молдобаев анализирует информацию о хозяйстве киргизов в эпосе, содержащуюся в различных версиях «Жаныш и Байыш». Автору удалось извлечь из эпоса интересные сведения о существовании земледелия у киргизов уже в период позднего средневековья (с. 55). Конечно, как считает автор, эпос не дает, да и не может дать целостной картины хозяйства, но отдельные хозяйственные деятельности, например красочный рассказ о том, как строились дома, представлены правдиво и реалистично (с. 57—58).

Заслуживает внимания попытка И. Б. Молдобаева объяснить различные термины «бек» и «бий»¹, которые ряд исследователей считает синонимичными. «Из контекста эпоса „Жаныш и Байыш“ явствует, что по занимаемому положению беки стояли выше биев», — отмечает автор (с. 72). Кроме того, по его мнению, бек появился раньше, чем термин бий. Разумеется, материалов одного текста недостаточно для исчерпывающих выводов, но И. Б. Молдобаев делает определенный вклад в дискуссию по этому вопросу, продолжая ее и поныне.

Во второй главе эпос рассматривается как исторический источник. Разумеется, реконструировать историческое прошлое по фольклорным материалам нелегко, но

¹ Ср. с объяснениями, приводимыми в кн.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 125.

первые принципиальные моменты выявить можно. На наш взгляд, автор прав, делая на основании анализа материалов «Жаныш и Байыш» вывод о том, что упоминания о представителях феодального аппарата в лице ханов, беков, биев и т. д., стоящих над народными массами, и о таких атрибутах власти правителей, как казна, печати (*маоер*), знамена (*туу*) и т. п., явно свидетельствуют о постепенном формировании киргизской государственности, «хотя в силу определенных исторических условий у киргизов и не сложилось единого централизованного государства типа крупных среднеазиатских ханств» (с. 91).

Третью главу работы И. Б. Молдобаев посвятил культурно-бытовым особенностям киргизского народа, выявленным в результате анализа эпоса. Большой интерес представляет информация о материальной культуре киргизов. Отметим описание защитной верхней одежды (*ак-олпок*, с. 95) и шубы из перьев утки (с. 97); такая одежда практически не рассматривалась в этнографической литературе. Интересные сведения в эпосе нашел автор о старинной походной пище *кюль-азык*, о которой ему поведал сказитель Орузбай Урмамбетов (с. 99—100).

Пожалуй, наиболее удачен раздел этой главы, посвященный разбору сведений о киргизской народной медицине в «Жаныш и Байыш». Разумеется, эти сведения имеют лишь вспомогательное значение при изучении конкретного опыта киргизской народной медицины. Однако в ряде случаев устная народная традиция может быть весьма полезной для уточнения наших знаний. Так, например, в «Жаныш и Байыш» описывается народный хирургический инструмент *тинтуур*. В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина это слово переводится как ланцет. Однако из материалов эпоса, подтвержденных недавними археологическими раскопками², выясняется, что перевод К. К. Юдахина неправилен. Термин *тинтуур*, по мнению И. Б. Молдобаева, следует переводить словом «стрелоискатель». Сказитель О. Урмамбетов рассказывал, ему, что *тинтуур* изготовлялся из чия, таволги (кустарник с очень крепкой древесиной), а также из золотой и серебряной проволоки толщиной примерно со стебель чия. На конце инструмента крепился шарик или выпуклый предмет (с. 119). Данное терминологическое уточнение представляется нам важным. Оно показывает, насколько серьезной для истории медицины может оказаться помощь исследователя-фольклориста.

В последнем разделе третьей главы рассматриваются религиозные воззрения киргизов, отраженные в эпосе. «Жаныш и Байыш», по мнению автора, может служить хорошим индикатором народных религиозных представлений. В книге справедливо отмечается, что исламизация киргизов была неглубокой, и в период позднего средневековья доисламские верования среди них еще были весьма широко распространены. В доказательство приведен такой пример. Киргизский правитель Асылкан отправился в Медину, чтобы просить всевышнего избавить его от бездетности. Он повстречался с Кыдырилязом³, который уверил Асылкана в том, что у него будут дети и предложил ему возвратиться домой (с. 123). В этом эпизоде автор усматривает «смешение мусульманской религии и представлений киргизов о добрых духах» (с. 123—124). На наш взгляд, этот вывод не вполне правомерен. Здесь, как представляется, происходит встреча и слияние двух миров: ислама и первобытных верований. Мощная исламская традиция поглощает местные верования, и Кыдыриляз, добрый дух киргизского фольклора, одновременно становится одним из мусульманских святых.

Этнографии нужны и конкретные, и обобщающие исследования. Рассмотренная нами работа принадлежит к первому типу. Автор хорошо чувствует первоисточник, умеет «добывать» нужный ему материал. Заметно слабее в работе попытки интерпретации материала. Иногда встречаются и неточности: например, слово «эмир» арабского, а не персидского происхождения, как указано в книге (с. 69). В целом же следует подчеркнуть, что работа вводит в научный оборот свежий материал и вносит заметный вклад в процесс научного освоения киргизских эпических сказаний.

М. Ю. Рошин

² Грач А. Д., Молдобаев И. Б. Об одном древнем инструменте народной медицины. — Сов. этнография, 1983, № 3, с. 97—99.

³ Добрый дух киргизского фольклора, чаще называется Кыдыр-Атой.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»
В 1981—1985 гг. ***

Указ Президиума Верховного Совета СССР О награждении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР орденом Дружбы народов. 1983, 2, с. 3

Статьи и сообщения

- Абдулвахабова Б. Б.-А. — см. Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чаккиев Д. Ю.
- Агаширинова С. С. Традиция керамического производства у лезгин Дагестана (по материалам с. Кахуль). 1984, 1, с. 110—116.
- * Агранат Г. А. Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы. 1982, 6, с. 66—80.
- Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XVI — начало XVII в.). 1981, 6, с. 112—118.
- * Александров В. А. Эволюция земельного обычного права в русской позднефеодальной крепостной деревне (XVIII — начало XIX в.). 1984, 2, с. 27—38.
- * Алексеев В. П. В. В. Бунак — новатор в разработке теоретических основ антропологической науки. 1982, 4, с. 88—92.
- * Алексеев В. П. К палеоантропологии ананьинской культуры. 1981, 4, с. 53—62.
- Алексеев В. П. Максим Григорьевич Левин — антрополог, этнограф и организатор науки. (К 80-летию со дня рождения). 1984, 6, с. 65—76.
- Алексеев В. П. Новая палеоантропологическая находка энеолитического времени под Красноярском. 1983, 4, с. 102—105.
- * Алексеев В. П. Формирование взглядов Чарльза Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории. 1984, 5, с. 3—15.
- * Алексеев В. П., Влахович П., Иванович Б. К морфологической характеристике илирийского населения Черногории. 1985, 6, с. 49—55.
- * Алексеев В. П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. 1. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн. 1982, 6, с. 105—114.
- * Алексеев В. П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. II. Череп из преалеутских погребений на стоянке Чалука (о. Умнак). 1983, 1, с. 114—127.
- Алексеев Е. А. На медвежьих празднике у кетов. 1985, 5, с. 92—97.
- * Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы исследования протоиндийских тел. 1982, 1, с. 35—45.
- Альбедиль М. Ф. Протоиндийское письмо: итоги и перспективы исследования. 1984, 4, с. 122—134.
- * Андреева Т. И., Сомова О. Забытый эксперимент. (Из истории этнографического театра). 1985, 2, с. 83—90.
- Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный чай гостеприимства...» 1985, 4, с. 111—120.
- Анчабадзе Ю. Д. Странные помин [Реликты древних верований и обрядов]. 1982, 1, с. 132—136.
- Анчабадзе Ю. Д. Традиционные увлечения абхазского крестьянства конце XIX — начале XX в. 1981, 4, с. 108—118.
- * Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтьева. 1984, 4, с. 81—91.
- * Артемова О. Ю. Индивидуальность специализация в обществе аборигенов Австралии, 1984, 3, с. 40—50.
- * Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса. 1982, 1, с. 8—21.
- * Арутюнов С. А., Маркарян Э. Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса. 1983, 2, с. 22—31.
- * Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской стемы питания). 1981, 4, с. 3—15.
- * Арутюнов Ю. В., Ремизова С. О трудовой деятельности многонационального советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны [К 40-летию Великой Победы]. 1985, с. 3—13.
- * Арутюнов Ю. В., Суслов А. А. Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов. 1983, с. 13—22.
- Аршавская З. А. Традиционное жилище в селении Хуфар (Узбекская ССР). 1983, 6, с. 79—87.
- Асанканов А. Изменения в культуре

* Звездочкой отмечены статьи, имеющие резюме на английском языке. Со второго номера за 1982 г. резюме публикуются в конце журнала.

- ной жизни сельского населения Киргизской ССР (1960—1980 гг.). 1984, 1, с. 90—98.
- Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в. 1984, 4, с. 28—41.
- Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. О брачных системах автохтонных народов Северной Азии. 1981, 4, с. 39—52.
- Афанасьева И. С. Антропологический аспект изучения пигмента феомеланина волос. 1981, 1, с. 84—97.
- Абенко В. Я. — см. Кузеев Р. Г., Абенко В. Я.
- Байбури А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура. 1985, 2, с. 36—46.
- Баранова И. И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР. (Поиски и проблемы). 1981, 2, с. 25—35.
- Баскаков Н. А. Резьба по дереву в Хорезме. 1982, 1, с. 121—128.
- Захышов Ч. А. Изменение этнического состава населения Азербайджанской ССР (по данным переписей 1897—1979 гг.). 1982, 5, с. 65—71.
- Блажников Б. Х. Организация пространства и этикет. 1983, 4, с. 37—50.
- Бе Вьет Данг, Губогло М. Н. Основные направления этнографических исследований в СРВ. 1983, 3, с. 56—66.
- Белоус Т. И. — см. Корепова К. Е., Белоус Т. И.
- Беневоленская Ю. Д. Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам. 1981, 2, с. 68—77.
- Бердыев М. С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни. 1985, 1, с. 88—98.
- Березкин Ю. Е. Культурная преемственность на северном побережье Перу в V—XV вв. (по данным мифологии и изобразительного искусства). 1984, 2, с. 50—66.
- Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян. 1982, 1, с. 22—34.
- Бессмертный Ю. Л. К демографическому изучению французской деревни IX в. (Люди и имена). 1981, 2, с. 51—67.
- Бикбулатов Н. В. — см. Кузеев Р. Г., Пшеничнюк А. Х., Бикбулатов Н. В.
- Богина Ш. А. Об изучении этнических аспектов американской семьи. 1985, 4, с. 104—109.
- Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX—XX вв.). 1982, 1, с. 101—112.
- Большаков А. О. Сцена драки лодочников в староегипетских гробничных изображениях. 1983, 3, с. 105—112.
- Борзых Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов. 1984, 3, с. 101—112.
- Бородатова А. А. Прорицатели и жрецы у древних майя. 1984, 1, с. 72—89.
- Бродянский Д. Л. Стрелок Кадо и богиня Аматаэрасу в произведениях неолитических скульпторов (два опыта соединения мифологических и археологических текстов). 1985, 2, с. 116—121.
- * Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности. 1983, 6, с. 10—23.
- * Бромлей Ю. В. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики. 1981, 1, с. 10—23.
- * Бромлей Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР (к 60-летию образования СССР). 1982, 6, с. 3—15.
- * Бромлей Ю. В. Основные тенденции этнических процессов в современном мире. 1982, 2, с. 3—15.
- * Бромлей Ю. В. Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР. 1985, 4, с. 3—12.
- * Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (К 50-летию ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР). 1983, 2, с. 4—14.
- * Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии. 1981, 6, с. 27—41.
- Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Японский государственный этнографический музей. 1981, 5, с. 143—148.
- * Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Этнографическая наука в десятилетии. 1981, 2, с. 3—24.
- * Бромлей Ю. В., Тишков В. А. XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук. 1984, 1, с. 15—28.
- * Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Ордена Дружбы народов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет. 1983, 4, с. 20—37.
- * Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции. 1982, 5, с. 3—21.
- * Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). 1982, 4, с. 9—25.
- * Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. 1981, 5, с. 15—31.
- * Будина О. Р. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии). 1984, 2, с. 15—27.
- * Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города. 1982, 6, с. 27—39.
- Букари А. О творческом использовании социально-культурных традиций в Нигере. 1984, 6, с. 107—113.
- Бусыгин Е. П., Яковлев В. И. Гуси у поволжских народов. 1985, 2, с. 109—116.
- * Бутинов Н. А. Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохау ронгоронго). 1982, 6, с. 51—66.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя. 1984, 6, с. 114—130.

- * Васильева Г. П. Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана). 1982, 5, с. 41—51.
- Васильева Г. П. Этнические процессы у западных туркмен в эпоху позднего феодализма (XVI—XVIII вв.). 1985, 5, с. 83—91.
- Виноградов В. Б., Абдулвахабов Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин. (О парадном головном уборе *курхарс*). 1985, 3, с. 104—114.
- Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье. 1984, 1, с. 98—110.
- * Власов В. Г. Русский народный календарь. 1985, 4, с. 22—36.
- Влахович П.—см. Алексеев В. П., Влахович П., Иванович Б. Воззвание XI Международного конгресса антропологов и этнологов против ядерной войны. 1984, 1, с. 28—29.
- * Волкова Н. Г. Арабы на Кавказе. 1983, 2, с. 41—51.
- Волкова Н. Г. Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе. 1981, 5, с. 113—116.
- * Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия. 1985, 5, с. 16—25.
- * Волчок Б. Я. К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов. 1982, 3, с. 54—69.
- * Воронов А. А. Этнические особенности геногеографии дефицита фермента Г-6-ФД у населения СССР. 1981, 6, с. 65—77.
- II Конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы. 1982, 1, с. 3—7.
- * Гадгил М., Малхотра К. Ч. Экология пастушеской касты гавли-дхангаров. 1982, 5, с. 107—119.
- Гайсин Г. А. Гармоника в музыкальном быту казахов (XIX — начало XX в.). 1984, 2, с. 77—79.
- * Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы. 1984, 6, с. 16—28.
- Гейбуллаев Г. А. О некоторых азербайджанских этнопонимах. 1985, 3, с. 86—90.
- * Герд А. С., Лутвинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах лингвистов и некоторые вопросы теории этногенеза. 1985, 6, с. 28—37.
- * Гиренко Н. М. Восточноафриканские культуры в процессе формационных изменений (XIX—XX вв.). 1984, 2, с. 38—50.
- Глинский Е. А., Сергеев Д. А. Результаты металлографического анализа двух изделий корякских кузнецов. 1981, 2, с. 125—127.
- Глинский Е. А., Сергеев Д. А., Фрадкий Э. Е. Кип в представлениях берингоморских эскимосов. 1982, 4, с. 112—120.
- Гогоберидзе Н. С. Тбилисский музей игрушки. 1982, 2, с. 93—96.
- Гордеева О. Г. Две кожаные маски из коллекций Государственного музея Ленина исторического музея. 1985, 4, с. 78—82.
- Горленко В. Ф. Киев — центр этнографической науки на Украине (1500-летию Киева). 1982, 6, с. 89—91.
- Горленко В. Ф. Об этнониме черкес в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в. 1982, 3, с. 107—109.
- Гохман В. И. О братиях куки-ча Бангладеш. 1983, 3, с. 112—113.
- * Гохман И. И., Решетов А. А. О южных границах распространения вероизнаний монголоидов в древности. 1981, 6, с. 78—88.
- Грацианская Н. Н., Токарев С. П. Этнографическое районирование Европы. (К истории изучения). 1984, 4, с. 103—110.
- Грач А. Д., Молдобаев И. Б. Об одном древнем инструменте народной музыки. 1983, 3, с. 97—99.
- Грибанов П. В. Население Белиза: этнополитическая общность в процессе становления. 1983, 1, с. 66—75.
- * Грибанов П. В. Этносоциальные процессы в Гайане. 1985, 4, с. 56—60.
- Григорьева Р. А. Традиционный свадебный обряд в современном быту латгалийцев Латгалии. 1981, 3, с. 99—101.
- * Громыко М. М. Обычай помощи русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования традиций). 1981, 4, с. 26—38.
- * Громыко М. М. Обычай помощи русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования традиций). [Окончание статьи; начало см. в № 4, 1981]. 1981, 5, с. 32—46.
- Грусман В. М., Яглинская Э. П. Показ отдельных аспектов советского образа жизни в Государственном музее этнографии народов СССР. 1982, 3, с. 88—95.
- * Губогло М. Н. Ленинская национально-языковая политика КПСС и интернационализм в действии. 1984, 1, с. 3—15.
- Губогло М. Н. — см. Бе Вьет Дан
- Губогло М. Н.
- Гуляев В. И. Царская гробница в Пеленке: легенды и факты. 1981, 2, с. 133—147.
- * Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза. 1982, 4, с. 15—27.
- Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Поездка в США советских этнографов. 1982, 3, с. 113—119.
- * Гурвич И. С., Таксами Ч. М. Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период. 1985, 2, с. 54—63.
- Гуревич А. Я. Этнология и история современной французской средневековедения. 1984, 5, с. 36—48.
- Гусев В. Е. На окраине белорусского Полесья. 1982, 5, с. 82—89.
- Гусев В. Е., Михеева Н. А., Рыжкова Л. Н. Кишиневские фестивали и проблемы фольклоризма в молодом городе. 1985, 2, с. 91—99.
- Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества. 1982, 4, с. 93—105.
- Давыдова Г. М. Подход к изучению населения в антропологии. 1984, 3, с. 112—120.

- Дараган Н. Я. Соотношение этнических и конфессиональных общностей в США. 1984, 1, с. 60—72.
- Бар С. А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы. 1985, 1, с. 98—105.
- XI съезд КПСС и задачи советской этнографической науки. 1981, 3, с. 3—10.
- Денисова Р. Я. Опыт реконструкции структуры общества (по данным могильника эпохи бронзы). 1984, 6, с. 29—41.
- Жавадов Г. Д. Традиционное азербайджанское пахотное орудие *гара кот*. 1981, 6, с. 119—128.
- Жавадов Г. Д. — см. Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д.
- Жавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д. Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX — начале XX в. 1984, 3, с. 128—134.
- Жарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Праздник, который остается с нами. 1982, 3, с. 129—142.
- Жарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Этнографическая поездка в Японию. 1981, 4, с. 142—153.
- Задзиев А. Б. Традиционные формы проведения досуга в общественном быту осетинских крестьян в XIX — начале XX в. 1982, 5, с. 72—78.
- Митревский Ю. Д. О критериях экономико-географического и социально-географического подхода к изучению процесса формирования этнических общностей. 1985, 4, с. 83—88.
- Дмитриева С. И. Народное искусство русских Мезени (в связи с этнической историей края). 1983, 5, с. 23—38.
- Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. 1983, 5, с. 3—16.
- Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР). 1981, 3, с. 11—22.
- Дробижева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР). 1982, 5, с. 33—40.
- Дубова Н. А. О некоторых аспектах содержания антропологической науки. 1983, 6, с. 62—67.
- Дугаров Д. С. К этимологии терминов *юрээн*, *уур*, *уури*. 1981, 1, с. 98—102.
- Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов. 1983, 5, с. 104—113.
- Евтух В. Б. Музей народного искусства Кипра. 1985, 6, с. 91—96.
- Ефанова В. А. — см. Ковалев Н. И., Ефанова В. А.
- Жарникова С. В. О некоторых архаических мотивах вышивки сольвычегодских кокошников северодвинского типа. (По материалам Вологодского областного краеведческого музея). 1985, 1, с. 107—115.
- Жарникова С. В. О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (по поводу статьи Г. П. Дурасова). [Сов. этнография, 1980, № 6]. 1983, 1, с. 87—94.
- Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях). 1984, 3, с. 135—143.
- Жуковская Н. Л. Визит в Каминояма. 1983, 2, с. 122—129.
- Журавлева Л. С. Уникальный памятник народно-прикладного искусства. 1985, 3, с. 60—63.
- Завадская Е. П. Некоторые этноконфессиональные аспекты формирования многонационального эфиопского государства в конце XIX века. 1983, 2, с. 102—108.
- * Земцовский И. И. Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед (к 100-летию со дня рождения). 1984, 5, с. 81—93.
- * Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К. Опыт сопоставления краниологического материала и современного населения по некоторым признакам соматологической характеристики. 1984, 5, с. 59—69.
- Зотова Ю. Н. «Тузменные» суды и традиционные правители йоруба в колониальный период. 1985, 5, с. 105—112.
- Зубко Г. В. Ближневосточные предки футболь: факт или легенда? 1984, 1, с. 135—146.
- * Зубов А. А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР. 1982, 5, с. 21—33.
- Зубов А. А. — см. Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хитъ Г. Л., Зубов А. А.
- * Иванова Ю. В. Проблемы этнографии болгар в трудах советских ученых. 1982, 2, с. 16—25.
- Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.). 1981, 4, с. 95—107.
- Иванович Б. — см. Алексеев В. П., Влахович П., Иванович Б.
- Иерусалимская А. А. Археологические параллели этнографические засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мшечевая Балка). 1983, 1, с. 102—113.
- * Илларионов Н. С. Этнополитические проблемы современного Занзибара (этнос островных суахили в 1960—1970 годы). 1982, 1, с. 46—55.
- Итина М. А. Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы. 1984, 1, с. 42—59.
- * Итонишвили В. Д. Грузинская советская этнография за 60 лет. 1983, 2, с. 32—41.
- Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов. 1983, 6, с. 3—10.
- * Кабашников К. П. Белорусская народная поэзия периода Великой Отечественной войны. [К 40-летию Великой Победы]. 1985, 3, с. 10—22.
- Кабузан Н. В. Украинское население Галиции, Буковины и Закарпатья в конце XVIII — 30-х годах XX в. 1985, 3, с. 72—86.
- Кабузан В. М. — см. Брук С. И., Кабузан В. М.

- * Калиновская К. П. Традиционное скотоводство в Восточной Африке. 1983, 5, с. 38—48.
- * Калиновская К. П. Традиционные брачные нормы у скотоводческих народов Восточной Африки, 1985, 1, с. 49—57.
- Калоев Б. А. Поездка к венгерским ясам. 1984, 6, с. 98—107.
- Калышев А. Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана. (По материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.). 1984, 2, с. 71—77.
- * Карагодин А. И. Дуальная организация у приволжских калмыков. 1984, 5, с. 25—36.
- Карпов Ю. Ю. Общинный зимний праздник у цезов. 1983, 3, с. 114—119.
- Кашуба М. С. — см. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.
- * Кирдан В. П. Бытование русского традиционного и современного фольклора в годы Великой Отечественной войны. [К 40-летию Великой Победы]. 1985, 3, с. 3—10.
- Клейн Л. С. Перун на Кавказе. 1985, 6, с. 116—123.
- Кнебел Х. Традиционные институты и формы социализации детей и подростков у народа огони (Южная Нигерия). 1981, 1, с. 111—119.
- * Кнорозов Ю. В. Протоиндийские надписи. (К проблемам дешифровки). 1981, 5, с. 47—71.
- Кобычев В. П. Об одной позабытой гипотезе (к этногенезу восточных романцев). 1983, 4, с. 118—125.
- Ковалев Н. И., Ефанова В. А. Черная соль. (Об одном народном обычае костромичан). 1985, 1, с. 105—107.
- Ковалевская В. Б. Древние традиции в домостроительстве горцев Северного Кавказа. 1984, 6, с. 88—98.
- * Коваль М. В. Материальный быт партизан Украины (1941—1944 гг.). [К 40-летию Великой Победы]. 1985, 2, с. 14—23.
- * Кожановский А. Н. Испания: новый этап этнического развития. 1982, 4, с. 43—54.
- * Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии. 1983, 1, с. 3—16.
- * Козлов В. И. Этнографический подход к изучению феномена долгожительства. 1984, 1, с. 29—42.
- Колпакова Н. П. На реке Онеге. 1981, 4, с. 154—165.
- * Колпакова Н. П. О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни. 1983, 6, с. 23—33.
- Комиссаров Б. Н. Ранние годы Н. Н. Миклухо-Маклая. (К истории первого петербургского периода жизни). 1983, 1, с. 128—139.
- Комиссаров Б. Н. — см. Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н.
- * Кон И. С. Этнография детства (Проблемы методологии). 1981, 5, с. 3—14.
- * Кон И. С. Этнография и проблемы пола. 1983, 3, с. 25—34.
- * Конкка У. С. Путь Лённрота к «Калевале». (К 150-летию «Калевалы»). 1985, 3, с. 23—36.
- Кореняко В. А. К проблеме реминисценций скифо-сибирского звериного стиля (по материалам тувинской народной скульптуры). 1985, 3, с. 1.
- Коропова К. Е., Белоус Т. И. Ряды «проводов весны» в быту меновой деревни (по материалам Кочкунов А. С. Традиции и обычаи в современной киргизской семье. 1985, 5, с. 75—83.
- * Красновская Н. А. От роли к формированию сардинской общности. 1985, 6, с. 38.
- * Красновская Н. А. Проблемы исторической этнологии. Сардиния IX—X вв. 1983, 6, с. 33.
- Краснодембская Н. Г. У истоков открытий повседневности. 1981, 125—142.
- Крюков М. В. Культура еврейских кочевников в выставочных залах. 1982, 5, с. 89—97.
- * Крюков М. В. О принципах исторического исследования явлений культуры. 1983, 5, с. 3—13.
- Крюков М. В. — см. Бромлей Ю. В., Крюков М. В.
- Крюков М. В. — см. Штейн С. И., Крюков М. В.
- Крюков М. В. — см. Джарнинов Р. Ш., Крюков М. В.
- * Куббель Л. Е. Культурная трансформация в информационной сети культуры. 1985, 6, с. 17—28.
- * Кузеев Р. Г., Бабенко В. Л. Этнические группы: основные проблемы этнокультурного развития (по материалам СССР). 1985, 4, с. 12.
- Кузеев Р. Г., Пшеничный Б. В. Музейная этнография Башкирской АССР. 1984, 3, с. 75—84.
- * Кузеев Р. Г., Рафиков Ю. Магужина Н. Х. Этногенетическая дивергенция восточных кир. 1982, 4, с. 26—34.
- * Кулакова Н. Н. Гаитийский кризис в XVII—XVIII веках: язык как этнокультурный фактор. 1985, 5, с. 35—44.
- Куликов В. М. Некоторые проблемы изучения древнерусской музыкальной инструментальной культуры. 1983, 6, с. 94—98.
- Куликов В. М., Лысенко-Денисовский М. В. Старинные народные музыкальные инструменты. 1981, 3, с. 124—129.
- Кхонг Зиен. Социалистическая революция в Вьетнаме: этнический состав и размещение населения. 1984, 1, с. 112—122.
- Кызласов И. Л. Гора — прародина в фольклоре хакасов. 1982, 4, с. 83—92.
- Лафлин У. — см. Алексеев В. И., Лафлин У.
- Лебедев С. Б. А. Н. Пыпин и его этнографический экспедиционный материал на Балканах. 1984, 3, с. 83—94.
- Лебединская Г. В. — см. Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова А. К.
- * Леонтьев А. А. Личность как историко-этническая категория. 1981, 3, с. 35—44.
- * Леперванш М. Иммиграция в Австралию в 1947—1979 годах. 1982, 6, с. 63—82.

- Линдер И. М. Шахматные реалии в былинах. 1984, 3, с. 29—40.
- Линдер И. М. Шахматы: быт, семья, традиции. 1981, 5, с. 149—165.
- Типец Р. С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях). 1981, 1, с. 120—133.
- Литвинский Б. А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии). 1982, 4, с. 34—43.
- Тобанов М. А. Вокальные мелодии-сигналы в крестьянском быту (по материалам Северо-Запада РСФСР). 1983, 5, с. 113—122.
- Лобачева Н. П. Из истории каракалпакского женского костюма. (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана). 1984, 4, с. 14—28.
- Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков). 1981, 2, с. 36—50.
- Лукина Н. В., Плетнева Л. М. Музей и студент (К 100-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета). 1982, 5, с. 78—82.
- Лукина Н. В., Рындина О. М. Этнографический архив В. Н. Чернепова. (К 80-летию со дня рождения ученого). 1985, 5, с. 70—74.
- Лутовнинова И. С. — см. Герд А. С., Лутовнинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В.
- Лушик М. Н. Связь некоторых параметров носовой полости с основными расоводиагностическими признаками. 1985, 3, с. 101—103.
- Лысенко-Днестровский М. В. — см. Куликов В. М., Лысенко-Днестровский М. В.
- Ляпунова Р. Г. — см. Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г.
- Мадаева З. А. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX — начале XX в. 1983, 4, с. 87—94.
- Малхотра К. Ч. — см. Гадгил М., Малхотра К. Ч.
- * Мануш Лекса. К проблеме музыкального фольклора цыган. (Истоки цыганской музыки в Европе). 1985, 5, с. 46—56.
- Мануш Лекса. Фольклор латышских цыган (основные жанры и тематика). 1981, 3, с. 113—123.
- Мардонова А. Обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем. 1984, 3, с. 120—128.
- Маркарян Э. С. — см. Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И.
- * Марков Г. Е. Советские этнографы в годы Великой Отечественной войны. [К 40-летию Великой Победы]. 1985, 2, с. 23—35.
- * Мартынова М. Ю. Субэтнические группы хорватов в XIX в. 1983, 1, с. 33—42.
- Мататов М. Е. К вопросу о татском этносе. 1981, 5, с. 109—112.
- Мелня А. О. Музей народного зодчества и быта грузин. 1983, 2, с. 114—121.
- Меновщиков Г. А. О географическом названии АЛЯСКА. 1982, 2, с. 96—102.
- Ментешашвили З. А. Старое и новое в обществе мозабитов Алжира. 1985, 5, с. 98—104.
- Миненко Н. А. Фольклор в жизни западносибирской деревни XVIII в. — 60-х годов XIX в. 1983, 3, с. 86—97.
- Михайлова Л. П. — см. Герд А. С., Лутовнинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В.
- Михайлова Т. А. Недуг уладов — попытка интерпретации. 1982, 2, с. 103—107.
- Михеева Н. А. — см. Гусев В. Е., Михеева Н. А., Рыжкова Л. Н.
- Мкртумян Ю. И. — см. Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И.
- Мкртумян Ю. И. — см. Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.
- Молдобаев И. Б. — см. Грач А. Д., Молдобаев И. Б.
- * Моногарова Л. Ф. Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфары). 1982, 3, с. 13—26.
- Морозова Н. К. — см. Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К.
- Мужухоев М. Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье). 1985, 2, с. 99—108.
- Мусина Р. Н. Социально-этнические аспекты современной духовной культуры сельских татар. (По материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР). 1983, 5, с. 88—97.
- Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX — начало XX в. (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана). 1982, 2, с. 76—83.
- * Мыльников А. С. Народная культура и генезис национального самосознания. 1981, 6, с. 3—13.
- * Мыльников А. С. Об этнографическом изучении процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. 1985, 3, с. 36—42.
- Навстречу XXVI съезду КПСС. 1981, 1, с. 3—9.
- Налепин А. Л. Изучение и преподавание русского фольклора в университетах Великобритании и США. 1981, 4, с. 130—141.
- Наумкин В. В. — см. Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хитъ Г. Л., Зубов А. А.
- * Наумов Е. П. Этнические представления на Балканах в эпоху раннего средневековья (по материалам «Летописи попа Дуклянина»). 1985, 1, с. 25—35.
- Невская Т. А. Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя. 1982, 1, с. 89—100.
- Неклюдов С. Ю. Новые материалы по монгольскому эпосу и проблема развития народных повествовательных традиций. 1981, 4, с. 119—129.
- * Никишенков А. А. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20—40-е годы XX в.). 1982, 4, с. 55—66.

- * Николаева Т. А. Народные конструктивно-художественные приемы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев. 1984, 3, с. 14—29.
- * Никонов В. А. География фамилий — источник этнической истории грузин. 1983, 1, с. 23—33.
- Нитобург Э. Л. Население Гренады. 1982, 3, с. 77—87.
- * Нитобург Э. Л. О характере этнической общности афроамериканцев США. 1985, 4, с. 36—47.
- Новицкая А. П. — см. Сусоколов А. А., Новицкая А. П.
- Окладников А. П., Рагозин Л. А. Загадка Улалинки. 1982, 6, с. 115—125.
- Окладникова Е. А. Калифорнийская коллекция И. Г. Вознесенского в МАЭ. 1984, 4, с. 92—102.
- * Орфинский В. П. К методике исследования деревянного зодчества. 1983, 4, с. 50—62.
- Оршо Э. Пища чеченцев современной Иордании. 1985, 6, с. 104—109.
- Османов М. О. О формах и типах скотоводства. (По материалам Дагестана. XIX в.). 1984, 6, с. 77—88.
- * Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (К проблеме этнографии детства). 1983, 3, с. 34—45.
- Осорина М. В. — см. Покшишевский В. В., Осорина М. В.
- * Остапенко Л. В., Сусоколов А. А. Динамика национального состава студенчества союзных республик в послевоенные годы. 1985, 2, с. 46—54.
- * Островский А. Б. Анализ мифов К. Леви-Стросса: первобытное мышление и этнографический контекст. 1984, 5, с. 48—59.
- * Паин Э. А. Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса). 1985, 1, с. 3—14.
- Панкова Н. Г. Динамика этнополитических процессов в районе Золотого Берега (XV—XIX вв.). 1983, 4, с. 105.
- Першиц А. И. Похищение невест: правило или исключение? 1982, 4, с. 121.
- * Першиц А. И. Проблема аксиологических сопоставлений в культуре. 1982, 3, с. 3—12.
- Плетнева Л. М. — см. Лукина Н. В., Плетнева Л. М.
- Покровский Н. Н. Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам. 1981, 5, с. 96—108.
- * Покшишевский В. В. Методы изучения этнической смешанности городского населения. 1983, 1, с. 16—23.
- Покшишевский В. В., Осорина М. В. Рисуют дети разных народов. 1984, 5, с. 114—124.
- * Полицук Н. С. Песни первой Российской революции. [К 80-летию революции 1905—1907 годов в России.] 1985, 6, с. 3—16.
- * Померанцева Э. В. | А. Н. Афанасьев и братья Гримм. 1985, 6, с. 84—90.
- * Попова Т. В. Жизнь, отданная песне. (К 100-летию со дня рождения К. В. Квитки). 1981, 3, с. 79—89.
- Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских социалистических республик» и записки этнографов. 1982, 4, с. 3—9.
- Пшеничный А. Х. — см. Кузнецов Р. Г., Пшеничный А. Х., Булатов Н. В.
- Рабинович М. Г. Бытовой аспект мейной драмы Грозного, 1981, с. 137—140.
- Рабинович М. Г. Город и поэт (К этнографическому источниковедению). 1985, 1, с. 116—129.
- * Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения). 1983, 3, с. 19—24.
- * Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. Город и этнические процессы (Из опыта этнографического изучения восточнославянских городов). 1984, с. 3—14.
- * Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению городов. 1981, 3, с. 23—34.
- Равдоникас Т. Д. Кормильство Боспоре. 1981, 1, с. 103—110.
- Рагозин Л. А. — см. Окладников А. П., Рагозин Л. А.
- Разгой А. М. Музей и наука, 1983, с. 109—114.
- Раманаяка М. У. Кастовые отношения у сингалов в округе Веллему. (Шри Ланка). 1981, 6, с. 129—136.
- Рассудова Р. Я. Культурные объекты Ферганы как источник по истории орошаемого земледелия. 1985, 4, с. 96.
- Рафиков Х. С. — см. Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагузин Н. Х.
- Ремизова С. Ф. — см. Арутюнян Ю. В., Ремизова С. Ф.
- Решетов А. М. — см. Гохман И. И., Решетов А. М.
- Ризванов Р. З. Из ономастики лезгин. 1984, 5, с. 97—101.
- Рикман Э. А. Этнографические аспекты работ Бухарестской социологической школы между первой и второй мировыми войнами. 1984, 3, с. 92—100.
- Рождественская Т. В. — см. Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В.
- * Роуз Ф., Шепс Б. Борьба австралийских аборигенов за земельные права «культ» Труганини. 1985, 1, с. 57—68.
- Роуз Ф. Г. Г., Шепс Б. Традиция и эволюция живописи на коре в районе Оэнпелли, Западный Арихемленд. 1982, 3, с. 120—128.
- * Руденский Н. Е. Численность и расселение венгерских групп в Европе за пределами Венгрии. 1982, 3, с. 27—39.
- Рунин А. П. Наскальные рисунки тамги в Джиналском гроте у Кисловодска. 1983, 4, с. 98—102.
- Рыжкова Л. Н. — см. Гусев В. Е., Михеева Н. А., Рыжкова Л. Н., Рындина О. М.
- Рындина О. М. — см. Лукина Н. В., Рындина О. М.
- Савоскул С. С. Н. К. Рерих и легенды о Беловодье. 1983, 6, с. 88—101.
- Савоскул С. С. Русская народная драматическая игра «Лодка» в с. Маково на Чукотке. 1982, 5, с. 120—124.
- Сагалаев А. М. Ударные инструменты

- ритуалах ламаизма и южносибирского ламанства. 1981, 5, с. 117—124.
- Жин В. В. Определение компактности населения этносов. 1984, 5, с. 94—97.
- Фронов Ф. Г. Музей под открытым небом в с. Черкех (Якутская АССР). 1983, 5, с. 123—129.
- Ван О. Г. Сезонные поселения и промысловые избы на Русском Севере конец XIX — начало XX в.). 1982, 1, с. 113—120.
- Менова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам села Ляльшур Удмуртской АССР). 1981, 1, с. 68—77.
- Григорьев Д. А. — см. Глинский Е. А., Григорьев Д. А.
- Григорьев Д. А. — см. Глинский Е. А., Григорьев Д. А., Фрадкин Э. Е.
- Григорьева Г. А. Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане. 1981, 3, с. 90—98.
- *Симакин С. А. К вопросу о синкретизме в религиозной системе бирманского буддизма. 1981, 1, с. 38—50.
- Симченко Ю. Б. — см. Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б.
- *Смирнова Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства). 1982, 6, с. 40—51.
- Смирнова Я. С. Усыновление покровителя. 1984, 2, с. 87—92.
- Смирнова Я. С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. 1981, 1, с. 78—83.
- Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей). 1982, 1, с. 80—88.
- *Соколов Б. В. Иммигрантское население Южно-Африканской Республики. 1984, 6, с. 41—50.
- Соколов Б. В. Население Фолклендских (Мальвинских) островов. 1982, 6, с. 81—88.
- *Соколов В. Т. Городские рабы и их семьи на юге США. 1830—1860 гг. 1983, 3, с. 45—56.
- Соколова В. К. К исследованию обрядового фольклора (на примере восточнославянского материала). 1981, 4, с. 16—25.
- Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX вв. 1982, 2, с. 65—76.
- Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера. 1983, 1, с. 76—87.
- Соколовский С. В. Роль данных опомастики в историко-антропологических исследованиях. 1985, 5, с. 25—35.
- Соловьева Л. Т. Обычай и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX — начале XX в. 1982, 4, с. 105—112.
- Соломонович И. Н. Традиционный театр перчаточной куклы в Китае. 1985, 5, с. 113—125.
- Сомова О. В. — см. Андреева Т. И., Сомова О. В.
- Станюкович М. В. Эпос и обряд у горных народов Филиппин. 1981, 5, с. 72—83.
- Станюкович Т. В. Музеи Болгарии. 1984, 3, с. 64—75.
- *Станюкович Т. В., Чистов К. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев. 1981, 1, с. 24—37.
- Староверов В. А. Типы скотоводческого хозяйства у киргизов Памиро-Алая и Каратегина в конце XIX — начале XX в. 1984, 4, с. 111—115.
- *Стельмах В. Г. Политика переселения индейцев США в 30-е годы XIX века. 1983, 2, с. 51—61.
- *Стельмах В. Г. Хозяйство индейцев США на рубеже XIX—XX столетий. 1984, 4, с. 41—53.
- *Сусоколов А. А., Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам отдела загс Кишинева в послевоенный период). 1981, 6, с. 14—26.
- Сусоколов А. А. — см. Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А.
- Сусоколов А. А. — см. Дробичева Л. М., Сусоколов А. А.
- Сусоколов А. А. — см. Остапенко Л. В., Сусоколов А. А.
- Сухарева О. А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX — начало XX в.). 1983, 6, с. 67—79.
- Таксами Ч. М. — см. Гурвич И. С., Таксами Ч. М.
- Тарланов З. К. Заметки по сельскохозяйственной магии агулов. 1981, 2, с. 128—132.
- *Тер-Акопян Н. Б. Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации. 1983, 4, с. 3—19.
- *Тер-Акопян Н. Б. Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и некоторые вопросы теории исторического процесса. 1984, 4, с. 3—14.
- Тер-Саркисянц А. Е. — см. Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е.
- *Тишков В. А. Англо-французское двуязычие в Канаде. 1985, 4, с. 47—56.
- *Тишков В. А. Индейцы Канады во второй половине XX в. 1982, 3, с. 40—53.
- Тишков В. А. Норвежское жилище в музее под открытым небом в Тронхейме. 1983, 5, с. 129—141.
- Тишков В. А. — см. Бромлей Ю. В., Тишков В. А.
- *Ткачев В. Н. Эволюция охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии. 1985, 1, с. 35—48.
- Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии. 1982, 3, с. 107—113.
- Токарев С. А. — см. Грацианская Н. Н., Токарев С. А.
- Толстова Л. С. Национально-смешанные браки у сельского населения Каракалпакской АССР. (К вопросу о современных этнических процессах). 1985, 3, с. 64—72.
- Томилов Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях. 1981, 5, с. 84—95.
- Туголуков В. А. Об определении численности коренного населения Север-

- ной Сибири в XVII веке. 1981, 2, с. 122—124.
- Туголуков В. А. — см. Соколова З. П., Туголуков В. А.
- * Тульцева Л. А. О некоторых социально-этнических аспектах развития обрядово-праздничной культуры в Узбекистане. 1984, 5, с. 15—24.
- Тульцева Л. А. — см. Дробижева Л. М., Тульцева Л. А.
- Тумаркин Д. Д. К истории топонима Берег Маклая. 1984, 5, с. 102—106.
- * Тумаркин Д. Д. Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов. 1983, 6, с. 48—61.
- Устаев Ш. У. Новый год (Навруз) в мифологических воззрениях таджиков и узбеков. 1985, 6, с. 97—104.
- * Файнберг Л. А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей. 1981, 6, с. 42—51.
- Файнберг Л. А. Судьбы коренного населения Бразилии. 1984, 2, с. 79—86.
- Фам Куанг Хоан. Этнический состав горных мон-кхмеров юга Вьетнама. 1984, 1, с. 122—129.
- Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX—XX веках. 1983, 5, с. 97—104.
- * Федорова И. К. Тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи). 1983, 1, с. 42—53.
- Федосеева Е. П. А. Л. Троицкая и ее архив. 1984, 2, с. 67—70.
- Фишман О. М. Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы). 1984, 1, с. 130—134.
- * Формозов А. А. Революционер-шестидесятник М. Л. Михайлов о первобытных людях. 1985, 6, с. 73—76.
- Фрадкин Э. Е. О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства. 1985, 2, с. 122—127.
- Фрадкин Э. Е. — см. Глинский Е. А., Сергеев Д. А., Фрадкин Э. Е.
- * Фурсова Л. Н. Формирование местного населения Канады. 1982, 5, с. 51—64.
- Хексельшнейдер Э. Немецкий славист о русском эпосе (Диссертация Вильгельма Вольнера, 1879). 1981, 2, с. 116—121.
- Хить Г. Л. — см. Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А.
- Ходжайов Т. К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит — начало XX в.). 1983, 3, с. 99—105.
- Цой В. С. Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана. 1983, 2, с. 96—102.
- Чаккиев Д. Ю. — см. Виноградов В. Б., Абдулвахабов Б. Б.-А., Чаккиев Д. Ю.
- Чаккиев Д. Ю. — см. Виноградов В. Б., Чаккиев Д. Ю.
- Чернецов А. В. Полевые меты крестьян Подмосквы в начале XX в. 1982, 6, с. 101—105.
- Чешко С. В. Семейно-родственные и родо-племенные отношения у индейцев США во второй половине XX столетия. 1985, 6, с. 108—115.
- Чибиров Л. А. Аграрные истоки культуры животных у осетин. 1983, 1, с. 94—102.
- Чигринский М. Ф. О негритовании. 1984, 5, с. 107—113.
- Чигринский М. Ф. Путешествия Ибиса на Тайвань, 1982, 2, с. 64.
- * Чижилова Л. Н. Особенности культурного развития населения нежской области. 1984, 3, с. 3—11.
- * Чистов К. В. В. Я. Пропп: лент факты. 1981, 6, с. 52—64.
- * Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80 гг. XX века. Летопись Института этнографии АН СССР, 3, с. 3—18.
- * Чистов К. В. Традиция и новаторство. 1983, 2, с. 14—22.
- Чистов К. В. — см. Бромлей Я. С., Чистов К. В.
- Чистов К. В. — см. Станюкович Т. В., Чистов К. В.
- * Шангина И. И. Д. А. Золотой век (К 100-летию со дня рождения). 1984, 6, с. 76—84.
- * Шарма Дж. Р. Новое о культуре растений и domestикации животных Индии. 1982, 2, с. 40—47.
- Шафрановская Т. К., Комаров Б. Н. Айны на страницах дневника Е. Е. Левенштерна. 1985, 1, с. 87.
- Шенталинская Т. С. Сухотин [Реликты древних верований и обрядов]. 1982, 1, с. 129—132.
- Шепс Б. — см. Роуз Ф., Шепс Б.
- Шерстюк И. А. Редкий пережиток старины. [Реликты древних верований и обрядов]. 1982, 1, с. 137—142.
- Шинкарев В. Н. Сакральные предания общины у нага. 1982, 5, с. 107.
- * Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А. Антропологические исследования на территории Сокогра. 1984, 4, с. 53—63.
- * Шкаратан О. И. О принципах функционирования, содержания и структуры внепроизводственной деятельности. 1984, 6, с. 3—16.
- Шлыгина Н. В. О функциональных взаимосвязях построек крестьянских дворов в Восточной Прибалтике. 1982, 2, с. 88—96.
- Шмелева М. Н. — см. Будина О. А., Шмелева М. Н.
- Шмелева М. Н. — см. Рабинвич М. Г., Шмелева М. Н.
- * Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производственному хозяйству (по материалам Средней Азии). 1982, 2, с. 26—39.
- * Штробах Г. Методологические проблемы исторического изучения фольклора. 1983, 5, с. 48—58.
- * Юдин Ю. И. Фантастические образы в русской бытовой сказке. 1985, 1, с. 14—25.
- Юмагужина Н. Х. — см. Кузнецов Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагужина Н. Х.
- Яблонский Л. Т. К краииологии кельтских племен. Внутригрупповой анализ. 1985, 2, с. 127—140.
- Яглинская Э. С. — см. Грушин В. М., Яглинская Э. С.
- Яковлев В. И. — см. Бусыгин Е. Я., Яковлев В. И.

кин А. А. Языковая ситуация в родной Республике Ангола. 1984, с. 116—121.

уссии и обсуждения

Александров В. А., Маркова Л. В., Рождественская С. Б., Ульяева Л. А., Чеснов Я. В. Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций». 1984, 6, с. 51—64.

Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства. [Обсуждение статьи Г. М. Маркова «Скотоводское хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология»]. 1982, 4, с. 1—80.

Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикина Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф. Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований. 1985, 5, с. 57—69.

Грутюнов С. А. За корректность терминоведения. [Обсуждение статьи А. И. Першица «Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии»]. 1983, 5, с. 71—73.

Грутюнов С. А. Об условности понятия «этнопсихология». [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 2, с. 82—84.

Грутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, с. 97—99.

Байбури А. К.—см. Путилов Б. Н., Байбури А. К., Гусев В. Е., Смирнов Ю. И., Рикман Э. А.

Барсегян И. А. О классификации форм культурной традиции. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 102—103.

Березовский И. П. — см. Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикина Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф.

Бернштам Т. А., Решетов А. М. Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций». 1985, 2, с. 64—71.

Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 107—109.

Бородин Е. Т. Традиции — средства развития способностей людей к простому воспроизводству общественной жизни. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 53—54.

Бромлей Ю. В. Важная задача современной этнографии. [Обсуждение статьи А. И. Першица «Социально-эко-

ном аппарате этнографии»]. 1983, 5, с. 69—71.

* Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 3, с. 67—75.

Будина О. Р. — см. Решетов А. М., Будина О. Р., Симаков Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А.

* Бутинов Н. А. Половозрастная организация. [Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1982, 1, с. 63—68.

* Вайнштейн С. И. Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР. 1985, 3, с. 51—59.

* Власова В. Б. Об исторических типах традиционной ориентации. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 112—114.

* Гиренко Н. М. Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации. [Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1981, 6, с. 107—111.

Горленко В. Ф. — см. Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикина Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф.

* Гохман В. М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 110—112.

Грачева Г. Н. — см. Старовойтова Г. В., Козлов В. И., Жилина А. Н., Грачева Г. Н.

* Громыко М. М. Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций в малых социальных группах. [Ответ оппонентам, принявшим участие в обсуждении статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций»]. 1985, 2, с. 72—81.

* Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. 1984, 5, с. 70—80.

Гура А. В. — см. Иванов В. В., Семенов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзензелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М. Гусев В. Е. — см. Путилов Б. Н., Байбури А. К., Гусев В. Е., Смирнов Ю. И., Рикман Э. А.

* Данилова Л. В. Традиция как специфический способ социального наследования. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 48—50.

- дашдамиров А. Ф. Актуальным проблемам — комплексный реалистический подход (ответ оппонентам). 1983, 4, с. 79—86.
- * Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем. 1983, 2, с. 62—74.
- Дзендзелевский И. А. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
- * Дробижева Л. М. Актуальная задача: союз с социальными психологами. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 4, с. 63—67.
- Жилина А. Н. — см. Старовойтова Г. В., Козлов В. И., Жилина А. Н., Грачева Г. Н.
- Зубов Н. И. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
- * Зыков М. Б. Понятие «память» как концептуальная основа для организации междисциплинарного исследования понятия «культурная традиция». [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 46—47.
- * Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры (завершение дискуссии). [Ответы на «Вопросник», составленный Н. И. и С. М. Толстыми]. 1984, 4, с. 64—79.
- * К итогам дискуссии по статье С. А. Токарева «О религии как социальном явлении». [Сов. этнография, 1979, № 3]. 1981, 1, с. 65—67.
- * Калиновская К. П. К проблеме возрастных классов. [Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1982, 1, с. 59—62.
- * Козлов В. И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 2, с. 74—79.
- Козлов В. И. — см. Старовойтова Г. В., Козлов В. И., Жилина А. Н., Грачева Г. Н.
- * Кон И. С. К проблеме возрастного символизма. [Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1981, 6, с. 98—106.
- * Кон И. С. Нужна помощь психологов. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 3, с. 75—78.
- * Крупник И. И. Традиция и «управление» динамикой культуры. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 51—52.
- Куббель Л. Е. Терминологический словарь: принципы подхода. [Обсуждение статьи А. И. Першица «Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии»]. 1983, 4, с. 78—81.
- * Кузнецов И. М. Об обыденно-культурных психологических представлениях. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 2, с. 84—87.
- * Левкович В. П. Социально-логические аспекты этнического сознания. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 4, с. 75—78.
- * Леонтьев А. А. Национальная психология и этнопсихология. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 2, с. 80—83.
- Лобачева Н. П. — см. Решетов А. М., Будина О. Р., Симак Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А.
- * Маретина С. А., Семенов Ю. Шмелева М. Н. Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (риториальной, соседской) общины в социальном механизме формирования и изменения традиций». 1981, 1, с. 70—79.
- * Маркарян Э. С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции. [Заключение к обсуждению статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 59—71.
- * Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. 1981, 1, с. 78—96.
- * Марков Г. Е. О терминах и понятиях в этнографии. [Обсуждение статьи А. И. Першица «Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии»]. 1983, 5, с. 73—77.
- * Марков Г. Е. Проблемы дефиниции и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам). 1982, 4, с. 80—87.
- * Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. 1981, 4, с. 83—94.
- Маркова Л. В. — см. Александров В. А., Маркова Л. В., Родественская С. Б., Тульва Л. А., Чеснов Я. В.
- Моногарова Л. Ф. — см. Решетов А. М., Будина О. Р., Симак Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А.
- * Ольдерогге Д. А. Лингвистические данные в реконструкциях истории первобытного общества. [Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1982, 1, с. 56—59.
- * От редакции. [Итоги обсуждения статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 4, с. 86—87.
- * От редакции. [Итоги обсуждения статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 51—52.

- ты Д. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества»]. 1982, 1, с. 78—79.
- * От редакции. [Итоги обсуждения статьи Г. Е. Маркова «Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология»]. 1982, 4, с. 87.
- * От редакции. [Итоги обсуждения статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций»]. 1985, 2, с. 81—82.
- * От редакции. [Итоги обсуждения теоретических проблем реконструкции древнейшей славянской духовной культуры]. 1984, 4, с. 79—80.
- * От редакции. [О дискуссии по статье Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 71—78.
- * Першиц А. И. Ответ оппонентам. 1983, 5, с. 85—87.
- * Першиц А. И. Проблемы теории традиции глазами этнографа. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 45—46.
- * Першиц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии. 1983, 5, с. 59—69.
- * Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. (Вместо ответа оппонентам). 1982, 1 с. 68—78.
- * Попов В. А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества. (К постановке проблемы). 1981, 6, с. 89—97.
- * Праздников Г. А. Традиция как диалог культур. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 54—56.
- Путилов Б. Н., Байбурин А. К., Гусев В. Е., Смирнов Ю. И., Рикман Э. А. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры. [Ответы на «Вопросник», составленный Н. И. и С. М. Толстыми]. 1984, 3, с. 51—63.
- * Решетов А. М. Этнопсихология и смежные науки. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 4, с. 68—75.
- * Решетов А. М., Будина О. Р., Симмаков Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А. Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований. 1985, 6, с. 56—72.
- Решетов А. М. — см. Бернштам Т. А., Решетов А. М.
- Рикман Э. А. — см. Путилов Б. Н., Байбурин А. К., Гусев В. Е., Смирнов Ю. И., Рикман Э. А.
- Рождественская С. Б. — см. Александров В. А., Маркова Л. В., Рождественская С. Б., Тульцева Л. А., Чеснов Я. В.
- * Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 99—101.
- Седов В. В. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
- * Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. [Обсуждение статьи Г. Е. Маркова «Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология»]. 1982, 2, с. 48—59.
- Семенов Ю. И. Терминология и теория. [Обсуждение статьи А. И. Першица «Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии»]. 1983, 5, с. 81—85.
- Семенов Ю. И. — см. Маретина С. А., Семенов Ю. И., Шмелева М. Н.
- Сергеева Г. А. — см. Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикина Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф.
- * Симаков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века. [Обсуждение статьи Г. В. Маркова «Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология»]. 1982, 4, с. 67—76.
- Симаков Г. Н. — см. Решетов А. М., Будина О. Р., Симаков Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А.
- Смирнов Ю. И. — см. Путилов Б. Н., Байбурин А. К., Гусев В. Е., Смирнов Ю. И., Рикман Э. А.
- Смольская А. К. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
- * Соколов Э. В. Традиция и культурная преемственность. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 3, с. 56—59.
- * Старовойтова Г. В. О предметной области этнопсихологии. [Обсуждение статьи А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем»]. 1983, 3, с. 78—85.
- * Старовойтова Г. В., Козлов В. И., Жилина А. Н., Грачева Г. Н. Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований. [Шмелева М. Н. «Полевая работа и изучение современности»; Вайнштейн С. И. «Актуальные вопросы полевого исследования традиционнорытовых культур народов СССР»]. 1985, 4, с. 67—78.
- Таксами Ч. М. — см. Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикина Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф.
- Терновская О. А. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзенд-

- и С. М.
- * Токарев С. А. Аксиологический подход к культурной традиции. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 104.
 - * Токарев С. А. Еще раз о религии как социальном явлении. (ответ моим критикам). [По поводу статьи С. А. Токарева «О религии как социальном явлении (мысли этнографа)»]. Сов. этнография, 1979, № 31. 1981, 1, с. 51—65.
 - Толстая С. М. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
 - Толстой Н. И. — см. Иванов Вяч. Вс., Седов В. В., Смольская А. К. и Зубов Н. И., Терновская О. А. и Гура А. В., Дзендзелевский И. А., Толстые Н. И. и С. М.
 - Томилов Н. А. — см. Решетов А. М., Будина О. Р., Симаков Г. Н., Лобачева Н. П., Моногарова Л. Ф., Томилов Н. А.
 - Тульцева Л. А. — см. Александров В. А., Маркова Л. В., Рождественская С. Б., Тульцева Л. А., Чеснов Я. В.
 - Чеснов Я. В. — см. Александров В. А., Маркова Л. В., Рождественская С. Б., Тульцева Л. А., Чеснов Я. В.
 - Чижикова Л. Н. — см. Арсеньев В. Р., Таксами Ч. М., Сергеева Г. А., Чижикова Л. Н., Березовский И. П., Горленко В. Ф.
 - * Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования. [Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»]. 1981, 2, с. 105—107.
 - * Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа. [Обсуждение статьи Г. Е. Маркова «Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология»]. 1982, 3, с. 70—76.
 - * Шмелева М. Н. Полевая работа и изучение современности. 1985, 3, с. 43—51.
 - Шмелева М. Н. — см. Маретина С. А., Семенов Ю. И., Шмелева М. Н.
 - * Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии. 1983, 1, с. 54—65.
- Список основных работ доктора исторических наук Валентина Ивановича Калева (К 60-летию со дня рождения). 1981, 5, с. 166—167.
- Список основных работ доктора исторических наук Виктора Ивановича Кава. (К 60-летию со дня рождения). 1981, 5, с. 132—138.
- Список основных работ доктора исторических наук Владимира Рафаиловича Кабо. (К 60-летию со дня рождения). 1985, 4, с. 121—124.
- Список основных работ доктора исторических наук Гали Семеновны Маврой. (К 60-летию научной деятельности). 1984, 4, с. 135—137.
- Список основных работ доктора исторических наук Леонида Павловича Попова. (К 80-летию со дня рождения). 1985, 3, с. 115—117.
- Список основных работ доктора исторических наук Михаила Константиновича Кудрявцева. (К 70-летию со дня рождения). 1981, 4, с. 166—167.
- Список основных работ доктора исторических наук Николая Александровича Бутинова. (К 70-летию со дня рождения). 1985, 1, с. 130—132.
- Список основных работ доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. (К 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности). 1983, 6, с. 102—105.
- Список основных работ доктора исторических наук, профессора Евгения Прокопьевича Бусыгина. (К 70-летию со дня рождения). 1985, 5, с. 126—129.
- Список основных работ доктора исторических наук Сергея Васильевича Иванова. (К 60-летию научной деятельности). 1985, 2, с. 141—143.
- Список основных работ доктора исторических наук Юрия Валентиновича Кисорова. (К 60-летию со дня рождения). 1983, 1, с. 151—152.
- Список основных работ кандидата исторических наук Маргариты Николаевны Шмелевой. (К 35-летию научной деятельности). 1983, 5, с. 142—144.
- Список основных работ члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. (К 80-летию со дня рождения). 1983, 4, с. 126—130.
- Список книг члена-корреспондента АН СССР Иосифа Ромуальдовича Григулевича (Лаврецкого). К 70-летию со дня рождения. 1983, 3, с. 120—122.

Научная жизнь

- Агапкина Т. А., Топорков А. Л., Черницына В. В. Коротко об экспедициях. 1984, 5, с. 146—147.
- Александренков Э. Г. Симпозиум по проблемам индеевистики. 1983, 3, с. 149—151.
- Александренков Э. Г., Корепова К. Е., Белоус Т. И. Коротко об экспедициях. 1982, 2, с. 130—132.
- Алиева А. И., Чиримпей В. А. Всесоюзная конференция фольклористов (Кишинев, 1981 г.). 1982, 4, с. 134—137.
- Альмеева Н. — см. Мафедзев С. Х., Альмеева Н.
- Арутюнов С. А. Международный симпозиум «Историческая этнография сегодня». 1982, 4, с. 134.

Наши юбиляры

- Список основных работ действительного члена АН Грузинской ССР Георгия Спиридоновича Читая. (К 90-летию со дня рождения). 1982, 2, с. 108—110.
- Список основных работ действительного члена АН СССР Юлиана Владимировича Бромлея. (К 60-летию со дня рождения). 1981, 1, с. 146—149.
- Список основных работ доктора исторических наук Вадима Александровича Александрова. (К 60-летию со дня рождения). 1982, 3, с. 143—146.
- Список основных работ доктора истори-

- санканова С. — см. Богомольная Р. А., Асанканова С.
- фанасьева Г. М. Чтения, посвященные памяти Б. О. Долгих. 1984, 6, с. 138—140.
- Идамхатан С., Решетов А. М. Первый советско-монгольский этнографический симпозиум. 1984, 3, с. 153—157.
- Ийкова М. В., Кузнецов И. М. Всесоюзная научно-практическая конференция «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека». 1984, 5, с. 141—143.
- Бардина П. Е. — см. Финченко А. Е., Бардина П. Е.
- Басилов В. Н. Наука о народах и фотография. 1981, 2, с. 161—164.
- Басилов В. Н., Хоппал М. Советско-венгерский симпозиум «Сравнительное изучение ранних форм религии». 1983, 1, с. 143—148.
- Беленкин И. Ф., Харитонов В. И., Иванова А. А. Коротко об экспедициях. 1981, 5, с. 177—178.
- Белоус Т. И. — см. Александренков Э. Г., Корепова К. Е., Белоус Т. И.
- Белоус Т. И. — см. Корепова К. Е., Белоус Т. И., Чагин Г. Н.
- Березина Т. А. Редакции «Общественные науки и современность» — 20 лет. 1985, 4, с. 133—134.
- Бернштам Т. А. 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой. 1982, 3, с. 162—164.
- Бикбулатов К. М., Вавилин В. Ф. Коротко об экспедициях. 1985, 5, с. 141—142.
- Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И., Новоселова Л. В. Коротко об экспедициях. 1981, 2, с. 164—166.
- Богомольная Р. А., Асанканова С. Коротко об экспедициях. 1983, 3, с. 153—155.
- Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. Второй конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы. 1983, 2, с. 130—136.
- Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. I Интерконгресс Международного Союза антропологических и этнографических наук (Нидерланды 20—27 апреля 1981 г.). 1982, 1, с. 143—146.
- Будина О. Р. Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». 1981, 6, с. 141—148.
- Бутинова М. С. Двенадцатая Всесоюзная конференция австраловедов и океанистов. 1982, 2, с. 122—125.
- Бутинова М. С. XV научная конференция по изучению Австралии и Океании. 1985, 1, с. 136—138.
- Бутинова М. С. XIII конференция по изучению Австралии и Океании. 1983, 2, с. 140—143.
- Вавилин В. Ф. — см. Бикбулатов К. М., Вавилин В. Ф.
- Васильев В. И., Томилов Н. А. Всесоюзная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов». 1984, 3, с. 157—159.
- Виноградова Л. Н. Конференция «Полесье и этногенез славян». 1983, 6, с. 122—124.
- Виннивецкая В. А. На среднеазиатско-кавказских чтениях. 1981, 2, с. 160—161.
- Власова И. В., Липинская В. А. 20-я сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. 1985, 4, с. 125—127.
- Власова И. В., Чагин Г. Н. Коротко об экспедициях. 1982, 3, с. 164—165.
- Воронина Т. А. — см. Кузьмина Л. П., Воронина Т. А.
- Гаджиев В. Г. Проблема северокавказского феодализма на региональной научной конференции. 1981, 5, с. 174—176.
- Герасимова М. М. Советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». 1982, 6, с. 137—141.
- Герасимова М. М., Золотарева И. М., Хитъ Г. Л. Расширенное заседание Ученого совета Музея антропологии и этнографии, посвященное памяти В. В. Гинзбурга. 1985, 1, с. 138—139.
- Герасимова М. М., Лебединская Г. В., Хитъ Г. Л. III Европейский антропологический конгресс. 1983, 6, с. 111—114.
- Гречухин В. А. Коротко об экспедициях. 1984, 6, с. 142—143.
- Гречухин В. А., Черницын С. В. Коротко об экспедициях. 1982, 4, с. 142—143.
- Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Меркулов Н. Ю., Омурбеков Ч. К. Коротко об экспедициях. 1983, 1, с. 148—150.
- Григорьева Л. И. — см. Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Меркулов Н. Ю., Омурбеков Ч. К.
- Григорьева С. В., Кульгускин А. Н., Токсубаева Л. С. Коротко об экспедициях. 1984, 1, с. 152—154.
- Грысык Н. Е. — см. Спатару Г. И., Грысык Н. Е.
- Грысык Н. Е. Третьи Пропповские чтения. 1985, 6, с. 134—136.
- Губогло М. Н. VII Международный конгресс по прикладной лингвистике. 1985, 5, с. 130—136.
- Гура А. В. Симпозиум «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры» (этногенетический аспект). 1982, 6, с. 129—132.
- Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Советско-американское сотрудничество в области этнографии (Поездка в США советской рабочей группы). 1982, 2, с. 125—130.
- Гурвич И. С., Мастюгина Т. М. Кинэопея, посвященная эскимосам. 1984, 2, с. 95—97.
- Гусев В. Е. XXIX конгресс фольклористов Югославии. 1983, 3, с. 151—153.
- Гусев В. Е. Международный симпозиум «Театр и народные традиции». 1981, 1, с. 137—140.
- Давыдов А. Н. X конференция Ассоциации европейских музеев под открытым небом. 1983, 4, с. 134—137.
- Давыдов А. Н. Конференция, посвященная 400-летию Архангельска. 1985, 1, с. 133—136.
- Давыдов А. Н., Чагин Г. Н. Корот-

- ко об экспедициях. 1984, 2, с. 97—99.
- Давыдов А. Н.—см. Решетов А. М., Жуковская Н. Л., Давыдов А. Н.
- Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И. Сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. В. Бунака. 1982, 4, с. 128—131.
- Дараган Н. Я. Московская конференция молодых специалистов по проблемам методологии в Институте этнографии АН СССР. 1982, 5, с. 133—134.
- Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Искусство Корейской Народно-Демократической Республики». 1984, 4, с. 139—142.
- Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Куклы Японии». 1982, 4, с. 139—142.
- Джорбенадзе В. А. Конференция «Вопросы взаимосвязей между горными и равнинными регионами и взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа». 1985, 4, с. 127—129.
- Дмитриев В. А. Национальные виды спорта народов СССР. 1981, 2, с. 157—159.
- Дмитриев В. А. Пятьдесят лет Государственного музея этнографии народов СССР. 1985, 2, с. 146—148.
- Долинова Н. А.—см. Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т.
- Дробижева Л. М. Проблемы этнографического изучения современности на международной конференции «Семейные праздники в условиях социализма». 1982, 4, с. 132—134.
- Дробижева Л. М., Кашуба М. С. Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма». 1983, 6, с. 114—116.
- Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Вторая Всесоюзная антропологическая конференция. 1982, 5, с. 125—127.
- Жакова Н. К. Научная сессия ленинградских славистов, посвященная 1300-летию Болгарского государства. 1982, 2, с. 121—122.
- Жилина А. Н., Пахутов А. Е. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг. 1984, 6, с. 131—138.
- Жданко Т. А. Региональное совещание по изучению быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. 1983, 6, с. 124—128.
- Жомова В. К.—см. Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И.
- Жуковская Н. Л.—см. Решетов А. М., Жуковская Н. Л., Давыдов А. Н.
- Заринов И. Ю.—см. Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю.
- Заседателева Л. Б. Вторая региональная научно-студенческая конференция по археологии, этнографии и древней истории Дагестана и Северного Кавказа. 1985, 6, с. 137—138.
- Земцовский И. И. Международная конференция по фольклоризму. 1982, 5, с. 123—124.
- Золотарева И. М. «Афинский призыв» (антропологи против рас. 1982, 3, с. 157—159.
- Золотарева И. М.—см. Геломова М. М., Золотарева И. М., Хитя Г. Л.
- Зубов А. А., Шлыгина Н. В. Сочинство советских и финляндских этнографов и антропологов (1967—1984) [Приложен список «Советских и финляндских публикаций 1967—1984: рамки деятельности рабочей группы»]. 1985, 6, с. 124—128.
- Зубов А. А.—см. Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И.
- Иванов Б. В. Этнографы на Б. 1982, 5, с. 134—135.
- Иванов Б. В., Тимофеева Е. Я. Коротко об экспедициях. 1982, 6, с. 142.
- Иванова А. А.—см. Белева И. Ф., Харитонов В. И., Иванова А. А.
- Иванова Е. В. Выставка «Традиционное народное искусство Юго-Восточной Азии». 1981, 3, с. 144—149.
- Ивлева Л. М. Методы изучения фольклора (VIII Богатыревские чтения 1981, 2, с. 151—152.
- Каримова Р. О., Решетов А. М. Уйгурская выставка в Алма-Ате. 1983, 6, с. 142—146.
- Кашуба М. С.—см. Дробижева Л. М., Кашуба М. С.
- Кисляков В. Н., Курьлев В. П. Ученая сессия в Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть). 1983, 6, с. 132—135.
- Козьмин В. А.—см. Цветкова Н. И., Козьмин В. А.
- Конечный А. М. Петербургские народные гулянья и развлечения. XVIII—начало XX в. (Обзор выставок). 1985, 6, с. 138—142.
- Корепова К. Е., Белоус Т. И. Коротко об экспедициях. Фольклорные экспедиции кафедры русской литературы Горьковского Государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 1984, 6, с. 143—145.
- Корепова К. Е., Белоус Т. И., Чергин Г. Н. Коротко об экспедициях. 1981, 1, с. 144—145.
- Корепова К. Е.—см. Александренков Э. Г., Корепова К. Е., Белоус Т. И.
- Криничная Н. А. Конференция «Местные традиции материальной и духовной культуры Карелии». 1982, 1, с. 155—158.
- Куббель Л. Е. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. 1983, 3, с. 137—143.
- Кузнецов А. И. Чебоксаровские чтения в Институте этнографии АН СССР. 1983, 3, с. 143—146.
- Кузнецов И. М.—см. Байкова М. В., Кузнецов И. М.
- Кузьмина Л. П., Воронина Т. А. Международный форум ученых (к предстоящему XI Международному конгрессу антропологических и этнологических наук). 1982, 6, с. 126—129.
- Кузьмина Л. П.—см. Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П.

- Кузьмина Л. П.—см. Тер-Саркисянц А. Е., Кузьмина Л. П.
- Кульгускин А. Н.—см. Григорьева С. В., Кульгускин А. Н., Токсубаева Л. С.
- Кунабаева А. Б. Первая всесоюзная конференция музыковедов-фольклористов. 1983, 5, с. 151—153.
- Курылев В. П., Окладникова Е. А. Объединенная научная сессия ленинградских этнографов, посвященная 60-летию образования СССР. 1983, 4, с. 131—133.
- Курылев В. П.—см. Кисляков В. Н., Курылев В. П.
- Ланяускайте-Моркунене Я., Мардоса И. Конференция литовских этнографов. 1982, 5, с. 127—129.
- Лебединская Г. В.—см. Герасимова М. М., Лебединская Г. В., Хитъ Г. Л.
- Липинская В. А. Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС». 1983, 6, с. 106—111.
- Липинская В. А.—см. Власова И. В., Липинская В. А.
- Ляшкевич Ф. Д. Среднеазиатско-кавказские чтения 1981 года. 1983, 3, с. 146—149.
- Ляпунова Р. Г.—см. Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г.
- Мардоса И.—см. Ланяускайте-Моркунене Л., Мардоса И.
- Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С. Вопросы этнографии, фольклора и истории культуры на I Международном конгрессе болгаристики. 1982, 2, с. 115—121.
- Мастюгина Т. М.—см. Гурвич И. С., Мастюгина Т. М.
- Мафедзев С. Х., Альмеева Н. Коротко об экспедициях. 1982, 5, с. 135—136.
- Мафедзев С. Х.—см. Пухачев С. Б., Мафедзев С. Х., Меркулов Н. Ю.
- Меркулов Н. Ю.—см. Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Меркулов Н. Ю., Омурбеков Ч. К.
- Меркулов Н. Ю.—см. Пухачев С. Б., Мафедзев С. Х., Меркулов Н. Ю.
- Мишин А. И. Научная конференция «„Калевала“—выдающийся памятник мировой культуры». 1985, 5, с. 138—140.
- Молотова Л. Н. Всесоюзная научная сессия «Актуальные вопросы этнографии и этнографического музееведения». 1982, 3, с. 159—162.
- Морохин В. Н. Конференция «Фольклор и художественная самодеятельность». 1982, 6, с. 135—137.
- Мыльников А. С. Международный симпозиум «Проблемы региональной народной культуры». 1985, 3, с. 123—125.
- Мыльников А. С. Расширенное заседание Ленинградского отделения научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. 1984, 1, с. 148—152.
- Мыльников А. С. Симпозиум, посвященный столетию со дня смерти И. И. Срезневского. 1981, 4, с. 168—169.
- Мыльников А. С. Этнокультурная роль города в период становления наций. 1981, 1, с. 134—137.
- Мыльников А. С.—см. Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С.
- Нагаева Л. И.—см. Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И., Новоселова Л. В.
- Новоселова Л. В.—см. Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И., Новоселова Л. В.
- Окладникова Е. А.—см. Курылев В. П., Окладникова Е. А.
- Омурбеков Ч. К.—см. Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Меркулов Н. Ю., Омурбеков Ч. К.
- Осницкая И. А. Симпозиум «Проблемы этнической специфики языка культуры». 1984, 6, с. 140—142.
- Пахутов А. Е.—см. Жилина А. Н., Пахутов А. Е.
- Пашаева Н. М. Заседание, посвященное памяти Федора Федоровича Аристов. 1983, 6, с. 131—133.
- Полищук Н. С. II фольклорный фестиваль ГДР и Международный коллоквиум по проблемам использования фольклорного наследия. 1984, 1, с. 147—148.
- Полищук Н. С. Конференция «Жилищные условия и образ жизни промышленного пролетариата при капитализме». 1982, 4, с. 138.
- Полищук Н. С. Симпозиум по проблемам духовной культуры современного рабочего класса. 1985, 2, с. 144—146.
- Путилова Т. Б.—см. Тер-Саркисянц А. Е., Путилова Т. Б.
- Пухачев С. Б., Мафедзев С. Х., Меркулов Н. Ю. Коротко об экспедициях. 1985, 4, с. 134—135.
- Рабинович М. Г. Симпозиум по древнему домостроительству. 1983, 6, с. 120—122.
- Решетов А. М. III Всесоюзная тюркологическая конференция. 1982, 1, с. 147—152.
- Решетов А. М., Жуковская Н. Л., Давыдов А. Н. Коротко об экспедициях. 1984, 3, с. 161—163.
- Решетов А. М.—см. Бадамхатан С., Решетов А. М.
- Решетов А. М.—см. Каримова Р. О., Решетов А. М.
- Руднев В. В. XIV Прибалтийская конференция по истории науки. 1985, 6, с. 131—133.
- Рюйтел И. Всесоюзная конференция «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма». 1983, 6, с. 116—120.
- Савушкина Н. И. Коротко об экспедициях. 1985, 3, с. 125—127.
- Седов В. В. Вопросы ранней этнической истории славян на IV Международном конгрессе славянских археологов. 1981, 2, с. 148—151.
- Седова Л. В. Коротко об экспедициях. 1983, 2, с. 144.
- Соболева Е. С. Маклаевские чтения. 1981, 1, с. 142—143.
- Соболева Е. С. Пятые Маклаевские чтения. 1983, 6, с. 129—131.
- Соболева Е. С. Третьи Маклаевские чтения. 1982, 1, с. 152—155.
- Соболева Е. С. Четвертые Маклаевские чтения. 1982, 5, с. 129—132.

- Соколова В. К. Научная конференция «Народное песенное наследие и современность». 1985, 4, с. 129—131.
- Спатару Г. И., Грысык Н. В. Коротко об экспедициях. 1985, 1, с. 139—141.
- Стельмах В. Г. Совещание, посвященное формированию паниндейской общности в США. 1984, 3, с. 160—161.
- Студенецкая Е. Н. Экспозиция по народам Закавказья в Государственном музее этнографии народов СССР. 1981, 4, с. 170—172.
- Сусоколов А. А. Всесоюзная научная сессия «XXVI съезд КПСС и задачи изучения национальных отношений в СССР». 1982, 2, с. 111—115.
- Сысоева Т. Л.—см. Фишман О. М., Сысоева Т. Л.
- Тарасова Т. Т. Семинар-совещание «Нация и культура». 1985, 6, с. 128—131.
- Тер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1980 году. 1981, 3, с. 130—139.
- Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю. Работа Института этнографии АН СССР в 1982 году. 1983, 3, с. 123—136.
- Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю. Работа ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1983 году. 1984, 3, с. 144—152.
- Тер-Саркисянц А. Е., Заринов И. Ю. Работа ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1984 году. 1985, 3, с. 118—122.
- Тер-Саркисянц А. Е., Кузьмина Л. П. Работа Института этнографии АН СССР в 1981 г. 1982, 3, с. 147—156.
- Тер-Саркисянц А. Е., Путилова Т. Б. Заседания в Москве и Ленинграде, посвященные вручению ордена Дружбы народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1983, 5, с. 145—147.
- Тимофеева Е. Я.—см. Иванов Б. В., Тимофеева Е. Я.
- Тишков В. А. 44-й Международный конгресс американистов. 1983, 2, с. 137—140.
- Токсубаева Л. С.—см. Григорьева С. В., Кульгускин А. Н., Токсубаева Л. С.
- Томилов Н. А. Всероссийская студенческая научная этнографическая конференция. 1984, 4, с. 138—139.
- Томилов Н. А.—см. Васильев В. И., Томилов Н. А.
- Топорков А. Л.—см. Агапкина Т. А.; Топорков А. Л., Черницына В. А.
- Тумаркин Д. Д. О новом академическом издании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. 1981, 3, с. 140—143.
- Финченко А. Е., Бардина П. Е. Коротко об экспедициях. 1985, 2, с. 148—150.
- Фишман О. М., Сысоева Т. Л. Коротко об экспедициях. 1983, 6, с. 133—135.
- Фролец В. Работа Международной комиссии по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан (К 25-летию Комиссии). 1984, 5, с. 139—141.
- Халдеева Н. И.—см. Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И.
- Харитонова В. И.—см. Белева А. А.
- Хитъ Г. Л.—см. Герасимова А. Золотарева И. М., Хитъ Г. Л.
- Хитъ Г. Л.—см. Герасимова А. Лебединская Г. В., Хитъ Г. Л.
- Хоппал М.—см. Басилов В. Н., Хоппал М.
- Цветкова Н. Коротко об экспедициях. 1981, 3, с. 149—150.
- Цветкова Н. Н. Проблемы этнографии и антропологии на IX научной сессии исторического факультета Ленинградского государственного университета. 1981, 1, с. 140—142.
- Цветкова Н. Н., Козьмин В. А. Коротко об экспедициях. 1983, 4, с. 137—139.
- Чагин Г. Н.—см. Власова И. И., Чагин Г. Н.
- Чагин Г. Н.—см. Давыдов А. А., Чагин Г. Н.
- Чагин Г. Н.—см. Корелова К. К., Белоус Т. И., Чагин Г. Н.
- Черницын С. В.—см. Гречухин В. А., Черницын С. В.
- Черныцына В. А.—см. Агапкина Т. А., Топорков А. Л., Черныцына В. А.
- Чиримпей В. А.—см. Алиева А. А., Чиримпей В. А.
- Чистов К. В. Конференция «Новые методы и концепции в изучении народной культуры Европы». 1984, 2, с. 93—95.
- Чистов К. В. Научные сессии, посвященные памяти академика В. Штейншнейдера. 1985, 4, с. 131—133.
- Чистов К. В. Симпозиум «Традиция и феномен культурной деятельности человека». 1985, 5, с. 136—137.
- Чистов К. В. Славистика в этнографии социалистических стран Европы. 1984, 4, с. 133—134.
- Чистов К. В.—см. Шлыгина Н. В., Чистов К. В.
- Членов М. А. Коротко об экспедициях. 1982, 1, с. 158—159.
- Шаврина И. Ф. Выставка «Из истории спортивных игр народов мира» в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. 1981, 2, с. 153—157.
- Шаповалова Г. Г. Заседания Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. 1983, с. 148—151.
- Шаповалова Г. Г. Конференция «Вопросы развития социалистических праздников и обрядов». 1983, 1, с. 140—142.
- Шейкин Ю. И. Коротко об экспедициях. 1981, 4, с. 172—173.
- Шлыгина Н. В., Чистов К. В. V Международный финно-угорский конгресс в Турку. 1981, 5, с. 168—173.
- Шлыгина Н. В.—см. Зубов А. А., Шлыгина Н. В.
- Шумада Н. С.—см. Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С.
- Юхнева Н. В. Конференция «Этнография Петербурга — Ленинграда». 1984, 5, с. 144—146.
- Яблонский Л. Т.—см. Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т.

Критические статьи и обзоры

- Акимова Т. М. Русская устная народная драма и русский народный театр в исследованиях советских фольклористов конца 70-х годов. 1984, 5, с. 154—160.
- Арутюнов С. А.—см. Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В.
- Байбурин А. К. Проблема «Личность и традиция» в трудах Ю. Пентикьяйна. 1982, 2, с. 133—139.
- Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В. Обсуждение книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса». (М.: Наука, 1983, 412 с.). 1984, 4, с. 146—157.
- Бгажноков Б. Х. О новом этапе в изучении культурной истории адыгов. 1982, 1, с. 160—163.
- Березкин Ю. Е. Проблема региональных особенностей древнеперуанской цивилизации в зарубежных исследованиях последних лет. 1985, 6, с. 150—155.
- Бусыгин Е. П. Этнография русского крестьянства Сибири. *Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири*. М.: Наука, 1974, 294 с.; *Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в.* М.: Наука, 1979, 248 с.; *Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX в.* М.: Наука, 1981, 270 с. 1983, 6, с. 136—141.
- Бутовская М. Л. Исследования агрессивного поведения приматов и их значение для разработки проблем антропогенеза. 1985, 4, с. 136—143.
- Виноградов В. Б. А. С. Сулейманов. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. Ч. I, 1976, 239 с.; ч. II, 1978, 289 с.; ч. III, 1980, 222 с. 1981, 6, с. 149—152.
- Волоцкая З. М. Новое в изучении болгарских сказок. 1983, 2, с. 145—148.
- Гордон Л. А.—см. Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В.
- Грацианская Н. Н., Гусев В. Е. Исследование народных традиций в современной культуре Чехословакии. *Lidová kultura a současnost/Ridi Vaclav Frolec*. Sv. 1—8. Brno, 1974—1982. 1985, 1, с. 142—147.
- Гуллакян С. А. Свод армянских сказок. (*Армянские народные сказки*). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1959—1980, 11 томов (на арм. яз.). 1982, 4, с. 151—154.
- Гурвич И. С. *Советское финноугроведение, 1975—1980. Обзоры работ советских ученых. Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу*. Турку, 1980. М., 1980, 223 с. *Указатель литературы к обзорам*. М., 1980, 174 с. 1981, 5, с. 179—181.
- Гуревич А. Я. Праздник, календарный обряд и обычай в зарубежных странах Европы. («Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы». т. I—IV). 1985, 3, с. 140—147.
- Гусев В. Е.—см. Грацианская Н. Н., Гусев В. Е.
- Дрицко А. Д. Новая литература об индийцах Тринидада (К проблеме становления национальной этнографической школы в Вест-Индии). 1984, 5, с. 160—165.
- Дубянский А. М. Исследования советских ученых по дешифровке протониндийских текстов. 1984, 5, с. 148—152.
- Евтух В. Б. Западные этнологи о пейотизме в жизни североамериканских индейцев [О книгах: D. F. Aberle. The Peyote Religion among the Navaho. XLIX. Chicago—London, 1982, 454 p.; P. Gerher. Die Peyote—Religion. Nordamerikanische Indianer auf der Suche nach einer Identität. Zürich, 1980, 210 S.]. 1985, 2, с. 154—158.
- Кан А. С. Шведская этнография в 70-х годах (родиноведение). 1984, 1, с. 155—162.
- Колесническая И. М. Новые издания по украинскому и белорусскому свадебному обряду и фольклору. 1985, 6, с. 147—150.
- Крюков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки. 1983, 5, с. 154—159.
- Крюков М. В. Китайские ученые о проблемах теории этноса. 1984, 6, с. 144—151.
- Литвин Э. С. Русский фольклор в высшей школе (Учебники и учебные пособия последних лет). 1983, 6, с. 141—149.
- Ломов Б. Ф.—см. Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В.
- Маретина С. А. Важное международное издание [*International Bibliography of Social and Cultural Anthropology*]/Prepared by the International Committee for Social Science Information and Documentation. V. 1—24. L.—N. Y., 1958—1981]. 1984, 2, с. 113—117.
- Маркарян Э. С. Антропология, этнография и будущее (Заметки о Хьюстонской конференции американских антропологов). 1981, 1, с. 150—154.
- Машбиц Я. Г.—см. Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В.
- Мокиенко В. М. Советские библиографические указатели паремнологической и фразеологической литературы. 1983, 3, с. 156—161.
- Мусят З. Ежегодник «Летопись» (Серия «С») и этнография лужичан (К 30-летию «Летописи»). 1984, 5, с. 125—131.
- Мыльников А. С. Проблемы формирования наций в Восточной Европе в оценке современной венгерской историографии. E. Niederhauser. The Rise of Nationality in Eastern Europe. Budapest: Corvina Kiado, 1981, 340 p.; *Aufklärung und Nationen im Osten Europa*/Hrsg. László Sziklay. Budapest: Corvina Kiado, 1983, 508 S. 1984, 3, с. 164—167.
- Пилипенко М. Ф. Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Белоруссии (обзор работ). *Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии*. Минск: Наука и техника,

- 1976, 114 с.; Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976, 144 с.; Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования городов БССР). Минск: Наука и техника, 1980, 280 с. 1982, 6, с. 149—153.
- Плисецкий М. М. О своде украинского народного творчества. 1985, 2, с. 151—154.
- Потапов Л. П., Ревуненкова Е. В. О некоторых вопросах архаического мировоззрения. По поводу книги Г. И. Грачевой «Традиционное мировоззрение охотников Таймыра» (по материалам нганасан XIX — начала XX в.). Л.: Наука, 1983, 172 с. 1985, 3, с. 123—139.
- Ревуненкова Е. В. Актуальные проблемы исследования шаманизма (*Shamanism in Siberia*. Budapest, 1978, 531 p.). 1981, 1, с. 154—161.
- Ревуненкова Е. В. Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с. 1982, 4, с. 144—151.
- Ревуненкова Е. В.—см. Потапов Л. П., Ревуненкова Е. В.
- Рикман Э. А. О начале расселения и этнических контактах праславян в Карпато-Дунайских землях. 1981, 2, с. 167—175.
- Розенфельд А. З. Новые работы по этнографии Средней Азии. *История и этнография народов Средней Азии* (сб. статей)/Отв. ред. А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1981, 153 с.+13 илл.; *Очерки по истории Советского Бадахшана*/Отв. ред. Р. М. Масов. Душанбе: Ирфон, 1981, 388 с. 1984, 5, с. 152—154.
- Семенов Ю. И. О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических классовых обществ (в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии». М.: Наука, 1981, 240 с.). 1982, 6, с. 143—149.
- Степанов Г. В.—см. Барг М. А., Арутюнов С. А., Ломов Б. Ф., Гордон Л. А., Машбиц Я. Г., Степанов Г. В.
- Сухарева О. А. Среднеазиатское искусство вышивки. Книга-альбом «Таджикская вышивка» («Гулдузи тоҷики»). Автор текста и составитель Н. Исаева-Юнусова. М., 1979, 127 с. 1981, 3, с. 151—158.
- Таболина Т. В. Проблемы изучения этнических процессов в современном американском обществоведении. 1983, 4, с. 140—151.
- Шлыгина Н. В. Современные исследования свадебной обрядности в Финляндии (Новые работы М.-Л. Хейкинмяки). 1984, 2, с. 125—132.
- Шнирельман С. А. Этноархеология — 70-е годы. 1984, 2, с. 100—113.
- Юхнева Н. В. Изучение пражских рабочих в Институте этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук. 1984, 2, с. 118—124.
- Общая этнография**
- Алексеев В. П., В. А. Шнирельман. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980, 333 с. 1981, 5, с. 182—183.
- Алексеев В. П. *Позднеплейстоценовые* и раннеголоценовые культуры Азии и Америки. Под ред. Р. С. Сильевского. Новосибирск: Наука, 1981, 2, с. 167—169.
- Алексеев В. П., Р. С. Липец. Обрбатыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984, 262 с. 1985, с. 157—158.
- Алексеев В. П., Я. Я. Рогинский. Истоки возникновения искусства. Изд-во МГУ, 1982, 32 с. 1983, 5, с. 161.
- Арутюнов С. А., Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. М.: Наука, 1966 с. 1982, 4, с. 154—161.
- Арутюнов С. А. К новому изданию «Золотой ветви». Джеймс Джордж Фрейзер. Золотая ветвь. Исследование религии и религии. М.: Изд. полит. лит., 1983, 831 с. Редакция, послесловие и комментарии С. А. Токарева. Перевод с англ. М. К. Рыклина. 1982, 2, с. 139—141.
- Байбурун А. К. И. С. Кон. Открытие «Я». М., 1978, 367 с. 1981, 1, с. 162—164.
- Березкин Ю. Е., Гохман В. И., Козинцев А. Г., Спесивовский А. Б. *Кетский сборник. Антропологическая этнография, мифология, лингвистика*. М.: Наука, 1982, 256 с. 1985, 2, с. 164—165.
- Васильева Е. Е., Фишман О. *Памятники культуры народов Европы и Западной части СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии. LXXXVIII. Отв. ред. Т. В. Станюков*. М.: Наука, 1982, 206 с. 1984, 1, с. 161—167.
- Гольберг М. Я. Ю. Д. Левин. Осмысление в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980, 203 с. 1982, 5, с. 148—150.
- Гохман В. И.—см. Березкин Ю. Е., Гохман В. И., Козинцев А. Г., Спесивовский А. Б.
- Гришаев И. А. *The Family and its Culture. An Investigation in seven East and West European Countries. For the European Coordination Center for Research and Documentation in Social Science*. Budapest: Akademiai Kiado, 1984, 496 с. 1985, 4, с. 143—148.
- Дараган Н. Я. Н. Sebal. Witchcraft and the Heritage of a Heresy. New York, Oxford, 1978, 262 p. 1981, 1, с. 164—168.
- Дзенискевич Г. И. Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979, 227 с. 1981, 3, с. 158—160.
- Егорова Т. В., Козлов В. И. *Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия*. Отв. редактор академик М. П. Ким. М.: Наука, 1981, 344 с. 1982, 5, с. 144—148.
- Исламов Т. М. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982, 357 с. 1984, 4, с. 157—161.
- Кабо В. Р. Мифы народов мира. *Энциклопедия*. Т. 1. М., 1980, 672 с. 1981, 6, с. 152—155.
- Киселев Г. В. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. Под ред. Ю. В. Бромлея, Л. Е. Куббеля, А. И. Першица. М.: Наука, 1982, 253 с. 1984, 6, с. 152—154.
- Кисляков В. Н. *Собрания Музея ан-*

- ропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра). Отв. ред. А. М. Решетов. — Сб. МАЭ, т. 35. Л., 1980, 1983, 2, с. 151—153.
- туру Э. С., Калевала. Лениздат, 1984. / Вступительная статья и примечания Э. Я. Серова, 1985, 3, с. 147—152.
- зинцев А. Г. — см. Березкин О. Е., Гохман В. И., Козинцев А. Г., Спевиковский А. Б.
- злов В. И. — см. Егорова Т. В., Козлов В. И.
- марова Г. А., Старовойтова Г. В. *Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1983, 232 с.; *Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии*. М.: Наука, 1983, 192 с. 1985, 2, с. 158—164.
- Крупник И. И. *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)* / Отв. ред. С. А. Арутюнов и Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983, 1985, 1, с. 147—150.
- Крывелев И. А. Об историко-религиозных взглядах Дж. Фрэзера. 1982, 2, с. 141—147.
- Куббель Л. Е., А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. *История первобытного общества*. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982, 1983, 2, с. 148—151.
- Куббель Л. Е. *Этнография*. Под ред. Ю. В. Бромлей и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982, 320 с. 1982, 5, с. 137—139.
- Кузнецов А. И. *Ономастика Востока*. М.: Наука, 1980, 286 с., 1983, 1, с. 153—155.
- Леонтьев А. А. И. Л. Андреев. Происхождение человека и общества. (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М.: Мысль, 1982, 304 с. 1984, 2, с. 132—134.
- Марков Г. Е. *Пути развития зарубежной этнологии*. / Под ред. Ю. В. Бромлей, И. Р. Гриссуевича, Э. А. Рикмана. М.: Наука, 1983, 205 с. 1985, 5, с. 143—145.
- Марков Г. Е. Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, 390 с. 1981, 4, с. 174—178.
- Махлин В. Л. Л. А. Абрамян. Первобытный праздник и мифология. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1983, 231 с. (резолю на англ. яз.). 1985, 5, с. 145—148.
- Мелетинский Е. М. А. Я. Гуревич. *Проблемы средневековой народной культуры*. М.: Искусство, 1981, 359 с. 1982, 6, с. 153—154.
- Миронов Б. Н. А. Г. Вишневский. *Воспроизводство населения и общество*. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982, 287 с. 1984, 1, с. 162—164.
- Никитина С. Е. *Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию*. Никита Ильич Толстой. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1983, 111 с. 1985, 6, с. 155—157.
- Першиц А. И. В. П. Алексеев. *Историческая антропология*. М.: Высшая школа, 1979, 216 с. 1981, 4, с. 178—180.
- Петрухин В. Я. *История первобытного общества. Общие вопросы*. Проблемы антропосоциогенеза. Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1983, 432 с. 1985, 4, с. 148—152.
- Пушкарёв Л. Н. *Фольклор и историческая этнография*. М.: Наука, 1983, 260 с. 1984, 2, с. 135—137.
- Решетов А. М. С. И. Брук. *Населенные мира. Этнодемографический справочник*. М.: Наука, 1981, 880 с. 1982, 5, с. 139—142.
- Спевиковский А. Б. — см. Березкин Ю. Е., Гохман В. И., Козинцев А. Г., Спевиковский А. Б.
- Старовойтова Г. В. — см. Комарова Г. А., Старовойтова Г. В.
- Фишман О. М. — см. Васильева Е. Е., Фишман О. М.
- Фролов Б. А. Л. А. Файнберг. *У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей*. М.: 1980, 153 с. 1982, 5, с. 142—144.

Народы СССР

- Алексеев В. П. А. Д. Грач. *Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука, 1980, 256 с. 1981, 4, с. 187—189.
- Алиева А. И. *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам*. М.: Сов. композитор, 1980, 223 с.; т. II. *Нартские эпосы*. М.: Сов. композитор, 1981, 231 с. 1984, 1, с. 172—173.
- Андреев И. А., Андрианов Б. В. *Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу*. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1980, 234 с. + Приложение (8 карт). 1982, 1, с. 165—168.
- Андрианов Б. В. — см. Андреев И. А., Андрианов Б. В.
- Анчабадзе Ю. Д. А. И. Робакидзе. *Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982)*. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 158 с. 1985, 2, с. 169—171.
- Анчабадзе Ю. Д. *Кавказский этнографический сборник, VII*. М.: Наука, 1980, 223 с. 1982, 6, с. 163—166.
- Анчабадзе Ю. Д. Л. И. Лавров. *Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.)*. Л.: Наука, 1982, 224 с. 1984, 2, с. 142—143.
- Анчабадзе Ю. Д. *Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах*. Сост., автор предисл., примеч. и комментариев Л. А. Чибиров. Книга 1. Цхинвали: Ирыстон, 1981, 303 с.; книга 2. Цхинвали: Ирыстон, 1982, 371 с. 1983, 5, с. 167—169.
- Анчабадзе Ю. Д. Я. А. Федоров. *Историческая этнография Северного Кавказа*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, 125 с. 1985, 3, с. 154—155.
- Аргынбаев Х. А. — см. Кармышева Б. Х., Аргынбаев Х. А.
- Арутюнов С. А. Е. И. Деревянко. *Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры*. Новосибирск: Наука, 1981, 333 с. 1984, 3, 170—172.
- Арутюнян С. Б. А. Т. Ганалаян. Ар-

- мянские предания. Ереван, 1979, 356 с. 1981, 2, с. 177—180.
- Байбурин А. К. Б. Х. Бгажников. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983, 1985, 5, с. 149—150.
- Бараг Л. Г. Л. Н. Пушкирев, Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980, 183 с. 1983, 1, с. 158—161.
- Бараг Л. Г. Русские народные сказки Сибири о бозатырях. Новосибирск, 1979, 303 с. 1981, 3, с. 172—175.
- Бацер Д. М., Владыкина-Бачинская Н. М. Былины. Русский музыкальный эпос. [Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов.] Ред. Л. Н. Лебединский. М.: Сов. композитор, 1981, 615 с. с нот., факс. (Собрание русских народных песен. Издание основано Д. Д. Шостаковичем). 1984, 6, с. 158—160.
- Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П. М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ред. М. И. Белов. Ч. 1. Л.: Гидрометеониздат, 1980; Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв./Ред. Б. А. Рыбаков. Ч. II. М.: Наука, 1981. 1983, 4, с. 154—156.
- Бранм И. Н. М. Ф. Пилипенко. Этнография Белоруссии. Минск: Вышэйшая школа, 1981, 192 с. 1984, 2, с. 141—142.
- Васильев В. И., Захарова И. В. Н. А. Томилов. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980, 200 с. 1983, 5, с. 164—165.
- Васильева Е. Е., Путилов Б. Н. С. Н. Грица. Мелос української народної епіки. Київ, 1979, 247 с. 1981, 6, с. 156—158.
- Виноградов В. Б. Кавказский этнографический сборник, VIII. М.: Наука, 1984, 1985, 6, с. 159—161.
- Владыкина-Бачинская Н. М.—см. Бацер Д. М., Владыкина-Бачинская Н. М.
- Галицкий В. Я., Свиридов А. А. Л. Т. Шинло. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган. Фрунзе: Илим, 1982, 134 с. илл. 1985, 1, с. 154—155.
- Гарданов В. К., Решетов А. М. Х. И. Хутуев. Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984, 451 с. 1985, 5, с. 151—153.
- Григорьева Р. А. Л. С. Ефремова. Латышская крестьянская семья в Латгале 1860—1939. Рига, 1982, 270 с. 1985, 4, с. 152—153.
- Гришаев И. А. Н. И. Шатинова. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981, 1983, 3, с. 161—162.
- Громыко М. М., Жегалова С. К. С. Б. Рождественская. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М.: Наука, 1981, 206 с. илл. 1982, 6, с. 156—158.
- Гурвич И. С., Морозова М. Н., Соколова З. П. К. Eidlitz. Revolutionen i Norge. Om sovjetetnografi och minoritetsspolitik. Uppsala Universitet. Kulturanthropologiska institutionen (Uppsala Research Reports in Cultural Anthropology 1). Sweden, 1979, 227 S. 1981, 161—163.
- Данилова Е. Н. Я. С. Смирнова. Семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX вв. Наука, 1983, 264 с. 1983, 6, с. 149—150.
- Джалабадзе Г. В. Р. А. Толчиш. Миграция горцев Восточной Грузии XVI—XX вв. Тбилиси: Мецниереба, 1984, 146 с. (на груз. яз.). 1985, 161—162.
- Дружинина Е. И. Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1981, 1, с. 169—170.
- Жегалова С. К.—см. Громыко М. М., Жегалова С. К.
- Заднепровский Ю. А., Саввин Д. Г. Л. Р. Кызласов. Древняя Тува палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979, 205 с., илл. 1982, 2, с. 147—148.
- Заседателяева Л. Б. Б. А. Кама. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981, 248 с. илл., карта. 1983, 2, с. 154—156.
- Заседателяева Л. Б. Этнические культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978, 280 с. с илл. 1983, с. 163—166.
- Захарова И. В.—см. Васильев В. И., Захарова И. В.
- Зуева Т. В. А. М. Новикова, С. И. Покорная. Свадебные песни Тульской области. Тула: Приокское книжное издательство, 1981, 238 с. 1984, 2, с. 150—151.
- Иордан М. В. Р. К. Грдзелидзе. Национальное общество в развитом социалистическом обществе (на примере Грузинской ССР). Тбилиси: Изд-во Грузинского ун-та, 1980, 271 с. 1982, с. 155—156.
- Итонишвили В. Дж. Н. Г. Волков, Г. Н. Джавахишвили. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982, 238 с. илл. карта. 1984, 4, с. 161—163.
- Кармышева Б. Х. В. М. Шамилладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1977, 340 с. илл., карта. 1982, 3, с. 166—171.
- Кармышева Б. Х., Аргынбаев Х. Ф. Т. Валева. Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань: Татарское книжное издательство, 1980, 232 с. 1983, 4, с. 151—154.
- Кармышева Б. Х., Соколова З. П. Н. А. Томилов. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского университета, 1981, 274 с. 1984, 6, с. 155—157.
- Киуру Э. С. Эстонский фольклор. Таллин: Ээсти раамат, 1980, 357 с. 1983, 3, с. 163—165.
- Кобычев В. П. В. А. Кузнецов. Нарпский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980, 136 с. 1983, 2, с. 156—158.
- Кожин П. М. С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сеня-

- вина. М.: Наука, 1982, 174 с. 1984, 5, с. 168—170.
- Козинцев А. Г. Л. И. *Тегако, И. И. Саливон, А. И. Микулич*. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981, 286 с. 1984, 3, с. 172—173.
- Корепова К. Е. Н. В. *Зорин*. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981, 199 с. 1984, 2, с. 147—150.
- Кремлева И. А. В. Ф. *Миловидов*. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979, 126 с. 1981, 4, с. 183—185.
- Кулемзин В. М., Томилов Н. А. *Этническая история народов Севера*. Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982, 270 с. 1984, 3, с. 168—170.
- Лаврентьева Л. С., Решетов А. М. Л. Ф. *Артюх*. Народные харчевания украинцев та росіян північно-східних районів України. Київ: Наукова думка, 1982, 112 с. 1985, 3, с. 152—154.
- Лазарев А. И. В. И. *Игнатов*. История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981, 302 с. 1984, 2, с. 151—152.
- Лебедева А. А. *Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета*. Ч. I. *Народы Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979, 340 с.; ч. II — *Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран*. Томск, 1980, 250 с. 1982, 5, с. 159—161.
- Лобанов М. А. *Устьянские песни*. Вып. 1./Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1983, 80 с. (с нотами). 1985, 4, с. 154—156.
- Лобачева Н. П. М. Я. *Устинова*. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980, 166 с. 1982, 6, с. 158—162.
- Лойтер С. М. *Русские народные сказки Пудожского края*/Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982, 363 с. 1985, 1, с. 155—157.
- Лукьянченко Т. В. А. А. *Киселев, Т. А. Киселева*. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979, 160 с. 1982, 5, с. 152—155.
- Макашина Т. С. *Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.)*. Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: Изд-во МГУ, 1980, 279 с. 1983, 2, с. 158—161.
- Макеев А. Ф. Л. П. *Шабалина*. Этнография в школьном краеведении. Ульяновск: Ульяновский госпединститут, 1981, 1984, 2, с. 144.
- Мамедов Э. Д., Ранов В. А. А. В. *Виноградов*. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1981, т. XIII. 1982, 2, с. 151—155.
- Маслова Г. С. Две книги о народном искусстве. *Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР*. Автор-сост. Л. Н. Молотова. Л.: Художник РСФСР, 1981, 203 с.; Л. Э.
- Калмыкова*. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в. Л.: Художник РСФСР, 1981, 204 с. 1984, 6, с. 157—158.
- Мачинский Д. А. И. В. *Дубов*. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 248 с. 1984, 6, с. 160—163.
- Мельц М. Я. М. К. *Азадовский (1888—1954)*. *Указатель литературы*/Сост. В. П. Томина. Новосибирск: Наука, 1983, 134 с. 1985, 3, с. 155—157.
- Митрофанова В. В. Новое в изучении карельских народных загадок. 1985, 1, с. 157—159.
- Митрофанова В. В. *Русский фольклор. Библиографический указатель. 1901—1916*. Составила М. Я. Мельц. Под ред. С. И. Луппова и А. Д. Соимонова. Л.: Б-ка АН СССР, 1981, 478 с. 1982, 6, с. 166—167.
- Морозова М. Н., Соколова З. П. *Ildiko Lehtinen*. Naisten Korut. Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki, 1979, 209 с. 1983, 6, с. 153—155.
- Морозова М. Н.—см. Гурвич И. С., Морозова М. Н., Соколова З. П.
- Мохов Н. А. М. Н. *Губогло*. Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Под ред. Ю. В. Арутюняна. Кишинев: Штиинца, 1979, 160 с. 1982, 1, с. 163—165.
- Мурзабулатов М. В. Р. Г. *Кузеев*. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978, 262 с. 1981, 4, с. 181—183.
- Мусаэлян Ж. С. М. Б. *Руденко*. Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания). М.: Наука, 1982, 152 с. 1985, 1, с. 159—161.
- Никольская Т. Н. В. В. *Седов*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982, 325 с., илл. 1984, 2, с. 137—140.
- Носова Г. А. Г. В. *Жирнова*. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980, 149 с. 1981, 3, с. 170—172.
- Окладникова Е. А. М. А. *Давлет*. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980, 271 с. 1982, 5, с. 163—165.
- Остапенко Л. В. *Социальные перемещения и студенчество. (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике)*. Отв. ред. М. Х. Титма. Вильнюс: Мантис, 1982, 280 с. 1983, 5, с. 161—164.
- Паин Э. А. *Сельские поселения Удмуртии в XIX—XX вв.* Ижевск, 1981, 141 с. 1984, 2, с. 145—147.
- Перхавко В. Б. С. I. *Пеняк*. Раннесловянские и даньнорусские населения Закарпаття VI—XIII ст. Київ: Наукова думка, 1980, 179 с. 1983, 4, с. 157—160.
- Померанцева Э. В. *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*. Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашиников, Н. В. Новиков. Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979, 437 с. 1981, 1, с. 173—175.
- Путилов Б. Н.—см. Васильева Е. Е., Путилов Б. Н.
- Ранов В. А.—см. Мамедов Э. Д., Ранов В. А.

- Решетов А. М.—см. Гарданов В. К., Решетов А. М.
Решетов А. М.—см. Лаврентьева Л. С., Решетов А. М.
Савинов Д. Г. В. И. Молодин. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979, 180 с. 1981, 2, с. 180—181.
Савинов Д. Г.—см. Заднепровский Ю. А., Савинов Д. Г.
Свиридов А. А.—см. Галицкий В. Я., Свиридов А. А.
Семенов Ю. И. З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы братрии и рода. М.: Наука, 1983, 325 с. 1983, 6, с. 151—153.
Симченко Ю. Б. В. В. Карлов. Эвенки в XVIII—начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). М.: Изд-во МГУ, 1982, 160 с. 1985, 5, с. 153—155.
Смирнова Я. С. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 110 с. 1985, 1, с. 151—153.
Смирнова Я. С. С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX—начало XX в. М.: Наука, 1979, 172 с. 1981, 3, с. 166—169.
Смирнова Я. С. Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1982, 84 с. 1984, 4, с. 164—166.
Соколова В. К. К. В. Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980, 256 с.; И. А. Федосова. Избранное (составление, вступительная статья и комментарий К. В. Чистова). Подготовка текстов Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981, 303 с. 1982, 5, с. 161—163.
Соколова В. К. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков/Сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. 1984, 1, с. 170—172.
Соколова З. П.—см. Гурвич И. С., Морозова М. Н., Соколова З. П.
Соколова З. П.—см. Кармышева Б. Х., Соколова З. П.
Соколова З. П.—см. Морозова М. Н., Соколова З. П.
Старовойтова Г. В. И. И. Травин. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л., 1979, 116 с. 1981, 2, с. 176—177.
Старовойтова Г. В. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980, 268 с. 1981, 5, с. 184—187.
Степанов Н. Н. Ф. Г. Сафронов. Русские на северо-востоке Азии в XVII—сердине XIX в. М., 1978, 258 с. 1981, 1, с. 171—173.
Стродес Х. П. Л. Х. Феоктистова. Земледелие у эстонцев. XVIII—начало XX в. Система и техника. М.: Наука, 1980, 191 с. 1981, 4, с. 185—187.
Сусоколов А. А. В. О. Рукавишников. Население города. (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980, 246 с. 1982, 5, с. 150—152.
Томилов Н. А. Этногенез народов Севера (Отв. ред. И. С. Гурвич). М.: Наука, 1980, 278 с. 1982, 4, с. 163—166,
Томилов Н. А.—см. Кухлен В. М., Томилов Н. А.
Тульцева Л. А. Н. К. Гаврилюк. Топографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обители украинцев). Киев: Наукова думка, 1981, 279 с. 1982, 5, с. 155—157.
Холмогоров А. И. Л. М. Дробин. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981, 263 с. 1982, 4, с. 161—163.
Христюкова Л. С. С. С. Куря. Семейная обрядность гагаузов в XIX—начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1981, 138 с. 1982, 5, с. 157—159.
Цулая Г. В. В. Е. Кварчия. Животноводческая (пастушеская) лексика в хазском языке. Сухуми: Алашара, 1981, 136 с. 1983, 5, с. 165—167.
Чеснов Я. В. В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа XIX—XX вв. М.: Наука, 1982, 196 илл., картосхемы. 1984, 1, с. 167—170.
Чеснов Я. В. Е. М. Малия, Л. Х. Аким. Одежда и жилище абхазов. Материалы для историко-этнографического атласа Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 212 с. 1984, 5, с. 166—168.
Чижикова Л. Н. Т. В. Космина. Силы и жито Поділля, Кінець XIX—XX вв. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Наукова думка, 1980, 190 с. 1981, с. 156—158.
Чистов Ю. К. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Музея антропологии и этнографии СССР, т. XXXVI. Л.: Наука, 1980, 22 с. 1983, 3, с. 165—168.
Шаньгина Б. И.—см. Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П.
Шаскольский И. П.—см. Бернштам Т. А., Шаньгина Б. И., Шаскольский И. П.
Шлыгина Н. В. А. Viures. Talurahva veovahendid. Baltimaade rahvapärase põllumajanduslike tegevite ajalugu. Tallinn: Valgus, 1980, 272 lk+55 joon. 1982, 1, с. 168—172.
Юхнева Н. В. Л. Н. Семенова. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982. 1985, 1, с. 150—151.

Народы Зарубежной Европы

- Бараг Л. Г. Українські народні казки Східної Словаччини. Т. 6, 7, Упорядкування, післямова та примітки Михайла Гиряка. Пряшев. Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1978—1979. 1982, 1, с. 172—174.
Бессмертный Ю. Л. G. Duby. Le chivalier, la femme et le pretre. Le mariage dans la France féodale. Paris: Hachette, 1981, 318 p. 1983, 2, с. 161—164.
Богина Ш. А., Михайлова Т. А. Новое исследование об этнических процессах в Западной Европе. Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы/Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1981, 184 с. 1983, 4, с. 160—166.
Велецкая Н. Н. Д. Антониевич, Обре-

- ди и обичаји балканских сточара. Београд: Српска Акад. наука и уметности, 1982, 194 с. XXII табл. с илл. 1985, 5, с. 155—156.
- Вийрес А., Шлыгина Н. В. *I. Talve. Suomen kansankulttuuri. Historiallisia päälinjoja. Suomen Kirjallisuuden Seura Helsinki*, 2 painos, Mikkeli, 1980, 403 s. 1984, 2, с. 155—157.
- Гольберг М. Я. А. С. *Мыльников. Культура чешского Возрождения. Л.: Наука*, 1982, 175 с. 1985, 4, с. 156—159.
- Горина Л. В. *Етнография на България, т. I. Увод в етнографската наука и социалнонормативна култура. София: Изд-во на Българската академия на науките*, 1980, 375 с. 1982, 3, с. 170—173.
- Гусев В. Е. *Julian Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne. T. I. Z teorii i dziejów folkloru. Kraków. 1980, 447 S.; t. II. W Kręgu pieśni. W krainie bajki. Kraków, 1980, 399 s.; t. III. Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysiówioznawstwa. Kraków, 1980, 448 s. (Ю. Ковжановский. Фольклористические очерки, т. I—III). 1983, 4, с. 166—169.*
- Закс В. А. R. *Bircher. Ursprünge der Tatkraft. Beiträge zur Ernährungsgeschichte der Schweiz. Erlenbach—Zürich: Deukalion—Verlag, s. a. 105 S. 1985, 3, с. 157—159.*
- Козлов В. И., Соколов Б. В. *Н. А. Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М.: Наука, 1982, 319 с. 1984, 4, с. 166—171.*
- Мануш Лекса. Новое исследование проблем аккультурации цыган-иммигрантов в Швеции. С. А. *Marta. Group of Lovara Cypsies Settle down in Sweden. An Analysis of their Acculturation. Stockholm: IMPO-gruppen, 1979, 128 p.; idem. The Acculturation of the Lovara. Stockholm: IMPO-gruppen, 1979, 31 p. 1982, 2, с. 155—158.*
- Маркова Л. В. Г. *Георгиев. Българските партизани. Историко-етнографски очерк. София: Партиздат, 1984, 223 с. 1985, 3, с. 161—165.*
- Маркова Л. В. Е. *Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1979, 207 с. 1981, 3, с. 175—178.*
- Мельд М. Я. Б. Н. *Пугилов. Героический эпос черногорцев. Л.: Наука, 1982, 239 с. 1983, 6, с. 156—157.*
- Михайлова Т. А.—см. Богина Ш. А., Михайлова Т. А.
- Руденский Н. Е. *Nations without a State. Ethnic Minorities in Western Europe/Ed. Ch. R. Foster. N. Y., 1980, IX+215 p. I. 1983, 5, с. 169—171.*
- Соколов Б. В.—см. Козлов В. И., Соколов Б. В.
- Устинова М. Я. Ю. В. *Бромлей, М. С. Кашуба. Брак и семья у народов Югославии. М.: Наука, 1982, 239 с. 1985, 6, с. 162—165.*
- Филимонова Т. Д. *Bauer und Landarbeiter im Kapitalismus in der Magdeburger Börde. Berlin: Akademie-Verlag, 1982, 438 S., 55 Abb. 1984, 2, s. 153—155.*
- Фролец В. J. *Podolák. Tradičné ovčiarstvo na Slovensku. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1982,*
- 232 S. Ruské a německé resumé. 1985, 3, с. 159—161.
- Шлыгина Н. В. *Bo Lönnquist. Suomen guotsalaiset. Kansatieteellinen tutkimus kieliryhmästä. Jyväskylä, 1981, 174 S. 1984, 6, с. 163—166.*
- Шлыгина Н. В.—см. Вийрес А., Шлыгина Н. В.
- ### Народы Зарубежной Азии
- Грачева Г. Н. Е. В. *Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1980, 274 с. с илл. 1983, 2, с. 165—168.*
- Гусева Н. Р. Е. С. *Юрлова. Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М.: Наука, 1982, 184 с. 1984, 4, с. 171—172.*
- Гусева Н. Р. С. А. *Маретина. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980, 259 с. 1982, 2, с. 158—160.*
- Джарылгасинова Р. Ш. М. В. *Крюков, В. В. Малайин, М. В. Софронов. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979, 326 с. 1981, 1, с. 176—179.*
- Евсюков В. В. *Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна/Составление и коммент. Л. Концевича, вступит. статья Б. Рифтина. М.: Худож. лит., 1980, 286 с. 1983, 4, с. 169—172.*
- Заседателева Л. Б. Г. А. *Шпажников. Религии стран Юго-Восточной Азии. Справочник. М.: Наука, 1980, 247 с. с карт. 1982, 4, с. 167—169.*
- Иванова Е. В. *Искусство Бирмы. Автор-составитель Н. И. Ожегова. (Серия «Искусство стран и народов мира»). М., 1979, 190 с. 1981, 2, с. 182—184.*
- Иванова Е. В. *Страны и народы Востока. Вып. XX. (Страны и народы бассейна Тихого Океана), кн. 4. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1979, 272 с. 1981, 5, с. 188—189.*
- Кочешков Н. В. Н. Г. *Краснодембская. От Львиного острова до Обители снегов. (Рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М.: Наука, 1983, 108 с. 1985, 4, с. 161—162.*
- Литвинский Б. А., Чвырь Л. А. *A. Janala. Schmuck in Afganistan. Photos R. Braunmüller. Graz, 1981, 2125 S. Tafeln, Bibliographie. 1984, 2, с. 157—159.*
- Макаренко В. А. *Andrew B. Gonzalez, FSC. Language and Nationalism. The Philippine Experience Thus Far. Quezon City, Metro-Manila, Ateneo de Manila University Press, 1980, XI, 179 p. 1982, 5, с. 165—168.*
- Невелева С. Л. Н. Г. *Краснодембская. Традиционное мировоззрение сингалов. М.: Наука, 1982, 213 с. 1985, 1, с. 161—163.*
- Пиотровский М. Б. М. А. *Родионов. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1982, 135 с. 1985, 4, с. 159—161.*
- Чвырь Л. А.—см. Литвинский Б. А., Чвырь Л. А.

Баглай В. Е. *Ch. Duverger. La fleur létalé: économie du sacrifice aztèque*, Paris, 1979, 256 p., ill., bibl. 1983, 1, с. 164—166.

Березкин Ю. Е. А. *D. Tushingham, U. M. Franklin, Chr. Toogood et al. Studies in cooperation with K. C. Day, C. Jack and E. M. Mutterer. Studies in Ancient Peruvian Metalworking*. Toronto, 1979, 103 p., 97 pl., 1981, 3, с. 179—182.

Дзенискевич Г. И. *James W. Van Stone. Ingalik contact Ecology: an Ethnohistory of the Lower-Middle Yukon, 1790—1935. «Fieldiana Anthropology»*, v. 71, Chicago, 1979, 273 p., 1981, 2, с. 185—187.

Дрицко А. Д., Нитобург Э. Л. *Куббинская этнография. Статьи и материалы*. /Отв. ред. В. В. Пименов. М.: Наука, 1983, 120 с. 1985, 4, с. 165—167.

Куббель Л. Е. *Этнические процессы в странах Южной Америки*. Ред. И. Ф. Хорошаева, Э. Л. Нитобург. М.: Наука, 1981, 533 с. 1984, 2, с. 159—162.

Лукин Б. В. Новые публикации работ К. Т. Хлебникова. *Colonial Russian America. Kyrill T. Khlebnikov's Reports. 1817—1823/B. Dmytryshyn. E. A. P. Grownhart-Vaughan eds*. Portland: Oregon Historical Society, 1976, 158 p.; Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова/Сост. Р. Г. Ляпунова, С. Г. Федорова. Л.: Наука, 1979, 280 с. 1982, 2, с. 163—165.

Ляпунова Р. Г. *W. S. Laughlin. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge*. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1980, 151 p., 1983, 3, с. 168—172.

Нитобург Э. Л. — см. Дрицко А. Д., Нитобург Э. Л.

Пименов В. В., Стельмах В. Г. *Этнические процессы в странах Карибского моря*. М.: Наука, 1982, 309 с. 1984, 2, с. 162—163.

Стельмах В. Г. *I. Carlson. Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming*. Westport—London, 1981, XII+211 p. 1984, 6, с. 166—168.

Стельмах В. Г. *Steve Talbot. Roots of Oppression: the American Indian question*. N. Y.: International Publishers, 1981, X+215 p., 1983, 1, с. 161—164.

Стельмах В. Г. — см. Пименов В. В., Стельмах В. Г.

Файнберг Л. А. *H. Schindler. Die Reitersämme des Gran Chaco (Völkerkundliche Abhandlungen. Bd. VIII)*. Dietrich Reimer Verlag. B., 1983, XV+242 B. *T. Hartmann. Bibliografia Critica d'Etnologia Brasileira, V. III (Völkerkundliche Abhandlungen. Bd. IX)*. B., 1984, 723 S.; 1985, 5, с. 158—160.

Файнберг Л. А. *P. Henley. The Panare. Tradition and Change on the Amazonian Frontier*. New Haven—London: Yale University Press, 1982, 263 p. 1985, 1, с. 163—166.

Фурсова Л. Н. *Бен Суанкей*. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване. Пер. с англ. и послесловие В. А. Тишкова. М.: Прогресс, 1980, 140 с. 1982, 2, с. 160—163.

Членов М. А. *In Honour of Eyak. The*

Art of Anna Nelson Harry/Ed. Michael E. Fairbanks: University of Alaska, 1982, 157 p., ill. 1985, 1, с. 166—167.

Народы Африки

Бромлей Ю. В., Куббель Л. Е. *Ан. А. Громыко. Маски и скульптура Тропической Африки*. М.: Искусство, 1964, 350 с. 1985, 4, с. 162—164.

Козлов С. Я. *Г. С. Киселев. Этнические очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия)*. М.: Наука, 1981, 223 с. 1983, 2, с. 171.

Куббель Л. Е. — см. Бромлей Ю. В., Куббель Л. Е.

Платонов В. М. *С. Б. Чернецов. Эфиопская феодальная монархия в XVI вв.*/Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука, 1982, 308 с. 1984, 5, с. 170—171.

Семенов Ю. И. *Э. С. Годинер. Возникновение и эволюция государства в Ганде*. М.: Наука, 1982, 152 с. 1984, 2, с. 163—167.

Народы Океании

Альбедиль М. Ф., Путилов Б. Н. *Мифы, предания и легенды островов Пасхи*. Перевод с рапануйского и западно-европейских языков. Составление, перевод, предисловие и примечания И. Федоровой. Отв. ред. Ю. В. Кнороз. М.: Наука, 1978, 382 с. 1982, 4, с. 167—171.

Кабо В. Р. *Б. Н. Путилов. Песни Южных морей*. М.: Наука, 1978, 193 с. 1982, 2, с. 168—172. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980, 383 с.; его же. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1980, 213 с.; *Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая*/Сост., коммент. и послесловие Б. Н. Путилова. М.: Молодая гвардия, 1982, 336 с.; *B. N. Putilov. Nicolai Miklouho-Maclay*. M. Progress, 1982, 1984, 2, с. 167—170.

Путилов Б. Н. — см. Альбедиль М. Ф., Путилов Б. Н.

Токарев С. А. *П. И. Пучков. Этническая ситуация в Океании*. М.: Наука, 1983, 252 с. 1984, 2, с. 171—172.

Тумаркин Д. Д. *Colin Newbury. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945*. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1980, 396 p. 1982, 2, с. 165—167.

Тумаркин Д. Д. *J. Siikala. Cult and Conflict in Tropical Polynesia. A Study of Traditional Religion, Christianity and Nativistic Movements*. Helsinki, 1980, 308 p. 1985, 1, с. 168—170.

Письма в редакцию

Афанасьев Г. Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культур (ответ А. Х. Халикову), 1985, 5, с. 164—169.

Халиков А. Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII — начале X в. 1985, 5, с. 161—164.

- ersonalia
- Алексей Павлович Окладников [Подписано:] Алексеев В. П., Гурвич И. С. 1982, 2, с. 168—172.
- Вадим Вячеславович Покшишевский. 1985, 3, с. 166—173.
- Валентин Иванович Кочнев. 1983, 1, с. 167—168.
- Вольфганг Кёниг (1925—1980). 1981, 1, с. 186—187.
- Дориан Андреевич Сергеев. 1985, 1, с. 170—173.
- Кустаа Геден Вилкуна (1902—1980). 1981, 3, с. 183—187.
- Леонид Иванович Лавров [Подписано:] Гарданов В. К. 1983, 1, с. 169—172.
- Людмила Николаевна Терентьева (1910—1982). 1982, 5, с. 169—172.
- Михаил Кириллович Гегешидзе [Подписано:] Читая Г. С., Брагадзе Н. А. 1983, 6, с. 163—166.
- Ольга Александровна Сухарева [Подписано:] Жданко Т. А., Кармышева Б. Х. 1983, 6, с. 158—162.
- Памяти Сергея Александровича Токарева [Подписано:] Алексеев В. П. 1985, 4, с. 168—172.
- Эрна Васильевна Померанцева (1899—1980). 1981, 1, с. 180—185.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1976—1980 гг. 1981, 6, с. 159—183.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1981 году. 1981, 6, с. 184—189.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1982 году. 1982, 6, с. 168—172.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1983 году. 1983, 6, с. 167—172.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1984 году. 1984, 6, с. 169—173.
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1985 году. 1985, 6, с. 166—172.

SUMMARIES

Ethnology and Mutual Inter-National Understanding

The author remarks that one of the indispensable conditions of mutual understanding between different peoples is their familiarity with each others' cultural characteristics. Ignorance in this respect inevitably leads to prejudice, and this hinders mutual understanding. Since the main object of ethnology (or cultural/social anthropology, its approximate equivalent in English-speaking countries) is the study of the distinctive cultural traits of the various peoples comprising the human race and, at the same time, their basic unity, this discipline can make its major contribution to mutual inter-ethnic understanding by collecting and disseminating full and objective information on the culture and way of life of ethnic communities. This is what lends ethnology its peculiar significance in solving that most urgent problem of modern times, the struggle for peace. The struggle waged by progressive ethnology for the general acknowledgement of equal rights for all ethnic communities and, closely linked with this, for all human races, has played and continues to play an important role in promoting mutual understanding between peoples.

Yu. V. Bromley

From the History of the Struggle for the Social and Spiritual Emancipation of Women in Middle Asia: Celebration of the International Women's Day in 1920—1927

The article describes the introduction of the International Women's Day (8th of March) in Middle Asia (Soviet Central Asia) and its celebration in the early Soviet years. This became the day of struggle for women's rights, for putting an end to their seclusion, for drawing women into common productive work. By the early 30ies women of the East were vigorously working in socialist industry and collective farming, and taking an active part in administrative functions.

L. A. Tultseva

Inter-ethnic relations in multi-national Vietnam exert a considerable influence on the rhythm of economic, social, and cultural development and its distinctive features. Hence ethnic-national (and that includes national-linguistic) aspects of contemporary social processes are given ample consideration in the course of socialist construction. The linguistic evolution of the nationalities of the Socialist Republic of Vietnam takes place on a double basis: through the expanding social functions of the native languages of the non-Viet peoples and, at the same time, through their wider use of the Viet language, the rise of native-Viet bilingualism.

The greatest incentive towards the adoption of the Viet language by non-Viet nationalities, besides their natural need to master it as the functioning language of international communication, is their comprehension of its role in promoting their social and professional growth and spiritual development.

The article is based on materials of ethnosociological research carried out in 1983 by the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in collaboration with the Vietnam Institute of Ethnography of the Committee of Social Sciences and the northern non-Viet peoples (Tai, Muong, Nung, Thai, etc.). The author examines the major factors influencing the diffusion of the Viet language.

A comparison of the factors governing the rise of native-Viet bilingualism in various age-groups of the non-Viet population has made it possible to uncover a transition from the traditional (communicative) to the modern (educational) route towards adoption of the Viet language and to stress the leading role of the schools in this process.

M. N. Gub

The Australian Aborigines: a New Stage in the Struggle for Their Land Rights

The article deals with recent events in the development of the national liberation movement of Australia's aboriginal inhabitants, particularly with their struggle for acquiring legal rights over their ancient tribal lands. The essential points of the Aboriginal laws passed in the last few years in New South Wales and Queensland are expounded. Problems arising in connection with mining activities on the lands that have passed from the aborigines' possession in the Northern Territory are touched upon.

In their preliminary remarks the authors summarize and supplement the information given in previous Soviet publications on the subject, particularly as to the essential features of the 1977 Aboriginal Land Rights Act in Northern Territory, the present-day ethnic and linguistic processes in Aboriginal society, and their social and economic situation.

O. Yu. Artiomova, F. Ra

To the Problem of Rank in the Traditional Societies of Polynesia (the Case of Tonga)

On the basis of material from Tonga the author introduces certain emendations in the conception of the traditional Polynesian social structure prevalent in Soviet ethnographical literature: she depicts it as a multilevel hierarchy not confined to a division merely by class or estate: besides this there is also a hierarchy by titles, a hierarchy of kin classes, a hierarchy by position in the genealogical tree. An attempt is made to show that the «senior — junior» opposition differs at different levels and depends upon different scales of comparison; among other things it is proposed to distinguish the absolute and the relative type of scale. Since in any case a universal basis for constructing such scales is offered by relations of consanguinity, the author proposes to regard this as a specific characteristic of social hierarchy at this particular stage of social development. The terms «rank» and «rank principle» are introduced for designating the specificity in question.

I. Zh. Kozhanovska

**Some Problems of Ethnographic Field Investigation
of Modern Life (a Reply to the Participants
in the Discussion)**

The ethnographic study of modern life to whatever depth in time presupposes a consistently historical approach. In field investigations it is expedient to start with a body of co-workers as the unit of study; this ensures the collection of material that is differentiated according to many parameters; its interest lies in familiarizing the student with one of the most important modern contact population groups which has its own traditions and a public opinion of its own to protect them. Owing to the complexity and diversity of ethnocultural phenomena it becomes necessary to implement a whole complex set of investigative methods among which traditional ethnographic methods have top priority. Success is largely determined by the personal qualifications of the field ethnographer, his professional and ethical qualities.

M. N. Shmeliova

**More on Field Studies of Traditional Culture
(Reply to the Participants of the Discussion)**

The author notes that most of the participants in the discussion support his view on the importance of a more complete field investigation of those components of the Soviet peoples' traditional cultures that have not as yet been sufficiently studied; this applies especially to the older strata of traditions formed under pre-capitalist social structures and now fast disappearing from everyday life. Certain theses put forward by G. V. Starovoytova and V. I. Kozlov are critically evaluated by the author who adduces materials of ethnography and related sciences and examines them in the light of general methodological problems in epistemology and in cultural history (including the history of material culture).

S. I. Vainshtein

Editorial Comment

The editors remark upon the interrelation of the two most important tasks faced by modern field investigators: the reconstruction of the archaic traditional culture and the study of present-day processes. In actual field work they become merged into the single task of recording the system of present-day culture and everyday life within which components of old-time origin co-exist with recent phenomena that are only just becoming widespread.

Under conditions of intensive urbanization and the revolution in science and technology, the forms and complexes of both archaic and modern culture are undergoing rapid changes. Since it is impossible to record this process in its totality, an optimal strategy of co-ordinated field work by all ethnographical organizations should be elaborated. For this purpose a series of regional conferences should be held, general and special programmes, questionnaires, and instructions should be developed. No less important is the systematic compilation of catalogues and files covering the multifarious repositories of field materials; this would ensure their intensive use.

Yu. V. Bromley (Moscow). Ethnology and Mutual Inter-National Understanding. *L. A. Tultseva* (Moscow). From the History of the Struggle for the Social and Spiritual Emancipation of Women in Middle Asia: Celebration of the International Women's Day in 1920—1927. *M. N. Guboglo* (Moscow). Bilingualism among Ethnic Minorities in Vietnam: Factors Influencing Its Prevalence. *O. Yu. Artiomova* (Moscow), *F. I. (Berlin)*. The Australian Aborigines: a New Stage in the Struggle for Their Land Rights. *I. Zh. Kozhanovskaya* (Moscow). To the Problem of Rank in the Traditional Societies of Polynesia (the Case of Tonga).

Discussions

Problems of Field Studies (Conclusion of the Discussion). *M. N. Shmeliova* (Moscow). Some Problems of Ethnographic Field Investigation of Modern Life (a Reply to the Participants in the Discussion). *S. I. Vainshtein* (Moscow). More on Field Studies of Traditional Culture (Reply to the Participants of the Discussion). Editorial Comments.

From the History of Ethnography

B. P. Polevoy (Leningrad). The Discovery of the Complete Text of P. N. Nazimov's Memoir on N. N. Miklouho-Maclay.

Communications

A. N. Zhilina (Moscow). Drawing upon Popular Building Traditions in Present-Day Rural Construction in Uzbekistan. *A. A. Turilov*, *A. V. Tchernetsov* (Moscow). Written Sources in the Study of East Slavic Popular Beliefs and Rituals. *A. V. Gridnev* (Barnaul). On the Ethnonym «Kolosh». *V. S. Agajanian* (Moscow). Ethnocultural Processes in an Angolan Town.

Searchings, Facts, Hypotheses

M. G. Rabinovich (Moscow). The Mediaeval Russian City in the *Bylinas*.

Our Anniversaries

List of Major Works by Nikolay Sergeyevich Rozov, Candidate of Biological Sciences, to His 90th Birthday.

Academic Life

V. S. Zelenchuk (Kishinev). Ethnography and Folklore at the 5th International Congress for the Study of Countries of South-Eastern Europe. *N. N. Kulakova* (Moscow). Session of the International Commission on the Study of Peace of the International Commission on the Study of Peace of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. *K. V. Čistov* (Leningrad). «Baltic Folklore and Folk Culture», Conference. *V. Frolec* (Brno). The IXth Stražnice Symposium. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *A. L. Toporkov* (Leningrad). Ethnolinguistic Research in Slavic Studies During the Last Decade. General Ethnography. *I. A. Kryveliov* (Moscow). I. R. Grigulievich. Prophets of a «New Truth». People of the USSR. *L. B. Zasedateleva* (Moscow). Ye. N. Danilova. The Abazinians: A Historical-Ethnographical Study of Their Economy and Community Organisation in the 19th Century. *E. Kh. Petrosian*, *Zh. C. Khachatrian* (Yerevan). M. Ya. Zhornitskaya. Popular Choreographic Art of the Aboriginal Population of North-West Siberia. *M. Yu. Roschak* (Moscow). I. B. Moldobayev. The «Zhanysh and Bayish» Epic as a Historical-Ethnographic Source.

Index of Articles and Materials Published in the «Sovetskaya Etnografia» in 1981–1985.

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 11.11.85	Подписано к печати 24.12.85	Т-23319	Формат бумаги 70×100/16
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 45,7 тыс.	Уч.-изд. л. 19,2
	Тираж 2916 экз.	Зак. 4660	Бум. л. 5

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6